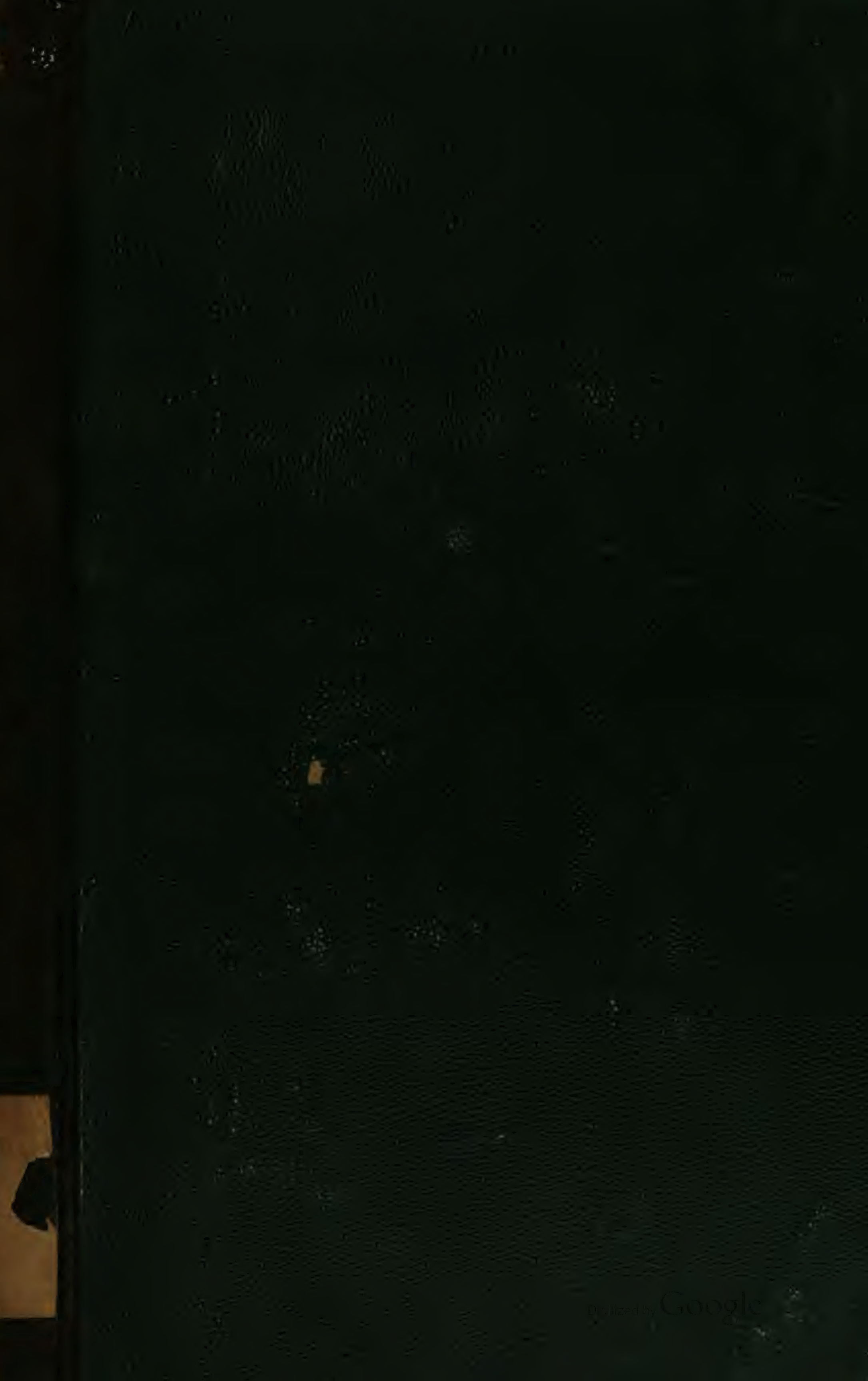
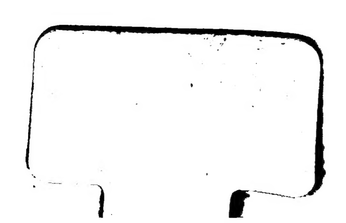
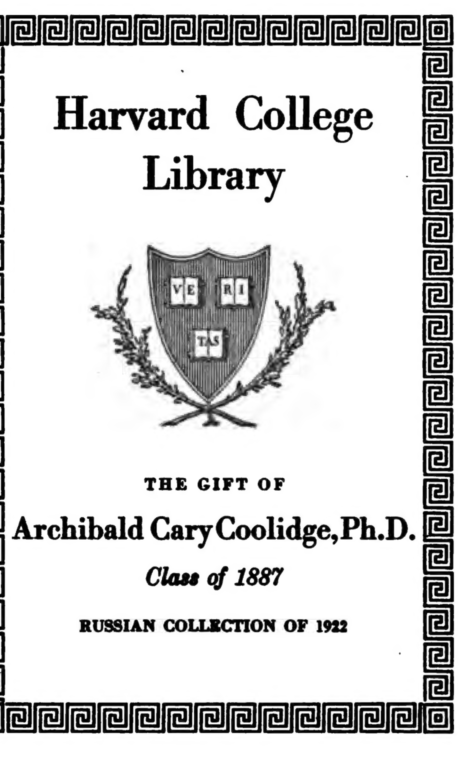

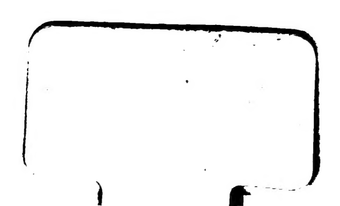

Harvard College
Library
VE RI TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
RUSSIAN COLLECTION OF 1922

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА.

1859.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Декабря 1 дня 1858 года.

Цензоръ *Архимандритъ Фотій.*

СЛОВО

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Вотъ и еще прошелъ одинъ годъ, — и на чреду преходящихъ лѣтъ вступаетъ новое лѣто, чтобъ прейти подобно всѣмъ другимъ. Непрестанно прилагается день ко дню, мѣсяцъ къ мѣсяцу, годъ къ году, — и умноженіе времени сокращаетъ время. Непрерывно и быстро течетъ рѣка времени и спѣшитъ къ чертѣ, за которою не будетъ болѣе времени. Но и мы не на берегу сей рѣки стоимъ, чтобъ быть сторонними только зрителями ея теченія. Нѣтъ; но по ней, или вмѣстѣ съ нею и въ ней влечемся и сами тѣмъ же путемъ временныхъ измѣненій къ своему концу. Потому помышленіе о времени не чуждо намъ; оно касается весьма существенной черты въ нашей жизни временной; — и если во всякое время можетъ занимать насъ, то тѣмъ неизбѣжнѣе должно занять нынѣ, когда за тѣмъ и собираемся въ храмы, чтобъ молить Господа Вседержителя объ освященіи и благословеніи новаго лѣта.

Живя во времени, мы многое знаемъ о времени: знаемъ, что время скоротечно, что имъ надобно дорожить, что утраченнаго времени воротить уже нельзя, что срокъ даннаго намъ времени коротокъ, а то, что

должно быть совершено въ продолженіи его, имѣетъ вѣчную цѣну,—что время только на время и со временемъ должно уступить мѣсто свое вѣчности. Но что есть само временное? Какъ бываетъ то, что бываетъ во времени? — Непрестанныя измѣненія предъ глазами нашими, и изъ устъ нашихъ постоянно слышится: нынѣ, вчера, завтра; но какъ стоитъ то, что есть нынѣ, или сей часъ? Куда дѣвалось то, что было вчера, или за часъ? Откуда придетъ то, что будетъ завтра или чрезъ часъ?

Не подумайте, бл. сл., что духъ праздной пытливости возбуждаетъ такіе вопросы. Нѣтъ. Они приводятъ насъ къ весьма важнымъ истинамъ — такимъ истинамъ, кои должны руководить насъ въ употребленіи даннаго намъ времени и управлять всею нашею жизнію. Потому положивъ въ нынѣшней бесѣдѣ съ вами кратко отвѣтить на эти вопросы, я не думаю уклониться отъ цѣли бесѣдъ, предлагаемыхъ съ сего священнаго мѣста. Итакъ —

1) Какъ стоитъ то, что есть нынѣ, или сей часъ? Мы обыкли расширять свое бытіе, равно какъ бытіе всего міра по пространству времени: видимъ себя и всѣ другія вещи далеко въ прошедшемъ, и простираемъ взоръ далеко въ будущее. Между тѣмъ дѣйствительное наше существованіе — одно мгновеніе, какъ одна тонкая полоса свѣта среди густаго мрака ночи. И подъ нами нѣтъ утвержденія. А между тѣмъ мы стоимъ, какъ и весь міръ; являемъ нѣкое постоянство, нѣкую твердость. Кто же держитъ насъ въ этой безднѣ ничтожества? Кто не даетъ окружающему насъ ничтожеству поглотить насъ? Кто, отъемля дѣйствительность у прошедшаго, сохраняетъ бытіе для настоящаго и,

внося въ будущее, котораго нѣтъ, вноситъ существующимъ?

Отвѣтъ на это готовъ у всякаго. Тотъ, Кто сотворилъ насъ, въ Комъ источникъ всякаго бытія, кто все содержитъ и живитъ. Такъ, бр., вѣруемъ, что ничему и одной минуты нельзя быть безъ дѣйствія въ немъ всемогущей силы Божіей; но не забудемъ прибавлять къ сему, что нельзя быть—не этому только большому міру, но поименно каждой вещи, поименно каждому изъ насъ. Произнося слово — Вседержитель, иные обыкли думать, что Онъ держитъ только міръ, а мы держимся уже міромъ. Нѣтъ,—міръ не поможетъ намъ: онъ самъ не имѣетъ въ себѣ твердости, самъ весь, какъ капля отъ кади, или стражикъ на превѣсѣхъ. Напрасно думаютъ высоко о мірѣ и его законахъ, о природѣ и ея силахъ, какъ будто въ нихъ есть что неприкосновенное, непререкаемое, нерушимое,—и подъ видомъ науки изобрѣтаютъ себѣ идолопоклонство, которое гибельнѣе миѳологическаго идолопоклонства древнихъ Грековъ. Нѣтъ, бр.,—не законами и силами природы держится жизнь каждаго изъ насъ, а силою Божіею, дѣйствующею въ насъ. Господь, носящій всяческая глаголомъ силы своея, глаголомъ же силы своея носитъ и каждаго изъ насъ.

Утвердимъ же сію мысль въ умѣ и напечатлѣемъ ее въ сердцѣ. Надъ бездною ничтожества носитъ насъ вседѣйственная сила Божія,—и мы живемъ, движемся и есмы. Отыметъ духъ свой, отдалитъ руку свою,—и мы исчезнемъ и не помянемся ктому въ живыхъ. Но если держитъ насъ Господь, то и прикасается къ намъ. Не мысленно только зритъ насъ; нѣтъ,—прикасается къ намъ, какъ рука къ рукѣ, или воздухъ къ

тѣлу. Утѣшительно и пристрашно. Утѣшительно осязать, яко недалече коегождо насъ суща, всеблагаго Отца и Промыслителя,—всегда готоваго Внимателя нашихъ прошеній и молитвъ, хотящаго и могущаго помощи. Пристрашно ощутить такую близость Чистаго—нечистому, Благаго — злобному, Щедраго — скупому, Кроткаго—гордому, Судіи—грѣшнику. Не потому ли всячески и убѣгаютъ памятованія о Богѣ, и Его къ намъ близости, что мысль о Его близости несовмѣстна съ нечистотою сердца? Но она есть,—и лукавое забвеніе наше не устранитъ дѣйствительности. Да, Богъ нашъ есть огнь, поядаяй все нечистое и грѣховное. И всегда близъ есть, — и убѣжать отъ Него некуда. Это грызеніе совѣсти, которая мучитъ насъ за грѣхъ, есть прикосновеніе всесвятаго Бога къ намъ, есть слово Его: перестань, покайся. И некуда укрыться, чтобъ не слышать сего гласа. Убѣжище одно—покаяніе. И не будетъ мира, пока небудетъ покаянія. Итакъ, Богъ держащій насъ прикасается къ намъ: — или будь чистъ, или кайся. Вотъ урокъ отъ настоящаго!

2) Обращаясь къ прошедшему, спрашиваемъ: куда дѣвалось наше прошедшее? Гдѣ то, что было за годъ, за день, за часъ? Кажется поглощено ничтожествомъ. Что было, того нѣтъ уже: нѣтъ нашихъ дѣлъ и словъ, нѣтъ скорбей и радостей, нѣтъ ничего, что было въ душѣ нашей и въ нашемъ сердцѣ. И насъ самихъ нѣтъ тамъ. Кажется,—такъ. И какъ бы порадовался иной, еслибъ многое изъ того, что было чувствуемо, любимо, замышляемо и приведено въ исполненіе, исчезло навсегда, и никогда не помянулось! Но нѣтъ, — ничто не исчезаетъ, ничто не обращается въ ничто —

ни мысль, ни слово, ни желаніе, на дѣло, подобно тому, какъ цѣлы соки, частичка за частичкою образующіе дерево. Пусть иное забыто, ускользнуло изъ памяти, но оно все-же есть, цѣло, не пропало, хранится. Жизнь наша походитъ на клубокъ нитей. Нити слой за слоемъ наматываются и образуютъ клубокъ: видѣнъ только верхній слой, но и прочія всѣ цѣлы, только прикрыты. Такъ и въ насъ: дѣла прилагаются къ дѣламъ, мысли къ мыслямъ, чувства къ чувствамъ, и образуютъ насъ самихъ, нашу душу въ томъ видѣ, какъ она теперь есть. Памятны только недавнія дѣла, и тѣ, коихъ прикрыть уже нельзя, но и всѣ прочія дѣла не исчезли, а есть— только сокрылись внутрь сердца и совѣсти. Размотайте клубокъ и увидите всѣ нити,—и въ томъ видѣ, какъ онѣ были намотаны. Такъ будетъ время, когда все, сокрытое внутрь насъ, раскроется, выйдетъ наружу, и будетъ явно и намъ и всѣмъ. Вы знаете, какое это время! Какъ отрадно будетъ тѣмъ, у коихъ не заложено въ себя ничего, кромѣ дѣлъ чистыхъ и богоугодныхъ. Они возрадуются, какъ радуется обрѣтшій сокровище сокрытое на селѣ своемъ, — или какъ радуется богатый, когда предъ всѣми разлагаетъ дорогія вещи, кои дотолѣ скрывались въ его сокровищницахъ. Но другой и смотрѣть бы не хотѣлъ на многое изъ того, что тогда раскроется изъ него самаго, не хотѣлъ бы смотрѣть, но будетъ смотрѣть и терзаться,— будутъ видѣть то и другіе — Богъ, Ангелы, Святые, и увеличатъ его терзаніе и муку. Хотѣлъ бы отвратить очи свои отъ себя, и не отвратитъ; хотѣлъ бы убѣжать и скрыться, но куда убѣжишь, и гдѣ скрыться отъ себя? Будетъ вопіять: горы падите на меня и по-

кройте меня отъ лица Сѣдящаго на престолѣ; но и горы не падутъ и не покроютъ его!

Что же намъ дѣлать?—Не допускать въ себя ничего нечистаго и грѣховнаго,—положить мѣрило очамъ, устамъ, рукамъ и ногамъ, и тому, что соотвѣтствуетъ имъ въ душѣ, мыслямъ, чувствамъ, и желаніямъ, чтобъ слагающаяся изъ нихъ сокровищница нашего существа, (сердца и совѣсти), всегда была чиста, свѣтла и боголюбезна—въ отраду намъ въ день оный. Ибо, если ни одно дѣйствіе наше не пропадаетъ даромъ,—если всякая мысль, всякое чувство, всякое слово и дѣло, наша мина, взоръ, все до малѣйшаго движенія оставляетъ свой слѣдъ въ насъ, остается въ насъ, и вмѣстѣ съ нами предстанетъ на всеобщій судъ въ оправданіе, или осужденіе наше; то, судите сами, благоразумно ли допускать внутрь себя что-либо такое, что тогда хотѣли бы исторгнуть, но уже будетъ поздно. Кто своими руками вливаетъ ядъ въ жилы свои, или самъ собираетъ себѣ на главу угліе огненное?—Будемъ помнить, что жизнь наша не шутка, и ничѣмъ въ жизни шутить не должно; ибо все въ ней имѣетъ вѣчную цѣну.

Но что сдѣлать съ тѣмъ худомъ, которое уже допущено?—Если по легкомыслію, нерадѣнію, увлеченію и страсти, уже допущено что худое въ жизнь нашу,—заблаговременно позаботимся отвратить ту крайность, въ какую оно поставитъ насъ въ часъ раскрытія всѣхъ дѣлъ нашихъ. Что сдѣлано, то уже сдѣлано, а что худымъ сдѣлано, то худымъ и останется навсегда, и добрымъ того сдѣлать нѣтъ никакой возможности. Есть только средство изгладить худое дѣло, и изгладить такъ, что оно никогда уже не по-

мянется въ числѣ дѣлъ человѣческихъ. Средство это—покаяніе. Оно только изглаждаетъ грѣхи, и не помянутся ктому. Измоемся слезами покаянія, и чисты будемъ, и чистыми предстанемъ на судъ Божій. Такъ ничто изъ преходящаго не гибнетъ, а остается въ насъ навѣки: потому, или не допускай ничего нечистаго, или, если допустилъ уже, попекись изгладить то покаяніемъ.—Вотъ урокъ отъ прошедшаго.

3. Обращаясь наконецъ къ будущему, спрашиваемъ: что будетъ съ нами впереди? Что ожидаетъ насъ въ будущемъ? Вопросъ самый любопытный. Но на это не можетъ отвѣтить намъ ни одинъ сотворенный умъ. Мы можемъ сказать, что будетъ изъ того или другаго сѣмени; но не можемъ сказать, что будетъ съ тѣмъ или другимъ человѣкомъ, хотя и его будущее, какъ изъ сѣмени, раскрывается изъ него же, — изъ того, что онъ есть теперь. Не можемъ сказать; ибо въ устроеніи судьбы его привходитъ съ одной стороны его собственная свобода, которой нельзя подчинить вѣрному разчисленію, съ другой,—дѣйствія Промысла Божія, всесвободнаго и независимаго, хотя всегда правосуднаго и всеблагаго. Отъ того непрестанно почти видимъ непостижимыя для насъ превращенія и въ участи и въ характерахъ людей: хорошій падаетъ, худой возстаетъ; богатый бѣднѣетъ, бѣдный богатѣетъ; славный безславится, безвѣстный возвышается въ славѣ, — и все это путями для насъ безвѣстными, такъ что никто не можетъ разгадать, что готовитъ ему будущее.

Все утѣшеніе и успокоеніе наше въ Богѣ,—въ томъ, что Богъ нашъ есть любовь безконечная, есть нашъ Богъ, и мы чада Его и хочетъ намъ однаго добра; и не только хочетъ, но и все устрояетъ къ тому, чтобы

мы вкусили сего добра, и самыя устроенія свои промыслительныя приводитъ въ исполненіе. Онъ объемлетъ насъ своею попечительностію, ищетъ своими благодѣяніями, преисполняетъ всякимъ добромъ. Мать забудетъ отроча, а Господь не забудетъ насъ. Не довольно ли сей извѣстности? Не ясно ли для ока вѣры, что все, что будетъ съ нами, исходя отъ руки Господни, будетъ во благо намъ. Пусть не знаемъ мы опредѣлительно, что будетъ съ нами впереди, но зная одно, что съ нами будетъ то, что Богу угодно, мы увѣрены, что съ нами будетъ одно добро. И не лучше ли вмѣсто всякаго желанія опредѣлить свое будущее желать одного, чтобъ съ нами было то, чего хочетъ Богъ, и молиться объ одномъ: буди воля твоя, Господи, надъ нами!—Это самый надежный руководительный свѣтъ во мракѣ будущаго, узда для нашихъ неопредѣленныхъ желаній, пустыхъ страховъ и безотрадной безнадежности! Явшійся за сію котву упованія и посреди сѣни смертной не убоится зла, и безъ страха встрѣтитъ всякую скорбь, вѣруя, что она исходитъ отъ любви Божіей къ намъ на очищеніе наше, какъ огненная ступень къ совершенству въ христіанской жизни. Можно сказать, что незаблудно течетъ жизнь преданнаго въ волю Божію. Какъ за руку ведетъ его Господь къ своему предназначенію и успокоиваетъ его своею любовію.

Не потому ли большею частію и постигаютъ насъ скорби, что въ насъ недостаетъ сей преданности, что наперекоръ волѣ Божіей мы вносимъ въ устроеніе своей участи свою волю и беремся сами дѣйствовать, когда слѣдовало бы все предоставить благоустроенію Божію. Упреждаемъ, когда слѣдовало подождать, или

пережидаемъ, когда слѣдовало дѣйствовать, по легкомыслію дѣлаемъ ошибки, и по недобрымъ видамъ избираемъ не тотъ путь жизни. Правда, благости у Бога бездна многа, и Онъ нерѣдко благоволитъ благостынно поправлять наши ошибки; но иногда мы дѣлаемъ такой шагъ, котораго уже и поправить иначе нельзя, какъ съ болѣзненными переломами. Вотъ и скорбь! Но кто виноватъ?

Съ другой стороны чего ради посѣщаютъ насъ скорби? Грѣхъ ради нашихъ. Итакъ, оставимъ грѣхъ,— и не будетъ скорбей и бѣдъ, наказующихъ его. Да, бр., царь Езекія на болѣзненномъ смертномъ одрѣ. Приходитъ Пророкъ и отъ лица Божія объявляетъ ему опредѣленіе смерти. Но Езекія, обратясь къ стѣнѣ, слезно помолился, и Богъ измѣнилъ опредѣленіе свое. Ниневіи пророчено паденіе; но народъ во вретищи и пеплѣ принесъ покаяніе,—и опредѣленіе Божіе отмѣнено. Видите ли силу покаяннаго къ Богу обращенія? Видите ли сію уравнительницу жизненнаго пути нашего, превращающую стропотная въ правая, и острая въ пути гладки? Видите ли сію воду, угашающую огнь гнѣвныхъ судовъ Божіихъ? Потому если приходитъ сомнѣніе,— нѣтъ ли какого грознаго опредѣленія Божія о насъ и нашей участи,—воздохнемъ и припадемъ къ Нему въ покаяніи, и гроза минетъ. Или лучше... какъ мы не знаемъ судовъ Божіихъ, будемъ непрестанно воздыхать, плакать и каяться о грѣхахъ своихъ, и тѣмъ отвратимъ всевозможныя горести. Не думайте, что видимыя причины суть истинныя причины того, что бываетъ съ нами и вокругъ насъ, Нѣтъ. Все управляется невидимыми мановеніями Божіими, — и сіи мановенія всегда находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ движеніями

сердецъ человѣческихъ. Богъ дѣйствуетъ на насъ, судя по тому, какъ мы держимъ себя въ отношеніи къ Нему. Не каемся, наказуетъ... каемся, милуетъ. Здѣсь ключь къ изъясненію переворотовъ и перемѣнъ — не въ одной нашей частной жизни! Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ. Такъ—все будущее въ рукахъ Божіихъ: потому или въ преданности Богу ходи непорочно въ волѣ Его, или спѣши раскаяніемъ отвратить грозное опредѣленіе судовъ Его. Вотъ урокъ отъ будущаго.

Повторимъ же теперь кратко все наставленіе, предлагаемое намъ отъ лица времени!—Въ настоящую минуту Богъ держитъ насъ въ десницѣ своей надъ бездною ничтожества, и прикасается къ намъ силою своею: будемъ же или хранить себя въ чистотѣ, якоже Онъ чистъ есть, или очищать себя покаяніемъ, если уже допущено что нечистое. Ни одно дѣйствіе наше, становясь прошедшимъ, не преходитъ, но остается въ существѣ нашемъ и вмѣстѣ съ нами, въ насъ же самихъ предстанетъ нѣкогда на судъ въ оправданіе или осужденіе наше: позаботимся же—не допускать внутрь себя ничего нечистаго, что въ часъ суда можетъ поставить насъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго уже не выпутаемся,—или если уже допущено что укорное, поспѣшимъ изгладить то покаяніемъ. Будущее наше все въ рукахъ Божіихъ: итакъ, ходя неуклонно въ заповѣдяхъ Его, предадимъ себя всецѣло Его отеческому водительству; въ отвращеніе же наказательныхъ посѣщеній Божіихъ предваримъ лице Его исповѣданіемъ грѣховъ и искреннимъ въ нихъ раскаяніемъ. Такъ отвсюду одинъ урокъ—урокъ чистоты и покаянія. И какого другаго наставленія ожидать можно отъ времени,

когда цѣль самаго времени есть покаяніе? Мы созданы для жизни въ раю. Но согрѣшили и изгнаны на эту землю скорбную. Зачѣмъ?—Чтобъ принести покаяніе. Жизнь наша на землѣ есть эпитимія. А тому, кто несетъ эпитимію, что свойственно?—Сѣтовать, сокрушаться и плакать о грѣхахъ своихъ. Аминь.

О ВЛІЯНІИ

ЖИЗНИ РОДИТЕЛЕЙ НА ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ.

Жизнь родителей имѣетъ весьма важное вліяніе на дѣтей ихъ. Кому не извѣстна эта истина? Кто не знаетъ, что каждое сѣмя приноситъ плодъ по роду своему,—что изъ горькаго источника не текутъ воды сладкія? Но она такъ важна, что нужно, для блага собственнаго и для блага дѣтей, — существъ столь дорогихъ для насъ, чаще углубляться въ нее, и особенно не неблаговременно это въ наше время, когда многіе заняты вопросомъ о воспитаніи,—о томъ, какъ-бы улучшить образованіе юношества, чтобы будущія поколѣнія содѣлать болѣе счастливыми и болѣе достойными высокаго назначенія, указаннаго человѣку Провидѣніемъ.

Надобно сознаться, что самыя мудрыя улучшенія въ дѣлѣ воспитанія, самыя усердныя попеченія о дѣтяхъ, со стороны воспитателей, немного принесутъ пользы будущимъ поколѣніямъ, если не будутъ дѣятельно заботиться объ этомъ сами родители,—если изъ собственной ихъ жизни не будетъ вытекать благотворнаго вліянія на дѣтей ихъ.

Каково дерево, таковъ и плодъ отъ него. Такъ въ природѣ вещественной, такъ и въ человѣчествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не видимъ ли мы часто, что на дѣтяхъ въ большей или меньшей степени отпечатлѣвается образъ ихъ родителей? Но не однѣ только внѣшнія свои черты родители передаютъ дѣтямъ своимъ; они сообщаютъ имъ свою кровь, свои соки и даже не рѣдко, по тѣсному соединенію души съ тѣломъ, свои душевныя расположенія. Кто всю жизнь проводитъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, не знаетъ сытости въ нихъ и чрезъ то нещадно губитъ крѣпость и свѣжесть естественныхъ силъ своихъ и неизбѣжно пріобрѣтаетъ болѣзни, повреждающія все существо его: тотъ, сдѣлавшись отцемъ, можетъ повредить будущій родъ свой въ его корнѣ. Или, иной и безукоризненно проводитъ жизнь внѣшнюю, — онъ степененъ и воздерженъ относительно удовольствій чувственности; но въ душѣ его гнѣздятся внутреннія страсти,—корысть, гнѣвъ, зависть, злость, тщеславіе, честолюбіе, которыя не даютъ ему покоя, безпрестанно волнуютъ кровь его, сушатъ соки и разливаютъ желчь. И отъ такого немало опасности для его поколѣнія. А что сказать о тѣхъ примѣрахъ, когда иная мать, нося плодъ подъ сердцемъ, совершенно забываетъ объ этомъ, — забываетъ, что своимъ невоздержаніемъ, своею неосторожностію, своимъ тщеславіемъ, своею страстію къ суетнымъ требованіямъ міра и моды, она вредитъ не одной своей жизни, но и жизни своего дитяти, еще не наслаждавшагося жизнію? Жалко и тяжело становится на душѣ, когда подумаешь, что неразумныя существа, по одному инстинкту, такъ любятъ дѣтей своихъ, что часто жертвуютъ своей жизнью, для сохраненія ихъ жиз-

ни; а тотъ, кто поставленъ быть владыкою тварей, кому данъ умъ, нерѣдко не хочетъ отказаться отъ какихъ-либо пустыхъ, ничтожныхъ наслажденій, не смотря на то, что чрезъ это существенно вредитъ и себѣ самому и будущему роду своему!

Итакъ, вліяніе жизни родителей на дѣтей начинается еще до ихъ рожденія. Но вотъ, новое разумное существо явилось на свѣтъ Божій; наступаетъ новый періодъ бытія его. Младенецъ начинаетъ расти, развиваться; у него раскрывается смыслъ, укрѣпляются тѣлесныя силы. Онъ начинаетъ разсуждать, дѣйствовать; пріобрѣтаетъ понятія, убѣжденія, склонности и навыки. Какъ много можетъ значить для него, въ это время жизнь его родителей! Домашняя семья—это—первая сфера, его окружающая. Счастливо дитя, если въ этой сферѣ вѣетъ духъ порядка, добра и правды,—если она пропитана благовоніемъ святой добродѣтели! И на неудобной почвѣ сѣмя, прозябшее, пустившее изъ земли ростокъ свой, нерѣдко оживляемое благотворными лучами солнца, орошаемое благовременнымъ дождемъ, производитъ стройный стебель, приноситъ полный колосъ и даетъ плодъ добрый. Но какъ несчастно это дитя, когда раждается въ такой семьѣ, въ которой живетъ не Духъ Божій, но духъ міра; когда родители, на которыхъ оно прежде всего устремитъ смыслящій взоръ свой, которые первые будутъ помогать развитію его слова и разума, будутъ первыми образцами для его жизни,—когда эти ближайшія къ нему существа не вѣрные рабы Христовы, не покорные сыны св. Церкви, не безкорыстные слуги Царя и Отечества, но рабы мірской суеты, невольники своихъ страстей, поклонники мамоны! Какого ожи-

дать добра отъ дитяти, возрастающаго въ такой семьѣ, окружаемаго такими примѣрами?!..

Правда, для нравственнаго воспитанія людей, поставлены отъ Бога, въ святой Церкви Его, пастыри. Ихъ долгъ возвѣщать людямъ законъ Божій и учить ихъ жить по сему закону. И многіе изъ нихъ съ полнымъ усердіемъ стараются прояснить христіанамъ ихъ нравственныя обязанности. Въ домахъ, въ школахъ, въ храмахъ Божіихъ они проповѣдуютъ, что цѣль жизни человѣка—Богообщеніе, что средство къ этой цѣли, или путь ко спасенію—жизнь крестная, что руководство къ такой жизни—воля Божія, выраженная въ заповѣдяхъ о любви къ Богу и ближнему. Но слабо прививаются къ сердцамъ людей юнаго поколѣнія этѣ спасительныя истины, когда они не видятъ послѣдованія имъ со стороны людей, достигшихъ совершеннаго возраста, и еще труднѣе для нихъ согласіе на эти священныя правила, когда они видятъ явное противорѣчіе этимъ правиламъ со стороны лицъ ближайшихъ къ нимъ—ихъ родителей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ научить юношу достойнымъ образомъ, святить дни Господни, когда домашними его эти-то собственно дни и избираются для мірскихъ удовольствій? А между тѣмъ это одна изъ важнѣйшихъ нашихъ обязанностей; важна и по предмету своему, какъ обязанность къ Богу, и по значенію своему въ жизни человѣка. Скажите также, какъ научить юношу, чтобы онъ былъ послушный сынъ Церкви, свято исполнялъ всѣ ея уставы, когда въ родной семьѣ его не только не соблюдаютъ, но и не знаютъ этихъ уставовъ? Или научите, какъ расположить его къ христіанскому смиренію, безкорыстному человѣколюбію, искренности и справедливо-

сти, степенности и цѣломудрію, когда въ той же семьѣ и дѣломъ и словомъ проповѣдуется, что гордость, украшаемая впрочемъ именемъ благородной, есть добродѣтель,—что, для сохраненія чести, благородный человѣкъ долженъ платить оскорбленіемъ за оскорбленіе,—что иногда лесть, иногда скрытность предъ ближними необходима для успѣха въ жизни, — что молодому человѣку не столько нужно стараться о томъ, чтобы быть скромнымъ и степеннымъ, сколько о томъ, чтобы умѣть правиться другому полу, и это, послѣднее искусство почитается однимъ изъ лучшихъ качествъ юноши, и пр. и пр.?.. Нѣтъ, трудно воспитать молодыхъ людей, чтобы они жили по Евангелію, пока не перевоспитаютъ себя и не станутъ такъ жить тѣ, кои даровали имъ жизнь.

Впрочемъ, какъ-бы ни были худы мы сами, не желаемъ, однакожь, чтобы другіе люди были также худы, какъ мы. По-крайней-мѣрѣ мы никогда не пожелаемъ видѣть своихъ пороковъ въ существахъ близкихъ къ намъ, дорогихъ для насъ. Вслѣдствіе этой-то, вложенной въ насъ Богомъ и еще несовершенно истребившейся въ насъ, ненависти къ явнымъ порокамъ зло еще не беретъ совершеннаго перевѣса надъ добромъ. По этому же нерѣдко бываетъ, что и родители самые порочные стараются внушить дѣтямъ своимъ нѣкоторыя добрыя правила. Но напрасенъ этотъ трудъ ихъ, если жизнь ихъ не соотвѣтствуетъ внушаемымъ ими правиламъ! Дѣти не будутъ слушаться наставленій ихъ. Если же и выслушаютъ; то не примутъ ихъ къ сердцу, не обратятъ себѣ въ правило для жизни. Даже если бы и стали жить согласно съ этими наставленіями; но не потому, что это

наставленія ихъ родителей, а или потому, что это-же внушаетъ имъ собственный разсудокъ, или потому, что такъ живутъ другіе, уважаемые ими люди. Слова родителей, какъ и вообще всѣхъ нравственныхъ воспитателей, только тогда имѣютъ силу убѣжденія, когда сынъ или воспитанникъ не можетъ сказать учителю своему: *врачу исцѣлися самъ*! Иначе всякое доброе наставленіе ихъ не имѣетъ силы назиданія. Это свѣтлый лучъ безъ тепла,—онъ не живитъ растенія; или поддѣльный цвѣтъ безъ аромата,—плѣняя только зрѣніе, онъ не касается внутреннѣйшаго чувства—обонянія. Почему такъ? Потомучто пороки родителей, очевидные для дѣтей, заглушаютъ въ послѣднихъ уваженіе къ нимъ, подрываютъ довѣріе, охлаждаютъ любовь; а безъ этого можно-ли имѣть на кого-либо нравственное вліяніе?—Такимъ образомъ противухристіанская жизнь отцевъ и матерей, несогласная съ св. Евангеліемъ, лишаетъ ихъ, при всемъ ихъ желаніи, возможности быть полезными для нравственной жизни тѣхъ, которые получили отъ нихъ жизнь физическую.

Но изобразимъ себѣ пріятную картину семейства, истинно благочестиваго. Супруги, достойно принявшіе вѣнцы на себя въ таинствѣ, освятившемъ брачную жизнь ихъ, даютъ своимъ дѣтямъ жизнь, съ залогомъ силъ естественныхъ и нравственныхъ. Родители, вѣрные внушеніямъ совѣсти, заповѣдямъ евангельскимъ, уставамъ Церкви, своему долгу въ быту общественномъ, примѣромъ своимъ утверждаютъ духъ благочестія не только въ дѣтяхъ, но и въ домочадцахъ, даже во всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ они входятъ въ сношенія. Дѣти такихъ родителей, исполненные любви къ нимъ, почтенія, преданности, охотно повинуются волѣ ихъ,

вѣрятъ ихъ внушеніямъ, покорны ихъ наставленіямъ. Безъ труда, безъ особѐнныхъ чужеземныхъ приставниковъ, они воспитываются въ правилахъ благочестія. Мало того, добрая жизнь родителей служитъ для нихъ не только руководствомъ, но и охраною на пути добродѣтели. Мысль, что тотъ или другой поступокъ, противный благочестію, можетъ оскорбить отца или мать, удерживаетъ отъ этого поступка юношу—сына благочестивыхъ родителей. Добрыя правила и убѣжденія родителей для него священны и въ лѣтахъ зрѣлыхъ, въ его жизни самостоятельной и независимой; онъ хранитъ ихъ до своей смерти и завѣщаетъ своимъ дѣтямъ, потомкамъ, чтобы и они не нарушали ихъ, и не унижали своего рода поведеніемъ, несогласнымъ съ правилами истиннаго христіанскаго благочестія.

Правда, бываютъ случаи, что и благочестивымъ родителямъ дѣти, увлекаемыя дурнымъ обществомъ, доставляютъ скорбь своимъ поведеніемъ, точно также какъ и происшедшіе отъ порочныхъ отцовъ и матерей, по особенному дѣйствію на нихъ благодати Божіей, бываютъ людьми добрыми и благочестивыми. Но это исключенія. И притомъ, большею частію эти заблудшія чада благочестивыхъ родителей рано или поздно возвращаются на путь правый; сѣмена добра, вложенныя въ нихъ въ дѣтствѣ, возрастаютъ въ нихъ и приносятъ плодъ свой; точно также какъ и тернія пороковъ, западающія въ душу съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ быту домашнемъ, нерѣдко, разрастаясь, заглушаютъ собою благодатныя внушенія и благочестивыя расположенія, возникающія въ душѣ нашей; и много нужно усилій и труда, чтобы искоренить ихъ и дать добру одержать перевѣсъ надъ зломъ.

Такъ важно вліяніе жизни родителей на жизнь дѣтей ихъ!

Понимая эту истину, люди давно придумываютъ различныя средства къ тому, чтобы избавить дѣтей отъ соблазна жизнію своихъ родителей. Есть моралисты, которые совѣтуютъ родителямъ, по-крайней-мѣрѣ, при дѣтяхъ не дѣлать и не говорить ничего для нихъ соблазнительнаго. Средство по цѣли похвальное; но неблагонадежное. Иные родители сами воспитываютъ дѣтей своихъ въ совершенномъ отдаленіи отъ себя, рѣдко, и то въ опредѣленныя минуты, допуская ихъ только къ рукѣ своей. Жалкіе родители! Они лишаютъ себя самыхъ священныхъ и самыхъ пріятныхъ душевныхъ ощущеній, какія знакомы и матерямъ изъ рода существъ неразумныхъ. Они отдаляютъ отъ себя самыя сильныя побужденія къ нравственности, какія способны подавать святость и невинность дѣтскаго возраста; они не дорожатъ, не блюдутъ на глазахъ своихъ самаго высшаго дара Божія, какимъ Господь благословилъ ихъ союзъ супружескій. Еще нѣсколько извинительно такое отношеніе отца къ дѣтямъ, когда онъ мужъ государственный,—весь преданъ служенію для блага отечества; но никогда и ничѣмъ нельзя извинить такого отдаленія отъ своихъ дѣтей матери, которой существенная обязанность, возлагаемая на нее Богомъ и природою, блюсти дѣтей своихъ, какъ зеницу ока своего. Жалкія и дѣти такихъ родителей! Они въ отцовскомъ домѣ живутъ, какъ чужія; въ родной семьѣ воспитываются, какъ пріемыши, какъ сироты; имѣя отца и мать, не испытываютъ ласкъ родительскихъ, и не платятъ имъ за эти ласки своею нѣжностію, своею услужливостію, своею чистою, ангель-

скою любовію; они даже и не знаютъ этихъ чувствъ, общихъ всѣмъ живымъ существамъ. Были люди, которые, понимая нравственное повреждевіе современныхъ имъ обществъ, чтобы предохранить отъ него юныя поколѣнія, положили совершенно удалять дѣтей изъ домовъ родительскихъ, на время ихъ воспитанія. Для сего устроены особенныя заведенія. Конечно, это—лучшія и благодѣтельнѣйшія учрежденія. Но, безъ предварительнаго добраго настроенія сердца дѣтей въ домахъ родителей, они при всѣхъ усиліяхъ или совсѣмъ не достигаютъ своей цѣли, или достигаютъ ее только въ половину. Ибо положимъ даже, что зараза міра не проникаетъ въ эти пріюты чистоты и невинности,—что здѣсь въ сердцахъ дѣтей, вмѣстѣ съ святыми правилами Вѣры, не укореняются мірскіе предразсудки, суетные обычаи, тщеславіе, любовь къ нѣгѣ и роскоши, положимъ, что здѣсь во всемъ возможное совершенство, что ничто непристойное, суетное, тѣмъ болѣе нечистое сюда не можетъ имѣть входа. Но эти юныя существа, здѣсь воспитывающіяся, навѣкъ ли остаются въ затворѣ? Не должны ли они, по истеченіи извѣстныхъ лѣтъ, быть выпущены въ тоже общество, изъ котораго были исторгнуты? Не повѣетъ ли на нихъ и не поразитъ ли тотчасъ ихъ міръ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ? Не возъимѣютъ ли тотчасъ своей обаятельной силы надъ чистыми сердцами ихъ его обольстительные соблазны,—его моды, обычаи, нѣга, роскошь, забавы, удовольствія? И дастъ ли имъ это, удаленное отъ міра, воспитаніе ту твердость духа, ту крѣпость разума, ту силу воли, съ которыми они могли бы вступить въ борьбу съ этими соблазнами и выдти изъ этой борьбы побѣдителями?.. Нѣтъ, при всемъ нашемъ ува-

женіи къ подобнымъ воспитательнымъ учрежденіямъ, мы однакожъ должны сознаться, что ихъ однихъ недостаточно для того, чтобы достигнуть нравственнаго улучшенія въ будущихъ поколѣніяхъ человѣческихъ! Къ этому самое вѣрное и могущественное средство въ улучшеніи жизни людей современнаго поколѣнія. Всѣ люди живутъ подражаніемъ, и болѣе другихъ любятъ подражать неопытныя дѣти. Они способны подражать всему прекрасному, особенно когда образецъ совершенства представляется имъ въ существахъ, ими любимыхъ и уважаемыхъ. Итакъ, пусть не только безукоризненная, но и благочестивая жизнь родителей будетъ всегда открыта для нихъ, и это для нихъ будетъ самою лушею школою благочестія. Пусть сынъ видитъ, какъ отецъ его съ презрѣніемъ отталкиваетъ руку, подносящую ему незаслуженный даръ, и съ любовію простираетъ свою руку къ нищему, чтобы подать ему милостыню; пусть онъ знаетъ, что отецъ его всегда доволенъ своимъ, назначеннымъ ему отъ Бога, положеніемъ и всегда вѣрно исполняетъ свое общественное служеніе; пусть, находясь всегда на глазахъ родителей, онъ никогда не замѣчаетъ въ нихъ ни гнѣва, ни вражды, ни скупости, ни расточительности, ни воздержанія; пусть домы ихъ будутъ открыты только для людей честныхъ и благоговѣйныхъ, собирающихся не для празднословія, тѣмъ менѣе для шумныхъ забавъ и раззорительныхъ игръ, но ради христіанскаго общенія и братолюбія, для скромныхъ, искреннихъ и разумныхъ бесѣдъ о дѣлахъ семейныхъ, хозяйственныхъ, о предметахъ знанія, вѣры и благочестія. Пусть родители никогда не забываютъ святаго долга своего начинать и оканчивать каждый, даруе-

мый имъ отъ Бога, день общею со всѣми своими дѣтьми молитвою; пусть въ дни праздничные они ищутъ не удовольствій и развлеченія въ суетныхъ мірскихъ увеселеніяхъ, а истиннаго душевнаго утѣшенія за христіанскимъ Богослуженіемъ, самоуглубленія и сосредоточенія всѣхъ своихъ мыслей на предметахъ душеспасительныхъ въ храмахъ Божіихъ.—Когда мать христіанка, окруженная своими дѣтьми, въ ночной тишинѣ, предъ иконою Спасителя, при тускломъ мерцаніи лампады, съ горящимъ свѣтильникомъ вѣры и любви въ сердцѣ, совершаетъ свою вечернюю молитву; о, тогда самъ Духъ Святый ходатайствуетъ вмѣстѣ съ нею воздыханіями неизглаголанными о счастіи и благочестіи дѣтей ея; небесные Ангелы, которымъ Господь заповѣдалъ хранить дѣтей, невидимо окружаютъ это благочестивое семейство и вмѣстѣ съ нимъ свою молитву за него возносятъ къ престолу Божію, и премилосердый Богъ внимаетъ имъ, и предуказуетъ этимъ дѣтямъ благой путь жизни,—путь чести и правды, путь истинной доблести. Вотъ истинное средство къ улучшенію будущихъ поколѣній! Не удаленіе отъ дѣтей соблазна, не отдаленіе ихъ самихъ отъ соблазна, но—очевидный опытъ торжества благочестія надъ соблазномъ,—вотъ что можетъ приготовить ихъ къ борьбѣ и къ побѣдѣ всюду разлившихся мірскихъ соблазновъ. Истинно благочестивая христіанская семья, не увлекающаяся соблазнами и предразсудками во злѣ лежащаго міра, но неуклонно слѣдующая путемъ вѣры и совѣсти,—вотъ самая лучшая и даже несравненная щкола для приготовленія людей, достойныхъ своего человѣческаго и даже христіанскаго достоинства; безъ этого никакіе воспитатели, никакое воспитаніе не обра-

зуютъ людей, лучшихъ настоящаго поколѣнія; при этомъ самое лучшее образованіе, будетъ не первымъ средствомъ для дѣтей къ улучшенію ихъ нравовъ, но лишь легкимъ пособіемъ. Только изъ этой школы,— изъ благочестивой семьи, могутъ выдти истинные патріоты, мудрые правители, мужественные воины, безкорыстные судьи, честные граждане, добрые отцы, нѣжныя матери,—словомъ настоящіе христіане.

СЛОВО

НА КАВАЛЕРСКІЙ ПРАЗДНИКЪ ВОЕННАГО ОРДЕНА СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГІЯ ПОБѢДОНОСЦА, НОЯБРЯ 26 ДНЯ (*).

Мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа: имже мнѣ міръ распяся и азъ міру. Гал. 6, 14.

Съ героями брани, съ героями креста о чемъ лучше бесѣдовать съ священной каѳедры, какъ не о крестѣ и самоотверженіи? Здѣсь притомъ можетъ быть воздана имъ справедливая похвала; здѣсь могутъ быть указаны и средства достойно принять её, усвоить и пользоваться ею благотворно для общаго блага.

Отрадно видѣть и сладостно для сыновъ отечества восхвалить мужей славныхъ, искреннихъ хранителей спокойствія и безопасности Церкви и государства, которые преданность къ Царю и отечеству, любовь къ общему благу и усердіе къ своему долгу доказали, утвердили и запечатлѣли своею кровію.

Съ благоговѣніемъ взираемъ на васъ, избранники Божіи, созерцая въ вашихъ подвигахъ особенное про-

---

(*) Тифлисскаго армейскаго собора священника Алексѣя Адамова.

явленіе силы Божіей, въ немощи человѣческой обнаружившейся удивительно-великою, споборавшею вамъ на супостаты; съ благоговѣніемъ чтимъ васъ, герои креста, отмѣченные свыше помазаніемъ самоотверженія, украшенные десницею Монарха знаменіемъ любви, полагающей душу свою за други. Примите эту честь отъ св. Церкви; она дорога для васъ: она—залогъ вашей новой силы и пользы отечеству, она—основа нашихъ надеждъ и славы государства русскаго. Примите её съ тѣмъ глубокимъ и обязательнымъ для васъ значеніемъ, съ какимъ Вышній рукою Помазанника своего украсилъ крѣпкую грудь вашу самымъ важнымъ знаменіемъ спасенія и побѣды—крестомъ, поручивъ васъ особенному покровительству и защитѣ побѣдоноснаго воина, св. великомученика Георгія.

Но, славные сыны Россіи, останавливалось ли ваше вниманіе на груди вашей? Размышляли-ль вы когда-нибудь безъ предразсудковъ мірской мудрости о глубокой важности и обязательности отличія за военные подвиги—креста? Внимательное размышленіе о крестѣ, украшающемъ вашу грудь, назидательно, поучительно и, скажу, крайне нужно, чтобы похвала и честь, воздаваемая вамъ и принимаемая вами не осталась иногда безплодною, или не принесла въ васъ горькихъ плодовъ, неугодныхъ Богу и неполезныхъ отечеству. А потому *справедливымъ почитаю*, по слову великаго Апостола, *возбуждать васъ напоминаніемъ о семъ, хотя вы то и сами знаете и утверждены въ содержимой вами истинѣ* (2 Петр. 1, 12. 13).

Было время, когда одно имя креста приводило всѣхъ и каждаго въ трепетъ, одинъ видъ его возбуждалъ ужасъ и отвращеніе. Еслибы тогда правитель-

ственная власть опредѣлила кому-нибудь ношеніе на груди креста; то всѣ сочли бы это печатію проклятія и отверженія Богомъ и людьми: потому что крестъ въ то время служилъ казнію для самыхъ великихъ злодѣевъ, проклятыхъ Богомъ и людьми. *Проклятъ всякъ висяй на древѣ*,—изрекъ самъ Богъ въ ветхомъ Завѣтѣ (Второз. 21. 23). Но вотъ совершилось на крестѣ чудо, величайшее изъ чудесъ Христовыхъ: совершилось на крестѣ дѣло нашего спасенія. *И насъ мертвыхъ сущихъ прегрѣшеніями сооживилъ* со Христомъ Богъ-Отецъ, *истребивъ еже на насъ рукописаніе* грѣховъ, *пригвоздивъ е на крестѣ* (Колос. 2, 13. 14), и крестъ, древо проклятія, «окропленное кровію воплотившагося Бога-Слова», (кан. на Воздвиж.) содѣлалось приснотекущимъ источникомъ благословенія для всего рода человѣческаго.

Однако и послѣ сего долго еще крестъ Христовъ оставался *для Іудеевъ соблазномъ*, *для Еллиновъ безуміемъ* (1 Кор. 1, 23). Но вотъ «благочестія держателю и царю богомысленному Константину», имѣвшему сразиться съ сильнымъ врагомъ, каковы были Римляне, Господь изобразилъ крестъ на небеси блестящими звѣздами съ надписью: «симъ побѣждай». Мудрый царь внялъ письмени небесному, устроилъ воинское знамя съ изображеніемъ креста, начерталъ крестъ на воинскихъ доспѣхахъ и съ вѣрою въ силу непреоборимаго оружія--креста сразился съ непріятелемъ. Врагъ пораженъ, разбитъ нá голову,—и знамя съ крестомъ торжественно развилось на стѣнахъ Рима. Въ ознаменованіе славной побѣды Константинъ Великій устроилъ памятникъ и первый украсилъ его крестомъ (Церк. Ист. Иннок. в. IV. стр. 141).

Внемлите, герои христолюбивые; слава креста про-

явилась во всемъ блескѣ среди военныхъ подвиговъ. Какъ отрадно это особенно для васъ! Она освятила законъ о брани, справедливо предпринимаемой для защиты Вѣры и отечества, для водворенія внѣшняго и внутренняго мира, такъ необходимаго для благосостоянія Церкви и государства. И теперь—какъ прилично, какъ глубоко—знаменательно это непреоборимое оружіе крестъ возлагается на крѣпкую грудь доблестныхъ воиновъ, какъ на живой памятникъ бранной славы! Въ самомъ дѣлѣ:

Что такое крестъ, украшающій вашу грудь?—Это знаменіе помощи и силы Божіей, въ немощи человѣческой совершившейся. О, благодари воинъ—христіанинъ, отъ всей души благодари Бога, излившаго на тебя такую благодать, и пріемли воздаваемую тебѣ честь и похвалу со смиреніемъ и съ тѣмъ внутреннимъ расположеніемъ души, съ которымъ св. Апостолъ Павелъ восклицалъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа: имъ же мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6. 14). Помни всегда, что *не во множествѣ воевъ одолѣніе брани есть, токмо отъ небесе крѣпость* (1 Макк. 3, 19). Господь близъ тебя былъ во дни тяжкаго испытанія; ищи Его выну предъ собою и во дни мира. Будь осторожен въ исполненіи лежащаго на тебѣ долга, дабы злоупотребленіемъ, самонадѣяніемъ и гордостію не отогнать небесной помощи. *Аще бо кто мнитъ себе быти что, ничтоже сый умомъ льститъ себе* (Гал. 6, 3).

Что такое крестъ, украшающій вашу грудь?—Знаменіе вашего самоотверженія и любви, во образъ любви Христовой, полагающей душу за други своя. О, дорожи этимъ знаменіемъ христолюбивый воинъ, дорожи

самоотверженіемъ и любовью своею, доказанною самымъ дѣломъ среди тысячи смертей. Докажи, что на всѣхъ путяхъ жизни одинаково любишь Бога и ближняго, и какъ презиралъ жизнь вѣка сего подъ огнемъ и мечемъ, также умѣешь и въ безопасности презрѣть пристрастія мірскія, препятствующія выполненію христіанскихъ обязанностей; докажи, что и въ духовной брани также силенъ при помощи Божіей, также искусно можешь дѣйствовать оружіемъ духовнымъ и побѣждать враговъ спасенія. *Оружія бо воинства нашего не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердемъ* (2 Кор. 10, 4).

Что такое крестъ, украшающій вашу грудь?—Знаменіе голгоѳскаго креста, на который и вы восходили въ страшныя минуты кровавой битвы. И ваша грудь стала Голгоѳой, на которой видимо водруженъ крестъ; идите-жъ мысленно къ сему кресту и *распинайте на немъ плоть свою со страстями и похотьми* (Гал. 5, 24). Къ тому живите не своею, часто шаткою, волею, но *да живетъ въ васъ Христосъ* (Гал. 2. 19).

Что такое крестъ, украшающій вашу грудь?—Это язвы Господа Іисуса, которыми такъ хвалился учитель языковъ св. Апостолъ Павелъ (Гал. 6, 17), и знаменіе вашихъ язвъ, принятыхъ ради имени Іисуса за благоденствіе св. Его Церкви. Итакъ, каждый пріемлющій и возлагающій на грудь свою крестъ долженъ помышлять съ Апостоломъ: *азъ язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу* (Гал. 6, 17). Неприлично съ язвами Господа Іисуса, или съ своими ранами ради Іисуса, ходить на совѣтъ нечестивыхъ и предсѣдательствовать на путяхъ грѣшниковъ, а потому всячески должно избѣгать сего. Язвы добровольно принятыя Искупителемъ

нашимъ спасительны для насъ; но язвы, полагаемыя на Спасителя нашимъ своеволіемъ, непослушаніемъ слову Его и холодностію любви къ Нему, совершенно гибельны для насъ, потому что онѣ составляютъ вторичный крестъ для Господа, тягчайшій креста устроеннаго Іудеями. Онѣ отворяютъ виновнымъ страшную дверь ада и уготовляютъ ужасы вѣчныхъ мукъ.

Что такое крестъ, украшающій вашу грудь?—Знаменіе чести и похвалы отъ Царя и отечества. А это обязываетъ храбрыхъ воиновъ принести искреннюю благодарность Царю вѣрною и усердною службою, отечеству полезною и благотворною дѣятельностію къ славѣ и благоденствію его; обязываетъ къ новой жертвѣ за Царя и отечество послѣднею каплею крови; обязываетъ быть примѣромъ самоотверженія и мужества для новыхъ воиновъ, не испытавшихъ еще тяжкихъ подвиговъ кроваваго дѣла ратнаго.

Не украсится грудь и многими крестами, если она недостойна креста. Не блестящій металлъ составляетъ красоту героя христіанина, не форменная лента—достоинство его; но значеніе отличія,—существенная заслуга, оправдываемая жизнію христіанскою на всѣхъ ступеняхъ ея въ государствѣ,—вотъ истинная красота и достоинство! Легко можетъ случиться, что иной подъялъ и несетъ сей крестъ не для распятія на немъ своей плоти со страстями и похотьми, а для вторичнаго распятія Спасителя Іисуса Христа...

Что еще скажу, христолюбивые герои креста?—Крестъ этотъ такъ глубоко водруженъ на груди вашей, что никогда не оставитъ васъ. Придетъ время, отложатся видимые блестящіе знаки, когда навѣкъ закроются глаза наши; но невидимый оттискъ креста на сердцѣ

пойдетъ съ вами въ жизнь будущаго вѣка. И это знаменіе Сына человѣческаго послужитъ «мѣриломъ праведнымъ» всей дѣятельной жизни христіанской на страшномъ судѣ Господнемъ.

Имѣяй уши слышати да слышитъ (Мат. 25, 30)! Аминь.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. ВЕРДЬЕ (VERDIER): ORIGINES CATHOLIQUES DE L'EGLISE RUSSE JUSQU'AU XII SIÈCLE (КАТОЛИЧЕСКОЕ НАЧАЛО РУССКОЙ ЦЕРКВИ ДО XII-ГО ВѢКА).

Etudes de Théologie d'histoire... par Gagarin t. II p. 133—304.

Недавно одинъ членъ новаго общества ревнителей папской власти (г. Гагаринъ) рѣшалъ вопросъ (въ сочиненіи: *La Russie sera-t-elle Catholique*)-о будущей судьбѣ Россіи и проповѣдывалъ, что латинство есть единственное спасеніе для русскаго Государства и Церкви. Гаданія его оказались слишкомъ безсильными для того, чтобы въ комъ-нибудь изъ здравомыслящихъ Русскихъ поколебать вѣру въ могущество своего Отечества и Церкви. Тщету этого пророчества сознали и собраты новаго пророка. Одинъ изъ нихъ почти прямо называетъ трудъ Гагарина несостоятельнымъ (Etud. Gagar... t. II.; стр. 132. 133. 134, также въ Revue de Paris 1-er Mai); но раздѣляя вполнѣ его ревность къ обращенію Россіи въ латинство, онъ тоже задумалъ идти къ этой цѣли, только другимъ путемъ, совершенно противоположнымъ. Оставивъ въ сторонѣ недовѣдомую будущность Россіи и область гаданій, онъ обращается къ давнему прошедшему, къ фактамъ исто-

ріи и доказываетъ, что *Россія отъ начала своего исторического существованія и по крайней мѣрѣ до XII столѣтія была* латинскою или, какъ онъ выражается, *католическою* (по понятію Латинянъ). Увѣряя, затѣмъ что его сочиненіе будетъ безпристрастно и убѣдительно для всякаго, онъ говоритъ: *здѣсь не будетъ рѣчи о вѣроятностяхъ, но о дѣлѣ, изъ котораго каждому искреннему и благородному Русскому останется выводить только слѣдствія, умозаключать и исполнять свой долгъ* (¹), т. е. по мысли автора, принять латинство. Но чтобы внушать такой долгъ, необходимо со всею ясностію и рѣшительностію показать его обязательность. Естественно предполагать, что авторъ, разбираемой нами статьи, понимаетъ всю важность этого условія и потому постарается отъ начала до конца своего труда уяснять и поддерживать въ читателѣ сознаніе, что это долгъ дѣйствительно справедливъ и обязателенъ для каждаго Русскаго. Между тѣмъ, къ изумленію нашему, со второй же страницы, вслѣдъ за приведенными выше словами, у г. Вердье (²) начинается такое разсужденіе, которое невольно заставляетъ читателя колебаться въ сознаніи важности этого мнимаго долга. Именно, авторъ дѣлаетъ здѣсь историческій обзоръ сочиненій своихъ предшественниковъ объ этомъ предметѣ и раскрываетъ ихъ взглядъ на мнимое латинство древней Россіи. Вотъ главныя данныя въ

(¹) Le suiet que nous abordons est comme le complément du sien (de Gagarin) стр. 133.... Il ne s'agit plus ici (въ сочиненіи г. Вердье) de probabilités, de vraisemblances, стр. 134 (очевидный намекъ на г. Гагарина и его пророческія гаданія о Россіи).

²) стр. 134—137.

этомъ историческомъ обзорѣ. Поссевинъ, такъ много потрудившійся для литовской уніи, признавалъ Русскихъ схизматиками со временъ самаго Владиміра и отвергалъ святость русскихъ святыхъ (1), отвергалъ, конечно, прежде всего потому, что ихъ отвергала Церковь латинская. Только въ послѣдствіи времени уже въ началѣ XVIII столѣтія древнѣйшіе русскіе святые признаны были римскою Церковію (2). Но многіе ученые, продолжаетъ Вердье, гораздо прежде этого времени признавали древнюю римскую Церковь католическою (въ смыслѣ латинской Церкви) и цѣлое общество ихъ начало переводить житія святыхъ русскихъ и издавать рядомъ съ жизнеописаніями латинскихъ святыхъ. Впрочемъ, многіе изъ нихъ еще колебались признавать ихъ святыми, другіе впадали въ крайность и всѣхъ русскихъ святыхъ отъ начала русской Церкви и до XVI признавали католическими. Трудности въ этомъ дѣлѣ были немаловажныя и ихъ не одолѣлъ, а оставилъ въ сторонѣ и Кульчинскій въ своемъ сочиненіи Specimen Ecclesiae Ruthenicae, въ которомъ старался доказать, что русская Церковь въ лицѣ своихъ главныхъ представителей всегда была подчинена престолу папы (3). Таково, по словамъ г. Вердье, историческое развитіе о латинствѣ древней русской Церкви. Выведемъ отсюда естественныя и необходимыя заключенія, къ которымъ призываетъ насъ самъ авторъ въ началѣ своей статьи (4). Вотъ они: латинская Церковь то не признавала, то признавала древнюю нашу

(1) стр. 134.

(2) стр. 135.

(3) стр 135—137.

(4) стр. 134.

Церковь латинскою; тоже самое дѣлали и ея ученые. Иначе говоря: какъ въ опредѣленіяхъ латинской Церкви, такъ и въ мнѣніяхъ ея ученыхъ видно противорѣчіе касательно вопроса о латинствѣ древней русской Церкви. Послѣ сего спрашивается: какъ же мы, Русскіе, можемъ считать для себя обязательнымъ латинство, на основаніи указываемаго намъ примѣра древней нашей Церкви, когда сами Латиняне то отвергали, то допускали этотъ примѣръ? Самъ авторъ видѣлъ это противорѣчіе; но по недостатку ли уваженія къ дѣйствіямъ своей Церкви, которое такъ рѣзко бросается въ глаза въ сочиненіяхъ новѣйшихъ поборниковъ папы, или просто по несостоятельности своихъ изслѣдованій, онъ мало обратилъ вниманія на это противорѣчіе и не обьяснилъ его удовлетворительно. Оставляя въ сторонѣ свою латинскую Церковь, онъ старается только загладить противорѣчіе во взглядахъ на русскую Церковь латинскихъ ученыхъ и говоритъ, что во времена Поссевина *русская схизма, достигшая полной своей силы и фанатизма, заслонила передъ его глазами свою недавность* (¹), а что касается до позднѣйшихъ ученыхъ, которые противорѣчили Поссевину и сами впадали въ крайности, то *трудно имъ было не прейти границъ,—это бываетъ при всякомъ переворотѣ мнѣній* (²). Но ни то, ни другое обьясненіе не смываетъ пятна съ римской Церкви, допустившей это противорѣчіе, да и не объясняетъ удовлетворительно самаго переворота во мнѣніяхъ ученыхъ ея о древней русской Церкви. Принимаемъ на себя трудъ обьяснить этотъ переворотъ во взглядѣ ла-

(¹) стр. 134.

(²) стр. 135.

тинскихъ ученыхъ на древнюю русскую Церковь,—переворотъ, который увлекъ и самую Церковь латинскую и заставилъ ее стать въ противорѣчіе съ прежнимъ своимъ взглядомъ на русскую Церковь.

Поссевинъ, равно какъ и его предшественники и современники очень хорошо знали и были убѣждены, что Церковь русская съ самаго начала своего не подчинялась папѣ, всегда была схизматическою, по мнѣнію латинской Церкви, а потому когда они убѣждали русскихъ къ уніи, то отнюдь не указывали на мнимое латинство русской Церкви въ древнія времена, напротивъ они старались убѣдить ихъ, что Церковь русская всегда заблуждалась, пребывая въ единеніи съ Церковію греческою, потому что греческая Церковь только до временъ Фотія и Керулларія была православною. Въ такомъ именно духѣ написано было, по порученію Поссевина, въ Вильнѣ сочиненіе о заблужденіи Русскихъ и Грековъ, отдѣляющихся отъ Церкви латинской (¹), и потомъ о согласіи св. Отцевъ и древней восточной Церкви съ латинскою, написанное Грекомъ уніятомъ Аркудіемъ, по порученію уніятскаго митрополита Поцѣя (²). Согласіе Церквей до Фотія и раздѣленіе ихъ послѣ того времени,—вотъ положенія, которыя тогда принимали и Русскіе и Латиняне. О согласіи съ латинскою Церковію древней Церкви русской тогда не было и помину. Даже епископы западно-русскіе, принявшіе унію, не рѣшали вопроса: была ли унія въ древней Россіи до Исидора или нѣтъ, какъ это видно изъ соборныхъ дѣяній и ихъ грамотъ. Въ такомъ поло-

(¹) Акты Запад. Рос. т. 4 № 33.

(²) Libri VII de concordia Ecclesiae изд. 1672 г.

женія оставался этотъ вопросъ до начала уніи, т. е. до конца XVI столѣтія. Но съ этого времени его начинаютъ рѣшать иначе. Православные Литовцы, отвергая унію, высказывали прежде всего и чаще всего ту мысль, что унія дѣло новое, неслыханное, невѣдомое ихъ предкамъ. Поборники уніи сочли нужнымъ доказывать противное. Іезуитъ Скарга и за нимъ Поцѣй первые высказали мысль, что унія существовала въ Россіи и прежде (1). Нужны были доказательства, свидѣтельства. Поцѣй не затруднился найти ихъ. Въ 1605 году онъ обьявилъ объ открытіи имъ одного древняго памятника, въ которомъ будто бы доказывалась эта мысль (2). Литовско-польскіе уніяты Латиняне бросились на этотъ мнимый памятникъ древности со всею іезуитскою ревностію и искусствомъ къ его разработкѣ, т. е. къ выдумкамъ и поддѣлкамъ всякаго рода. На высказанную Скаргою и Поцѣемъ тему въ продолженіе слѣдующихъ двухъ столѣтій, т. е. XVII и XVIII, написано множество сочиненій (3), въ которыхъ она разработана со всевозможныхъ сторонъ до мельчайшихъ подробностей и въ которыхъ сочинители старались превзойти другъ друга въ искаженіи событій русской церковной исторіи. Они дѣлали латинянами всѣхъ русскихъ митрополитовъ, государей, весь народъ, такъ что схизматиками оставались только тѣ Русскіе, которые не принимали брестской уніи. Вслѣдствіе этого-то переве-

---

(1) Skarga—o vzadzie i iedonosci Kosciola Bożego pod jednym pasterzem i o Greckim i Ruskim od tei jednosci odstąpieniu 1590 г.—Pociej jednosc S-ta Cerkwi Wschodniej i Zachodniej.

(2) Акты Запад. Росс. т. 4 № 164.

(3) Hierarchia Cerkwi S-tey.... Dubowiczow. Wiara Prawoslawna Wschodniej Cerkwi Starowolski. Wiara Prawosławna—Kulesza и проч.

рота во мнѣніяхъ литовско-польскихъ уніятовъ и латинянъ о древней Церкви русской и папы мало по малу начали измѣнять свой прежній взглядъ на эту Церковь и вносить ея святыхъ въ свои святцы. Они въ этомъ случаѣ, съ одной стороны платили дань уваженія къ юной своей дочери—уніятской Церкви, съ другой—думали сблизить съ собою упорныхъ схизматиковъ—литовско-польскихъ православныхъ. Мы никакъ не дозволяемъ себѣ думать, чтобы автору неизвѣстны были этѣ причины, побудившія латинскую Церковь измѣнить свой прежній взглядъ на древнюю русскую Церковь,—и понятно, почему онъ умолчалъ объ нихъ въ своемъ трудѣ. Но имѣемъ самое справедливое основаніе думать, что онъ, за исключеніемъ указаннаго сочиненія Кульчинскаго, совершенно незнакомъ съ уніятскою литовско-польскою литературою и не имѣлъ въ рукахъ своихъ тѣхъ богатѣйшихъ матеріяловъ, какіе она заключаетъ въ себѣ для его предмета. Потому-то сочиненіе его, отличающееся мнимою новизною, для знающихъ западно-русскую исторію представляется лишь неполнымъ повтореніемъ давно высказаннаго и въ Литвѣ давно отвергнутаго (¹). Впрочемъ будемъ справедливы и сознаемся, что есть въ трудѣ г. Вердье нѣчто новое и самостоятельное. Это—взглядъ его на предметъ и самый выборъ времени отъ начала русской Церкви до XII столѣтія для изслѣдованія. Литовско-польскіе уніятскіе и латинскіе писатели, менѣе разборчивые въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей обык-

(¹) Сборникъ Острожскій, Apocrysis, Ekthesis, Antigraphi, Θρῆνος, Synopsis, Complewent. Synopsis. Всѣ эти сочиненія можно видѣть въ Императорской публичной библіотекѣ.

новенно задавали себѣ громадныя задачи и доказывали существованіе въ Россіи уніи съ древнѣйшихъ временъ и до позднѣйшихъ. Г. Вердье дѣлаетъ критическій выборъ событій и ограничиваетъ на первый разъ свои изслѣдованія временемъ до XII столѣтія—до начала крестовыхъ походовъ (¹). Понятны побужденія, руководившія авторомъ при этомъ выборѣ. Въ послѣдней половинѣ XI столѣтія и особенно въ XII на Востокѣ уже совершенно уяснилось понятіе о неправославіи латинской Церкви, раздѣленіе совершилось окончательно, и восточные христіане уже твердо признавали латинскую Церковь неправославною. Но до этого времени, по мнѣнію автора, было постоянное колебаніе на Востокѣ; одни признавали , другіе отвергали отступленіе латинской Церкви отъ истины, иначе говоря, по мысли автора, отъ Фотія патріарха , во время котораго началось Христіанство въ русскомъ государствѣ, и до XII столѣтія все это время было для восточныхъ и русскихъ христіанъ переходнымъ состояніемъ отъ единенія съ латинскою Церковію къ отдѣленію отъ нея (²). Не обращая почти никакого вниманія на голосъ собственно Церкви-греческой и русской, голосъ, въ которомъ всегда былъ видѣнъ рѣшительный приговоръ о Церкви латинской, авторъ обращаетъ вниманіе на дѣйствія частныхъ лицъ и частныя событія, въ которыхъ выражалось колебаніе. Словомъ , оставляя въ сторонѣ свѣтлый и живой источникъ ученія Церкви, авторъ обращается къ мутной водѣ человѣческихъ страстей и личныхъ мнѣній , чуждыхъ Церкви греческой и рус-

---

(¹) стр. 133.
(²) стр. 150.

ской. Вотъ собственно кругъ его изслѣдованій, и вотъ первая особенность его труда въ ряду однородныхъ съ нимъ сочиненій литовско-польскихъ уніятовъ и латинянъ. Съ другой стороны литовско-польскіе уніятскіе и латинскіе писатели, когда доказывали важность для Русскихъ единенія съ латинскою Церковію, то прежде всего указывали, какъ и естественно ожидать, на пользу его по отношенію къ вѣчному спасенію человѣка и доказывали гибель для души схизмы. Г. Вердье, слѣдуя вѣроятно утилитарному направленію нынѣшняго вѣка и какъ бы въ соотвѣтствіе сочиненію г. Гагарина, выставляетъ на видъ *временную житейскую выгоду уніи и съ этой стороны предполагаетъ разсмотрѣть единеніе съ латинскою Церковію древней Церкви русской*, Il ne s'agit pas seulement de montrer, que les Russes ont été d'abord et longtemps membres de notre Eglise, mais aussi comment ils l'ont été et *avec quels avantages même temporeles* (стр. 137). Вотъ другая особенность труда г. Вердье въ сравненіи съ однородными трудами его предшественниковъ. Въ этомъ-то кругѣ предзанятыхъ мыслей и одностороннихъ взглядовъ вращаются почти всѣ изслѣдованія г. Вердье.

Основныя положенія его сочиненія слѣдующія:

1) Прежде обращенія Россіи въ Христіанство миссіонерами патріарха Игнатія или Фотія, часть ея уже была обращена, слѣдовательно была латинскою, какъ и вся Церковь. Въ обращеніи этомъ участвовали Латиняне.

2) Первый епископъ, огласившій Евангеліемъ Варяго-Руссовъ, былъ посланъ къ намъ Игнатіемъ, патріархомъ католическимъ, а не Фотіемъ схизматикомъ.

3) Великая княгиня Ольга приняла вѣру отъ тѣхъ

Грековъ, которые оставались въ общеніи съ престоломъ римскимъ. Она даже призывала и приняла латинскаго епископа.

4) Владиміръ и русскій народъ тоже обращены въ Христіанство пребывавшими въ единеніи съ Римомъ Греками и при содѣйствіи миссіонеровъ латинскихъ. Первыя латинскія учрежденія въ русской Церкви.

5) Первые латинскіе апостолы Россіи Бруно и 18-ть его учениковъ. Вліяніе Латинянъ Норманновъ на обращеніе къ Христіанству Варяговъ, обитавшихъ въ Россіи.

6) Церковь греческая, продолжавшая непосредственно сообщать Россіи благо Евангелія, не была схизматическою, т. е. не была въ раздѣленіи съ латинскою Церковію ни во времена Владиміра, ни прежде 1054 г. (время Михаила Керулларія).

7) Въ это время Русскіе дали у себя убѣжище легатамъ папскимъ, отлучившимъ Керулларія. Мало того,—еще не много прежде русскіе князья какъ только замѣтили, что греческая Церковь начинаетъ отдѣляться отъ римской, свергли съ себя иго патріарховъ греческихъ и, принявъ направленіе противоположное Грекамъ, скрѣпляли тогда свое единеніе съ латинскою Церковію новыми узами.

8) Эти новыя узы Россіи съ Римомъ авторъ видитъ въ многочисленныхъ бракахъ русскихъ князей съ Латинянами.

9) Въ XI вѣкѣ Россія вступаетъ въ общеніе съ Европою, усвояя себѣ латинское Христіанство и этимъ путемъ вступая подъ особенное покровительство папъ и соборовъ.

10) Это не должно удивлять читателя, потому

что, и послѣ Михаила Керулларія, во второй половинѣ XI столѣтія, схизма, т. е. отдѣленіе отъ Церкви латинской, не укоренилась въ греческой Церкви. Движеніе латинское, вызванное крестовыми походами и развившее въ послѣдствіи сѣмена раздѣленія между Латинянами и Греками, теперь скрѣпляло между ними узы единства, столь необходимаго для византійской имперіи. Но Русскіе съ большею свободою, чѣмъ Греки участвовали въ этомъ движеніи, которое тогда поставило всѣ народы въ кругъ дѣйствій папы.

11) Дошедши до конца XI столѣтія и не находя въ Россіи схизмы, авторъ возвращается назадъ, излагаетъ исторію русскихъ святыхъ, по его мнѣнію, латинствовавшихъ, жизнь монашескую и прекрасныя начала русской цивилизаціи, рожденной, по его мнѣнію, также отъ латинской Церкви. Признаніе русскихъ святыхъ уніятскою Церковію и чествованіе въ русской Церкви латинскихъ будто-бы святыхъ XI и XII вѣка приводитъ автора къ тому же заключенію, т. е. что Россія въ это время признавалась и была латинскою.

12) Наконецъ онъ останавливается на праздникѣ перенесенія мощей св. Николая изъ Миръ-Ликійскихъ въ Баръ,—праздникѣ, отвергнутомъ Греками и введенномъ въ Россію будто-бы по соборному опредѣленію папы.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ положеній и прослѣдимъ ихъ развитіе въ сочиненіи г. Вердье.

I.

«Прежде обращенія Россіи миссіонерами греческими, посланными Игнатіемъ патріархомъ или Фотіемъ, часть ея уже была обращена къ Христіанству; слѣ-

довательно была католическою, какъ и вся Церковь; въ этомъ обращеніи участвовали проповѣдники латинскіе» (Вердье стр. 141—149).

Всякій Русскій, сколько нибудь знакомый съ отечественною церковною исторіею, естественно можетъ ожидать, что авторъ въ этомъ отдѣлѣ своихъ изслѣдованій особенное вниманіе обратитъ на древнія свидѣтельства о проповѣди въ предѣлахъ Россіи Апостола Андрея и его учениковъ, что онъ постарается изслѣдовать, какіе слѣды Христіанства остались въ Россіи отъ этой проповѣди и какую связь имѣетъ съ ними позднѣйшее Христіанство въ Россіи. Словомъ: мы въ правѣ бы ожидать, что авторъ въ этой статьѣ вновь провѣритъ и продолжитъ изслѣдованія этого предмета, изложенныя въ нашемъ русскомъ сочиненіи: *Исторія Христіанства въ Россіи до Владиміра.* (¹). Но авторъ нашъ вовсе незнакомъ съ этимъ сочиненіемъ, какъ и вообще съ новѣйшими изслѣдованіями русской духовной литературы. Мало того, онъ почему-то не любитъ преданій, касающихся Вѣры, и клеймитъ именемъ басней (²) всѣ историческія свидѣтельства объ апостольской у насъ проповѣди — свидѣтельства, которыя въ сущности признаны въ нашей духовной литературѣ вполнѣ достовѣрными и подтверждаются археологическими изслѣдованіями настоящаго времени.

Вмѣсто всего этого г. Вердье предпочитаетъ начать дѣло высшими соображеніями. Вотъ они:

Наши Варяго-Руссы поразительно сходны, по мнѣнію автора, съ одноплеменными имъ французскими Нор-

(¹) Архим. Макарія С. П. Б. 1846 г.

(²) стр. 144.

маннами, поселившимися въ малой Нейстріи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь Норманны сначала отличаются враждою къ христіанской Церкви, но какъ тамъ, такъ и здѣсь они скоро сливаются съ массою народною и вмѣстѣ съ нею изъ враговъ дѣлаются поборниками Христіанства. Это ведетъ автора къ тому заключенію, что, при самомъ прибытіи къ намъ Варяговъ, было у насъ уже сильно распространено Христіанство, иначе Варяги, горячіе и буйные язычники, не обнаружили бы такъ скоро стремленія къ Христіанству въ лицѣ первыхъ князей русскихъ, какъ это мы видимъ въ послѣдующей исторіи (1). Мы должны сказать, что это, дѣйствительно, новое сопоставленіе фактовъ, какого въ нашей русской литературѣ никто еще не дѣлалъ. Къ сожалѣнію только, оно не оправдывается событіями нашей исторіи. Здѣсь мы вовсе не видимъ, чтобы наши Варяги, подобно французскимъ Норманнамъ, отличались особенною ревностію къ язычеству въ сравненіи съ мѣстнымъ населеніемъ и чтобы это населеніе преимущественно передъ Варягами знакомо было съ Христіанствомъ. Напротивъ, мы имѣемъ факты, которые показываютъ, что преимущество въ этомъ послѣднемъ отношеніи было на сторонѣ Варяговъ. У насъ первые извѣстные христіане и первые христіанскіе мученики были Варяги, а не природные Славяне (2). Поэтому мы поневолѣ должны думать, что авторъ съ какою-либо предзанятою мыслію, а не на основаніи фактовъ указываетъ намъ на какое-то особенное родство между нашими и французскими Норманнами и находитъ между

(1) стр. 141—143.

(2) Сверхъ того—были ли эти Варяги Норманны, не доказано. Вѣроятнѣе, что они Славяне—изъ особаго славянскаго племени.

тѣми и другими поразительное сходство по отношенію къ Христіанству въ той и другой сторонѣ. Это новое сопоставленіе фактовъ, какъ видимъ, не имѣетъ вѣрнаго основанія въ нашей исторіи и можетъ быть названо произвольнымъ взглядомъ на вещи. Гораздо основательнѣе то положеніе автора, что Славяне, окруженные съ Юга и Запада христіанами, не могли не знакомиться съ Христіанствомъ и не принимать его въ первые вѣка Христіанства до IX вѣка включительно. Подтвержденіе этого вывода авторъ находитъ въ словахъ Евсевія, по которому христіанскіе проповѣдники проходили съ проповѣдью всѣ страны. Затѣмъ онъ приводитъ общеизвѣстныя свидѣтельства древнихъ о Христіанствѣ въ Россіи—о св. Климентѣ, нѣкоторыхъ епископахъ древнихъ южнорусскихъ епархій; наконецъ о томъ, что Кириллъ и Меѳодій своею проповѣдію Казарамъ и особенно своими учеными трудами много содѣйствовали усиленію Христіанства въ Россіи ([1]). Изъ этихъ, давно извѣстныхъ намъ, свидѣтельствъ авторъ выводитъ слѣдующее заключеніе: Россія была обращена къ Христіанству въ первые вѣка и въ этомъ обращеніи участвовали греческіе и вмѣстѣ съ ними латинскіе проповѣдники ([2]). Заключеніе это, положимъ, вѣрное, но изъ него ничего нельзя вывести въ пользу главной мысли автора, будто Россія всегда была латинскою, потому что никакъ нельзя доказать несомнѣнно, что древнее Христіанство Россіи имѣло живую и непрерывную связь съ послѣдующимъ. Извѣстно, что многократные наплывы варваровъ изъ предѣловъ

([1]) стр. 143—148.

([2]) стр. 148—149.

Азіи до IX вѣка не разъ уничтожали всѣ труды христіанскихъ проповѣдниковъ,—такъ что въ нынѣшнемъ новороссійскомъ краѣ Христіанство нѣсколько разъ возникало какъ бы совершенно вновь. А потому никакъ нельзя доказать, что Христіанство, распространенное, положимъ, въ извѣстномъ мѣстѣ Россіи латинскими проповѣдниками, существовало непрерывно до всеобщаго крещенія Россіи, а тѣмъ болѣе трудно или, скажемъ лучше, невозможно доказать, что это Христіанство со всѣми своими латинскими особенностями сохранилось до позднѣйшаго времени, а не слилось съ Христіанствомъ греческимъ и не составляло съ нимъ одной православной вѣры. Но авторъ нашъ не стѣсняется ни трудностями, ни даже невозможностію дѣла. Онъ признаетъ Христіанство русское IX столѣтія латинскимъ и отличнымъ отъ вѣроисповѣданія Грековъ, слѣдовавшихъ Фотію, и между прочимъ приводитъ то основаніе, что Кириллъ и Меѳодій, имѣвшіе вліяніе на распространеніе Христіанства въ Россіи чрезъ Казаръ и посредствомъ перевода св. Писанія, дѣйствовали по указанію патріарха Игнатія, слѣдовательно дѣйствовали въ духѣ латинской Церкви, а потому и Христіанство русское, по мысли его, имѣло тогда тотъ же характеръ, т. е. латинскій (¹). Остановимся на этой мысли автора, чтобы видѣть всю несостоятельность его изслѣдованій и недобросовѣстность выводовъ. Для большаго безпристрастія въ этомъ дѣлѣ, выскажемъ нашъ взглядъ на проповѣдническіе труды св. братьевъ, Кирилла и Меѳодія, единственно на основаніи изслѣдованій западныхъ писателей—Шафарика и Мацѣевскаго.

(¹) стр. 149.

Вотъ какъ происходило это дѣло по изслѣдованіямъ Шафарика и Мацѣевскаго: около половины IX вѣка казарскій ханъ просилъ греческаго императора прислать къ нему христіанскаго проповѣдника для оглашенія евангельскою проповѣдію казарскаго народа. Съ этой цѣлію отправленъ къ Казарамъ (840 г.) Константинъ, иначе Кириллъ. Не важно то, кѣмъ именно былъ посланъ св. Кириллъ, но важно то, въ какомъ духѣ онъ дѣйствовалъ, а онъ дѣйствовалъ далеко не въ духѣ латинской Церкви. Въ это уже время, по мнѣнію Шафарика (1), и особенно послѣ возвращенія своего въ Константинополь, св. Кириллъ болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденію, какъ важно для варварскихъ народовъ имѣть св. Писаніе и богослужебныя книги на ихъ родномъ языкѣ и, соединясь въ Константинополѣ съ своимъ братомъ Меѳодіемъ, приступилъ къ составленію этого труда на славянскомъ языкѣ, желая сдѣлать участниками этого благодѣянія Славянъ, по всей вѣроятности, единоплеменниковъ своихъ. Слѣдовательно, св. Кириллъ, котораго г. Вердье считаетъ латинскимъ проповѣдникомъ, дѣйствовалъ вопреки постановленію латинской Церкви; ибо извѣстно, что латинская Церковь не допускаетъ употребленія въ церкви св. Писанія на другомъ языкѣ, кромѣ латинскаго. Если бы св. Кириллъ былъ проникнутъ духомъ латинской Церкви и чуждался тогда приверженцевъ Фотія; то никакъ не задумалъ бы такого дѣла, которое явно противорѣчитъ постановляніямъ латинской Церкви. Но что, дѣйствительно, ни онъ, ни св. Меѳодій не были поборниками латинской Церкви и что они не были вра-

---

(1) Славян. древн. Шафарика т. 4. стр. 315—316.

гами тѣхъ людей, которые дѣйствовали по отношенію къ латинской Церкви въ духѣ Фотія, это неоспоримо доказывается дальнѣйшими дѣйствіями св. братьевъ. Св. братья съ первыми начатками своего труда, столь чуждаго духу латинской Церкви, отправились прежде всего именно въ ту сторону, которая вскорѣ же сдѣлалась спорною стороною между греческою и латинскою Церковію и гдѣ послѣдняя старалась утвердить свои обряды, на мѣсто восточныхъ. Ихъ трудами обращенъ былъ къ Христіанству болгарскій князь и распространено славянское богослуженіе, которое тогда же стало важнѣйшею преградою для распространенія здѣсь папской власти (1). Такимъ образомъ св. Кириллъ и Меѳодій, здѣсь уже, хотя можетъ быть и ненамѣренно, явились противниками папы. Но еще болѣе явными противниками папы явились св. братья своими трудами въ Моравіи. Когда св. братья ознакомили Болгаръ съ своимъ переводомъ, то вѣсть объ этомъ новомъ благодѣяніи быстро разнеслась между славянскими народами и достигла Моравіи. Моравскій князь Ростиславъ, тогда независимый отъ германскаго императора, узнавъ объ этомъ и желая, между прочимъ, черезъ связь съ Константинополемъ ослабить у себя вліяніе Запада, въ 862 году отправилъ посольство къ греческому императору и приглашалъ къ себѣ Кирилла и Меѳодія (2). Для Константинополя было тогда очень важно исполнить просьбу Ростислава. Римская Церковь тогда очень сильно обьявляла свои притязанія

(1) Шафарикъ—славянскія древности т. 4. стр. 317; Мацѣевскій—Исторія первобытной Церкви у Славянъ стр. 43.

(2) Мацѣевскій стр. 44—47.

на славянскія области, входившія въ составъ константинопольскаго патріархата и имперіи, и, посылая туда своихъ священниковъ и епископовъ, уничтожалъ обряды Церкви восточной; но вмѣстѣ съ латинствомъ въ этихъ областяхъ нерѣдко распространялась и власть германскихъ императоровъ, такъ что эти области погибали для Константинополя и въ церковномъ и въ гражданскомъ отношеніи. Поэтому какъ для императора константинопольскаго, такъ равно и для патріарха было очень важно, чтобы въ этихъ странахъ былъ распространенъ переводъ св. братьевъ, который самымъ естественнымъ и въ тоже время самымъ сильнымъ образомъ привязывалъ Славянъ къ Константинополю и отклонялъ отъ Запада. Греческій императоръ Михаилъ, исполняя просьбу Ростислава, самъ убѣждалъ отправиться въ Моравію (1) св. братьевъ, вѣроятно, предвидѣвшихъ ясно всѣ опасности своего будущаго назначенія и чуждавшихся его. И дѣйствительно, опасенія ихъ были не напрасны. Въ Моравіи ихъ проповѣдническіе труды въ духѣ восточной Церкви и неимовѣрные успѣхи ихъ проповѣди, столь близкой сердцу Славянъ, воздвигли на нихъ гоненіе со стороны латинско-нѣмецкаго духовенства. Оно дало знать въ Римъ о новыхъ трудахъ Кирилла и Меѳодія, оглашая ихъ нововводителями и даже еретиками. Св. Меѳодій (сперва вмѣстѣ съ братомъ, а въ послѣдствіи одинъ) два раза долженъ былъ ѣздить въ Римъ для оправданія (2). Конечно, въ этихъ путешествіяхъ Меѳодія въ Римъ и

(1) Тамъ же стр. 44. Шафар. 317; полное собр. лѣтоп. т. 1 стр. 11; смотри статью Ѳеофана Прокоповича о книгѣ Мавроурбина § 8.

(2) Тамъ же у Шафар. 318, 320; у Маціев. стр. 48—49. 56.

особенно въ томъ, что онъ оба раза возвращался оттуда съ честію, Латиняне видятъ доказательство того, что Меѳодій подчинялся папѣ и дѣйствовалъ въ его духѣ (1). Но кто, судя безпристрастно, не увидитъ здѣсь со стороны папъ явной уступки неисправимому дѣлу, а со стороны Меѳодія настоятельной необходимости имѣть сношенія съ папами? А что Меѳодій, дѣйствительно, не дѣйствовалъ въ духѣ Латинянъ, а напротивъ былъ для нихъ ненавистнымъ, это лучше всего доказываетъ дальнѣйшая судьба св. Меѳодія. По смерти Ростислава св. Апостолъ Моравіи былъ лишенъ прежняго своего значенія, удаленъ отъ дѣлъ и кончилъ жизнь свою почти въ нищетѣ и при жестокихъ огорченіяхъ отъ своихъ враговъ духовныхъ нѣмецко-латинскихъ (2) За что же страдалъ св. Меѳодій? За то ли, что ревностно дѣйствовалъ въ духѣ папы? О, далеко нѣтъ! За то, что своимъ переводомъ книгъ свящ. Писанія и богослужебныхъ на славянскій языкъ св. братья положили явную, наглядную печать раздѣленія между Славянами греческаго вѣроисповѣданія и Латинянами, — за то, что вмѣстѣ съ тѣмъ они положили начало той непрерывной борьбы, какая до сихъ поръ продолжается между славянизмомъ и латинствомъ и которой не могутъ подавить никакія усилія папъ и латинскихъ правительствъ.—Посредствомъ этого безсмертнаго труда св. братьевъ и мы Русскіе впервые услышали Евангеліе на языкѣ родномъ, а не латинскомъ,

(1) Мнѣніе это довольно обстоятельно опровергнуто Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ особой статейкѣ, изд. 1722 года и посвященной разбору книги Мавроурбина—о народѣ словенскомъ.

2) Шаф. стр. 320.

и этимъ прежде всего стали отличать себя отъ Латинянъ, сроднялись съ мыслію о различіи между православіемъ и латинствомъ и чуждались всего латинскаго. Какъ же послѣ этого г. Вердье осмѣливается указывать на св. братьевъ Кирилла и Меѳодія, какъ на поборниковъ латинства и первыхъ насадителей его въ Россіи? Не злонамѣренное ли это искаженіе событій и не явная ли это клевета на святыхъ славянскихъ Апостоловъ, которые первые и научили насъ отличать восточно-православное вѣроисповѣданіе отъ западно-латинскаго (¹)?

(¹) Недавно мы прочитали въ церковной газетѣ, издаваемой въ Будинѣ, статью: «Какого обряду были св. Кириллъ и Меѳодій»? (№ 6 и 7), въ которой авторъ разбираетъ современныя сочиненія о св. славянскихъ Апостолахъ и на основаніи лучшихъ новѣйшихъ изслѣдованій утверждаетъ, что св. Кириллъ и Меѳодій держались обрядовъ восточной Церкви. Конечно, какъ уніятъ, писатель не могъ развить вполнѣ своихъ мыслей и сказать прямо, что св. братья держались не только обрядовъ, но и всего ученія Церкви восточной, а не латинской, но нельзя не замѣтить, что и сдѣланный авторомъ шагъ очень великъ и дѣлаетъ честь его безпристрастію. Вотъ многознаменательныя слова этого писателя: «достохвальное усиліе г. Д. Гинцеля (автора соч. Geschichte der slawenapostel Cyrill und Method und der slawischen Liturgie-Leitmeriz 1857) — представить правовѣрность (ортодоксію) нашихъ св. Апостоловъ въ такомъ видѣ, чтобы никто ни издалека не смѣлъ тронуться ея, склонило его къ тому, что онъ всѣми способами старается доказать, что литургія, введенная ими въ Моравію, была обряда Церкви латинской. Сколь ни пламенною ревностію преданы мы святому престолу, этому-то средоточію единства, и сколь ни въ то же время пламенною ревностію почитаемъ нашихъ богоугодниковъ (св. Кирилла и Меѳодія); однакожъ думаемъ, что, осмѣлившись вопреки мнѣнію г. доктора Гинцеля утверждать, что литургія, которую совершали наши святые, была обряда славяно-греческаго, мы чрезъ это не нарушаемъ ни ихъ ортодоксіи, ни нашего горячаго къ нимъ благоговѣнія, обезпечивая себя еще разъ оговоркою, что это мы дѣлаемъ не изъ пренебреженія уваженія къ Риму... но единственно изъ любви къ правдѣ?! № 6 стр. 44.

II.

«Первый епископъ, огласившій русскихъ евангельскою проповѣдію, былъ посланъ св. Игнатіемъ, католическимъ патріархомъ константинопольскимъ, а не Фотіемъ, патріархомъ схизматическимъ и самозваннымъ» (Верд. стр. 149—161).

Провѣряя изслѣдованія г. Вердье о мнимомъ латинствѣ Россіи до половины IX вѣка и показывая ихъ несостоятельность, мы, между прочимъ, высказали мысль, что если бы даже возможно было доказать, что въ тогдашнее время въ Россіи утверждали христіанство Латинскіе проповѣдники со всѣми особенностями латинской Церкви, то и тогда авторъ нашъ не достигалъ бы еще главной своей цѣли — показать намъ непрерывность латинства въ нашей Церкви, потому что при этомъ оставалось бы еще доказать, дѣйствительно ли тогдашнее мнимое латинство сохранилось у насъ въ послѣдующія времена, но доказать это рѣшительно невозможно. Г. Вердье не стѣсняется однакожъ невозможностію дѣла, или яснѣе сказать, онъ насильно заставляетъ и себя и читателя не вѣрить этой невозможности. Онъ, какъ нельзя болѣе, вѣренъ своей задачѣ — доказать, что Россія непрерывно была латинскою, и потому, заключивъ прежнія свои изслѣдованія тѣмъ положеніемъ, что Христіанство въ Россіи въ IX вѣкѣ было латинскимъ, потому что Кириллъ и Меѳодій, славянскіе проповѣдники, дѣйствовали по указанію латинствовавшаго будто-бы патріарха Игнатія, онъ теперь подтверждаетъ такое заключеніе новымъ положе-

ніемъ, именно что Русскій народъ, подготовленный къ Христіанству латинскими проповѣдниками, теперь (во времена Оскольда и Дира) принимаетъ епископа, присланнаго отъ Игнатія, а не отъ Фотія,—это, по мысли автора, значитъ, что онъ принялъ такого епископа, который будто бы дѣйствовалъ въ духѣ латинской Церкви и утверждалъ у насъ латинство, совершенно чуждое ученію Фотія, т. е. ученію Церкви восточной и нынѣшней русской.

Однакожъ какъ бы невольно сознавая слабость своего положенія, желая между тѣмъ сколько нибудь предрасположить читателя въ свою пользу, г. Вердье самъ показываетъ маловажность настоящихъ своихъ изслѣдованій. *Не здѣсь,* говоритъ онъ, *главный пунктъ нашего положенія,* (что русская Церковь была латинскою); *потому что теперь было только частное обращеніе Русскихъ къ Христіанству,—масса націи русской сдѣлалась христіанскою уже при Владимірѣ. Кромѣ того,* говоритъ онъ, *такъ какъ всѣ епископы, поставленные Фотіемъ, были низложены; то тоже было бы и съ русскимъ епископомъ* (если бы онъ былъ посланъ сюда Фотіемъ), *развѣ только въ силу особеннаго разрѣшенія римскаго престола онъ сохранилъ бы свои права. Во всякомъ случаѣ,—схизма не могла бы продолжаться.* Затѣмъ, забѣгая впередъ и приводя еще не доказанныя положенія, онъ говоритъ: *не забудемъ наконецъ, что, хотя раздѣленіе между Римомъ и Константинополемъ обнаружилось при Фотіѣ, но прошло, по крайней мѣрѣ, два столѣтія, пока оно совершилось окончательно, и что даже послѣ того Русскіе еще долгое время тѣсно связаны были съ Римомъ* (¹).

(¹) стр. 149—150.

«*Въ этомъ отношеніи*, заключаетъ авторъ, *вопросъ этотъ* (т. е. кѣмъ былъ посланъ первый епископъ русскій Игнатіемъ, или Фотіемъ) *имѣетъ второстепенное значеніе*» (¹). Мы съ своей стороны скажемъ гораздо болѣе. Вопросъ этотъ для насъ не имѣетъ никакой важности, потому что какъ Фотія патріарха, такъ равно и патріарха Игнатія мы считаемъ православными. Игнатій даже у насъ, какъ и у Латинянъ, признается святымъ; слѣдовательно для насъ рѣшительно все равно, кѣмъ изъ нихъ посланъ къ намъ первый епископъ,—отъ этого православіе нашей Церкви не страдаетъ ни мало. Но не таково положеніе нашего автора; ему далеко не все равно, кѣмъ посланъ къ намъ первый епископъ изъ Константинополя,—Игнатіемъ, или Фотіемъ; потому что послѣдній у него заклейменъ именемъ схизматика и незаконнаго патріарха. Слѣдовательно, еслибы онъ согласился, что къ намъ первый епископъ присланъ Фотіемъ; то въ изслѣдованіяхъ его оказался бы чувствительный пробѣлъ, - оказалось бы, что наша древняя Церковь не всегда была латинскою. Этого-то пробѣла и избѣгаетъ г. Вердье всѣми мѣрами; но не желая обнаружить своихъ дѣйствительныхъ побужденій къ этому труду, онъ прикрываетъ ихъ слѣдующею мыслію: *второстепенное*, говоритъ онъ, *имѣетъ значеніе вопросъ о томъ, кѣмъ былъ присланъ въ Россію первый епископъ, Фотіемъ или Игнатіемъ, однако не неумѣстно* (il n'est pas cependant hors de propos) *изслѣдовать, кому принадлежатъ начатки столь богатой жатвы* (обращенія къ Христіанству Россіи), *виновнику ли схизмы* (Фотію?), *или его жертвѣ — благородному защитнику*

(¹) Стр. 150.

единенія (церковнаго—Игнатію), *не неумѣстно тѣмъ болѣе, что есть Русскіе, которые въ этомъ мнимомъ началѣ* (своей Церкви отъ Фотія) *ищутъ предлога къ тому, чтобы, подобно слѣпцамъ, держаться послѣдователей Фотія* (стр. 150).

На грубый тонъ рѣчи г. Вердье мы не считаемъ нужнымъ отвѣчать чѣмъ-либо другимъ, кромѣ молчанія. Но разбирая самое дѣло, скажемъ, что тѣ Русскіе, (¹), которые доказываютъ, что первый нашъ епископъ былъ присланъ къ намъ Фотіемъ, не имѣютъ, какъ и мы, никакой надобности находить въ этомъ предлогъ для своей слѣпой будто-бы привязанности къ послѣдователямъ Фотія, потому что имѣютъ для этого другія, болѣе рѣшительныя побужденія. Если же высказываютъ они, что первый епископъ къ намъ былъ присланъ Фотіемъ; то высказываютъ это не по предзанятой мысли, а какъ истину,—высказываютъ то, что дѣйствительно было. Что же касается собственно до насъ, то кромѣ высказаннаго уже побужденія доказать истину, мы имѣемъ еще въ виду обличить ожесточенную ненависть автора къ знаменитому Фотію,—ненависть, которою проникнута вся эта статья и которая по мѣстамъ высказывается самымъ возмутительнымъ образомъ.

Событіе, которое разбираетъ здѣсь авторъ, можетъ быть представлено въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ.

Два князя Оскольдъ и Диръ, утвердившіеся въ Кіевѣ вскорѣ по основаніи Рюрикомъ русскаго государства, напали на Константинополь въ исходѣ 864 или въ началѣ 865 года въ царствованіе императора Ми-

---

(¹) Ист. Карамз. Т. 1. стр. 119—120 и прим. стр. 111. Истор. Христіанства до Владиміра стр. 279—283.

хаила III и въ патріаршество Фотія. По усердной молитвѣ патріарха, императора и народа, Руссы чудеснымъ образомъ потерпѣли пораженіе и съ слабыми только остатками возвратились на родину. Пораженные небесною помощію, видимо ниспосланною Грекамъ, они тогда же отправили посольство въ Грецію для заключенія мира и вмѣстѣ съ тѣмъ просили себѣ крещенія. Соправитель Михаила Василій Македонянинъ заключилъ съ ними миръ, а патріархъ Фотій отправилъ къ нимъ въ томъ же 866 году или въ началѣ 867 года епископа, который, удостовѣривъ язычниковъ въ истинѣ Евангелія чудомъ, крестилъ ихъ и сдѣлался первымъ епископомъ своей новой паствы, которая такъ полюбила новую вѣру и своего пастыря, что патріархъ Фотій въ окружномъ своемъ посланіи 867 года съ похвалою отзывался о ней (тамъ же).

Г. Вердье нужно доказать, что этотъ первый русскій епископъ былъ посланъ не патріархомъ Фотіемъ, а Игнатіемъ. Но онъ не довольствуется лишь тѣмъ, чтобы доказать, что не Фотій, а Игнатій послалъ въ Россію этого епископа. Нѣтъ! онъ хочетъ уничтожить участіе Фотія въ цѣломъ событіи, а потому доказываетъ еще, что при пораженіи Руссовъ не было никакого чуда (по молитвѣ Фотія) и что это пораженіе не имѣло никакой связи съ послѣдующимъ затѣмъ обращеніемъ Руссовъ къ Христіанству (расположенныхъ къ принятію его чудомъ, испрошеннымъ у Бога Фотіемъ). Такъ велика ненависть г. Вердье къ знаменитому поборнику истины восточной Церкви! Такимъ образомъ въ этомъ отдѣлѣ изслѣдованій г. Вердье три положенія:

а) При пораженіи Руссовъ у Константинополя не было никакого чуда.

б) Пораженіе это не имѣло связи съ послѣдующимъ обращеніемъ ихъ къ Христіанству.

в) Обращеніе это случилось, послѣ ниспроверженія Фотія, при патріархѣ Игнатіи, тогда вновь возстановленномъ (¹).

Доказывая всѣ эти положенія, авторъ пользуется слѣдующими, благопріятными для него, обстоятельствами: во-первыхъ,—все событіе это совершилось въ продолженіи какого-нибудь года или двухъ: слѣдовательно у историческихъ свидѣтелей объ немъ очень легко могли быть смѣшиваемы предшествующія обстоятельства съ послѣдующими,—тѣмъ болѣе, что въ это время въ Константинополѣ произошло много перемѣнъ. Во-вторыхъ: объ этомъ событіи говорятъ до двѣнадцати писателей, но такъ, что одни описываютъ его начало, другіе продолженіе, третьи конецъ. Правильное понятіе о немъ, очевидно, можно получить, сведя въ одно всѣ свидѣтельства, но если разрознить ихъ, то невозможно миновать недоразумѣній и противорѣчій. Этимъ и пользуется нашъ авторъ: онъ приводитъ свидѣтельства эти разрозненно, приводитъ одни, оставляя въ сторонѣ другія. Вотъ обстоятельства, благопріятныя для нашего автора, и надобно отдать ему справедливость,—онъ пользуется ими очень свободно и искусно!

а) Г. Вердье рѣшительно не допускаетъ того на-

(¹) Мы въ этомъ отдѣлѣ не будемъ разбирать мыслей автора въ томъ порядкѣ, какъ они у него изложены, потому что они у него здѣсь въ большомъ безпорядкѣ: отъ одного положенія онъ переходитъ къ другому и опять возвращается назадъ, нескладно связывая и смѣшивая одно съ другимъ. Поэтому мы старались представить мысли автора въ послѣдовательной связи и въ этомъ порядкѣ опровергать ихъ.

вѣстія почти современныхъ греческихъ и славянскихъ лѣтописцевъ, что лодки Руссовъ разбиты были бурею, которая немедленно поднялась послѣ того, какъ погружена была Фотіемъ въ волны Босфора риза Божіей Матери, хранившаяся во Влахернскомъ храмѣ, и говоритъ, что *это пораженіе могло случиться естественнымъ образомъ, при небольшомъ даже вѣтрѣ въ Босфорѣ* (¹). Что же возбудило въ авторѣ такое рѣшительное невѣріе въ это чудо? Невозможность его? Нисколько. Самъ авторъ говоритъ, что онъ далекъ отъ того, чтобы отвергать заступленіе Божіей Матери Константинополю. Онъ допускаетъ, что это заступленіе могло быть вызвано вѣрою цѣлаго народа, страданіями патріарха Игнатія (находившагося тогда въ заточеніи) и благочестивыми жертвами варваровъ (людьми благочестивыми, которыхъ мучили Руссы) (²). Но если такъ, если самъ авторъ признаетъ это чудо возможнымъ, то почему же онъ отвергаетъ его? Потому что, по его мнѣнію, императоръ Михаилъ и патріархъ Фотій не могли быть достойными орудіями этого чуда. *Всѣ согласятся*, говоритъ онъ, *что императоръ Михаилъ и патріархъ Фотій были мало способными орудіями, чтобы получить эту милость неба. Тогда могло бы казаться, что небо утверждаетъ этимъ схизму, которая ему никогда неблагоугодна* (³). Намъ не нужно опровергать автора подробно и доказывать, что Господь избираетъ орудія для своей милости не по выбору и суду людей и что если, по мнѣнію г. Вердье, греческая схизма, какъ онъ называетъ восточное вѣроисповѣданіе, не

(¹) Стр. 153.
(²) Стр. 152.
(³) Стр. 152—153.

благоугодна Богу, то, по нашему убѣжденію, она предъ Господомъ совсѣмъ не такова, а вполнѣ благоугодна и мы въ правѣ вывести заключеніе, что симъ чудомъ оправдано православіе греческой Церкви, и обличено, разумѣется само собою, неправославіе Церкви латинской, и слѣдовательно для Русскихъ, для которыхъ г. Вердье пишетъ свое сочиненіе его доказательство совершенно не убѣдительно. Не имѣемъ, говоримъ, нужды подробно доказывать все это. Самъ авторъ избавляетъ насъ отъ такого труда,—онъ самъ даетъ намъ оружіе противъ себя слѣдующими за тѣмъ словами: *если*, продолжаетъ онъ, *это совпаденіе обстоятельствъ* (пораженія Руссовъ бурею послѣ молитвы патріарха и народа во Влахернскомъ храмѣ и погруженія въ Босфорѣ ризы Божіей Матери) *такое, какъ разсказываютъ намъ византійскіе историки, и можетъ быть признаваемо, какъ промыслительное* (по дѣйствію Промысла providentielle), *то ничто однако не заставляетъ насъ видѣть здѣсь чудо* (¹). Но если, по словамъ г. Вердье, пораженіе Руссовъ по устроенію Промысла совпадало съ молитвою Византійцевъ объ избавленіи отъ варваровъ; то не явно ли изъ словъ самаго г. Вердье, что между этими двумя событіями была связь и не явно ли, что Самъ Господь указалъ людямъ на эту связь, допустивъ такое совпаденіе этихъ двухъ дѣйствій— молитвы объ избавленіи и избавленія. *Легкое ли тутъ было дуновеніе вѣтра*, вполнѣ достаточное, по мнѣнію г. Вердье, для истребленія лодокъ Русскихъ, или сильное т. е. буря, какъ говорятъ византійскіе историки, это все равно; важно то, что оно по устроенію Промысла, какъ говоритъ г. Вердье, совпадало съ молитвою объ избавленіи. Слѣдовательно,

(¹) стр. 153.

было необычайно. Но если самъ г. Вердье дѣлаетъ въ пользу этого событія такую уступку, то уже ничто въ его словахъ не заставляетъ насъ отвергать здѣсь чуда. Отъ него мы больше и не требуемъ, а обращаемся для окончательнаго разъясненія дѣла къ историческимъ свидѣтелямъ того времени, которыхъ г. Вердье упустилъ изъ виду. О чудесномъ избавленіи Константинополя отъ Руссовъ, по молитвамъ патріарха Фотія, говоритъ со всею подробностію прежде всего современникъ Георгій Амартолъ, котораго г. Вердье вовсе не знаетъ въ своей статьѣ, но котораго сочиненіе описано у Алляція и находится въ Россіи въ переводѣ въ нѣсколькихъ спискахъ (1). Свидѣтельство Георгія буквально или съ сокращеніемъ повторяютъ Левъ Грамматикъ, Георгій монахъ, Кедринъ, Зонара, Симеонъ Логоѳетъ (2) и потомъ почти буквально нашъ Несторъ (3). Во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ избавленіе Константинополя признается чудеснымъ. Но г. Вердье только нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминаетъ, какъ повѣствователей, по его мнѣнію, *баснословныхъ*, и противопоставляетъ имъ только то, что современникъ событія Никита Паѳлагонянинъ ничего не говоритъ объ этомъ чудѣ (4). Но г. Вердье забываетъ, что Никита пишетъ жизнеописаніе патріарха Игнатія, и какъ умный писатель, не дѣлающій безъ нужды отступленій отъ главнаго своего предмета, о нападеніи Руссовъ упоминаетъ на столько, на сколько оно касалось патріарха, т. е. что Руссы опу-

(1) XV t. Corp. hist. Byzant стр. 83—88; Русск. Истор. Спб. т. VI стр. 317—318.

(2) Тамъ же стр. 313—317.

(3) Полн. Собр. русск. лѣт. т. 1 стр. 9, слич. стр. 242.

(4) Стр. 152 прим. 3.

стошили одинъ монастырь св. Игнатія и мучили приближенныхъ его (Vita Ignatii въ VIII томѣ Concil. Парижъ 1671 г. стр. 1203),—между тѣмъ какъ его современникъ Георгій Амартолъ пишетъ лѣтопись отъ Адама до смерти Михаила III, потому, дошедши до времени нападенія Руссовъ на Константинополь, говоритъ объ немъ со всею подробностію ([1]). Затѣмъ г. Вердье противопоставляетъ указаннымъ нами писателямъ свидѣтельство Дандолы (XIII вѣка), по которому Руссы, нападавшіе на Константинополь между 863 и 869 г. возвратились со славою ([2]); этимъ г. Вердье, вопреки свидѣтельству современника Георгія Амартола и шести позднѣйшихъ писателей греческихъ и славянскихъ, которые всѣ жили прежде Дандолы, какъ будто хочетъ сказать, что, при нападеніи на Константинополь Руссовъ, не только не было чуда, но не было вовсе и пораженія Руссовъ! Странное усиліе доказывать любимую мысль! Не явный ли это знакъ, что г. Вердье живо чувствуетъ свое безсиліе въ этомъ спорѣ, и потому бросается безъ разбора на все, что можетъ служить ему опорою, руководствуясь вѣроятно правиломъ: авось либо читатель убѣдится, что при пораженіи Руссовъ не было никакого чуда, что какъ схизматикъ, Фотій не былъ достоинъ его! Вотъ что собственно заставляетъ его отвергать это чудо и искажать для этого всѣ свидѣтельства древности. Но у автора была и другая причина отвергать это чудо. Вотъ какая! Если при отраженіи Руссовъ не было чуда, то очевидно

([1]) Подробный разборъ этихъ свидѣтельствъ въ Исторіи Христіанства до Владиміра, соч. арх. Макарія стр. 261—269.

([2]) Полн. Собр. р. л. т. 1, стр. 152, прим. 2.

они не вслѣдствіе его просили себѣ крещенія, а приведены были къ тому другимъ путемъ: слѣдовательно, опять Фотій тутъ ничѣмъ не участвовалъ въ ихъ обращеніи.

б) Въ подтвержденіе этого послѣдняго положенія авторъ приводитъ свидѣтельство Константина Багрянороднаго о Русскихъ того времени, что это былъ *народъ, не знающій ни кротости, ни уступчивости, и весьма былъ далекъ отъ познанія Бога и благочестія* (1). Слѣдовательно, по мысли автора, Руссы того временн не способны были видѣть въ своемъ пораженіи силу христіанскаго Бога, покровительствующаго Грекамъ, и просить себѣ крещенія сами. Но если Руссы были такъ жестоки и неспособны сочувствовать Христіанству, что они и, дѣйствительно, доказали при нападеніи на Константинополь, раззоряя монастыри и распиная христіанъ; то тѣмъ болѣе, по-видимому, нужно было для нихъ чудо, чтобы изъ неистовыхъ язычниковъ сдѣлать ихъ христіанами, Но нѣтъ,—г. Вердье, какъ видно, вообще не расположенный вѣрить чудесному, не видитъ здѣсь необходимости чуда и находитъ средство обьяснить это дѣло естественнымъ образомъ. Онъ нашелъ между византійскими историками такого свидѣтеля этого событія, который обьясняетъ обращеніе Руссовъ естественнымъ образомъ: ему-то г. Вердье отдаетъ предпочтеніе предъ всѣми и принимаетъ слова его за истину. Писатель этотъ—Константинъ Багрянородный, старавшійся, какъ извѣстно, въ своемъ жизнеописаніи Василія Македонянина, возвеличить своего дѣда изложеніемъ его доблестей и услугъ государству, въ чемъ

(1) Стр. 153.

соглашается и г. Вердье (стр. 157), разсказываетъ это дѣло такъ: *русскіе послы пришли въ Константинополь для заключенія мира; императоръ Василій богатыми подарками и мольбою склонилъ ихъ принять Христіанство и взять съ собою епископа* ([1]). Но другіе историки, именно патріархъ Фотій—современникъ событія въ окружномъ посланіи, о которомъ будемъ говорить въ послѣдствіи, продолжатель Константина Багрянороднаго X вѣка и Георгій Кедринъ XI вѣка (Русск. историческій Сборникъ т. VI стр. 313—316), очевидно, связываютъ въ одно оба событія—*пораженіе Руссовъ* или вообще ихъ *нападеніе* на Константинополь и *обращеніе* ихъ къ Христіанству, и всѣ прямо говорятъ, что Руссы *просили себѣ крещенія*, или что они *охотно съ любовію и тщаніемъ его пріяли* ([2]). Чѣмъ же однако обьяснить такое разногласіе Константина Багрянороднаго съ другими историками? Мы полагаемъ, что есть и въ словахъ Константина Багрянороднаго доля правды, которую легко примирить съ свидѣтельствами указанныхъ нами историковъ, нисколько не искажая и не ослабляя ихъ смысла. Въ событіи, о которомъ говорятъ всѣ эти историки двѣ, такъ сказать, части—гражданская и церковная. Константинъ Багрянородный знаетъ только первую и смѣшиваетъ ее съ послѣднею, а продолжатель Константина Багрянороднаго и за нимъ Георгій Кедринъ исключительное вниманіе обращаютъ на послѣднюю, вовсе не касаясь первой. Разъяснимъ наши мысли. Руссы, испытавшіе пораженіе у Константинополя, вынесли изъ этого пораженія ясное убѣжде-

([1]) Стр. 154.

([2]) Тексты эти увидимъ ниже.

ніе въ могуществѣ Константинополя, защищеннаго грозною стихіею, которая уничтожила всѣ ихъ замыслы. Вспомнимъ, какъ войско Игоря боялось греческой стихіи, испытавъ разъ неудачу (Ист. Карам. т. 1. стр. 150 изд. 1818 г.), и мы повѣримъ легко, что и во время Оскольда и Дира боязнь эта была немалою. Но Руссы не могли упустить изъ виду Константинополя. Онъ былъ для нихъ постоянною приманкою. Оскольдъ и Диръ и выпросились у Рюрика для того, чтобы идти въ Царьградъ (тамъ же стр. 117). Кіевъ кромѣ того былъ сборнымъ мѣстомъ для Варяговъ, отправляющихся постоянно въ Константинополь (Ист. Соловьева т. 1). Имъ рѣшительно необходимо было возстановить сношенія съ Константинополемъ. Но не надѣясь теперь достигнуть этого силою оружія, они естественно позаботились отправить туда посольство для заключенія мира. Это одна цѣль посольства. Но въ тоже время была другая цѣль. Пораженные необычайностію своего несчастія у стѣнъ Константинополя, Русскіе видѣли въ этомъ могущество Бога, покровительствующаго христіанамъ (¹), и, желая сами сдѣлаться достойными этого покровительства, рѣшились просить въ тоже время крещенія. Константинъ Багрянородный описываетъ, очевидно, первое дѣло посольства, но, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о другомъ дѣлѣ, связываетъ его съ первымъ, и думаетъ, что оно было слѣдствіемъ убѣжденій Василія Македонянина и богатыхъ подарковъ, которые,

(¹) При Святославѣ, далеко не горячемъ язычникѣ, тоже обьясняли неудачи войны причиною религіозною — гнѣвомъ боговъ за то, что въ войскѣ Святослава находились христіане. Здѣсь причина неудачи обьяснялась тоже съ религіозной стороны, только уже въ пользу христіанъ, и на основаніи очевиднаго факта.

какъ извѣстно, въ древности употреблялись иногда безъ всякаго особеннаго значенія. Между тѣмъ, продолжатель Константина Багрянороднаго, писавшій, что̀ очень важно, по порученію самаго Константина (¹), а за нимъ и Георгій Кедринъ излагаютъ религіозныя дѣла посольства и говорятъ только о томъ, что послы просили себѣ крещенія. Что это не произвольное наше предположеніе, а очень вѣроятное дѣло,—это видно изъ свидѣтельства Фотія. Онъ въ своемъ разсказѣ не отдѣляетъ гражданскихъ дѣлъ отъ религіозныхъ, но говоритъ какъ объ одномъ дѣлѣ—о томъ, что Руссы вступили въ союзъ съ Греками, и о томъ, что они съ великою любовію и тщаніемъ приняли епископа и св. вѣру. Кто послѣ этого правъ: г. ли Вердье, отдающій предпочтеніе Константину Багрянородному вопреки свидѣтельству Фотія, продолжателя Константинова и Кедрина, или мы, сводя всѣ эти свидѣтельства въ одно, отбросивши только ложное въ разсказѣ Багрянороднаго, — пусть судитъ каждый. *Но не здѣсь*, выражаясь словами г. Вердье, *главный пунктъ его положенія*. Главная задача его въ настоящемъ отдѣлѣ—показать, что епископъ, отправленный въ Россію съ посольствомъ, приходившимъ въ Константинополь, посланъ былъ не Фотіемъ, а Игнатіемъ, т. е. въ концѣ 867 года или позже—по смерти Михаила III и при единодержавномъ правленіи Василія Македонянина.

в) Доказывая такое мнѣніе, авторъ обращается къ историческимъ свидѣтельствамъ. Ихъ два и оба противорѣчатъ одно другому—это свидѣтельство самаго патріарха Фотія въ его окружномъ посланіи, въ

(¹) Corp. Hist. Byz. т. XXI. предисловіе.

которомъ патріархъ, очевидно, усвояетъ себѣ обращеніе къ Христіанству Руссовъ и отправленіе къ нимъ епископа,—и Константина Багрянороднаго, который говоритъ, что послы русскіе приходили въ Константинополь при его дѣдѣ, императорѣ Василіѣ Македонянинѣ, и приняли епископа отъ патріарха Игнатія. Мы напередъ можемъ навѣрное предполагать, что нашъ авторъ отдаетъ предпочтеніе и здѣсь Константину Багрянородному. Такъ, дѣйствительно, онъ и дѣлаетъ, не смотря на то, что Фотій—современникъ и главный дѣятель событія, о которомъ говоритъ, и что его свидѣтельство имѣетъ строго оффиціальный характеръ, потому что находится въ его *окружномъ* посланіи. Послѣ этого естественно ожидать, что авторъ имѣетъ очень сильныя и рѣшительныя причины отвергать Фотіево свидѣтельство и предпочитать ему свидѣтельство Константина Багрянороднаго, жившаго спустя 60 или 70 лѣтъ послѣ этого событія. Какія же это причины?

Во-первыхъ,—особенная, по мнѣнію автора, достовѣрность разсказа Константина Багрянороднаго. *Константинъ Багрянородный*, говоритъ г. Вердье, *сообщаетъ намъ такія подробности касательно характера Руссовъ, которыя несомнѣнно ручаются намъ за истину его разсказа*, и въ доказательство этого приводитъ разсказъ Багрянороднаго о томъ, какъ посланный къ Руссамъ епископъ былъ принятъ ими и какъ онъ убѣдилъ ихъ принять Христіанство (стр. 154). Но можно прекрасно знать характеристику народа, и однако неправильно изложить такое событіе, которое могло такъ или иначе случиться, не противорѣча характеристическимъ чертамъ этого народа, а разсматриваемое нами событіе таково и есть. Посланъ ли былъ къ Русскимъ первый

епископъ отъ Фотія или отъ Игнатія—характеристическія черты Русскаго народа оставались одни и тѣ же,—и Константинъ Багрянородный, прекрасно зная, какъ выразились эти послѣднія въ Руссахъ, когда къ нимъ посланъ былъ первый епископъ, могъ очень естественно не знать, кѣмъ былъ посланъ къ нимъ этотъ іерархъ Фотіемъ или Игнатіемъ, и могъ сказать одно вмѣсто другаго,—тѣмъ легче, что въ то время Фотій и Игнатій очень часто мѣнялись на патріаршемъ престолѣ. Слѣдовательно, достовѣрность Константина Багрянороднаго, основанная на его знаніи Русскаго народа, очень не рѣшительна. Онъ могъ не знать, кѣмъ былъ посланъ первый епископъ къ Русскимъ—Фотіемъ или Игнатіемъ, между тѣмъ какъ о Фотіѣ, современникѣ, очевидцѣ и главномъ дѣятелѣ событія, этого никакъ нельзя сказать: онъ не могъ не знать кѣмъ, былъ посланъ этотъ епископъ, имъ ли самимъ или Игнатіемъ. Слѣдовательно, если онъ даетъ намъ знать, что самъ послалъ этого епископа, то на его сторонѣ въ этомъ отношеніи рѣшительное преимущество передъ Константиномъ Багрянороднымъ. Но нашъ авторъ также рѣшительно отвергаетъ эту простую истину, и напротивъ самому Фотію приписываетъ незнаніе дѣла и на этомъ основаніи отвергаетъ его свидѣтельство о себѣ самомъ?!! Нашъ читатель съ изумленіемъ, вѣрно, читаетъ эти строки и готовъ рѣшительно не вѣрить, чтобы г. Вердье могъ утверждать такую вещь!! Но это такъ дѣйствительно, только дѣло вотъ въ чемъ: г. Вердье, очевидно, не сказалъ прямо, что Фотій не зналъ, кто послалъ перваго епископа къ Русскимъ: самъ ли онъ или патріархъ Игнатій,— это была бы нелѣпость, слишкомъ обидная для Вегрдье;. нѣтъ, онъ только странно сопоставляетъ вы-

сли и высказываетъ на самомъ дѣлѣ вещь возможную. Г. Вердье доказываетъ, что Фотій не зналъ, какъ происходило обращеніе Русскихъ къ Христіанству, о которомъ говоритъ въ своемъ посланіи; потому что онъ утверждаетъ, будтобы обращеніе Россіи къ Христіанству было полное, всеобщее, а не частное и будто обращенные вдругъ сдѣлались совершенными христіанами, что и неестественно и явно противорѣчитъ разсказу Багрянороднаго, по которому это обращеніе было только частное и начальное. Отсюда авторъ заключаетъ, что Фотій, неправильно говоря объ обращеніи Руссовъ къ Христіанству, неправильно также говоритъ и о томъ, что самъ онъ послалъ къ нимъ епископа (стр. 156, 157). Но во-первыхъ, въ разсказѣ Фотія объ обращеніи Русскихъ къ Христіанству мы не находимъ ничего неправильнаго. Онъ выражается, что *народъ, глаголемый Россъ, перемѣнилъ нынѣ языческое и безбожное ученіе на чистую и правую христіанскую вѣру*. Но развѣ это значитъ, что весь народъ безъ исключенія принялъ Христіанство (¹)? Эти слова напротивъ показываютъ въ Фотіѣ большое знаніе дѣла, именно знаніе того, что обращеніе къ Христіанству Русскихъ задумано и приводилось въ исполненіе не частными лицами и не въ маломъ кружку, а задумано правителями южно-русскаго народа, вводившими Христіанство открыто передъ народомъ и для всего народа, какимъ они управляли. Далѣе Фотій говоритъ, что Руссы съ

(¹) Лекёнъ тоже утверждаетъ, что Фотій говоритъ здѣсь о той части ихъ (Руссовъ), которая была сопредѣльна Болгаріи, а не обо всемъ народѣ, обитавшемъ по отдаленѣйшимъ странамъ. Oriens. Christ. t. 1. p. 1257.

великимъ тщанiемъ и любовiю приняли епископа и пастыря и богослуженiе; но развѣ не тоже и у Константина Багрянороднаго, когда онъ говоритъ, что Русскiе, *пораженные чудомъ, совершеннымъ епископомъ, немедленно начали креститься* (у автора стр. 154). Наконецъ, если даже Фотiй не зналъ достовѣрно о степени успѣховъ Христiанства между Руссами, получивъ, какъ очевидно, самыя первыя объ этомъ извѣстiя; то развѣ эта ошибка мѣшала ему знать и сказать вѣрно, кѣмъ посланъ былъ къ Русскимъ первый епископъ — имъ ли самимъ или Игнатiемъ? Очевидно нѣтъ! На какомъ же основанiи г. Вердье отказываетъ Фотiю въ этомъ знанiи? Вотъ на какомъ: видимый укоръ его Фотiю въ незнанiи дѣла имѣетъ слѣдующiй смыслъ: если Фотiй неправильно излагаетъ обращенiе Руссовъ къ Христiанству, то это значитъ тоже, что онъ злонамѣренно искажаетъ его, слѣдовательно, также невѣрно т. е. злонамѣренно приписываетъ себѣ и посольство къ Руссамъ епископа. Иначе говоря, когда авторъ разсуждаетъ о достовѣрности разсказа Константина Багрянороднаго; то основываетъ эту достовѣрность на знанiи имъ дѣла: но когда тутъ же оцѣниваетъ свидѣтельство Фотiя, то опредѣляетъ достовѣрность его по степени добросовѣстности Фотiя. Мы не можемъ здѣсь не замѣтить, что, при сравненiи предметовъ съ одинаковыхъ сторонъ, такая сбивчивость въ началахъ не терпима въ серьёзной статьѣ; она затемняетъ передъ глазами читателя истину и неопытнаго легко можетъ ввести въ заблужденiе, а въ томъ, кто видитъ эту сбивчивость, она невольно возбуждаетъ сомнѣнiе въ дѣльности автора или въ добросовѣстности его самаго. Какъ бы, впрочемъ, г. Вердье ни запутывалъ дѣло, изъ него ясно видно,

что Фотій гораздо лучше могъ знать то, что говоритъ, чѣмъ Константинъ Багрянородный; онъ даже не могъ не знать этого дѣла, чего никакъ нельзя сказать о Константинѣ Багрянородномъ. Слѣдовательно, г. Вердье совершенно несправедливо отдаетъ въ этомъ отношеніи предпочтеніе послѣднему изъ нихъ.

Остается послѣ этого опредѣлить степень достовѣрности этихъ двухъ писателей съ другой стороны, т. е. кто изъ нихъ добросовѣстнѣе? Авторъ нашъ и въ этомъ отношеніи отдаетъ предпочтеніе Константину Багрянородному. Почему же? *Потому*, говоритъ г. Вердье, что *Константинъ Багрянородный, какъ государь, по рожденію, больше терялъ и меньше выигрывалъ отъ лжи, нежели* parvenu (выскочка) т. е. Фотій!! (стр. 157). Переводя эту грубую рѣчь на благородную,—это значитъ, что Константинъ Багрянородный меньше имѣлъ побужденій и выгодъ искажать дѣло, чѣмъ Фотій. Въ такомъ видѣ эта мысль автора совершенно справедлива. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что Константинъ Багрянородный, дѣйствительно, говоритъ правду, потому что мало имѣлъ побужденій искажать ее, а Фотій непремѣнно искажалъ ее, потому что имѣлъ къ этому сильныя побужденія? Слѣдуетъ у г. Вердье, потому что онъ принимаетъ за несомнѣнную истину, что Константинъ Багрянородный безпристрастный свидѣтель событія, а патріархъ Фотій самый недобросовѣстный. Но мы никакъ не можемъ раздѣлить этого убѣжденія автора и думаемъ, что оно ложно; да и самъ авторъ находитъ камни претыканія для своей предзанятой мысли. Авторъ очень хорошо знаетъ, что въ ученомъ мірѣ Константина Багрянороднаго укоряютъ въ пристрастіи къ своему дѣду Василію Македонянину и въ невѣрномъ

изложеніи многихъ событій; поэтому и самъ г. Вердье соглашается, что жизнеописаніе Василія Македонянина, сдѣланное Константиномъ Багрянороднымъ, гдѣ и находится разбираемое нами свидѣтельство, *похоже на похвальную рѣчь* Василію Македонянину (стр. 157). Но хотя такимъ образомъ авторъ ослабляетъ уже достовѣрность Константина Багрянороднаго, какъ историческаго свидѣтеля вообще, онъ однако никакъ не допускаетъ, чтобы въ настоящемъ случаѣ писатель этотъ исказилъ дѣло. Мы пока не высказываемъ нашего мнѣнія объ этомъ дѣлѣ, но разбирая доказательства г. Вердье, спрашиваемъ; почему же авторъ такъ думаетъ? *Потому* отвѣчаетъ г. Вердье, что *Василій Македонянинъ вызвалъ Фотія изъ заточенія, еще при жизни патріарха Игнатія, и, по смерти его, поддерживалъ Фотія на патріаршемъ престолѣ, вопреки опредѣленіямъ многихъ папъ, а Константинъ Багрянородный усиливается оправдать такую перемѣну въ Василіѣ. Отнимать при этомъ у Фотія заслугу отправленія къ Руссамъ перваго епископа, это значило бы*, замѣчаетъ г. Вердье, *дурно пользоваться обстоятельствами для своей цѣли* (тамъ же). Но изъ того же соображенія мы можемъ со всею справедливостію вывесть совершенно противоположное заключеніе и сказать, что по этой же самой причинѣ Константинъ Багрянородный и могъ отнимать у Фотія эту заслугу. Въ самомъ дѣлѣ, если Константинъ Багрянородный, совершенно занятый дѣдомъ своимъ Василіемъ, вполнѣ раздѣляетъ его расположеніе къ Фотію въ послѣднее время, и старается оправдать это расположеніе, что по убѣжденію автора, какъ Латинянина, очевидно дурно, то съ такою же естественностію онъ могъ раздѣлять первоначальное нерасположеніе Василія

къ Фотію и по этому нерасположенію лишить Фотія славы обращенія Русскихъ къ Христіанству и усвоять ее патріарху Игнатію, котораго Василій возвратилъ тогда изъ заточенія и возстановилъ на патріаршемъ престолѣ вмѣсто изгнаннаго Фотія. Но не имѣя положительныхъ свѣдѣній, мы не настаиваемъ на томъ, что Константинъ Багрянородный по этимъ именно побужденіямъ исказилъ дѣло и принимаемъ за болѣе вѣрное то мнѣніе, что онъ не зналъ достовѣрно хода событій. Приписывая между тѣмъ все дѣло обращенія Русскихъ Василію Македонянину и думая, что это случилось въ единодержавное правленіе Василія, уже послѣ смерти императора Михаила, онъ естественно указалъ на Игнатія, который въ то время дѣйствительно былъ опять патріархомъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, самое естественное объясненіе ошибки Константина Багрянороднаго. А что, дѣйствительно, онъ допустилъ ошибку и неправильно усвоилъ патріарху Игнатію обращеніе Руссовъ къ Христіанству, это видно уже изъ того, что четыре историка византійскіе, передавшіе почти буквально этотъ разсказъ Константина Багрянороднаго, всѣ опустили въ немъ имя патріарха Игнатія отправившаго, по словамъ Багрянороднаго, перваго епископа къ Руссамъ (см. Русс. Истор. Сборн. т. 17 стр. 313–316), конечно, не случайно сдѣлали они этотъ пропускъ, а по всей вѣроятности потому, что знали окружное посланіе патріарха Фотія, изъ котораго ясно видно, что не патріархъ Игнатій, а самъ Фотій отправилъ этого епископа. Правда, въ этомъ посланіи не говорится прямо, что Фотій именно отправилъ перваго епископа къ Руссамъ, но оно написано до низложенія Фотія съ патріаршаго престола, слѣдовательно не поз-

же первой половины 867 года, когда еще жилъ императоръ Михаилъ и когда патріархъ Игнатій находился въ заточеніи; между тѣмъ оно со всею ясностію говоритъ объ отправленіи къ Руссамъ епископа и ихъ крещеніи. Изъ этого посланія упомянутые нами историки, какъ и мы Русскіе, ясно видѣли, что не Игнатій послалъ этого епископа, а потому пользуясь въ своихъ сочиненіяхъ разсказомъ Константина Багрянороднаго, пропустили имя патріарха Игнатія, но не желая рѣшать окончательно своихъ недоумѣній, не поставили вмѣсто имени патріарха Игнатія имени Фотія. Г. Вердье не обращаетъ вниманія на этотъ пропускъ патріарха Игнатія въ разсказѣ этихъ историковъ, почти буквально взятомъ изъ Константина Багрянороднаго. Онъ только замѣчаетъ объ нихъ, что *хотя они не упоминаютъ имени патріарха Игнатія, но не упоминаютъ также и о Фотіѣ, и ни въ чемъ не противорѣчатъ Константину Богрянородному*. Какъ на особенное согласіе ихъ съ Константиномъ Багрянороднымъ, авторъ указываетъ на то, что *всѣ эти историки полагаютъ обращеніе Руссовъ въ царствованіе Василія императора* (стр. 157). Но мы уже замѣчали, что Василій былъ императоромъ и при жизни Михаила, какъ его соправитель, и притомъ одинъ занимался всѣми дѣлами; слѣдовательно, историки эти могли упомянуть его имя безъ всякаго противорѣчія патріарху Фотію. Такимъ образомъ мы видимъ, что свидѣтельство Константина Багрянороднаго, подтверждаемое, будтобы, позднѣйшими историками, рѣшительно опровергается свидѣтельствомъ Фотія, которое въ свою очередь, кромѣ собственной силы, находитъ для себя подкрѣпленіе и въ этихъ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ. Но г. Вердье никакъ не

хочетъ признать этой силы свидѣтельства Фотія, свидѣтельства современнаго и гласнаго передъ лицемъ всего христіанскаго міра того времени; онъ, такъ сказать, истощается въ усиліяхъ опровергнуть его рѣшительно и пробивается съ непомѣрнымъ усердіемъ къ этой многотрудной цѣли чрезъ всѣ преграды, не останавливаясь ни предъ чѣмъ. Здѣсь-то поистинѣ великъ г. Вердье и живо напоминаетъ въ себѣ достойнаго ученика Лойолы.

Этотъ тяжелый трудъ авторъ начинаетъ тѣмъ, что предпосылаетъ прежде высказанную мысль о недобросовѣстности Фотія вообще и доказываетъ ее тѣмъ, что Фотій, по единогласному *свидѣтельству Латинянъ и Грековъ, бывшихъ на соборѣ противъ Фотія* въ 869 году *былъ такъ силенъ въ искусствѣ обманывать, что въ этомъ отношеніи не находилъ себѣ равнаго.* Къ этому авторъ присоединяетъ и свое сужденіе, что *Фотій лгалъ просто для удовольствія и по привычкѣ* (Photius mentait à plaisir et par habitude, стр. 158). Доказательство, повидимому, рѣшительное, устраняющее всякую мысль о добросовѣстности Фотія. Но г. Вердье забылъ уяснить его одною очень простою и, между тѣмъ, необходимою мыслію, что это свидѣтельство о Фотіи—свидѣтельство ожесточенныхъ враговъ его, въ ряды которыхъ и самъ г. Вердье вступаетъ такъ смѣло и такъ достойно; а потому оно для насъ Русскихъ и для всякаго безпристрастнаго человѣка рѣшительно неубѣдительно. Объяснять причины этой недостойной клеветы на знаменитаго Фотія мы считаемъ излишнимъ, потому что это повело бы насъ слишкомъ далеко: но не можемъ не противопоставить ей одного живаго и неопровержимаго свидѣтельства, которое и самъ г. Вердье

долженъ принять во всей силѣ. Извѣстно, что этого самаго Фотія, заклейменнаго здѣсь позорнымъ именемъ обманщика и лжеца, патріархъ Игнатій, котораго дѣло авторъ такъ защищаетъ, приблизилъ къ себѣ къ концу своей жизни больше всѣхъ, какъ лучшаго своего друга, дѣлилъ съ нимъ все свое время, и свои мысли и умеръ на груди его (Vita Ignatii Никиты Пафлагонянина въ VIIIт. Concil. Par. 1671). Осмѣлится ли г. Вердье сказать здѣсь, что Фотій обманулъ и патріарха Игнатія и что патріархъ Игнатій, человѣкъ великаго ума и необычайной святости, причисленный какъ восточною, такъ и западною Церковію къ лику Святыхъ, дѣйствительно, по жалкому заблужденію, умеръ на груди недостойнаго обманщика и лжеца?!! Или, не смѣя этого утверждать, г. Вердье готовъ сказать, что Фотій къ этому времени такъ рѣшительно перемѣнился? Но твердость вполнѣ сложившагося характера Фотія и рѣшительность мнѣнія объ немъ его враговъ дѣлаютъ такую перемѣну въ немъ совершенно невѣроятною.

Если же на столько справедливо общее сужденіе г. Вердье о Фотіѣ, то по этому уже одному можемъ судить, какъ справедливо и все, что у автора основывается на мнимой недобросовѣстности Фотія. Впрочемъ, авторъ нашъ очень остороженъ. Имѣя въ виду доказать, что Фотій написалъ свое окружное посланіе въ изгнаніи своемъ, а не раньше конца 867 года и что онъ въ этомъ посланіи недобросовѣстно усвоилъ себѣ обращеніе Русскихъ къ Христіанству, тогда какъ эта честь принадлежитъ патріарху Игнатію, г. Вердье не высказываетъ сначала отъ себя этого мнѣнія, но какъ бы слагая всю отвѣтственность за его справедливость на своихъ собратовъ въ ненависти къ Фотію—на Ба-

ронія и Ассемана, приводитъ сужденіе ихъ объ этомъ посланіи: *Бароній*, говоритъ онъ, *подозрѣваетъ здѣсь обманъ* (со стороны Фотія). *Ученый Ассеманъ идетъ далѣе; онъ положительно осуждаетъ Фотія и утверждаетъ, что Фотій написалъ это посланіе, уже послѣ изгнанія своего, и внесъ въ него обращеніе Руссовъ, какъ событіе, будто бы предшествующее возвращенію Игнатія на патріаршій престолъ, между тѣмъ какъ оно совершилось послѣ этого.* Но личное мнѣніе Баронія и Ассемана для насъ Русскихъ совершенно неубѣдительно; потому что они явно высказываютъ свою ненависть къ Фотію и особенно потому, что и Бароній и Ассеманъ сильно заняты были мыслію подкрѣпить исторіею литовскую унію, такъ что оба они высказываютъ это мнѣніе съ тою же цѣлію, съ какою г. Вердье доказываетъ обманъ Фотія въ этомъ посланіи: именно оба они доказываютъ, что русская Церковь ведетъ свое начало отъ Игнатія—патріарха католическаго, латинствующаго будто бы, а не отъ Фотія—схизматика, еретика. Поэтому, оставивъ въ сторонѣ личное мнѣніе Баронія и Ассемана, какъ крайне подозрительное, остается разсмотрѣть то основаніе, на которомъ утверждается такое мнѣніе. Основаніе это у Баронія—невѣроятность, чтобы въ такое короткое время совершились всѣ тѣ событія, о которыхъ говоритъ посланіе Фотія (Bar. annal. n. 41); иначе говоря, у Баронія основаніемъ его мнѣнія о лживости посланія Фотія служитъ его собственное соображеніе, слѣдовательно также какъ и самое мнѣніе, на немъ утвержденное, неубѣдительно и г. Вердье очень благоразумно поступилъ, что не приводитъ здѣсь соображеній Бароніевыхъ о посланіи Фотія, а только указываетъ на соображенія Ассемана,

именно, Ассеманъ говоритъ, что епископы Собора 869 года свидѣтельствовали, что не получали отъ Фотія никакого посланія. Но Ассеманъ исказилъ это свидѣтельство. Епископы, приверженные къ Игнатію и враги Фотія, собравшіеся на этомъ Соборѣ для осужденія его, старались доказать, что они не имѣли съ нимъ никакого общенія и что поэтому ни къ нему не посылали посланій, ни отъ него не принимали.

Высказавъ такимъ образомъ причины, которыя заставляютъ его сомнѣваться въ правдивости посланія Фотія (стр. 158), авторъ нашъ приступаетъ къ подробному опроверженію подлинности этого посланія и прежде всего доказываетъ, что оно никакъ не могло быть написано до низложенія Фотія, т. е. до конца 867 года, но написано послѣ этого времени, откуда уже само собою слѣдуетъ, что и обращеніе Руссовъ, о которомъ говоритъ Фотій, какъ о недавно совершившемся, совершилось послѣ низложенія Фотія, т. е. при патріархѣ Игнатіѣ.

Въ своемъ окружномъ посланіи, писанномъ 867 года, Фотій упоминаетъ объ епископахъ латинскихъ, которые посланы были папою Николаемъ I въ Болгарію и о томъ, какъ они исполнили здѣсь свое дѣло. *Но епископы эти,* говоритъ г. Вердье, *отправлены были изъ Рима въ концѣ 866 года и никакъ не могли прибыть сюда раньше 867 г.* и далѣе—*Фотій объ ихъ дѣйствіяхъ, о которыхъ говоритъ въ своемъ посланіи, никакъ не могъ получить свѣденія раньше своего низложенія, т. е. до Сентября 867 года* (стр. 159). Но эта мнимая невозможность, столь рѣшительная у г. Вердье, совершенно исчезаетъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Упомянутые епископы отправились изъ Рима въ

началѣ Ноября 866 года (Assemani calend. Eccl. Univers. t. II. p. 238) и очень легко, даже не спѣша (что трудно предполагать при ихъ усердіи къ своему дѣлу) могли прибыть въ Болгарію въ томъ же году (въ продолженіи 2 почти мѣсяцевъ) и патріархъ Фотій въ самомъ скоромъ времени могъ получить свѣдѣнія объ ихъ дѣйствіяхъ, потому что въ то время на границѣ Болгаріи и Греціи находился отъ правительства греческаго особый чиновникъ, который ожидалъ ихъ прибытія (Corpus hist. bysant t. 24 pag. 111). Слѣдовательно, если предположить, что епископы латинскіе, прибывъ въ Болгарію къ концу 866 года, немедленно приступили къ своему дѣлу (что также необходимо предположить, при ихъ усердіи утвердить въ Болгаріи латинство и вытѣснить восточное православіе), то съ совершенною вѣроятностію можно полагать, что въ томъ же году и, уже во всякомъ случаѣ, въ самомъ началѣ 867 года, Фотій могъ знать объ ихъ дѣйствіяхъ и съ совершенною добросовѣстностію могъ писать объ этомъ въ своемъ окружномъ посланіи. Замѣчательно, что папа Николай, который старался опровергнуть каждую мысль, каждое слово въ знаменитомъ посланіи Фотія, оставляетъ неприкосновеннымъ то мѣсто посланія, гдѣ говорится объ обращеніи Руссовъ (Comment. Acad. Petrop. t. VI p. 387). Неужели папа не обличилъ бы Фотія, еслибы тотъ несправедливо усвоялъ себѣ такое знаменитое дѣло? Но не одно молчаніе папы о мнимой лживости этого мѣста посланія подтверждаетъ его правдивость. Въ этомъ опроверженіи посланія Фотіева есть прямое указаніе на то, что оно писано до низложенія Фотія. Папа говоритъ, что обличенія Фотія противъ римской Церкви выдуманы, при участіи императоровъ

Михаила и Василія (¹); но Михаилъ и Василій царствовали вмѣстѣ только до Сентября 867 г.; слѣдовательно, самъ папа даетъ разумѣть, что посланіе написано до этого времени, и слѣдовательно, г. Вердье нужно бы сказать, что и папа Николай I ошибся. Дѣйствительно, онъ ошибся. При всемъ своемъ обиліи духовныхъ дарованій, которыя сливаются въ одно—въ непогрѣшимости папъ, Николай I никакъ не могъ предвидѣть, что его защитникамъ позднѣйшаго времени понадобится доказывать, что посланіе Фотія написано уже по смерти императора Михаила при единодержавномъ правленіи Василія Македонянина и, слѣдовательно, послѣ возстановленія патріарха Игнатія. Не потому ли г. Вердье умалчиваетъ совершенно объ этомъ опроверженіи Фотіева посланія папою Николаемъ, ибо мы никакъ не думаемъ, чтобы онъ такъ мало зналъ исторію раздѣленія Церквей, изъ которой извлекаетъ такія частныя доказательства (les preuves très détaillées стр. 159) своей мысли, каково свидѣтельство о Фотіи епископовъ Собора 869 года. Впрочемъ, мы не должны удивляться подобнаго рода пропускамъ и умолчаніямъ г. Вердье: они совершенно естественны въ его трудѣ. Онъ, по собственному признанію, принялъ за правило избѣгать въ этомъ сочиненіи вѣроятностей и доказывать латинство древней русской Церкви, какъ фактъ (стр. 134); яснѣе говоря, онъ рѣшился доказывать это дѣло положительно, убѣдительно, а такая цѣль въ настоящемъ дѣлѣ никакъ не можетъ быть иначе достигнута, какъ

(¹) A Graecorum Imperatoribus, Michaele scilicet et Basilio et ab his, qui sibi (Photio) parent, nequiter ingeruntur. Comment. Academ. Petrop. t. VI p. 386.

опущеніемъ сильнѣйшихъ доказательствъ противъ его мысли. Но при этомъ правилѣ—доказывать все рѣшительно и убѣдительно, авторъ одушевленъ еще необычайнымъ усердіемъ къ своемъ дѣлу, по которому онъ подбираетъ подъ руку все, что ни попадется ему, а отъ этого нерѣдко происходитъ, что за однимъ доказательствомъ вполнѣ рѣшительнымъ, слѣдуетъ подкрѣпленіе ему, совершенно лишнее, которое скорѣе ослабляетъ его, нежели подкрѣпляетъ. Такъ именно сдѣлалъ авторъ къ концу настоящаго отдѣла. Доказавъ, повидимому, со всею рѣшительностію, что Фотій нисколько не участвовалъ въ обращеніи Руссовъ при Оскольдѣ и Дирѣ и что въ своемъ окружномъ посланіи онъ совершенно недобросовѣстно приписалъ себѣ эту честь, онъ подкрѣпляетъ еще эти доказательства тѣмъ, что допускаетъ искаженіе посланія Фотіева рукою Грека позднѣйшаго времени, такъ что рѣшительно не знаемъ, кто у г. Вердье виноватъ, что посланіе Фотія не доказываетъ латинства древней русской Церкви—самъ ли Фотій, или Грекъ позднѣйшаго времени, исказившій это посланіе? Авторъ, впрочемъ, хотя очень неудачно, прикрываетъ эту несообразность въ доказательствахъ тѣмъ, что обвиняетъ въ искаженіи посланія того и другаго и Фотія и Грека позднѣйшаго времени. Вотъ какъ у него это выходитъ.

«*Мы*, говоритъ онъ, *не настаиваемъ на томъ мнѣніи, будто бы это посланіе подлогъ позднѣйшаго времени*, (какъ это доказываетъ Ассеманъ t. II. p. 240)—que cette lettre a été fabriquée plus tard. *Что окружное посланіе было написано Фотіемъ при созваніи Собора, предшествующаго его изгнанію* (867 г.), *это правдоподоб-*

но. Но отсюда еще далеко къ тому заключенію, что оно воспроизведено (издано вновь Фотіемъ rédigée) *въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ дошло до насъ. Фотій ложно* (будто бы) *выставилъ имена членовъ этого Собора, представителей восточныхъ патріарховъ, какъ это видно изъ актовъ VIII Собора* (т. е. Собора противъ Фотія 869 г.). *Не могъ ли онъ также исказить и посланія, которымъ созывалъ восточныхъ епископовъ на Соборъ* (867 г.)? (стр. 159—160).

Но это еще не все, — это посланіе (cette pièce), *должно быть, искажено еще было впослѣдствіи, потому что Бароній открылъ въ греческой коллегіи въ Римѣ измѣненный текстъ его съ именемъ Сисинія* (патріарха); *но при патріархѣ Сисиніѣ почти вся Россія обратилась къ Христіанству. Какъ не думать при этомъ, что большая часть мѣстъ объ обращеніи Руссовъ* (въ этомъ посланіи) *принадлежитъ этому послѣднему времени. Очевидно, что рука какого-нибудь Грека прошла здѣсь: погрѣшность могла потомъ попасть въ другіе сборники и даже въ сочиненія Латинянъ* (стр. 160).

Мы нарочно выписали все это мѣсто, какъ образецъ утонченной, искусственной теоріи г. Вердье, которая однако падаетъ, при самомъ легкомъ прикосновеніи критики. Не увлекаясь нисколько искусственнымъ наборомъ и построеніемъ доказательствъ г. Вердье, мы дозволяемъ себѣ провѣрить это воспроизведеніе неизвѣстныхъ фактовъ (искаженія окружнаго посланія Фотія), о которыхъ совершенно умалчиваетъ исторія. Обращаемся къ пособію самыхъ простыхъ правилъ логики и извѣстнымъ намъ свидѣтельствамъ историческимъ.

Фотій, по словамъ г. Вердье, *вѣроятно писалъ*

окружное посланіе до своего низложенія, но, *издавая его потомъ, исказилъ*,—очевидно, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ говорится объ обращеніи при немъ Руссовъ, потому что это авторъ и разбираетъ; яснѣе говоря, Фотій внесъ сюда расказъ объ обращеніи Руссовъ. Другаго смысла мы никакъ не можемъ видѣть въ словахъ г. Вердье и никакъ не можемъ думать, что бы онъ здѣсь не разумѣлъ такого именно искаженія. Но если Фотій самъ исказилъ такъ это посланіе, внесъ въ него впослѣдствіи расказъ объ обращеніи Руссовъ; то что осталось искажать въ этомъ самомъ мѣстѣ позднѣйшему Греку? На половину этого искаженія они не могли дѣлать; потому что раздѣленіе этого почетнаго труда въ настоящемъ случаѣ рѣшительно невозможно. Фотій, по мысли автора, сперва написалъ посланіе, до своего низложенія, въ которомъ будто бы ничего не говорилъ объ обращеніи Руссовъ, такъ какъ, по мнѣнію автора, событіе это тогда еще не совершилось; потомъ въ изгнаніи, или послѣ вторичнаго вступленія на престолъ патріаршій, воспроизвелъ это посланіе и внесъ въ него разказъ объ обращеніи Руссовъ. Каковъ бы ни былъ этотъ расказъ, все же въ немъ было указано на обращеніе Руссовъ. Чего же Фотій еще не прибавилъ тутъ существеннаго, что вставлено позднѣйшимъ Грекомъ и придало силу этому разсказу? Что-нибудь тутъ было одно: или Фотій самъ сдѣлалъ все дѣло, за что подвергся жестокому осужденію г. Вердье, и позднѣйшему Греку не оставалось уже прибавлять ничего существеннаго къ этому расказу, или все сдѣлалъ этотъ послѣдній, а на Фотія г. Вердье нападаетъ совершенно несправедливо; словомъ—по ходу мыслей са-

маго г. Вердье, кто-нибудь одинъ изъ нихъ виноватъ, но не оба, и слѣдовательно кого-нибудь изъ нихъ г. Вердье обвиняетъ въ подлогѣ этого мѣста посланія совершенно понапрасну, отъ избытка своего усердія къ защищаемой мысли. Утверждаемъ, что онъ обоихъ ихъ несправедливо обвиняетъ въ искаженіи этого посланія, и такъ какъ считаемъ добросовѣстность Фотія уже доказанною; то обращаемся только къ изслѣдованію обвиненій г. Вердье противъ какого-то позднѣйшаго грека. *Бароній нашелъ измѣненное посланіе Фотія съ именемъ патріарха Сисинія* (стр. 160): авторъ видитъ въ этомъ искаженіе первоначальнаго посланія Фотія? Мы имѣемъ основаніе думать, что здѣсь не искаженіе этого посланія, а примѣненіе къ новымъ обстоятельствамъ знаменитаго обличенія Латинянъ, которое до сихъ поръ уважается на Востокѣ и которое самъ Фотій разсылалъ два раза. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ полагаетъ, что *вѣроятно патріархъ Сисиній нашелъ нужнымъ снова огласить его въ предохраненіе православныхъ отъ нововведеній западныхъ* (Ист. Руск. Церкви Преосв. Макарія. т. 1. стр. 179). Въ самомъ дѣлѣ, если бы какой-либо Грекъ, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, желалъ исказить первоначальное посланіе Фотія, то для чего бы ему надписывать имя патріарха Сисинія? Потому, думаетъ авторъ, что *въ то время почти вся Россія обратилась къ Христіанству;* но Россія обращена была Владиміромъ къ Христіанству не при патріархѣ Сисиніѣ (вступилъ на престолъ 996 г.), какъ утверждаетъ г. Вердье, а тринадцать лѣтъ прежде (посланіе писано 1001 г.), при патріархѣ Николаѣ Хрисовергѣ, слѣдовательно имя патріарха Николая должно бы стоять

въ этомъ искаженномъ, будтобы, посланіи, еслибы такое искаженіе вызвано было обращеніемъ Россіи къ Христіанству при Владимірѣ, а не имя патріарха Сисинія, который не принималъ никакого особеннаго участія въ обращеніи цѣлой Россіи. Общее заключеніе изъ всего этого мы даемъ себѣ право вывести такое: вовсе не видно, чтобы *рука какого-либо Грека прошла* по окружному посланію Фотія, съ цѣлію исказить его, но *рука* г. Вердье *прошла очень замѣтно* по изложеннымъ у него событіямъ и дала имъ такой смыслъ, какого они рѣшительно не имѣютъ.

Въ заключеніе всего авторъ нашъ говоритъ: *вопросъ такимъ образомъ рѣшенъ, и безполезно еще изслѣдывать соображенія Паги и Карамзина, къ которымъ они прибѣгаютъ, чтобы примирить явно непримиримыя извѣстія Фотія и Константина Багрянороднаго»* (объ обращеніи Руссовъ) (¹). Мы съ своей стороны тоже считаемъ неумѣстнымъ опираться на личное мнѣніе Паги или Карамзина, потому что оно какъ мнѣніе позднѣйшихъ писателей въ настоящемъ дѣлѣ не имѣетъ силы; но очень важно то основаніе, на которомъ утверждается мнѣніе наприм. Карамзина—это преданіе нашего народа (Ист. Кар. т. 1 стр. 111 прим. 285 изд. 1818 г.), и очень странно, что г. Вердье, приводя съ такою довѣрчивостію и свидѣтельство Дандолы (XIII в.) и Баронія и Ассемана (XVII—XVIII в.) пренебрегаетъ нашими русскими древними преданіями, записанными гораздо раньше всѣхъ этихъ свидѣтельствъ. Нашъ народъ живо помнилъ, что первый епископъ присланъ

(¹) Стр. 160.

къ намъ Фотіемъ и передавалъ это преданіе изъ рода въ родъ, хотя время и обстоятельства, при которыхъ это происходило, были забыты. Въ такомъ видѣ преданіе это существовало во времена составителей лѣтописи, которые, не зная о томъ, что Русь крестилась и при Оскольдѣ и что въ это именно время присланъ былъ этотъ епископъ (не знали они этого событія, потому что лѣтопись Георгія Амартола, которою Несторъ пользовался, оканчивается повѣствованіемъ о нападеніи Руссовъ на Константинополь и пораженіемъ ихъ здѣсь, но не говоритъ ничего о дальнѣйшихъ событіяхъ), относили это преданіе къ временамъ св. Ольги или даже Владиміра (1). Такъ вѣрили тогда въ истину этого преданія, что пріурочивали его къ разнымъ событіямъ, когда дѣло шло о первомъ нашемъ епископѣ, первомъ митрополитѣ, (Comment. Acad. Petrop. t. VI p. 338). Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ даже думаютъ, что, при крещеніи Россіи Владиміромъ, у насъ различались двѣ половины духовенства—одна, которая продолжалась въ Россіи до Владиміра чрезъ преемство отъ временъ Оскольда, т. е, отъ Фотія патріарха, и другая, вновь прибывшая въ Россію при Владимірѣ изъ Греціи и Корсуня (2). Какъ бы то впрочемъ ни было,— несомнѣнно то, что у насъ до позднѣйшаго времени сохранялось въ существенныхъ своихъ чертахъ преданіе о томъ, что Фотій патріархъ участвовалъ въ обращеніи Россіи, что отъ него ведетъ свое начало наша іерархія. Предапіе это, какова бы ни была его позд-

(1) Татищ. Истор. т. I. стр. 35; т. II стр. 364.

(2) Баронъ Розенкампфъ. Обозрѣніе Кормчей Книги стр. 211—212.

нѣйшая форма, въ сущности своей очень важно въ настоящемъ дѣлѣ, и г. Вердье вовсе не слѣдовало оставлять его въ сторонѣ. Но насъ не долженъ удивлять и этотъ пропускъ г. Вердье: онъ во всемъ своемъ сочиненіи не удостоиваетъ вниманія свидѣтельства Русскихъ о себѣ, но вѣдь такъ писать о Россіи почти принято за правило на просвѣщенномъ Западѣ Европы.

Повторимъ въ заключеніе нашего разбора этого отдѣла сочиненія г. Вердье мысль, которую высказали въ началѣ этой статьи: для насъ Русскихъ рѣшительно всё равно, кѣмъ былъ присланъ къ намъ первый нашъ епископъ-патріархомъ ли Фотіемъ или Игнатіемъ; завѣтная истина нашей Церкви, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ равно будетъ ненарушима, потому что обоихъ патріарховъ мы считаемъ православными. Мнимое латинство патріарха Игнатія, основанное лишь на томъ, что этотъ патріархъ жилъ въ мирѣ съ папами и обращался къ защитѣ ихъ, слишкомъ неубѣдительно и лучше всего опровергается тѣмъ, что этотъ мнимо латинствующій патріархъ до сихъ поръ находится въ нашихъ и греческихъ святцахъ. Пусть намъ г. Вердье убѣдительно, безпристрастно докажетъ, что, дѣйствительно, Игнатій патріархъ прислалъ къ намъ перваго епископа, мы примемъ это, не колеблясь; но пока этого не сдѣлалъ ни г. Вердье, ни его предшественники на этомъ поприщѣ, мы держимся первой истины, потому что ее даютъ намъ народное наше преданіе, древнія свидѣтельства греческія и новѣйшія изслѣдованія нашей исторіи. И разбирая эту статью г. Вердье, мы доказывали участіе Фотія въ обращеніи Руссовъ не по предзанятой мысли, которая намъ со-

вершенно безполезна, а во имя истины, и чтобы показать, какими неправыми путями идетъ г. Вердье къ своей цѣли—(доказать латинство древней русской Церкви), какъ онъ на этомъ пути измѣняетъ самому себѣ, искажаетъ событія и клеймитъ позоромъ знаменитаго Фотія, не обращая вниманія на глубокое уваженіе къ этому необыкновенному человѣку—всей Церкви греческой и русской.

(Будетъ продолженіе).

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. ВЕРДЬЕ (VERDIER): ORIGINES CATHOLIQUES DE L'EGLISE RUSSE JUSQU'AU XII SIÈCLE (КАТОЛИЧЕСКОЕ НАЧАЛО РУССКОЙ ЦЕРКВИ ДО XII-ГО ВѢКА).

Etudes de Théologie d'histoire... par Gagarin t. II p. 133—304.

(Продолженіе).

III.

«*Обращеніе (къ Христіанству) великой княгини Ольги около 956 г. Посланіе латинскаго епископа. Единеніе Грековъ съ рим. престоломъ въ это время*» (Верд. стр. 161—174).

Обращеніе къ Христіанству великой княгини русской св. Ольги составляетъ одно изъ важнѣйшихъ событій въ нашей церковной исторіи. Примѣръ всѣми уважаемой княгини и прямое содѣйствіе ея успѣхамъ святой вѣры, а потомъ благодарная, необычайная для женщины того времени, память объ ней народа постоянно поддерживали у насъ тогда Христіанство до самаго времени торжественнаго принятія его Владиміромъ. Мало того, Христіанство временъ Ольги подготовило собою крещеніе Россіи при Владимірѣ. Равноапостольный внукъ св. Ольги и его совѣтники, рѣшаясь принять греческій законъ, но еще не понимая всей

его внутренней силы и величія, указывали на примѣръ *мудрѣйшей всѣхъ человѣкъ Ольги*, какъ на лучшее доказательство достоинства новой Вѣры. Потому-то нашъ знаменитый собиратель первыхъ народныхъ преданій и вѣрный цѣнитель отечественныхъ событій (преп. Несторъ) назвалъ *блаженную* Ольгу *денницею* предъ солнцемъ (Владиміромъ), *зарею предъ свѣтомъ* (¹). Церковь русская говорила тогда тоже самое, причисливъ великую Ольгу къ лику святыхъ и назвавъ ее *равноапостольною*. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ великая княгиня Ольга и въ пѣснопѣніяхъ церковныхъ и въ лѣтописныхъ сказаніяхъ и въ убѣжденіяхъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ русской Церкви признавалась и признается *равноапостольною провозвѣстницею* у насъ восточнаго греческаго православія и никто не дерзалъ находить какое-либо пятно въ этой свѣтлой звѣздѣ русской. Но вотъ настали времена (съ конца XVI вѣка), когда латинская Церковь допустивъ существованіе литовской уніи,—какъ законнаго учрежденія, этимъ самимъ обязала себя признать законными тѣ остатки русскаго православія, какіе оставлены въ уніятской Церкви неприкосновенными. Этимъ путемъ вмѣстѣ съ другими святыми русской Церкви признана латинянами святою и равноапостольная Ольга. Но такъ какъ русская Церковь у латинянъ считалась схизматическою, то, очевидно, оказалось нужнымъ снять это мнимое пятно съ тѣхъ русскихъ святыхъ, которые изъ уніятскихъ святцевъ должны были перейти въ латинскіе. Уніяты и ревностные ихъ сотрудники-латиняне обратились къ исторіи

(¹) Полн. Собр. Лѣтопис. т. 1. стр. 29.

и стали ее прилаживать къ требованіямъ своей Церкви. Такимъ образомъ, и св. Ольга, равноапостольная проповѣдница въ Россіи восточнаго православія, признана латинствовавшею. Г. Вердье не могъ не знать, какимъ образомъ и по какимъ побужденіямъ равноапостольная провозвѣстница греческаго православія св. Ольга внесена изъ русскихъ святцевъ въ латинскіе. Но понятно каждому, что ему очень невыгодно было выставлять на видъ всѣ эти обстоятельства. Ему гораздо лучше притвориться незнающимъ дѣла и показывать, что мнѣніе о латинствѣ св. Ольги образовалось не по вызову особенныхъ обстоятельствъ латинской Церкви, а на основаніи самаго дѣла. Выгодно это для г. Вердье потому, что, еслибы это мнѣніе было основано на несомнѣнныхъ рѣшительныхъ фактахъ, то оно составляло бы неоцѣненную находку для г. Вердье и онъ очень легко могъ бы ввесть въ заблужденіе людей незнающихъ этого дѣла.

На чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, основано мнѣніе о мнимомъ латинствѣ св. Ольги? Первые изобрѣтатели его, не слишкомъ разборчивые въ средствахъ, утверждали его на общей нерѣшительной мысли, что во времена Ольги раздѣленіе Церквей еще не совершилось и что, слѣдовательно, Ольга, принявъ крещеніе въ Константинополѣ, подчиненномъ будтобы тогда Риму, сама подчинялась ему,—была въ единеніи съ латинскою Церковію. Этого было для нихъ достаточно, чтобы внести имя Ольги въ латинскіе святцы,—больше они отъ нея не требовали ([1]). Г. Вердье принимаетъ, какъ

([1]) Kulesza Wiara Prawoslavna str. 45—47; Assemani cal. t. 1. p. 247—255.

уже готовую работу ,—это основаніе мнѣнія о латинствѣ Ольги; но не довольствуется имъ однимъ, а идетъ далѣе и обогащаетъ трудъ своихъ предшественниковъ новыми данными, или лучше сказать поправляетъ ихъ недосмотръ.

Когда Ассеманъ искалъ доказательствъ латинства св. Ольги , ему попадались въ древнихъ германскихъ сказаніяхъ свидѣтельства о томъ, что св. Ольга спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ приняла крещеніе въ Константинополѣ, посылала посольство къ германскому императору Оттону съ просьбою прислать епископа съ священниками для обращенія Россіи къ Христіанству. Какъ ни благопріятны были эти свидѣтельства для Ассемана, но онъ ихъ отвергъ, потому что въ нихъ Руссы названы Ругійцами, какое названіе, по мнѣнію Ассемана, принадлежало не Руссамъ , а жителямъ острова Ругена. Впрочемъ у Ассемана были другія причины отвергать эти свидѣтельства. Всѣ эти свидѣтельства , какъ увидимъ въ свое время , показываютъ съ самой невыгодной стороны мнимое расположеніе Руссовъ къ латинству и бросаютъ тѣнь на самую Ольгу, если считать ее латинствовавшею.

Г. Вердье нашелъ средство преодолѣть эти трудности, передъ которыми остановился Ассеманъ. Неоцѣненную услугу оказалъ ему въ этомъ отношеніи нашъ знаменитый ученый Шлёцеръ. Страстный поборникъ всего скандинавскаго и германскаго въ нашей исторіи , Шлёцеръ обратилъ особенное вниманіе на свидѣтельства германскія о посольствѣ св. Ольги къ германскому императору Оттону I и , принимая въ нихъ все за несомнѣнную истину , высказалъ такое мнѣніе,—что Ольга, дѣйствительно, посылала это по-

сольство съ просьбою прислать къ ней епископа и священниковъ и что влѣдствіе этой просьбы къ ней отправленъ былъ Адальбертъ съ нѣсколькими помощниками, но встрѣтилъ въ Русскихъ такое упорство, что едва спасся отъ нихъ бѣгствомъ. Объсняя такой странный поступокъ со стороны Ольги, уже принявшей Христіанство въ Константинополѣ, Шлецеръ говоритъ, что Ольга могла не знать о раздѣленіи Церквей, что въ Константинополѣ уже не было тогда въ живыхъ знакомыхъ ей императора и патріарха, между тѣмъ грозное могущество Оттона побуждало ее искать съ нимъ дружбы (¹).

Г. Вердье пользуется Шлецеромъ, какъ это очевидно при самомъ легкомъ сличеніи его цитатъ съ свидѣтельствами Шлецера, но оставляя въ сторонѣ соображенія Шлецера приводитъ изъ него то, что для него благопріятно, не стѣсняясь въ этомъ случаѣ нимало хронологическимъ порядкомъ указанныхъ у Шлецера свидѣтельствъ. Изъ нихъ г. Вердье выбираетъ самое безукоризненное по его мысли и ставитъ его на первомъ мѣстѣ, именно—свидѣтельство Аламберта Ашафенбургскаго, который говоритъ, что 960 года пришедшіе къ королю Оттону послы отъ русскаго народа просили прислать къ нимъ кого-нибудь изъ его епископовъ, который указалъ бы имъ путь истины. Преклонясь на ихъ прошеніе, онъ послалъ православнаго (fide catholicum) Адальберта, который едва спасся отъ ихъ рукъ (²). Свидѣтельство это, говоримъ, самое безукоризненное и очень сильно гово-

(¹) Шлец. т. 3. стр. 455—460.

(²) Вердье стр. 163. Шлец. т. 3. стр. 459 снес. 470.

ритъ въ пользу защищаемой г. Вердье мысли, за исключеніемъ послѣднихъ словъ этого свидѣтельства, изъ которыхъ ясно видно, что Русскіе противопоставили Адальберту самое упорное и ожесточенное сопротивленіе и что никто не могъ поддержать его ревности къ распространенію въ Россіи Христіанства. Все это само собою приводитъ къ слѣдующимъ предположеніямъ: или призвавшіе латинскаго епископа въ Россію были очень немногочисленны и слабы, чтобы поддержать его, или Русскіе призывали его лицемѣрно, изъ видовъ политическихъ, желая высказать мнимую расположенность къ Оттону, или наконецъ они вовсе не просили къ себѣ латинскаго епископа, а только имѣли политическія сношенія съ Оттономъ, но германскій императоръ воспользовался этимъ случаемъ и навязалъ Русскимъ латинскаго епископа.

Первое предположеніе высказываетъ и доказываетъ Шлецеръ. По его мнѣнію, Ольга посылала посольство къ Оттону съ просьбою епископа тайно, боясь народа; потому лѣтописецъ русскій и не знаетъ ничего объ этомъ дѣлѣ. Но такъ какъ она дѣйствовала въ этомъ случаѣ съ немногими приверженцами, то предпріятіе ея вовсе не имѣло успѣха: народъ вооружился и выгналъ Адальберта. Въ этомъ предположеніи мы видимъ искусную теорію нѣмецкаго ученаго; но она не мирится съ другими фактами. Странно въ этой теоріи то, что св. Ольга, такъ открыто принявшая Христіанство въ Греціи и такъ настоятельно убѣждавшая къ принятію его своего сына Святослава, имѣвшая притомъ такую крѣпкую власть надъ своимъ народомъ, должна была тайно приглашать къ себѣ епископа изъ иноплеменной страны и потомъ не умѣла защитить

его отъ ярости народной. Въ дѣлахъ Ольги, со времени принятія Христіанства, мы не видимъ никакой скрытности, таинственности, напротивъ видимъ самую гласную торжественность, а потому не имѣемъ никакой причины предполагать скрытность и таинственность и въ этомъ дѣлѣ призванія латинскаго епископа.

Далѣе, еще страннѣе со стороны Ольги самая мысль призвать къ себѣ епископа латинскаго помимо Греціи. Въ Константинополѣ она приняла крещеніе, послѣ крещенія обнаружила явное намѣреніе распространить св. Вѣру въ своей странѣ: можно ли думать, чтобы она тогда же не позаботилась о первѣйшемъ средствѣ къ этому—о пастыряхъ и не призвала ихъ къ себѣ изъ Греціи тогда же? Правда, что она имѣла недоразумѣнія съ Константинополемъ; но эти недоразумѣнія отнюдь не касались патріарха и греческаго духовенства. Притомъ по сосѣдству съ Россіею была Болгарія, просвѣщенная Христіанствомъ слишкомъ столѣтіе: оттуда св. Ольгѣ и легче и выгоднѣе было призвать священниковъ, чѣмъ изъ иноплеменной Германіи. Шлецеръ говоритъ, что въ то время, т. е. въ 959 году, въ Константинополѣ уже не было въ живыхъ ни императора, ни патріарха, крестившихъ Ольгу, къ которымъ она могла бы обратиться какъ къ знакомымъ. Важное затрудненіе! Не знала же Ольга ни Константина Бягрянороднаго, ни патріарха Поліевкта, когда отправлялась въ Константинополь креститься. Мы напротивъ думаемъ, что это самое обстоятельство, что тогда не было въ живыхъ Константина Багрянороднаго и могло бы особенно располагать Ольгу обратиться теперь къ Константинополю, по смерти императора, оскорбившаго ее гордымъ обращеніемъ. Но глав-

ное, патріархъ Поліевктъ, крестившій св. Ольгу, былъ теперь еще живъ; съ другой стороны равноапостольная княгиня, безъ сомнѣнія, до сихъ поръ уже имѣла необходимыхъ пастырей. Быть не можетъ, чтобы она, принявъ крещеніе и имѣя такую ревность къ распространенію св. Вѣры, оставалась безъ нихъ два или три года. Словомъ, естественнѣе всего думать, что св. Ольга не имѣла никакой нужды въ латинскомъ германскомъ духовенствѣ и, если, дѣйствительно, просила Оттона прислать къ ней епископа и священниковъ для распространенія въ Россіи Христіанства, то просила неискренно, прикрывая этимъ свои политическіе виды, желая усыпить воинственность Оттона, т. е. мы приходимъ ко второму предположенію для объясненія посольства Ольги къ Оттону. Этимъ мы повидимому противорѣчимъ свидѣтельству Ламберта Ашафенбургскаго, которое приводитъ г. Вердье вслѣдъ за Шлецеромъ и по которому Ольга просила епископа и священниковъ съ тѣмъ, чтобы они указали Русскимъ путь истины. Нисколько,—этимъ мы только пополняемъ это свидѣтельство и пополняемъ не по нашему произволу, а потому что въ такомъ именно видѣ оно находится въ древнѣйшей германской лѣтописи у продолжателя Регинона. Тамъ это дѣло разсказывается такъ, 959 года отъ Рождества Христова (Оттонъ I) снова напалъ на Славянъ (Sclavos), гдѣ погибъ Титмаръ. Послы Елены королевы Ругійцевъ (Rugorum), которая при Романѣ (не Романѣ, а Константинѣ Багрянородномъ) императорѣ Константинопольскомъ, крещена въ Константинополѣ, *коварствуя, какъ открылось послѣ*, пришли къ королю и просили епископа и священни-

ковъ для своего народа (1). Въ такомъ же видѣ это свидѣтельство повторяется въ саксонскихъ лѣтописяхъ (2). Самое естественное и невольное слѣдствіе вытекаетъ отсюда такое: ближайшіе историческіе свидѣтели этого событія вовсе не вѣрили, чтобы Ольга, дѣйствительно, желала имѣть у себя латинскаго епископа. Любопытно, какъ г. Вердье выходитъ изъ этого затрудненія. Онъ, какъ мы уже замѣчали, поставилъ безукоризненное свидѣтельство Ламберта впереди, а потомъ уже другія изъ продолжателя Регинона и саксонскихъ лѣтописей, такъ что не знающему дѣла легко можетъ казаться, будто свидѣтельство Ламберта древнѣе, а свидѣтельства продолжателя Регинона и саксонскихъ лѣтописей составляютъ повтореніе перваго съ произвольнымъ объясненіемъ, что Ольга лицемѣрно просила себѣ латинскаго епископа, между тѣмъ, какъ по изслѣдованіямъ Шлецера, свидѣтельство продолжателя Регинона древнѣе всѣхъ,—такъ что скорѣе можно думать, что Ламбертъ имъ воспользовался, оставивъ только въ сторонѣ объясненіе событія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и Дитмаръ, почти современникъ св. Ольги и болѣе другихъ знакомый съ дѣлами Россіи, упоминаетъ только о томъ, что Адальбертъ былъ поставленъ въ епископа Россіи и изгнанъ оттуда, а вовсе не говоритъ о посольствѣ Ольги къ Оттону. Такъ непріятно, или, лучше сказать, такъ невѣроятно было для Латинянъ безуспѣшное желаніе Ольги имѣть у себя латинскаго епископа!

Г. Вердье совершенно иначе смотритъ на это дѣ-

---

(1) Шлец. Т. 3 стр. 447 слич. 469.

(2) Тамъ же, стр. 449—451.

ло. По его мнѣнію, *писатели, предполагавшіе въ посольствѣ Ольги обманъ, судили о событіи по его слѣдствію* ([1]). Очень ловкое объясненіе! Мы имъ воспользуемся для слѣдующаго вывода: если писатели предполагавшіе обманъ со стороны Ольги судили о событіи по слѣдствію его, потому что Адальбертъ былъ изгнанъ; то не тѣмъ же ли правиломъ всѣ они руководствовались, когда утверждали, что посольство отъ Ольги просило епископа, т. е. не потому ли они предполагали со стороны Ольги эту просьбу, что знали, что отъ нее приходило посольство и что тогда же Оттонъ рѣшился послать въ Россію епископа. Почти всѣ эти свидѣтели явно даютъ разумѣть, что посольство Ольги приходило собственно не за епископомъ, а только прикрывало этимъ предлогомъ свои политическія цѣли. Нельзя ли въ самомъ дѣлѣ думать, что и мнимый обманъ со стороны Ольги есть также предположеніе этихъ свидѣтелей, что послы Ольги вовсе не просили епископа, приходили только по дѣламъ гражданскимъ, но что самъ Оттонъ воспользовался этими дружескими сношеніями съ нимъ Россіи и, разсчитывая на нихъ, позаботился отправить въ Россію латинскую миссію. Первую половину этого предположенія, что посольство Ольги къ Оттону если и было, то имѣло характеръ только гражданскій, высказалъ Ассеманъ ([2]); эту мысль принимаетъ нашъ ученый, преосвященный Макарій, и дополняетъ ее второю половиною сейчасъ представленнаго нами предположенія,—именно, что Латиняне, безъ просьбы Ольги, посла-

---

([1]) стр. 163.

([2]) Asseman. calend. t. 1, p. 243—253.

ли къ ней епископа, пользуясь удобнымъ случаемъ. Хотя то и другое мнѣніе не опирается ни на одномъ прямомъ указаніи исторіи, но кромѣ своей естественности они имѣютъ слѣдующія основанія: ни грамота Оттона саксонскимъ князьямъ о возведеніи Адальберта въ архіепископа магдебургскаго, ни Дитмаръ ни слова не говорятъ о просьбѣ Русскихъ послать къ нимъ епископа, а только упоминаютъ о томъ, что Адальбертъ былъ епископомъ русскимъ или ругскимъ, ругійскимъ ([1]),—молчаніе особенно у Дитмара очень странное! Далѣе, изъ саксонской лѣтописи видно, что назначеніе быть епископомъ въ Россіи тогда считалось очень непріятнымъ и что Адальбертъ былъ назначенъ въ Россію по интригѣ архіепископа Вильгельма ([2]). Значитъ, тогда Латиняне очень подозрительно смотрѣли на мнимую готовность Русскихъ принять латинство и хотя знали, что княгиня ихъ христіанка и (будто бы) высказывала готовность распространить у себя латинство, но очень мало разсчитывали на ея поддержку, потому ли что считали ее слабою правительницею (чему противорѣчатъ всѣ факты нашей исторіи), или (что гораздо вѣроятнѣе) потому что не видѣли съ ея стороны никакой готовности принять къ себѣ латинскаго епископа, а посылали его сами, пользуясь удобнымъ случаемъ и по особенной ревности къ распространенію латинства. Это предположеніе, говоримъ, самое естественное и простое,—впрочемъ мы не думаемъ возводить его на степень неоспоримой истины. Для этого ему не достаетъ положительнаго сви-

---

([1]) Шлецер. т. 3, стр. 446, 447, 448, 449.

([2]) Тамъ же стр. 458.

дѣтельства исторіи. Но оцѣнивая также соображенія г. Вердье, мы даемъ себѣ право сказать, что они еще менѣе могутъ быть признаны истинными и изъ нихъ никакъ нельзя вывести того заключенія, какое выводитъ г. Вердье, что св. Ольга была въ единеніи съ латинскою церковію, и вотъ въ краткихъ чертахъ почему нельзя: Ольга желаетъ имѣть латинскаго епископа, но современники принимаютъ это желаніе съ неудовольствіемъ и подозрѣніемъ; ближайшіе историческіе свидѣтели прямо и ясно обвиняютъ ее въ обманѣ; наконецъ защитники уніи литовской, которымъ рѣшительно необходимо было найти въ св. Ольгѣ что-нибудь латинское, отвергаютъ все сказаніе о мнимомъ желаніи Ольги имѣть у себя латинскаго епископа и распространять латинство; одинъ только г. Вердье усиливается доказать, что св. Ольга, дѣйствительно, желала быть латинянкою. Какъ бы много мы ни уважали г. Вердье, но отдать ему предпочтеніе въ этомъ случаѣ предъ его сотрудниками прежнихъ временъ и передъ историческими свидѣтелями древними, не имѣвшими въ виду доказывать или отвергать латинство древней русской Церкви,—никакъ не смѣемъ, и этотъ недостатокъ смѣлости г. Вердье долженъ намъ вполнѣ извинить, если онъ уважаетъ правила историческаго безпристрастія. Правда, на сторонѣ автора повидимому—авторитетъ знаменитаго Шлецера, но вникая въ изслѣдованія Шлецера объ этомъ дѣлѣ, нельзя не замѣтить, что онъ доказываетъ собственно два положенія: что св. Ольга посылала посольство къ Оттону и что Оттонъ посылалъ въ Россію латинскую миссію, но чтобы отсюда можно было вывести съ достовѣрностію, что св. Ольга была Латинянкою, этого Шле-

церъ вовсе не утверждаетъ, напротивъ онъ говоритъ, что въ этомъ происшествіи много темнаго и затѣмъ перечисляетъ недоумѣнія, какія невольно вызываетъ странное намѣреніе Ольги имѣть епископа изъ Германіи латинскаго, помимо Греціи (¹).

Далѣе Шлецеръ ясно даетъ понять, что Ольга не думала измѣнять греческому вѣроисповѣданію и если просила латинскаго епископа, то потому, что, вѣроятно, не знала о существовавшемъ раздѣленіи Церквей (²),—слѣдовательно Шлецеръ допускаетъ ту мысль, что если бы она знала о раздѣленіи Церквей, то, вѣроятно, не сдѣлала бы этого; т. е. Шлецеръ смотритъ на посольство Ольги къ Оттону какъ на ошибку, недоразумѣніе съ ея стороны, а не какъ на слѣдствіе ея отчетливаго убѣжденія въ истинности латинскаго исповѣданія. Много же Шлецеръ говоритъ въ пользу г. Вердье! И такъ, все приводитъ насъ къ тому заключенію, что мнѣніе о латинствѣ св. Ольги принадлежитъ одному г. Вердье и ставитъ его въ противорѣчіе съ древними историческими свидѣтелями. Но еслибы даже и не было этого противорѣчія, еслибы даже св. Ольга, дѣйствительно, посылала посольство къ Оттону съ искреннею просьбою прислать къ ней латинскаго епископа; то и въ такомъ случаѣ мы должны были бы смотрѣть на изслѣдованія г. Вердье о латинствѣ Россіи во времена св. Ольги, какъ на совершенно излишній, ничего недоказывающій трудъ; потому что вся мнимая затѣя св. Ольги ввести латинство въ Россіи,

(¹) Шлец. Т. 3, стр. 455—460. Объясненіе этихъ недоумѣній Шлецеромъ мы указали выше.

(²) Тамъ же стр. 457—458.

по несомнѣнному свидѣтельству исторіи, которое вполнѣ принимаетъ г. Вердье, кончилась ничѣмъ и не оставила послѣ себя никакихъ слѣдовъ: латинскаго епископа, присланнаго отъ Оттона, Русскіе прогнали. Сами ли язычники русскіе это сдѣлали или по внушенію христіанъ восточнаго вѣроисповѣданія, которыхъ тогда было не мало, не знаемъ: но несомнѣнно то, что тогда они терпѣли рядомъ съ собою христіанъ греческаго вѣроисповѣданія, какъ это видно изъ договора Игоря съ Греками, и во времена св. Ольги не воздвигали противъ нихъ никакого гоненія: слѣдовательно, если они изгнали въ это время латинскихъ проповѣдниковъ; то этимъ ясно показали свое особенное нерасположеніе къ латинянамъ. Не потому ли и Владиміръ, отсылая прочь латинскихъ пословъ, сказалъ имъ: отцы наши не приняли сего ученія, какъ бы указывая этимъ на неудачную попытку ихъ собратовъ во времена св. Ольги?

Послѣ этихъ изслѣдованій, составляющихъ мнимую новизну въ русской исторіи, авторъ обращается къ готовой работѣ своихъ предшественниковъ и доказываетъ, что *греческая Церковь послѣ Фотія и во времена св. Ольги была въ единеніи съ латинскою церковію,—слѣдовательно св. Ольга тѣмъ болѣе могла не чуждаться мысли распространить въ Россіи латинство* и если эта мысль ей не удалась, то это нисколько не мѣшало ей быть въ единеніи съ латинскою Церковію (¹).

Мы будемъ еще имѣть случай подробнѣе разбирать доказательства автора объ единеніи греческой Церкви съ латинскою послѣ временъ Фотія; здѣсь же ограничимся только краткими замѣчаніями. Соглашаемся впол-

---

(¹) У Вердье стр. 163—170.

нѣ съ авторомъ, что послѣ Фотія разногласія между восточною и западною Церквами какъ бы затихли. Многіе люди того времени, пораженные предшествовавшими смутами и боясь самой мысли о раздѣленіи Церквей, соединенныхъ узами любви со временъ апостольскихъ, старались всѣми мѣрами поддерживать, по крайней мѣрѣ, наружное единеніе; другіе же какъ напр. патріархъ Ѳеофилактъ, занимая высшія мѣста въ Церкви незаконно и имѣя крайнюю нужду въ поддержкѣ со стороны папы, выказывали передъ нимъ угодливость: но мы должны брать во вниманіе не наружное единеніе Церквей и не дѣйствія частныхъ лицъ, вызванныя личными разсчетами, а единеніе внутреннее, единеніе всей Церкви восточной съ римскою, и особенно мы должны строго отличать единеніе, согласіе Церквей, взаимное ихъ уваженіе отъ подчиненія одной Церкви другой. Авторъ не дѣлаетъ этого различія, потому что въ его убѣжденіяхъ единеніе (хотя бы наружное) Церкви восточной съ римскою одно и тоже, что подчиненіе первой власти папы; но насъ ничто не заставляетъ объединять эти совершенно различныя вещи, а коль скоро мы различаемъ ихъ, то все дѣло представляется намъ въ совершенно другомъ видѣ, нежели въ какомъ его видитъ г. Вердье. Имѣли патріархи константинопольскіе послѣ Фотія сношенія съ римскою Церковію, отзывались объ ней съ уваженіемъ и даже по христіанской любви или по интересамъ гражданской власти иногда открыто объявляли, что между Церквами нѣтъ вражды. Но слѣдуетъ ли отсюда, что они объявляли законными, а тѣмъ болѣе обязательными для себя всѣ нововведенія римской Церкви, каковы догматъ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, обычай совершать Ев-

харистію на опрѣснокахъ и т. п.? Нисколько,—и мы увѣрены, что и г. Вердье, при всей своей смѣлости, не рѣшится утверждать это. Принимали константинопольскіе патріархи отъ папы легатовъ, высказывали къ нему свое личное уваженіе въ лестныхъ словахъ; но признавали ли они его власть надъ собою, повиновались ли ему, какъ главѣ Церкви? Немного нужно труда, чтобы рѣшить эти вопросы: стоитъ только обратить вниманіе на обстоятельство, повидимому очень маловажное: въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ, изъ которыхъ авторъ выписываетъ намъ отрывки, доказывающіе повидимому подчиненіе патріарховъ папѣ,—въ тѣхъ же самыхъ, говоримъ, грамотахъ, въ подписяхъ патріарховъ находится слово вселенскій (οἰκουμενικὸς), а это такое слово, котораго папы никогда не могли равнодушно слышать, какъ слово равенства между патріархами и папами, какъ явное и рѣшительное опроверженіе главенства папы. А что, дѣйствительно, всѣ константинопольскіе патріархи пользовались этимъ титуломъ и вызывали имъ негодованіе папъ, это засвидѣтельствовалъ папа Левъ IX въ посланіи своемъ къ Михаилу Керулларію (1).

Наконецъ, какъ во многихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь авторъ самъ ставитъ себѣ камни претыканія. Онъ указываетъ намъ на неудовольствія между Константинополемъ и Римомъ изъ за четвертаго брака Льва Мудраго, который (бракъ) былъ разрѣшенъ папою, вопреки рѣшенію патріарха Николая Мистика и вопреки правиламъ соборнымъ (2),—неудовольствія, начавшіяся въ

---

(1) Epist. 1 c. 9 ann. Hist. Eccl. Fleur. lib. XXXVI c. 52.
(2) Стр. 169.

концѣ девятаго вѣка. Г. Вердье доказываетъ на самыхъ шаткихъ основаніяхъ, что этотъ споръ скоро совершенно прекратился, но это неправда,—споръ этотъ продолжался почти во весь X-й вѣкъ (¹), и далеко не былъ такъ маловажнымъ, какъ представляетъ авторъ. Такимъ образомъ и видимое единеніе Церквей въ разсматриваемое время было очень невелико. Имѣемъ основаніе думать, что оно особенно было невелико около того времени, какъ св. Ольга приняла въ Константинополѣ крещеніе. Какъ на образецъ единенія церковнаго авторъ указываетъ на время патріаршества Ѳеофилакта, при которомъ будтобы крестилась св. Ольга. Дѣйствительно, это достойный образецъ прославляемаго г. Вердье единенія Церквей! Ѳеофилактъ возведенъ былъ императоромъ Романомъ на патріаршій престолъ, противъ желанія константинопольскаго клира съ явнымъ нарушеніемъ церковныхъ правилъ (на 17 году жизни) и своею жизнію довольно живо напоминалъ папъ временъ великаго раскола (²). Неудивительно, что такой патріархъ имѣлъ нужду въ папѣ и покупалъ его содѣйствіе цѣною униженія передъ нимъ! Но его единеніе съ папою было ли отголоскомъ Церкви восточной? Безъ всякаго сомнѣнія,—нѣтъ! Предполагать это значило бы наносить величайшее оскорбленіе восточной Церкви. Какъ бы то впрочемъ ни было, но есть ли основаніе думать, что покорность папѣ патріарха Ѳеофилакта была внушена св. Ольгѣ? По изслѣдованіямъ г. Вердье выходитъ такъ, потому что

(¹) Bar. Annal. Eccles. t. X. p. 885.

(²) Rorbacher Histoire Universelle de l'Eglise Cath. t. 13 p. 73—75.

онъ принимаетъ на вѣру мнѣніе Шлецера, что св. Ольга приняла крещеніе отъ патріарха Ѳеофилакта въ 956 г. Но такъ какъ это совершенно невѣрно (1), то позволительно думать, что подобныхъ внушеній вовсе не было. Намъ извѣстно прощальное наставленіе св. Ольгѣ крестившаго ее патріарха Поліевкта: въ немъ нѣтъ ни слова о мнимой власти папы надъ восточною Церковію (2). Понятно, почему г. Вердье предполагаетъ подобныя внушенія. Самъ онъ, конечно, хорошо знаетъ дѣйствія своей Церкви и между прочимъ то, что тамъ каждому вѣрующему сообщается понятіе о папѣ наравнѣ съ коренными догматами Вѣры и нерѣдко даже прежде ихъ,—поэтому онъ думаетъ, что если на Востокѣ соблюдали единеніе съ западною Церковію, то ужъ непремѣнно въ числѣ первыхъ христіанскихъ познаній сообщили объ этомъ и св. Ольгѣ, когда она принимала Христіанство. Но это большое заблужденіе! Въ этомъ отношеніи восточная Церковь всегда обнаруживала самое упорное невниманіе къ римскому догмату о главенствѣ, даже и тогда, когда еще не дѣлала явнаго разрыва съ нею! О папѣ она тогда только упоминала, когда признавала опасными для своихъ чадъ его притязанія на главенство въ Церкви.

Если же св. Ольгѣ не внушали въ Константинополѣ признавать въ Церкви высшею властію—власть папы, то тѣмъ менѣе она могла убѣдиться въ этомъ послѣ, когда возвратилась на родину; потому что вовсе

(1) По исчисленіямъ пасхальнаго круга оказывается, что св. Ольга приняла крещеніе въ 957 году при патріархѣ Поліевктѣ. Истор. Христ. до Владиміра стр. 310—342.

(2) Собраніе русскихъ лѣтоп т. 1. стр. 26.

невидно, чтобы она имѣла потомъ особенныя сношенія съ Константинополемъ, а прибывшія съ нею духовныя лица не имѣли никакихъ побужденій располагать ее въ пользу латинства и въ ущербъ собственному вѣроисповѣданію.

Итакъ, ничто не мѣшало Ольгѣ, говоритъ г. Вердье, *обращаться къ Латинянамъ* (съ просьбою прислать къ ней епископа) ([1]). Мы полагаемъ, что гораздо справедливѣе думать, что ничто не побуждало ее обращаться къ нимъ съ этою просьбою.

IV.

«*Обращеніе къ Христіанству Владиміра и народа русскаго миссіонерами греческими, которые тогда еще пребывали въ единеніи съ святою столицею и миссіонерами латинскими*» (Вердье стр. 174—188).

Обращеніе Владиміра къ Христіанству и народа русскаго такъ ясно показываетъ исключительное участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ Церкви греческой, что предполагать здѣсь какое-нибудь участіе Церкви латинской, повидимому, нѣтъ никакой возможности. Владиміръ ясно высказалъ намѣреніе принять Христіанство восточное, принялъ его отъ Грековъ, призвалъ къ себѣ духовенство греко-восточное; духовенство это крестило Россію и составило Церковь русскую, по духу и правиламъ Церкви восточной и постоянно удерживало этотъ характеръ, не допуская никакихъ измѣненій про-

---

([1]) стр. 172.

тивныхъ ему. Всѣ эти факты такъ ясны и рѣшительны, что не допускаютъ перетолкованій. Г. Вердье не могъ не подчиниться этой настоятельной, хотя конечно очень непріятной для него, необходимости и въ своемъ разсказѣ объ обращеніи къ Христіанству Россіи при Владимірѣ не скрываетъ участія въ этомъ дѣлѣ Церкви греческой. Но, какъ послѣдовательный писатель, вѣрный своей задачѣ—доказать непрерывность латинства въ древней русской Церкви, онъ не могъ отказаться отъ попытки найти и въ этомъ событіи что-нибудь латинское. Этой многотрудной цѣли онъ достигаетъ слѣдующимъ образомъ (¹).

1. Предпославъ общую мысль, что до и послѣ Владиміра восточная и западная Церкви составляли одно, онъ устраняетъ изъ исторіи крещенія Россіи при Владимірѣ все, что несогласно съ этою мыслію. Такимъ образомъ разсказъ преподобнаго Нестора о прибытіи къ Владиміру разныхъ пословъ съ предложеніемъ принять ихъ вѣру и о выборѣ Владиміромъ греческой вѣры,—разсказъ очень оскорбительный для латинской Церкви, г. Вердье совершенно отвергаетъ какъ *многоглаголивое и варварское повѣствованіе* (la narration prolixe et barbare), *внушенное духомъ секты* (dictée par

(¹) Мы не можемъ взять на себя трудъ опровергать все, что ложно въ этой статьѣ автора, потому что это повело бы насъ слишкомъ далеко. Какъ на образецъ правильныхъ мнѣній автора указываемъ на его сужденіе о Ярополкѣ Святославичѣ: по мнѣнію автора, Ярополкъ былъ человѣкъ жестокій, честолюбивый (стр. 174); тогда какъ у насъ принято и доказано, что это былъ государь тихій, кроткій, который проливалъ слезы о смерти Олега, съ которымъ онъ воевалъ по навѣту Свѣнельда, любилъ христіанъ и, по свидѣтельству Іоакимовской лѣтописи, палъ жертвою этой любви отъ партіи языческой, помогавшей Владиміру.

l'esprit de secte), *не имѣющее силы историческаго свидѣтельства и не повторенное ни однимъ изъ греческихъ писателей* (¹). Мы даемъ себѣ право сказать, что такой отзывъ о разсказѣ препод. Нестора дѣйствительно проникнутъ духомъ секты и не можетъ выдержать самой легкой критики. Въ самомъ дѣлѣ, согласимся даже, что разсказъ объ этомъ событіи преп. Нестора дѣйствительно многословенъ, что онъ дѣйствительно показываетъ въ авторѣ нерасположеніе къ латинству, какъ и къ магометанству и іудейству, вѣрно также и то, что онъ не вошелъ въ сочиненія греческихъ лѣтописцевъ; но слѣдуетъ ли отсюда, что ложенъ, выдуманъ самый фактъ, разсказанный такимъ образомъ? Находитъ же авторъ истину въ разсказѣ Дитмара о крещеніи Владиміра (какъ это скоро увидимъ),—разсказѣ перепутанномъ и невѣроятномъ во многихъ мѣстахъ, по признанію самаго автора, и при томъ въ разсказѣ такомъ, который не провѣренъ и не повторенъ ближайшими историками, а воспроизведенъ только въ новѣйшія времена. Между тѣмъ, преданіе о послахъ къ Владиміру съ предложеніемъ разныхъ вѣръ, повторено всѣми русскими лѣтописцами, сохранялось въ памяти народной до позднѣйшихъ временъ, вошло въ разсказъ знаменитаго иностраннаго писателя Герберштейна, который съ основательнымъ знаніемъ русской исторіи и русскаго народа соединялъ въ себѣ замѣчательный тактъ вѣрнаго, безпристрастнаго историка, въ чемъ соглашается и самъ г. Вердье (²); преданіе это наконецъ выдержало критику лучшихъ нашихъ писателей. Какъ же г. Вердье

(¹) стр. 176.
(²) стр. 175—176.

осмѣливается утверждать, что оно не имѣетъ силы исторической (de valeur historique)? Не мѣсто здѣсь представлять итогъ изслѣдованій объ этомъ преданіи нашихъ ученыхъ: желающихъ ознакомиться съ ними мы отсылаемъ къ Исторіи Христіанства до Владиміра, гдѣ они разобраны и пополнены съ самою строгою отчетливостію. Здѣсь же покажемъ только, что собственно заставило автора отвергать разсказъ Нестора о посольствахъ къ Владиміру съ предложеніемъ перемѣнить вѣру. Автору нужно прежде всего доказать, что хотя Владиміръ принялъ Христіанство отъ Греціи, но не былъ предубѣжденъ противъ латинства. Преп. Несторъ напротивъ даетъ понять, что Владиміръ принялъ восточное вѣроисповѣданіе по разумному убѣжденію въ его превосходствѣ предъ магометанствомъ, іудействомъ и латинствомъ, и что онъ отвергъ латинство, какъ вѣроисповѣданіе нелюбимое въ Россіи и въ прежнія времена (1). Очевидно, что такой разсказъ ниспровергаетъ всю теорію г. Вердье не только о латинствѣ Россіи временъ Владиміра, но и временъ прежнихъ и даже временъ самаго Нестора, потому что лѣтописецъ въ этомъ повѣствованіи ясно высказываетъ и взглядъ на латинство своего времени. Поистинѣ, это ужъ слишкомъ многорѣчивый и варварскій для г. Вердье разсказъ! Но для насъ, Русскихъ, это драгоцѣнный памятникъ нашей православной старины и мы имъ еще не разъ будемъ пользоваться для обличеній нашего новаго изслѣдователя русской церковной исторіи!

2. Уничтоживъ такимъ образомъ достовѣрность

(1) Полное Собраніе лѣтопис. т. I, стр. 36—46.

историческаго свидѣтельства, доказывающаго нерасположеніе Владиміра къ латинству, авторъ даетъ своимъ изслѣдованіямъ такой ходъ: *не смотря на изумительныя усилія перваго въ Россіи великаго князя католическаго* (Владиміра), *обращеніе къ Христіанству народа русскаго хотя очень значительное, далеко не было еще дѣломъ вполнѣ совершеннымъ* (loin d'avoir reçu son entier accomplissement),—*и Латиняне тогда же сильно содѣйствовали довершенію этого дѣла* (et les Latins allaient puissamment contribuer à l'achever). — *Большая часть жителей Кіева, говоритъ Карамзинъ, приняли крещеніе, но остальные съ упорствомъ оставались при прежней религіи и язычество существовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи даже до XII вѣка. Духовное завоеваніе этихъ странъ было дѣломъ усилій Латинянъ, ихъ мучениковъ* (¹).

Прочитавъ это краснорѣчивое, одушевленное горячимъ чувствомъ вступленіе, читатель Г. Вердье естественно ожидаетъ, что авторъ будетъ ему разсказывать, какъ латинская миссія разсѣялась по. областямъ Россіи съ проповѣдію язычникамъ и какъ вслѣдъ за тѣмъ латинство утверждалось то въ той, то въ другой странѣ русской. Но къ изумленію своему, онъ сейчасъ же долженъ убѣдиться, что ему внушилъ авторъ самое обманчивое ожиданіе. Ничего подобнаго не бывало! Авторъ расказываетъ такіе успѣхи латинства, которые ограничивались однимъ Туровомъ, и такіе подвиги Латинянъ, которые живо напоминаютъ собою дѣйствія въ Россіи Адальберта при Св. Ольгѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что ими теперь обезслав-

(¹) Стр. 184.

лено было имя Латинянъ и латинства, потому что и первый послѣдователь латинства и его проповѣдникъ оказались злоумышленниками противъ русскаго государя того времени—св. Владиміра. Событіе, къ которому авторъ сдѣлалъ такое великолѣпное вступленіе и для возвеличенія котораго Дитмаръ не находитъ словъ, происходило слѣдующимъ образомъ.

Владиміръ женилъ сына своего Святополка, князя туровскаго на дочери польскаго короля Болеслава. Съ королевною польскою прибылъ латинскій епископъ Рейнбернъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ не ограничивался однимъ исполненіемъ обязанностей духовника. Вскорѣ Владиміру донесли, что Святополкъ сносится съ Болеславомъ и злоумышляетъ противъ Владиміра. Оскорбленный такимъ поступкомъ, отецъ лишилъ удѣла непокорнаго сына и вмѣстѣ съ епископомъ заключилъ въ темницу въ Кіевѣ (¹). Какъ же Владиміръ, такой добрый государь, по признанію самаго г. Вердье, рѣшился поступить такъ жестоко съ латинскимъ епископомъ, если онъ дѣйствительно былъ расположенъ къ латинству и если Рейнбернъ дѣйствительно не участвовалъ въ преступленіи Святополка? Затрудненіе для г. Вердье неодолимое, и тѣмъ менѣе средствъ объяснить его сколько нибудь въ пользу Рейнберна, что Владиміръ до конца своей жизни не раскаявался въ своемъ поступкѣ съ нимъ, а Святополкъ своими дѣйствіями по отношенію къ братьямъ и своими сношеніями съ Польшею доказалъ очень убѣдительно, что понялъ, какъ нельзя лучше, уроки Рейнберна. Вотъ

(¹) Истор. Росс. Карамз. т. I, стр. 7—8; снес. прим. 1 и 2 Истор. Сол. т. I.

какова была первая латинская миссія въ Россіи при Владимірѣ! А прочитайте разсказъ объ этомъ у г. Вердье, взятый у Дитмара! Какъ тамъ все раскрашено, какъ возвеличены подвиги Рейнберна. Онъ представленъ *апостоломъ христіанской истины и доблестнымъ мученикомъ* (¹)! Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что это былъ государственный преступникъ, осмѣлившійся вооружать сына противъ отца, и понесъ заслуженное наказаніе! Почему г. Вердье не выставилъ этой мрачной стороны дѣйствій Рейнберна какъ мнѣнія, положимъ, русскихъ писателей (²) и не постарался смыть этого пятна съ имени Рейнберна, рѣшительно не понимаемъ.

V.

Распространеніе (въ Россіи) новыхъ миссій Церкви латинской. Бруно—апостолъ русскій и 18 его учениковъ, сдѣлавшіеся мучениками. Вонифатій. Не составляетъ ли Бруно съ Вонифатіемъ одного лица? Олафъ I норвержскій оглашалъ ли Евангеліемъ Россію? Начало апостольскихъ трудовъ Норманновъ между Варягами (Верд. 188—210).

Прочитавъ это заглавіе, читатель Г. Вердье опять расположенъ ожидать богатыхъ успѣховъ латинства въ Россіи. Передъ нимъ теперь цѣлый сонмъ латинскихъ проповѣдниковъ: Бруно съ 18 учениками, Во-

---

(¹) У Вердье стр. 185—186.

(²) Соловьев. Истор. Росс. т. I.

нифатій, король Олафъ I, конечно, не безъ сотрудниковъ, и наконецъ въ неопредѣленномъ количествѣ русскіе апостолы латинства—Норманны! Вотъ какое грозное воинство наводняло юную Россію, чтобы, по выраженію автора, *дѣлать въ ней духовное завоеваніе* (la conquête spirituelle), и все это въ княженіе Владиміра, въ самомъ началѣ Христіанства у насъ, когда юная Церковь наша еще не успѣла сроднить съ собою народъ русскій!? Подумаешь, чего не могло сдѣлать это воинство и какихъ ударовъ не испытало отъ него восточное вѣроисповѣданіе! А между тѣмъ и здѣсь ничего подобнаго не бывало. И здѣсь, какъ и прежде, ожиданія, возбужденныя авторомъ въ читателѣ, оказываются обманчивыми. Первая половина этой статьи, т. е. изслѣдованія автора о Бруно и Вонифатіѣ, представляетъ не больше какъ образецъ латинскаго баснословія о нашей церковной исторіи, а вторая—изслѣдованія объ Олафѣ и Норманнахъ, если даже вѣрить, что эти люди дѣйствовали такъ, какъ разсказываетъ намъ г. Вердье, невольно заставляетъ произнести такое сужденіе: это великолѣпная затѣя, кончившаяся ничѣмъ. Покажемъ справедливость того и другаго сужденія нашего объ этой статьѣ г. Вердье.

Не думаемъ, чтобы между читателями г. Вердье много нашлось такихъ, которые имѣли терпѣніе прослѣдить внимательно весь его сводъ разсказовъ о русскихъ апостолахъ латинства—Бруно и Вонифатіѣ, и еще менѣе предполагаемъ такихъ, которые, осудивъ себя на этотъ трудъ, вынесли бы ясное понятіе объ этихъ лицахъ.—Сводъ этихъ разсказовъ по всей справедливости можно назвать сводомъ разногласій, противорѣчій и невѣроятныхъ басень о проповѣдничествѣ

этихъ лицъ. Въ возможно-большей ясности и отчетливости эти разсказы разобраны въ нашемъ русскомъ сочиненіи—Исторія русской Церкви епископа Макарія ([1]), куда мы и отсылаемъ желающихъ поближе познакомиться съ этимъ предметомъ; здѣсь же мы представимъ только краткій очеркъ этихъ разсказовъ, какъ они изложены у г. Вердье, съ объясненіями, необходимыми для нашей цѣли.

Сначала, авторъ передаетъ намъ разсказъ Дитмара о томъ, какъ Бруно, рукоположенный во епископа въ Магдебургѣ и обласканный польскимъ королемъ Болеславомъ, отправился проповѣдывать Евангеліе въ Пруссію и области сопредѣльныя Пруссіи и Россіи и какъ онъ здѣсь былъ замученъ съ 18-ю учениками. Въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, равно какъ нѣтъ ничего, что доказало бы существованіе латинства въ Россіи; потому что подъ странами сопредѣльными Пруссіи и Россіи нужно безъ всякаго сомнѣнія разумѣть области литовскія ([2]), не имѣвшія тогда никакого отношенія къ Христіанству въ Россіи. Но вотъ мы сейчасъ увидимъ, какъ этотъ разсказъ, ничего недоказывающій, прилаживается къ нашей исторіи. Авторъ нашъ передаетъ намъ за тѣмъ разсказъ Даміани о проповѣди Вонифатія въ Россіи. *Вонифатій, ученикъ Ромуальда и родственникъ императора Оттона III, удалившись въ Италію и тамъ размышляя о подвигахъ Адальберта* (епископа прагскаго , проповѣдывав-

([1]) Т. I стр. 181—186.

([2]) Авторъ нашъ отвергаетъ это предположеніе и доказываетъ что несправедливо считать Литву мѣстомъ проповѣди Бруно. Почему же? Потому, говоритъ г. Вердье, что тамъ не осталось слѣдовъ этой проповѣди!! Причина удивительно основательная!! стр. 194.

шаго въ Пруссіи) *рѣшился идти по его слѣдамъ. Проходя съ необычайнымъ самоотверженіемъ языческія страны, онъ наконецъ прибылъ къ царю Руссовъ и обратился къ нему съ проповѣдью Евангелія. Царь предложилъ ему пройти между двумя кострами, объявивъ, что если Вонифатій останется невредимъ, то онъ приметъ Христіанство, если же пламя коснется его, то онъ сожжетъ проповѣдника совершенно. Вонифатій прошелъ между кострами невредимо, и царь, павъ передъ нимъ, просилъ крещенія и принялъ его съ множествомъ народа. Братъ этого царя умертвилъ проповѣдника; но и онъ, вскорѣ раскаявшись, принялъ крещеніе и Русскіе построили церковь на могилѣ мученика* ([1]). Событіе это происходило во времена св. Владиміра, по однимъ—до обращенія его къ Христіанству, по другимъ—послѣ. Но въ то или въ другое время оно происходило, его одинаково не легко пріурочить къ исторіи св. Владиміра, точно также, какъ и связать съ расказомъ Дитмара о Бруно. Нашъ авторъ однако преодолѣваетъ ту и другую трудность и, надобно отдать ему полную справедливость, одолѣваетъ ихъ очень умно. На разрѣшеніе этихъ затрудненій мы обратимъ вниманіе потому собственно, что имъ авторъ болѣе и болѣе ослабляетъ въ читателѣ убѣжденіе, будто эти латинскія миссіи имѣли успѣхъ въ Россіи.

Авторъ нашъ доказываетъ, что Бруно и Вонифатій одно и тоже лице. Но какъ же послѣ этого согласить разсказъ Дитмара о томъ, что Бруно умерщвленъ въ областяхъ, сопредѣльныхъ Пруссіи и Россіи, и разсказъ Даміани, по которому Вонифатій умерщв-

---

([1]) стр. 189-192.

ленъ внутри Россіи? Авторъ нашъ признаетъ ложнымъ мнѣніе Дитмара, не обращая вниманія на то, что Дитмаръ былъ современникъ и товарищъ по училищу Бруно ([1]). Но хотя эта мысль благопріятна автору, однако ею не устраняются, а еще болѣе увеличиваются затрудненія. Если Бруно-Вонифатій проповѣдывалъ и погибъ внутри Россіи, очевидно, во времена св. Владиміра; то гдѣ и какъ? Какой русскій князь принялъ отъ него крещеніе и какой умертвилъ его? Если тутъ имѣется въ виду св. Владиміръ и воображаемый его братъ, то какъ помирить все это съ достовѣрною и извѣстною всѣмъ исторіею св. Владиміра? Г. Вердье открываетъ намъ средство согласить все это съ истиною. Онъ приводитъ намъ разсказъ Адемара (пис. XI ст.) о Бруно. *По словамъ Адемара, Бруно сначала проповѣдывалъ Евангеліе въ Венгріи и оттуда чрезъ русскія области пошелъ съ проповѣдію къ Печенѣгамъ. Печенѣги убили его, а Русскіе, выкупивъ его останки, построили въ честь Бруно монастырь* ([2]). Такимъ образомъ мы имѣемъ третій разсказъ о латинскихъ проповѣдникахъ въ Россіи, и такой разсказъ, который, очевидно, имѣетъ связь съ первымъ, потому что говоритъ о Бруно, и со вторымъ, потому что разсказываетъ о Бруно дѣла, похожія на подвиги Вонифатія. Но если дѣйствительно этотъ послѣдній расказъ объединяетъ собою два прежніе; то какъ въ этой смѣси противорѣчащихъ событій найти связь и единство? Авторъ нашъ такъ уясняетъ всю эту путаницу: *Бруно-Вонифатій, проповѣдывавшій сначала въ Венгріи, пошелъ оттуда*

([1]) стр. 193, 194 снес. 189.

([2]) стр. 194 196.

въ русскія области и обратилъ къ Христіанству какого-то русскаго князя, но не Владиміра, наконецъ направилъ путь свой къ Печенѣгамъ, которые и убили его, а обращенные имъ Русскіе, узнавъ объ этомъ, выкупили его тѣло и построили въ его имя монастырь. Къ чести Русскихъ, заключаетъ авторъ, *мы можемъ утверждать двѣ вещи: кровь ихъ апостола* (Бруно-Вонифатія) *пролита на ихъ землѣ, но пролита не ихъ руками!* Пріятна или нѣтъ для Русскихъ эта честь, мы не беремся рѣшать; скажемъ только, что здѣсь вопросъ не о чести Русскихъ и не о томъ, на ихъ ли землѣ пролита кровь латинскаго проповѣдника или нѣтъ, а о томъ, была ли эта кровь начаткомъ латинства въ Россіи? Вопреки мнѣнію Даміани и Адемара, многіе нѣмецкіе лѣтописцы и за ними нашъ знаменитый Карамзинъ, владѣвшій такимъ необычайнымъ даромъ угадывать истину событій, утверждаютъ, что Бруно и Вонифатій кончили жизнь въ Пруссіи ([1]); этимъ они ясно даютъ понять, что мнимая честь Русскихъ, заключающаяся въ томъ, будто-бы кровь Бруно-Вонифатія пролита на ихъ землѣ руками Печенѣговъ, вовсе не принадлежитъ имъ. Авторъ отвергаетъ эти извѣстія германскихъ лѣтописей и Карамзина, *какъ неосновательныя*, но мы сейчасъ увидимъ, какъ мало основателенъ самъ авторъ.

Этими изслѣдованіями о Бруно-Вонифатіи нашъ авторъ, безъ сомнѣнія, и покончилъ бы первую половину этой статьи; но вотъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ г. Вердье въ то самое время, какъ писалъ приговоръ о нѣмецкихъ лѣтописцахъ и Карамзи-

---

([1]) Т. 1 примѣч. 484.

нѣ, прочиталъ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ извлеченіе изъ нашего русскаго журнала — Русская Бесѣда, гдѣ помѣщенъ одинъ памятникъ древности, объясняющій всю путаницу Дитмара, Даміани и Адемара, касательно проповѣдническихъ трудовъ Бруно-Вонифатія. Это—письмо нѣмецкаго миссіонера къ Генриху II, писанное, какъ по всему видно, въ 1007 году ([1]). Хотя въ спискѣ этого письма не сказано, кѣмъ оно писано, но нѣтъ сомнѣнія, что его писалъ самъ Бруно-Вонифатій. Въ письмѣ этомъ миссіонеръ расказываетъ, что онъ, послѣ безуспѣшной проповѣди Христіанства въ Венгріи, отправился къ Печенѣгамъ чрезъ области одного русскаго князя, очень могущественнаго и уже принявшаго Христіанство. Князь русскій всѣми силами отклонялъ миссіонера отъ его опаснаго предпріятія; но тотъ остался непреклоннымъ и возбудилъ къ себѣ такое участіе этого князя, что онъ проводилъ его до самой границы своихъ владѣній, убѣждая постоянно оставить опасное путешествіе. Миссіонеръ пришелъ къ Печенѣгамъ, успѣлъ нѣкоторыхъ расположить къ Христіанству, былъ посредникомъ при заключеніи мира съ Печенѣгами русскаго князя, который будтобы послалъ къ нимъ въ заложники своего сына и съ нимъ епископа, рукоположеннаго этимъ миссіонеромъ, наконецъ черезъ Россію миссіонеръ пошелъ въ Пруссію, откуда писалъ это письмо, жалуясь на упорство язычниковъ, и гдѣ, по всей вѣроятности, умерщвленъ, какъ разсказываетъ Дитмаръ.

Такимъ образомъ, благодаря открытію Русской Бе-

([1]) Письмо это найдено въ гамбургской библіотекѣ въ спискѣ 1716 года, издано въ русской бесѣдѣ N 1. 1856.

сѣды, мы находимъ въ сочиненіи г. Вердье четвертый разсказъ объ одномъ и томъ же латинскомъ миссіонерѣ,—разсказъ, который служитъ лучшею критикою басней Даміани, Адемара и неправильныхъ выводовъ самаго г. Вердье. Изъ этого разсказа мы можемъ вывести со всею справедливостію слѣдующія замѣчанія: Бруно-Вонифатій не проповѣдывалъ латинства русскому народу; русскій князь, (положимъ самъ Владиміръ) принявшій такъ ласково этого миссіонера, обнаружилъ не болѣе, какъ обычное Русскимъ гостепріимство и свойственное каждому сочувствіе къ человѣку, подвергающему себя добровольно явной опасности. Предполагать на этомъ основаніи какое-либо расположеніе къ латинству въ этомъ князѣ—значило бы влагать въ уста самаго миссіонера то, чего онъ вовсе не говоритъ. Остается только одна часть въ этомъ разсказѣ, доказывающая будтобы въ русскомъ князѣ единомысліе съ латинскимъ миссіонеромъ въ дѣлахъ вѣры; этотъ князь дозволилъ латинскому миссіонеру рукоположить и послать съ сыномъ своимъ къ Печенѣгамъ латинскаго епископа. Мы не имѣемъ въ нашихъ лѣтописяхъ никакого намека на то, чтобы кто-либо изъ сыновей Владиміра отправленъ былъ въ заложники къ Печенѣгамъ; но ктобы здѣсь ни былъ посланъ, русскій князь очень легко и благоразумно могъ допустить, чтобы латинскій епископъ былъ рукоположенъ и шелъ проповѣдывать Евангеліе Печенѣгамъ. Это онъ могъ дѣлать безъ всякаго сочувствія къ латинству, а по самому простому политическому расчету, въ надеждѣ, авось-либо проповѣдь этого епископа будетъ успѣшна и смягчитъ дикихъ и безпокойныхъ варваровъ, безпрерывно вторгавшихся въ предѣлы Россіи. Гдѣ же

тутъ единеніе Владиміра со святою столицею, ([1]) гдѣ распространеніе латинства въ Россіи, ([2]) гдѣ основаніе латинскаго монастыря, обращеніе къ латинству русскаго князя съ братомъ и множествомъ народа ([3])? На всѣ эти вопросы можно дать одинъ отвѣтъ очень краткій: басни и басни!

Вторую половину разбираемой нами статьи составляютъ изслѣдованія г. Вердье о вліяніи на обращеніе къ Христіанству Россіи-Норманновъ, которыхъ авторъ вездѣ видитъ между русскими Варягами ([4]). Ихъ онъ называетъ латинскими миссіонерами, наводняетъ ими всю Россію, весь міръ тогдашній и усиливается доказать, что первою ихъ заботою было всегда распространеніе Христіанства и Христіанства латинскаго. Здѣсь, слѣдовательно, мы опять встрѣчаемся съ великолѣпными обѣщаніями автора; но такъ какъ мы не расположены вѣрить на слово, то спрашиваемъ у г. Вердье доказательствъ. Гдѣ доказательства того, что Варяги, наполнявшіе дѣйствительно Россію во времена Владиміра, были Латиняне? Знаемъ мы, что Владиміръ привелъ въ Россію не мало Варяговъ для борьбы съ Ярополкомъ; но большую часть ихъ онъ отправилъ въ Грецію, избавляя себя и народъ свой отъ ихъ буйства. Только лучшіе изъ нихъ остались въ Россіи ([5]); но они, какъ и ушедшіе въ Грецію, были тогда язычники; потому что вся партія, воевавшая вмѣстѣ съ Владиміромъ противъ Ярополка, была языческая и воевала съ покро-

([1]) стр. 203.
([2]) стр. 198.
([3]) стр. 191—192.
([4]) стр. 203—209.
([5]) Ист. Кар, т. 1. стр. 197. 201—202.

вителемъ Христіанства русскаго—Ярополкомъ во имя язычества ([1]). Остается, значитъ, думать, что, уже послѣ принятія Владиміромъ Христіанства, его могли окружить Варяги христіане. Но если такъ, то откуда видно, что это были Латиняне? Авторъ указываетъ намъ на Олафа, который съ юности жилъ, по сказанію сагъ, при дворѣ Владиміра, даже убѣдилъ будто бы его къ Христіанству съ цѣлымъ народомъ ([2]), и потомъ несомнѣнно былъ ревностнымъ распространителемъ Христіанства въ Швеціи и другихъ странахъ ([3]). Вся сила этого доказательства въ послѣднихъ словахъ его именно въ томъ, что въ послѣдствіи времени Олафъ является поборникомъ латинства; отсюда будто бы слѣдуетъ, что латинство же проповѣдывалъ онъ и въ Россіи?!. Но стоитъ лишь немного вникнуть въ это доказательство, провѣрить его по тому источнику, изъ котораго г. Вердье его заимствуетъ, и вся сила этого доказательства падаетъ сама собою. По исландской сагѣ оказывается, что Олафъ прибылъ въ Россію язычникомъ, здѣсь онъ имѣлъ видѣніе, въ которомъ ему свыше повелѣно было идти въ Грецію и тамъ принять крещеніе. Олафъ повинуется этому внушенію, идетъ въ Грецію, принимаетъ оглашеніе отъ епископа Павла; съ нимъ потомъ приходитъ въ Россію и убѣждаетъ Владиміра принять греческое вѣроисповѣданіе съ народомъ; потомъ уже онъ странствуетъ по разнымъ странамъ Европы, дѣлается королемъ Норвегіи и является поборникомъ латинства ([4]). Какова

([1]) Татищ. т. 1. стр. 37.

([2]) Стр. 204—205.

([3]) Стр. 207.

([4]) Русск. Истор. Сборн. т. 4. стр. 43—103.

бы ни была достовѣрность подробностей въ этой сагѣ, но несомнѣнная основная истина въ ней та, что въ Россіи Олафъ проповѣдывалъ вѣроисповѣданіе восточное и потомъ не имѣлъ никакого вліянія на распространеніе здѣсь святой восточной Вѣры. На какомъ же основаніи авторъ смѣшиваетъ послѣдующія обстоятельства жизни Олафа съ обстоятельствами его юности, когда въ настоящемъ дѣлѣ они не имѣютъ никакой связи? На томъ основаніи, что Олафъ, по сказанію нѣкоторыхъ, сопровождалъ императора Оттона III-го, современника нашего Владиміра, въ его путешествіяхъ на Востокъ (отъ Германіи) для обращенія язычниковъ, что Олафъ и въ Норвегіи и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ сѣвера до Гренладіи распространялъ Христіанство, что поэтому онъ не могъ оставить безъ вниманія Россіи и не воспользоваться расположеніемъ Владиміра для распространенія здѣсь латинства. Но мы думаемъ, что потому-то Олафъ и не могъ имѣть вліянія на Россію, что ужъ слишкомъ много странъ обращалъ къ латинству и особенно потому, что изъ Россіи онъ удалился вслѣдствіе неудовольствія бояръ Владиміра. Здѣсь онъ уже сдѣлалъ свое дѣло—содѣйствовалъ прежде Владиміру въ распространеніи вѣроисповѣданія восточнаго, а теперь ему даже неудобно было противорѣчить прежнимъ дѣйствіямъ своимъ и проповѣдывать латинство, послѣ проповѣди восточнаго вѣроисповѣданія. А что касается до сѣверо-восточныхъ областей Россіи, въ которыхъ, по словамъ Мауера, Олафъ воевалъ (¹); то мы никакъ не думаемъ, чтобы тамъ успѣхи оружія Олафа сопровождались успѣхами латинства. Чудь очень

(¹) У автора стр. 207.

сильна была язычествомъ и, только послѣ долговременныхъ усилій новгородскихъ выходцевъ, начала внимать слову Евангелія.

Наконецъ участіе Норманновъ въ обращеніи Россіи вообще подкрѣпляется у автора тѣмъ, что Норманны вездѣ были ревностными латинянами. Положимъ такъ; но во времена ли Владиміра? Этого не можетъ доказать намъ авторъ, потому что тогда Норманны еще коснѣли въ язычествѣ, какъ это яснѣе всего доказываетъ жестокая борьба съ язычествомъ въ Норвегіи самаго Олафа. Далѣе авторъ доказываетъ, что *въ Россіи обыкновенно отличали Варяговъ-Латинянъ отъ Христіанъ восточнаго вѣроисповѣданія, подобно тому, какъ нынѣ на Востокѣ различаютъ Франковъ и Грековъ.* Скажемъ болѣе: у насъ даже латинскую вѣру называли вѣрою варяжскою; но опять спрашиваемъ, когда? Послѣ Владиміра и Ярослава (¹), т. е. спустя слишкомъ полстолѣтія послѣ крещенія Россіи, а это большая разница и упускать ее изъ виду слишкомъ недобросовѣстно.

Заключимъ нашъ разборъ этой половины разсматриваемой статьи слѣдующими словами: по изслѣдованіямъ г. Вердье, Норманны оглашали латинствомъ весь міръ. Съ быстротою молніи они перелетаютъ у него изъ Константинополя въ самыя сѣверныя страны Европы, изъ Норвегіи въ Гренландію и россійскую Америку; вездѣ они насаждаютъ латинство, но въ Россіи нѣтъ слѣдовъ ихъ латинства. Чѣмъ объяснить такую странность? Неужели авторъ лучше знакомъ съ исторіею Христіанства въ Зеландіи, Гренландіи и американской

(¹) Слово преп. Ѳеодосія къ в. князю Изяславу. Истор. русск. Церкви Еписк: Макарія стр. 102—105.

Россіи, нежели съ началомъ Христіанства въ европейской Россіи? Можетъ быть такъ; но кажется справедливѣе думать, что Норманны не сдѣлали въ Россіи для латинства ничего, и что поэтому нашъ авторъ обнаруживаетъ болѣе скудныя свѣдѣнія объ ихъ латинскихъ подвигахъ въ Россіи, нежели сколько объ нихъ знаетъ изъ исторіи Христіанства въ Зеландіи, Гренландіи, американской Россіи и другихъ сѣверныхъ странахъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ 1 КОРИНѲ. 16. 13-24.

Въ этомъ апостольскомъ чтеніи содержится заключеніе перваго посланія св. апостола Павла къ Коринѳянамъ.

1. Какъ вѣра нѣкоторыхъ коринѳскихъ Христіанъ не отличалась надлежащею твердостію (напр. вѣра въ воскресеніе мертвыхъ 1 Кор. 15, 12. 34. 35); то Апостолъ, въ своихъ заключительныхъ увѣщаніяхъ, прежде всего касается этого предмета. Образъ выраженія этихъ увѣщаній заимствованъ отъ поведенія добраго воина и есть одинъ изъ любимыхъ Апостоломъ (сн. Еф. 6, 10 и д. 1 Тим. 1, 18; 2 Тим. 2, 3).

Бодрствуйте (ст. 13)—смотрите за собою и своими немощами (Лук. 21, 34), за окружающими васъ обманщиками (¹), увлекающими простодушныхъ (1 Кор. 15,33. Дѣян. 20, 28—31), за кознями супостата діавола (1 Петр. 5, 8), древняго змія—искусителя (²) (2 Кор. 11, 3; 1 Солун. 3, 6), чтобы не впасть вамъ въ искушеніе (Мѳ. 26, 41) и не пасть подъ искушеніемъ (1 Кор. 10, 12). А если уже постигло васъ усыпленіе, напр. подъ голосъ бесѣдъ, прекрасныхъ по внѣшности (Рим. 16,

(¹) *Ѳеодор.* in h. l.

(²) *Hieron.* in h. l; *Ambros.* in h. l.

18), впрочемъ злыхъ (1 Кор. 15, 33) и скверныхъ по духу (1 Тим. 6, 20), пробудитесь, какъ должно, чтобы не грѣшить (1 Кор. 15, 34. 1 Сол. 5, 6). *Блаженъ бдяй* (Апок. 16, 15) *на всяко время* (Лук. 21, 36), *во всякомъ терпѣніи* (Еф. 6, 18), познавающій, *яко посредѣ сѣтей* ходитъ (Сирах. 9, 18), *яко дніе лукави суть* (Еф. 5, 15). Ибо *духъ бодръ, плоть же немощна* (Мѳ. 26, 41).

Среди открытыхъ враговъ (³) и опасностей, среди повсюду-разсѣеваемыхъ сомнѣній ложныхъ мудрованій, и невѣрія, *въ день лютъ* (Еф. 6, 13)—*стойте въ вѣрѣ*: держитесь истинъ евангельской вѣры, преданной исперва (сн. 15, 1. 11. 2; Фил. 1, 27), зная, отъ кого она предана (2 Тим. 3 14), и подвизайтесь *добрымъ подвигомъ вѣры* (1 Тим. 6, 12; 1 Кор. 15, 58. Кол. 2, 7), не колеблясь, какъ дѣти (1 Кор. 14, 20), *всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія* (Еф. 4. 14). *Тако стойте о Господѣ и держите,* что предано вамъ (Фил. 4, 1; 1 Сол. 3, 8; 2 Сол. 2, 15). Не бѣжать отъ вѣры *во время напасти* (Мѳ. 23, 21)—это одно изъ первыхъ качествъ добраго воина: кто стоитъ, тотъ не заснетъ; кто бѣжитъ съ поля сраженія, тотъ не одержитъ побѣды. «*Въ вѣрѣ* (стойте)—не въ мудрости внѣшней, дополняетъ Златоустъ, потому что въ ней нельзя стоять, ею можно только увлекаться (⁴). Вѣра, говоритъ онъ же, изъясняя другое подобное мѣсто, есть щитъ, покрывающій тѣхъ, которые вѣруютъ не испытуя. Когда же кто начнетъ вдаваться въ мудрованія, начнетъ обо всемъ мыслить

(³) *Ѳеодор.* in h. l.
(⁴) In h. l; p. 474.

и судить по своему,—для такого вѣра не составляетъ собою щита. Напротивъ,—тогда мы объ нее только претыкаемся. Вѣра все укрываетъ и осѣняетъ: таково должно быть ея свойство... Въ насъ воюютъ помыслы; пошлемъ впередъ вѣру. Насъ обуреваютъ неистовыя пожеланія: призовемъ на помощь вѣру. Мы въ трудныхъ обстоятельствахъ и несчастіи: будемъ искать утѣшенія въ вѣрѣ. Вѣра есть то, чѣмъ оберегается всякое оружіе. Если ее потеряемъ, то и оружіе тотчасъ сокрушается (5)», и. т. д.

Вступивъ въ борьбу, *мужайтеся*, *утверждайтеся*: ведите ее, не боясь, ни устрашаясь, ни ужасаясь того, что придется потерпѣть (Ап. 2, 10. сн. Второз. 31, 6), но съ мужествомъ, свойственнымъ мужу (6), избѣгая «всякаго женоподобнаго непостоянства и измѣнчивости (7)» (сн. Наум. 3, 13), со всѣмъ напряженіемъ силъ путемъ къ укрѣпленію ихъ (8) *отъ силы въ силу* (Псал. 83, 8) и залогомъ побѣды. Усиленная рѣчь, подобныхъ которой не мало въ Писаніи (напр. Второз. 31, 7. 23. Нав. 1, 6. 7. 9. 2 Цар. 10, 12. Пс. 26, 14. Макк. 2, 64. Наум. 2, 11.) и которую можно выразить еще такъ: *подвизайся до смерти* (Апок. 2, 10), или: *укрѣпитеся и будите въ мужи* (1 Цар. 4, 9. 2 Парал. 32, 7), *въ сыны сильны* (1 Макк. 3, 58), *вси уповающіи на Господа* (Пс. 30, 25). *Возмогайте о Господѣ и въ державѣ крѣпости его* (Еф. 6, 10). *Господь борецъ крѣпкій* (Іер. 20, 11), *дастъ вамъ власть наступати на змію*

---

(5) *Злат.* Бес. 24 на посл. къ Ефес. стр. 399. 400. 401; Бес. 23. въ нач. по русск. пер. С. П. Б. 1858 г.

(6) ἀνδρίζεσθε, сн. Нав. 10, 25, 2 Пар. 32, 7 и под. м.

(7) *Hieron.* Comm. in h. l.

(8) Κραταιοῦσθε—сн. Лук. 1, 80. Еф. 3, 16; *Амврос.* in. h.,

и на скорпію и на всю силу вражію (Лук. 10, 19), и самъ Онъ—*Господь Богъ вашъ, идый предъ вами споборствуетъ вамъ на враги ваша и спасетъ васъ* (Втор. 20, 4 сн. 2 Пар. 32, 8. Неем. 4, 14. 20). Ибо только *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мѳ. 10, 22. Іак. 1, 12)! *Тако тецыте, до постигнете* (1 Кор. 9, 24).

Какъ у нѣкоторыхъ коринѳскихъ вѣрующихъ было значительное оскудѣніе любви, выражавшееся напр. въ невнимательности къ совѣсти немощныхъ братій (1 Кор. 8, 1 и д.), въ пренебреженіи къ бѣднымъ на вечеряхъ любви (11, 22) и т. п.; то Апостолъ заповѣдуетъ тутъ же: *вся вамъ* (*παντα ὑμῶν*) или все у васъ, всѣ дѣла ваши *любовію да бываютъ* (*ἐν ἀγάπῃ γινέσθω* ст. 14): душею вашего благочестія пусть будетъ любовь, какъ *союзъ совершенства* (Кол. 3, 14) и превосходнѣйшій *путь* къ устроенію церковнаго блага (1 Кор. 12, 31). «Все что вы ни дѣлаете, должны дѣлать любовію, какъ-бы всеобщею силою и всеобщимъ орудіемъ; все должны дѣлать изъ любви, ради любви, по крайнѣй мѣрѣ, съ помощію и съ участіемъ любви. Апостолъ не выразилъ, любовь ли къ Богу разумѣлъ онъ въ изреченіи своемъ, или любовь къ ближнему, или ту и другую вмѣстѣ. Но какъ объ отношеніяхъ къ Богу непосредственно предъ симъ сказалъ онъ въ другомъ изреченіи: *стойте въ вѣрѣ*; то надлежитъ заключить, что объ отношеніяхъ къ ближнимъ, а потому, вѣроятно, и о любви къ ближнимъ думалъ онъ, когда сказалъ: *вся вамъ любовію да бываютъ*. Таковъ долженствовалъ быть разумъ его изреченія и по обстоятельствамъ, въ какихъ написалъ онъ сіе къ Коринѳянамъ. Распри нашелъ онъ у нихъ; потому и нужду имѣлъ учить, чтобы они всѣ взаимныя отношенія устрояли на основаніи взаимной

любви. Впрочемъ любовь къ ближнему представляется здѣсь въ ближайшемъ дѣйствіи; но и любовь къ Богу не исключается, потому что любовь къ Богу есть душа истинной любви къ ближнему (9)».

Все приведенное мѣсто у св. Златоуста излагается въ такихъ выраженіяхъ: «говоря это, (Апостолъ) по видимому предлагаетъ увѣщаніе (Коринѳянамъ), а между тѣмъ онъ нападаетъ на нихъ, какъ на безпечныхъ. Посему говоритъ: *бодрствуйте*, какъ спящимъ; *стойте*, какъ колеблющимся; *мужайтеся, утверждайтеся*, какъ малодушнымъ; *вся вамъ любовію да бываютъ*, какъ раздѣляющимся на партіи.... Что же значитъ: *вся любовію (да бываютъ)?* Значитъ: запрещаетъ ли кто, начальствуетъ ли или находится подъ началомъ, учится ли или учитъ, все (пусть будетъ) съ любовію; потому что и все (зло), сказанное выше, произошло отъ пренебреженія ею. Ибо если бы ею не пренебрегли, то не возгордѣлись бы, не говорили бы: *азъ Павловъ, азъ же Аполлосовъ* (1, 12); если бы она была, они не судились бы у *внѣшнихъ* (6, 1), даже и совсѣмъ не судились бы; еслибъ она была, тотъ (кровосмѣсникъ) не взялъ бы *жены отчей* (5, 1), не презирали бы они немощныхъ братій (8, 9 и д.), не имѣли бы ересей, не тщеславились бы дарованіями (10)».

2. Къ общему увѣщанію о соблюденіи вѣры и любви Апостолъ присоединяетъ особенное — о признательности и уваженіи къ нѣкоторымъ членамъ Церкви коринѳской (ст. 15—18). Рѣчь идетъ о Стефанѣ съ его семействомъ, о Фортунатѣ и Ахаикѣ. Эти добрые и

(9) *Филар.* Слово въ д. рожд. Госуд. Импер. Никол. Павловича 1842 на 1 Кор. 16, 13. 14 Слов. и Рѣч. ч. 2. стр. 148, по изд. 1848.

(10) Злат. р. 474—475.

благочестивые люди оказали нѣсколько услугъ коринѳскимъ христіанамъ и, по сознанію Апостола (17. 18), ему самому,—и добрая, полная любви душа его не могла не отозваться признательностію и нѣжностію къ добрымъ людямъ, по всегдашнему его прекрасному чувству, одушевлявшему прекрасное слово: *братолюбіемъ другъ ко другу любезни; ни единому ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга* (Рим. 12, 10. 13, 8).

Вы знаете, говоритъ онъ, *домъ Стефана*: это *начатокъ Ахаіи*,—подразумѣвается, *для Христа* (Рим. 16, 5), т. е. «первые, принявшіе спасительную проповѣдь» (11) въ Коринѳѣ, ахайской митрополіи, содѣлавшіеся «какъ бы дверію и входомъ для прочихъ (12)», поэтому и крещенные самимъ Апостоломъ (1 Кор. 1, 16). Это какъ бы первый снопъ въ житницѣ Господней, (13) если выразиться ближе, примѣняясь къ вещамъ, отъ которыхъ заимствовано реченіе Апостола. Извѣстно, что словомъ *начатокъ* (ἀπαρχὴ) собственно означались первые плоды *жатвы* (Лев. 23, 10. 17, Втор. 26, 2), которые были посвящаемы Богу (отъ ἀπάρχομαι—начатки приношу въ жертву Богу, напр.: *чти Господа отъ праведныхъ трудовъ твоихъ и начатки давай ему*—καὶ ἀπάρχου αὐτῷ—*отъ твоихъ плодовъ правды* Притч. 3, 9) и потому избирались изъ самыхъ лучшихъ (14) и служили,

---

(11) *Ѳеодор.* in h. l. et in Rom. 15, 6.

(12) *Злат.* Толк. на посл. къ Рим. стр. 690. Въ толкованіи воскресныхъ Апостоловъ *Никифора*, Архіеп. астрахан. (т. 1. стр. 474. М. 1854.), сей Стефанъ ошибочно признается за одно лице съ темничнымъ стражемъ, крещеннымъ въ Филиппахъ (Дѣян. 16, 33).

(13) Сн. *Кир. Алекс.* De adorat. in Spir. et verit. l. 17.

(14) *Икум.* in 1 cap. Coloss.; *Schleusn.* s. h. v.

такъ сказать, освященіемъ всей наступившей жатвы (сн. Рим. 11, 16. Числъ 18, 14. 29), ея знаменіемъ и залогомъ (Рим. 8, 23. сн. 2 Кор. 1, 22. Еф. 1, 14) (15);—за тѣмъ вообще всякая вещь (Исх. 25, 3. Числ. 15, 19. 29. 18, 12) или лице первыя по времени (Іак. 1, 18. Рим. 16, 5. 1 Кор. 15, 20. Апок. 14, 4) и по достоинству (Іерем. 49, 35. Амос. 6, 6). Значеніе сіе могло быть извѣстнымъ для древнихъ христіанъ еще изъ притчей Спасителя (Мѳ. гл. 13); особенно понятно оно было для Церкви коринѳской, читавшей уже выше въ посланіи, какъ Апостолъ называлъ ее *Божіимъ тяжаніемъ* или нивою, себя—ея насадителемъ, своего преемника—напоителемъ, Бога возрастителемъ (3, 6—9). «Не малая и это честь—первымъ приступить ко Христу», замѣчаетъ Златоустъ о Стефанѣ.

Но первенецъ Церкви по времени, Стефанъ, былъ въ числѣ первыхъ и по благочестію; тоже должно сказать и о членахъ его семейства, изъ которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, извѣстенъ намъ по имени только *возлюбленный* Павлу *Епенетъ* (16): *въ служеніе святымъ учиниша себе.* Не то значатъ эти слова, чтобы Стефанъ или кто-нибудь изъ его домашнихъ своевольно дерзнули восхитить себѣ какой-либо санъ церковный (17); ибо за это нельзя было бы похвалить ихъ (Евр. 5, 6). Да и слово *служеніе* (*διακονία*), само по себѣ, не даетъ мысли о какомъ-либо высокомъ преимуществѣ въ

(15) Сн. *Злат.*, *Ѳеодор.*, *Ѳеофил.* in 1 Cor. 15, 20. 23; *Икум.* in Rom. 8, 23.

(16) Такъ соглашается настоящее мѣсто посланія съ Рим. 16, 5. *ἔταξαν* во множеств. ч., соотвѣтственно собират. значенію *οἰκία—домашніе* (Матѳ. 10, 13. Іоан. 4, 53).

(17) Замѣчаніе противъ анабаптистовъ.

Церкви (сн. 2 Тим. 1, 18. Фил. 13), если не указываетъ на такую мысль духъ рѣчи (Дѣян. 20, 24. Римл. 11, 13. 1 Кор. 3, 5. 2 Кор, 3, 6 и дал. 4, 1. 6, 3. 11, 23. Еф. 3, 7. 2 Тим. 4, 5 и т. п.) или связь съ какимъ либо другимъ словомъ болѣе опредѣлительнымъ: (напр.: *служеніе слова, служеніе примиренія*—о званіи учителей и апостоловъ Дѣян. 6, 4, 2 Кор. 5, 18). А выраженіе: *учиниша себе* (ἔταξαν ἑαυτοὺς) говоритъ не столько о полученіи права, сколько о преданности долгу. Само по себѣ слово *служеніе* или *служеніе святымъ*, какъ употребляется оно въ новомъ завѣтѣ, особенно у Ап. Павла, преимущественно означаетъ всякое служеніе внѣшнимъ нуждамъ вѣрующихъ (Дѣян. 6, 1. 11. 29, 12. 25. Рим. 15, 31. 16, 1. 2. 2 Кор. 8, 4. 9, 1. 13), состоявшее въ принятіи странниковъ, въ вспоможеніи бѣднымъ и больнымъ (сн. 1 Тим. 5, 10) и опредѣлительнѣе называемое иногда служеніемъ общественной благотворительности (διακονία λειτουργίας 2 Кор. 9, 12). Подобныя услуги составляли насущную потребность для юной Церкви Христовой и, въ частности, для церкви коринѳской, непризнанной господствующею властію и образовавшейся, большею частію, изъ людей небогатыхъ внѣшними средствами и несильныхъ вліяніемъ: здѣсь преимущественно встрѣчались *немощная міра, и худородная и уничиженная и не сущая*, и только *не мнози сильни, не мнози благородни* (1 Кор. 1, 26—28). Цѣнность такихъ жертвъ (Евр. 13, 16), собственно со стороны Стефана и его домашнихъ возвышалась отъ того, что они посвятили себя на служеніе святымъ *сами;* т. е. не только миловали *съ добрымъ изволеніемъ, не отъ скорби, ни отъ нужды* (Рим. 12, 8. 2 Кор. 9, 7), но и къ мысли

объ этомъ служеніи пришли сами, внимая лишь внушенію свыше (сн. 2 Кор. 8, 16), тогда какъ изъ людей никто не требовалъ отъ нихъ этихъ услугъ, въ которыхъ почти каждый нуждался,—за что именно и хвалитъ ихъ Апостолъ: *въ служеніе святымъ учиниша себе* (ἑαυτοὺς). Такъ нѣкогда пророкъ Исаія самъ отозвался на божественное призваніе къ пророческому служенію: *и слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого послю, и кто пойдетъ къ людемъ симъ; и рекохъ: се азъ есмь, посли мя* (Ис. 6, 8). Въ какомъ свѣтѣ изъ такого замѣчанія о Стефанѣ является предъ нами эта достолюбезная личность, достойная богосвѣтлаго вѣка! Изведенный словомъ Апостола изъ смертной тьмы невѣденія въ чудный свѣтъ христіанскаго познанія (1 Петр. 2, 9. 2 Кор. 4, 6), вступившій изъ области сатанины въ столь же чудную, доселѣ невѣдомую, область христіанскаго совершенства, первенецъ Ахаіи хочетъ идти по пути благочестія со всею ревностію сердца, признательнаго къ несказанной милости Божіей, къ чему располагаетъ и своихъ домашнихъ, какъ бы повторяя слова древняго праведника: *азъ и домъ мой служити будемъ Господеви* (Іис. Нав. 24, 15). Но при этомъ онъ какъ бы встрѣчаетъ затрудненіе «найти превосходнѣйшую изъ добродѣтелей (христіанскихъ) и отдать ей первенство и преимущество, подобно какъ и на лугу многоцвѣтномъ и благовонномъ не легко бываетъ выбрать прекраснѣйшій и благовоннѣйшій изъ цвѣтовъ, когда то тотъ, то другой привлекаетъ къ себѣ обоняніе и взоръ и прежде всѣхъ заставляетъ сорвать себя.... Каждая изъ сихъ добродѣтелей есть особливый путь ко спасенію и несомнѣнно приводитъ къ одной какой-либо

изъ вѣчныхъ обителей ([18])». Наконецъ, изъ всѣхъ видовъ Богоугожденія онъ, въ особенности, избираетъ тотъ, который есть *путь по превосхожденію* (1 Кор. 12, 31) и въ которомъ сокращеніе всего Евангелія и основаніе закона и Пророковъ (Матѳ. 22, 37—40. 19, 21); рѣшается быть для всѣхъ, *яко мній и яко служай* (Лук. 22, 26): не видѣнъ ли въ этомъ *совершенный* (1 Кор. 2, 6), ревностнѣйшій ученикъ любвеобильнаго Павла, истинный ученикъ самой Любви—Христа, проповѣданнаго Павломъ? Его домашніе вполнѣ раздѣляютъ тѣже мысли и чувства; также, какъ и онъ, рѣшаются «отверзать утробу милосердія всѣмъ бѣднымъ и, по какой бы то ни было причинѣ, страждующимъ ([19])»: видно, что глава семейства былъ истинный глава семейства, патріархъ временъ новой благодати! Помыслимъ также и о новомъ доказательствѣ промысла Божія, благодѣявшаго своей Церкви, какое представляется намъ въ изреченіи Апостола. Юной Церкви, изъ людей бѣдныхъ и незнатныхъ, предстоитъ впереди немало искушеній и не только отъ чуждыхъ, но и отъ своихъ. Будетъ время, когда *братъ* станетъ судиться *съ братомъ*, да еще предъ невѣрными, станетъ и обижать его и отнимать у него (1 Кор. 6, 6. 8). Будетъ еще худшее время, когда, среди торжественныхъ и священнѣйшихъ минутъ совершенія пребожественной жертвы, имущіе забудутъ о *неимущихъ* и къ горести ихъ о вещественной бѣдности присоединятъ горесть о нравственномъ уничиженіи (11, 22). И вотъ Господь, столь мудро устроявшій внутреннее благосостояніе Церкви,

([18]) Выраж. *св. Григор. Богосл.* въ твор. св. От. 2, 2, 5.

([19]) Тамже стр. 6.

когда *буіихъ міра* (1, 27) обогащалъ *всякимъ словомъ и всякимъ разумомъ и дарованіемъ* (5, 7), несравненно высшими, чѣмъ всякая премудрость книжная и мірская сила,—простираетъ благопопечительную десницу свою и на благосостояніе внѣшнее, чтобы сколько-нибудь и съ этой стороны облегчить испытаніе малаго стада: на первыхъ же порахъ насажденія Церкви, Онъ даетъ ей добраго человѣка, и не одного, но цѣлый *домъ* рачителей и благодѣтелей, которые будутъ разумѣвать *на нища и убога* (Пс. 40), не въ видахъ какой-либо мзды, кромѣ развѣ мзды отъ Отца нашего небеснаго, и не въ одинъ или нѣсколько разъ, какѣ случается больше всего въ порывахъ благочестія скоропреходящаго, хотя и искренняго, но посвятятъ на это всю свою жизнь, такъ что только этимъ будутъ и заниматься, по разумѣнію златословеснаго истолкователя посланія, будутъ миловать *весь день* (Пс. 36, 26). Не дѣло ли это благодати, которой принадлежитъ всякая благочестивая мысль и хотѣніе и дѣйствованіе (Фил. 2, 13)? Не воскресеніе ли это *Бога, страсти ради нищихъ и воздыханія убогихъ* (Пс. 11. 6. сн. 9, 33)! Теперь смиренный бѣднякъ, оскорбленный (1 Кор. 11, 22), лишенный, можетъ быть, послѣдняго достоянія, въ безуспѣшной тяжбѣ на судѣ у неправедныхъ (6, 8), или, по какому-нибудь другому случаю, не имѣвшій даже пищи для дневнаго пропитанія, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Апостолъ знаменательно называетъ: *несущая* (1, 28),—съ особенною радостію и благоговѣніемъ ко Господу удостовѣрялся, что *не забы* Онъ *званія убогихъ*, что *не до конца забвенъ будетъ нищій* (Псал. 9, 13. 19), что очи Его зрятъ (10, 4). Всѣ знали и видѣли—*вьсте и Стефаниновъ домъ*—что есть между ними *отецъ немощ-*

ныхъ (Іов. 29, 16), положившій существеннѣйшимъ дѣломъ своей жизни быть милосердымъ, *якоже и Отецъ* небесный *милосердъ есть* (Лук. 6, 36), *око слѣпымъ, нога же хромымъ,* готовый *спасти убогаго отъ руки сильнаго* и помочь *сиротѣ, ему же не бѣ помощника* (Іов. 29, 12. 15), *вводяй нищія, безкровныя въ домъ* свой (Ис. 58, 7), не устроявшій, можетъ быть, ни одного *пира* безъ приглашенія ихъ (Лук. 14, 13). И конечно, не разъ сподоблялся такой человѣкъ благословеній отъ погибавшаго и отъ устъ вдовичихъ (Іов. 29, 13)!

Впрочемъ, изстари отличавшееся благочестіемъ семейство Стефана, повидимому, не у всѣхъ коринѳскихъ вѣрующихъ пользовалось должнымъ уваженіемъ, что понятно при господствовавшихъ между ними раздѣленіяхъ и холодности въ любви. Къ внушенію этого-то уваженія и направляется увѣщаніе Апостола: *молю же вы, братіе..... да и вы повинуйтеся таковымъ* (ст. 15). Своему увѣщанію Апостолъ даетъ видъ просьбы: *молю вы братіе,* частію для того, чтобы увѣщаніе лучше было принято читателями, частію же по любви къ нимъ и по умилительному тону рѣчи, вообще отличающему заключеніе посланія. *Повиновеніемъ* или подчиненіемъ (ὑποτάσσησϑε) означается у Апостола не подчиненіе Стефану или кому-нибудь изъ его домашнихъ, какъ какой нибудь главѣ (какъ въ Ев. Лук. 7, 8. 10, 17). Подчиненіе здѣсь разумѣется свободное (сн. Лук. 2, 51. Рим. 8, 7. 10, 3. Евр. 12, 9), то, что мы называемъ покорностію, послушаніемъ (сн. 2 Кор. 9, 13. 1 Тим. 2, 11. 3, 4), къ какому обязываются взаимно всѣ христіане (1 Петр. 5, 5), которое основано на сознаніи личныхъ достоинствъ и заслугъ каждаго изъ

нихъ, которое требуется и отъ высшихъ по отношенію къ низшимъ—духомъ Евангелія (2 Кор. 9, 13), смиренномудрія (1 Петр. 5, 5) и страха Божія и о которомъ говорится напр. въ посланіи къ Ефесеямъ: *повинующеся другъ другу* (5, 21). На такое разумѣніе указывается и послѣднимъ словомъ; ибо не сказано: *имъ*, но: *таковымъ* (τοιούτοις): заслуживая вниманіе ваше, какъ бы такъ говорилъ Апостолъ, уже *и лѣтъ ради* (Евр. 5, 12), проведенныхъ въ евангельской вѣрѣ и въ величайшемъ благочестіи съ самаго основанія Христіанства въ Коринѳѣ, какъ *начатки Ахаіи*, — эти люди заслуживаютъ уваженія и признательности съ вашей стороны (*да и вы* ἵνα καὶ ὑμεῖς) еще и по долгу справедливости; потому что избранный ими и столь долго проходимый образъ благочестія есть *путь по превосхожденію* (12, 31) къ общему вашему благу. Тоже послѣднее слово указываетъ намъ и на образъ заповѣдуемаго подчиненія, именно указываетъ на подчиненіе въ тѣхъ дѣлахъ, въ служеніе которымъ *учиниша себе* Стефанъ и его домашніе. Итакъ, все выраженіе значитъ слѣдующее: не только не отдаляйтесь отъ этихъ святыхъ и добрыхъ людей и не препятствуйте имъ, но еще отдавайте имъ всякій долгъ и почтеніе (особенно, или даже именно) въ дѣлахъ любви; потому что вамъ заповѣдано *все дѣлать въ любви* (ст. 14), и они лучще, чѣмъ кто-нибудь, могутъ быть *учителями* вашими (Евр. 5, 12) касательно исполненія сей заповѣди. «Помогайте имъ и денежными пожертвованіями и тѣлеснымъ служеніемъ, имѣйте съ ними общеніе. Ибо и трудъ для нихъ сдѣлается легче, когда они будутъ имѣть сотрудниковъ, и дѣйствія благотворительности будутъ простираться на число людей большее. И не

сказалъ просто: *содѣйствуйте*, но: *повинуйтесь* въ томъ, что бы они ни повелѣли, означая тѣмъ величайшее послушаніе ([20]). Два похвальныя свойства приписалъ имъ Апостолъ: и то, что они первые приняли спасительную проповѣдь, и то, что, открывъ домъ свой святымъ, оказываютъ имъ всякія услуги, ради чего и имъ (читателямъ) заповѣдуетъ сподоблять всякой чести такъ поступающихъ» ([21]). Подобнымъ образомъ, т. е. указаніемъ на чувство справедливости побуждалъ Апостолъ въ послѣдствіи и римскихъ христіанъ оказать участіе Фивѣ, кенхрейской діакониссѣ: она помогала, говоритъ, *многимъ и самому мнѣ, пріимите* ю и вы *о Господѣ достойнѣ святымъ, и споспѣшествуйте ей, о нейже аще отъ васъ потребуетъ вещи* (Рим. 16, 2).

И всякому споспѣшствующу и труждающуся: и всякому, кто вмѣстѣ ли съ ними дѣятельно участвуетъ въ благотвореніи или отдѣльно отъ нихъ несетъ напряженные труды въ томъ же святомъ дѣлѣ служенія святымъ. Таковъ былъ, можетъ быть, Гай *страннопріимецъ всея церкви* (Рим. 16. 23), такъ же одинъ изъ первыхъ, крещенныхъ Апостоломъ Коринѳянъ (1 Кор. 1, 14). «Пусть этотъ законъ (объ отношеніи къ Стефанову дому), говоритъ (Апостолъ), будетъ общимъ: ибо не собственно о нихъ говорю я, но и всякій, подобный имъ, пусть получаетъ тоже ([22])». Домъ Стефана является въ изреченіяхъ Апостола какъ-бы нѣкимъ благотворительнымъ заведеніемъ въ Церкви, не только основаннымъ, но уже и довольно организованнымъ: самъ онъ—на-

---

([20]) *Злат.* in h. l. p. 476.
([21]) *Ѳеодор.* in h. l.
([22]) *Злат.* ibid.

чальникъ, какъ-бы главный милостыне-раздаятель, *учитель* въ дѣлахъ милосердія *лѣтъ ради* (Евр. 5, 12); члены семейства — его помощники; въ число послѣднихъ поступаютъ и посторонніе—*всякій*, кто исполненъ одного духа съ начаткомъ Ахаіи. Только это заведеніе было учреждено не общественною волею (*сами себе учиниша*), хотя по настоятельной общественной надобности; да развѣ еще не имѣло оно надписи, которая свидѣтельствовала бы о его благотворительномъ назначеніи и которая иногда одна только и свидѣтельствуетъ о такомъ назначеніи. Въ замѣнъ ея каждый камень сего дома въ совершенствѣ служилъ его назначенію; потому что то былъ домъ духовный и камни живые (1 Петр. 2, 5), и у каждаго изъ нихъ было одно живое чувство и одна живая мысль—*о служеніи святымъ*!

Апостолъ переходитъ къ другому предмету: *возрадовахся же о пришествіи Стефаниновѣ и Фортунатовѣ и Ахаіковѣ* (ст. 17). По общему мнѣнію учителей Церкви, упоминаемый здѣсь Стефанъ есть одно лице съ сейчасъ упомянутымъ начаткомъ Ахаіи ([25]) и всѣ трое были достойнѣйшими изъ членовъ коринѳской Церкви, которыхъ она отправила съ своимъ посланіемъ къ Апостолу для разрѣшенія нѣкоторыхъ недоумѣній (1 Кор. 7, 1). Они же сподобились отнести къ ней и первое посланіе самаго Апостола, что примѣчается также въ древнихъ его подписяхъ. Болѣе нельзя сказать ничего положительнаго объ этихъ Ко-

---

([25]) Нѣкоторые изъ новѣйшихъ толкователей (*Bengel* Gnomon novi Testam.) предполагаютъ, что этотъ Стефанъ былъ сынъ прежде упомянутаго,—но безъ всякаго основанія.

ринеянахъ ([24]). Прибытію ихъ (*παρουσία*—сн. 2 Кор. 7, 6. 7. Фил. 1, 26) въ Ефесъ Апостолъ очень обрадовался, такъ что и теперь, когда они уже отправлялись обратно, онъ помнитъ эту радость и ощущаетъ ее, почему и пишетъ не въ прошедшемъ, а въ настоящемъ: я радъ (*χαίρω*) прибытію Стефана и пр. *Яко ваше лишеніе сіи исполниша* (*τὸ ὑμῶν ὑστέρημα οὗτοι ἀνεπλήρωσαν*); потому что пустоту, какую чуствовалъ я въ разлукѣ съ вами, восполнили эти, поистинѣ святые, братія; въ нихъ обнялъ я всѣхъ васъ, ибо они «весь городъ (вашъ) въ себѣ представляли» ([25]). Что было бы со мною и съ вами—взаимное утѣшеніе и радость,—если бы мы были вмѣстѣ (сн. Рим. 1, 12), то совершилось въ обществѣ ихъ—посланниковъ вашихъ: *упокоиша бо мой духъ и вашъ* (ст. 18). Сердце Апостола, стѣсненное (2 Кор. 2, 4), обезпокоенное вслѣд-

([24]) Нѣкоторые (*Grot.* ad h. l. *Никиф.* Астрах. въ указан. соч. 1, 475) почитали ихъ за домашнихъ Хлои (1. 11), другіе (Meyer in h. l.) причисляли Фортуната и Ахаика *къ домашнимъ Стефана*,—все произвольно. Но нѣтъ ничего неестественнаго въ догадкѣ, что *Фортунатъ*, упоминаемый Апостоломъ (имя весьма рѣдкое, не то, что напр. Гай) былъ тотъ же, который въ послѣдствіи отнесъ къ Коринѳянамъ посланіе Климента Римскаго (п. 59. стр. 296 по русск. перев. въ Хр. Чт. 1824. ч. 14): и такъ, вотъ другое свидѣтельство, что онъ былъ достоинъ и способенъ къ подобнымъ порученіямъ, а слѣдоват. и Ахаікъ (о Стефанѣ уже не говоримъ), по своему характеру и жизни, достойно и праведно занялъ мѣсто между свидѣтелями, при устахъ которыхъ *станетъ всякъ глаголъ*.

([25]) *Злат,* in h. l. Ὑμῶν понимаемъ какъ родит. сказуемаго (какъ 1 Кор. 15, 31).—*ὑστέρημα* то, чего не достаетъ. Нѣкоторые (*Grot. Cornel. Lap.*) понимая *ὑμῶν* какъ рода подлежащаго (какъ 2 Кор. 8, 14. 9, 12. 11, 9. Кол. 1, 24. Сол. 3, 10), изъясняли такъ: что слѣдовало бы вамъ сдѣлать (показать любовь), то сдѣлали они. Но какъ это грубое толкованіе нейдетъ къ кроткому, исполненному любви (сн. *Злат.* in. v. 18) тону настоящаго мѣста!

ствіе разныхъ, доходившихъ до него слуховъ о коринѳскихъ нестроеніяхъ (1, 11. 5, 1),— они *упокоили* утѣшили и обрадовали (ἀνέπαυσαν сн. Матѳ. 11, 29. 2 Кор. 7, 13 Филип. ст. 7. 20) своею любовію къ Апостолу, разъясненіемъ этихъ нестроеній, принесеніемъ посланія отъ Церкви, какъ знакомъ довѣрія ея къ своему основателю, свидѣтельствомъ объ обогащеніи ея всякою благодатію Божіею (1 Кор. 1, 4 и д.), о желаніи братіи коринѳской *помнить* наставленія его и, *яко же предалъ* онъ, *преданія держать* (11, 2), и т. п.; а вслѣдствіе этого, по причинѣ тѣснѣйшаго и нѣжнаго общенія Апостола съ его возлюбленными коринѳскими чадами, его успокоеніемъ доставили, какъ онъ надѣялся, и имъ успокоеніе: *надѣюся на вся вы*, говоритъ, *яко моя радость всѣхъ васъ есть* (2 Кор. 2, 3. 1, 7). «Успокоили мой духъ любовію за васъ и вашъ духъ моею радостію ([26]). Его успокоеніе было вмѣстѣ и ихъ успокоеніемъ» ([27]). Краткій отзывъ Апостола, но какъ много прекраснаго говоритъ онъ за тѣхъ, о комъ сдѣланъ! Много ли найдется людей, даже благочестивыхъ, о которыхъ какой-нибудь угодникъ Божій сказалъ бы: они упокоили мой духъ, обрадовали своимъ посѣщеніемъ?! И какъ внятно говоритъ эта новая черта въ характерѣ Стефана за его доброе сердце, за его мудрость въ обращеніи съ людьми, столь необходимыя въ служеніи братіи, особенно братіи меньшей, въ какое онъ и домашніе его *учиниша себе*!... Люди, послужившіе святому успокоенію Апостола и чадъ его, заслуживали полнаго ихъ и его

([26]) *Hieron.* in h. l.

([27]) *Ѳеофил.* in h. l.

уваженія, какъ истинные други Божіи: *мнѣ же зѣлò честни быша друзи твои, Боже* (Псал. 138, 17). Онъ и прибавляетъ: *познавайте убо таковыя*—цѣните же ихъ, какъ слѣдуетъ ([28]), имѣйте въ уваженіи ([29]), зная ихъ трудъ и усердіе ([30]); потому что для васъ они оставили отечество и домъ» ([31]).

3. По выраженію Златоуста, Апостолъ «всегда соединяетъ и собираетъ члены (Церкви) привѣтствіемъ» ([32]). Такъ и теперь онъ

1) привѣтствуетъ отъ Церквей Азіи, т. е. проконсульской, въ составъ которой входили: Мисія, Фригія, Лидія и Карія, и главнымъ городомъ которой былъ Ефесъ, откуда писано посланіе: *цѣлуютъ вы церкви асійскія* (ст. 19),—конечно, *о Господѣ*, какъ должно доразумѣвать изъ втораго и четвертаго привѣтствій (сн. Рим. 16, 22). — Нигдѣ по эгейскому морю не происходило столь частое плаваніе, какъ между Ефесомъ и Коринѳомъ, столицами двухъ цвѣтущихъ и мирныхъ провинцій и двумя большими торговыми городами на противоположныхъ сторонахъ моря. Безъ сомнѣнія, и съ возсіяніемъ свѣта благодати (2 Кор. 4, 6), продолжалось столь же непрерывное общеніе обѣихъ митрополій; но теперь вошло въ него новое существенное начало: это—общеніе, не ради какого-либо временнаго и мірскаго прибытка, но въ дѣлахъ евангельской вѣры и благочестія, *соблюденіе единенія духа въ союзѣ мира* (Еф. 4, 3).

([28]) Ἐπιγινώσκετε сн. Мѳ. 17, 12. 2 Кор. 6, 9. 1 Цар. 2, 12. Іер. 2, 8; γινώσκετε Евр. 12.

([29]) Εἰδατε 1 Сол. 5, 12.

([30]) *Ѳеофил.* in h. l.

([31]) *Hieron.*, *Ambros.* in h. l.

([32]) *Злат.* p. 476.

([33]) *Злат.* ibid.

Примѣръ такого общенія ефесской *братіи* съ коринѳскою Церковію мы видимъ уже въ начальной ея исторіи (Дѣян. 18, 27). Настоящее мѣсто представляетъ свидѣтельство того, какъ и другія Церкви малоазійскія, узнавъ, по общенію съ Церквію главнаго города, что къ Апостолу прибыли уполномоченные отъ христіанъ коринѳскихъ и что Апостолъ къ нимъ пишетъ, хотятъ воспользоваться представившимся случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать имъ свое общеніе о Господѣ. Какъ глубоко, значитъ, лежала въ этихъ Церквахъ, поистинѣ апостольскихъ, *Христовыхъ* (сн. Рим. 16, 16) и *Божіихъ* (1 Кор. 11, 16)—мысль, что всѣ онѣ имѣютъ одну Главу—Христа и одушевляются однимъ Духомъ Божіимъ, что истинная Церковь не ограничивается никакимъ мѣстомъ, ни временемъ, ни народомъ, но заключаетъ въ себѣ вѣрующихъ всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ! И какъ достоподражательно это стремленіе каждой частной Церкви соблюсти въ себѣ тотъ характеръ, какой приличенъ частямъ Церкви—единой и каѳолической!

2. Привѣтствуетъ отъ Акилы и жены его Присциллы, римскихъ изгнанниковъ при Клавдіѣ; бывшихъ вмѣстѣ съ Апостоломъ въ Коринѳѣ, потомъ отправившихся въ Ефесъ (Дѣян. 18, 2. 18—26) и остававшихся здѣсь, по видимому, до своего возвращенія въ Римъ, гдѣ мы видимъ ихъ нѣсколько позднѣе (Рим. 16, 3): *цѣлуютъ вы о Господѣ много Акила и Прискилла, съ домашнею ихъ церковію*, т. е. въ общеніи вѣры во Христа и, основанной на ней, искреннѣйшей любви къ вамъ (*достойнѣ святымъ* Рим. 16, 2), желаютъ вамъ не одного какого-нибудь блага, но всякой благодати отъ Господа (πολλὰ сн. Мар. 3, 12. 5, 23. 1 Кор. 16,

12. Апок. 5, 4. Рим. 16, 6). *Домашнею ихъ церковію* означаются частію ихъ чадцы и домочадцы, исповѣдывавшіе вѣру Христову ([34]), главнымъ же образомъ тѣ христіане Ефеса, какіе собирались или какіе только могли помѣститься для общественнаго назиданія и Богослуженія въ ихъ домѣ. Сіе послѣднѣе разумѣніе согласнѣе съ этимологическимъ и историческимъ значеніемъ слова *церковь* (ἐκκλησία) —общество лицъ, собранныхъ во множествѣ ([35]), и съ тѣмъ, что для обозначенія христіанскаго семейства—только семейства, Апостолъ употребляетъ въ этой жѣ главѣ другое слово—*домъ*: *вѣсте и Стефаниновъ домъ*—τὴν οἰκίαν Στεφάνα, не τὴν κατ᾽ οἶκον Στεφ. ἐκκλησίαν). Въ первыя времена богослужебныя собранія происходили у частныхъ лицъ; кто имѣлъ достаточное состояніе, тотъ усердствовалъ, на пользу церкви своимъ домомъ или частію дома: явились *домашняя церковь Нимфана* (Кол. 4, 15), *домашняя церковь* Филимона въ Колоссахъ (Фил. ст. 2). Въ городахъ, гдѣ христіанъ было много, и собранія происходили въ разныхъ частяхъ города и въ разныхъ домахъ: такъ въ Римѣ была домашняя церковь тѣхъ же упоминаемыхъ нами Акилы и Прискиллы (Рим. 16, 4); были и другія, ибо Апостолъ отличаетъ отъ нея какъ *братію* и *вся святыя сущія* съ Асинкритомъ, Флегонтомъ и пр. (ст. 14. 15), такъ и иныхъ римскихъ вѣрующихъ, бывшихъ въ Римѣ, привѣтствуя каждаго особо (ст. 15 и д.). Правившіе рабочимъ заведеніемъ ([36]) и имѣвшіе, конечно, достаточное состояніе отъ своего

([34]) *Злат.*, *Өеодор.*, *Ambros.*, *Hieron.* in h. l.

([35]) *Shleusn.*, *Wahl.* sub h. v.

([36]) *Злат.* Толк. на посл. къ Римл. стр. 681.

ремесла, въ свое время, дѣйствительно, не неблагодарнаго, понтійскій скинотворецъ и жена его отдѣлили и въ Ефесѣ домъ свой для братіи—хотя не для всей (сн. ст. 20), потому что здѣсь *отверзеся* Апостолу *дверь велика и поспѣшна* (ст. 9). Въ Коринѳѣ, при первомъ пребываніи здѣсь Апостола, усердіе этихъ людей такъ не выразилось: христіане собирались въ домъ нѣкоего Іуста Дѣян. (18, 7). Но это—потому, что Коринѳъ не былъ постояннымъ мѣстопребываніемъ Акилы и Прискиллы и пришли сюда они только по несчастному обстоятельству, какъ свидѣтельствуетъ священный дѣеписатель *(зане повелѣлъ бяше Клавдій отлучитися всѣмъ Іудеомъ отъ Рима)*, притомъ это было при началѣ Христіанства въ Коринѳѣ *(ново пришедша* Дѣян. 18, 2), когда они еще не успѣли устроиться. Почему изъ всѣхъ привѣтствующихъ Апостолъ называетъ по именамъ только *Акилу и Прискиллу*? Причина заключалась или въ томъ, что они, собственно говоря, не были малоазійскими христіанами, а останавливались въ Ефесѣ только временно, по своимъ торговымъ дѣламъ; или еще—и въ томъ, что они издавна, съ самаго основанія коринѳской Церкви, были знакомы ей, принимали около двухъ лѣтъ участіе въ трудахъ насадителя Церкви, если не столь прямое, какое приписывается только Силѣ и Тимоѳею (2 Кор. 1, 19. Дѣян, 18, 5), тѣмъ не менѣе живое и плодотворное, потому что они вообще называются *споспѣшниками* Павла *о Христѣ Іисусѣ* (Рим. 16, 3), что они и послѣ принимали самое дѣятельное и рѣшительное участіе въ окончательномъ образованіи евангельскомъ славнаго преемника Павлова Аполлоса (Дѣян. 18, 26), что потому коринѳской братіи всегда было важно имѣть извѣстіе о нихъ и пріятно слышать ихъ благо-

желанія. Можно присоединить къ этому и третье, весьма вѣроятное, соображеніе: можетъ быть, домъ ихъ, о церкви котораго упоминаетъ Апостолъ *(съ домашнею ихъ церковію)*, былъ вмѣстѣ домомъ, въ которомъ онъ самъ жилъ въ Ефесѣ и теперь писалъ посланіе, подобно какъ нѣкогда *пребысть* у нихъ въ Коринѳѣ, *зане единохудожникомъ быти имъ* (Дѣян. 18, 3) ([37]). Какъ бы то ни было, только эта благочестивая и боголюбивая двоица была связана узами самой искренней и преданной любви къ Павлу и потому была приснопамятна для Апостола языковъ и должна остаться приснопамятною для всей Церкви отъ языкъ, по его собственному отзыву, равно высокому и умилительному; *иже*, говоритъ, *по души моей своя выя положиша, имже не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія* ([38]) (Рим. 16, 4); Болѣе нельзя сказать объ этихъ людяхъ ничего опредѣленнаго на основаніи Писанія, развѣ можно только замѣтить, съ нѣкоторыми изъ древнихъ ([39]), одну черту, именно, что евангельское просвѣщеніе или, покрайней мѣрѣ, усердіе къ распространенію Христіанства выдавалось въ Прискиллѣ болѣе, нежели въ Акилѣ. Ибо только такимъ образомъ удобно изъясняется то, почему сосудъ избранія, трижды соединяющій ихъ имена въ своихъ привѣтствіяхъ, два раза приводитъ имя жены скинотворца прежде имени мужа (Рим. 16, 3, 2 Тим. 4, 19) ([40]) и почему тотъ же порядокъ, про-

([37]) Въ нѣкоторыхъ древнихъ изданіяхъ посланія это даже прямо замѣчается, напр. въ Вульгатѣ (См. *de Vence* Bible t. XXII. 354 *Scholz*. Nov. test. in h. v.).

([38]) Посему-то и въ посл. къ Римл. болѣе всѣхъ выхваляетъ онъ Прискиллу и Акилу. *Злат*. толк. на посл. къ Римл. стр. 699.

([39]) *Syr*. Scholiast.

([40]) Въ настоящемъ мѣстѣ не такъ, но причина понятна 14. 34.;

тивный духу греческой письмености, встрѣчается однажды и у священнаго дѣеписателя (Дѣян. 18, 18 въ подл.). Преданіе называетъ св. Акилу епископомъ ираклійскимъ и образомъ кончины обоихъ супруговъ— обезглавленіе при Неронѣ ([41]). Св. Златоустъ посвятилъ нѣсколько страницъ прославленію благочестивой четы, въ особенности останавливаясь, со всѣмъ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, на похвалахъ славной женѣ скинотворца. «Столько, говоритъ св. Отецъ, были они добродѣтельны, что обратили домъ свой въ церковь такъ, что всѣ ихъ домашніе содѣлались вѣрными, и домъ ихъ отверстъ былъ для всѣхъ странныхъ. Ибо Апостолъ не имѣетъ обычая безъ разбора называть дома церквами, ежели въ нихъ нѣтъ примѣрнаго благочестія и не укорененъ особенный страхъ Божій. . . . . Акила съ Прискиллою жили въ супружествѣ и весьма просіяли, хотя ихъ промыслъ былъ незнатенъ. Они дѣлали палатки, однако же добродѣтель покрывала все и показала ихъ блистательнѣйшими солнца. Ни ремесло, ни брачный союзъ не вредили имъ, напротивъ они явили въ себѣ такую любовь, какой требовалъ Христосъ, сказавъ: *больше сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 14, 13). Они исполнили то, что служитъ признакомъ Христова ученика; взяли крестъ и послѣдовали за Христомъ. Ибо дѣлавшіе это для Павла тѣмъ паче показывали такое же мужество для Христа. Пусть слышатъ сіе и богатые и бѣдные!.... Ибо скажи мнѣ: какая царица столько знаменита и столько прославляется, какъ эта жена скинотворца? Объ ней всякой говоритъ и будетъ гово-

---

([41]) Четьи-Мин. 4 Генв. Menolog. Graec. 11, 183. Act. Sanctor. Cul. 11. p. 534.

рить не десять и двадцать лѣтъ, но до пришествія Христова. И притомъ всякой говоритъ о ней то, что украшаетъ ее болѣе царской діадимы. Что важнѣе этого, что сравнится съ этимъ—быть заступницею Павловою, съ опасностями для себя спасать учителя вселенной? Разсуди, сколько было царицъ, и имена ихъ преданы забвенію; а имя жены скинотворца и ея мужа обносится всюду и, сколько солнце освѣщаетъ земли, столько слава ея обтекаетъ во вселенной. И Персы, и Скиѳы, и Ѳракіяне, и живущіе на послѣднихъ краяхъ земли прославляютъ и ублажаютъ благочестивую жизнь этой женщины.... Посмотри на ихъ трудъ въ проповѣди, на ихъ мученическій вѣнецъ, на ихъ стараніе о неукоризненной жизни, на ихъ любовь къ Павлу, на ихъ усердіе ко Христу. И сравни съ этимъ себя, свое попеченіе о деньгахъ...,—тогда увидишь; кто были они, и кто ты. Или лучше: не только сравни но и поревнуй женщинѣ,..... возми небесное украшеніе и поучись у Прискиллы и Акилы, отъ чего они стали такими. Отъ чего же? Они два года содержали у себя въ домѣ Павла. А чего не произвели въ душѣ ихъ эти два года? Ты скажешь: что же мнѣ дѣлать,—у меня нѣтъ Павла? Ежели хочешь, имѣешь больше, нежели они. Не лицезрѣніе Павлово, а Павловы слова содѣлали ихъ таковыми. Итакъ, если угодно тебѣ, съ тобою непрестанно готовы бесѣдовать и Павелъ, и Петръ и Іоаннъ, и цѣлый сонмъ Пророковъ и Апостоловъ. Возми книги сихъ блаженныхъ мужей, постоянно занимайся ихъ писаніями; онѣ могутъ и тебя содѣлать подобнымъ женѣ скинотворца» (42).

---

(42) *Злат.* толков. на посланіе къ Римл. стр. 680—683.

3. Далѣе Апостолъ привѣтствуетъ отъ всѣхъ христіанъ ефесскихъ: *цѣлуютъ вы братія вся* (ст. 20), т. е. остальные, непринадлежавшіе къ упомянутой домашней церкви. И какъ всѣ эти привѣтствія или *цѣлованія* отъ христіанъ служили выраженіемъ любви и мира, которыя вообще были мало примѣчаемы между коринѳскими вѣрующими,—

4. Старается и въ нихъ пробудить тѣже чувствованія (43): *цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ*— не тѣмъ, какимъ обычно сопровождается въ мірѣ встрѣча послѣ разлуки (44) (Быт. 33, 4. Исх. 18, 7. 2 Цар. 14, 33. Лук. 15, 20), но какое прилично людямъ, призваннымъ къ святости и освященнымъ (1 Кор. 1, 2), ученикамъ Того, кто нѣкогда *ста посредѣ ученикъ своихъ и глагола имъ: миръ вамъ* (Іоан. 20, 19), *не якоже міръ* глаголетъ (14, 27), лобзаніемъ чистымъ (45), безъ коварства и лицемѣрія (46), поистинѣ лобзаніемъ любви (1 Петр. 5, 14), лобзаніемъ мира (47), *лобзаніемъ о Господѣ* (48) лобзаніемъ божественнымъ (49). Да знаменуется имъ конецъ всякимъ раздѣленіямъ (1 Кор. 1, 10), притѣсненіямъ, обидамъ (6, 7), тщеславію, высокомѣрію (8, 1), зависти и спорамъ (3, 3),—и начало соединенія *въ томже разумѣ и въ тойже мысли*, о чемъ я и раньше *молилъ вы, братіе, именемъ Гос-*

---

(43) *Сн. Злат.* in h. l. Впрочемъ святое лобзаніе Апостолъ заповѣдывалъ и некоринѳскимъ христіанамъ. Рим. 16, 16. 1 Сол. 5, 26.

(44) *Сн. Кирил. Іерусал.* Поуч. тайнов. 5. п. 3. стр. 460.

(45) *Origen.* in Rom. 16. 16.

(46) *Злат.* in v. 20; на посланіе къ Римл. стр. 697; *Origen.* l. c.

(47) Osculum pacis *Tertull.* l. de oratione cap. XIV.

(48) Τὸ ἐν Κυρίῳ φίλημα. Constit. Apost. l. II. c. LVII.

(49) Ὁ θειότατος ἀσπασμὸς *Діонис. Ареопагитъ.* L. de Eccles. Hierarch. C. III.

пода нашего Іисуса Христа (1, 10) *и сего распята* (2, 2) (). Да возгрѣвается отъ сего лобзанія больше и больше искреннее расположеніе любить другъ друга, какъ любятъ братья братьевъ, чада отцевъ и отцы чадъ, и такъ исполнится сейчасъ—реченное слово: *вся вамъ любовію да бываютъ* (ст. 13) ([51]). *Обымите другъ друга, и другъ друга цѣлуимъ!*,... Если это посланіе было прочитано *предъ всею* собравшеюся *церковію*, въ чемъ, конечно, нельзя сомнѣваться, судя по важности, какую она придавала словамъ Апостола, и по прямой заповѣди его, извѣстной намъ изъ другихъ посланій (1 Солун. 5, 27. Кол. 4, 16), то можно представить, какое глубокое впечатлѣніе, какія живыя чувства умиленія, любви и послушанія должно было произвесть оно во всѣхъ, особенно этимъ послѣднимъ цѣлованіемъ ([52])! Ибо, при всѣхъ нестроеніяхъ коринѳской Церкви, мы всячески должны помнить, что то были явленія немощи человѣческой, что рѣчь у насъ о «братствѣ именитомъ, почтенномъ *и для всѣхъ достолюбезномъ*», какъ называли его уже древнѣйшіе изъ мужей апостольскихъ, ([53]) о вѣкѣ богосвѣтломъ, образцовомъ. И, если это чтеніе предшествовало важнѣйшему дѣйствію божественной Литургіи, въ чемъ также нельзя сомнѣваться, судя по способу, какъ совершилъ ее въ другомъ мѣстѣ насадитель

([50]) «Священнымъ лобзаніемъ (выражается) тождество единомыслія, согласія и любви у всѣхъ со всѣми, и у каждаго съ собою прежде всего и съ Богомъ». *Макс. Испов.* Тайновод. стр. 339. 329. Спб. 1855.

([51]) Си. *Злат.* толков. на 2 Кор. стр. 591—592.

([52]) «Соединивъ ихъ увѣщаніемъ, по справедливости повелѣваетъ соединиться и святымъ лобзаніемъ» *Злат.* in h. l. p. 477.

кориноской Церкви (Дѣян. 20, 7. сн. 11), то какъ искренне было во всѣхъ желаніе достойно и праведно приступить къ наступавшему возвѣщенію смерти Господней и какъ торжественно и благоговѣйно совершилось пріобщеніе пребожественныхъ тѣла и крови! Богатые, конечно, готовы были облещися *во утробы щедротъ* (Кол. 3, 12) *и не срамлять неимущихъ* (1 Кор. 11, 22), но и бѣдные, *аще кто на кого* имѣлъ *пореченіе* (Колос. 3, 13), прощали вся ненавидящимъ ([83]). Какъ тепла была молитва сего собора святыхъ— молитва, пока только сердечная; потому что чтеніе еще не кончилось! И неслась она горе, *яко стебло дыма кадящее смирну и ливанъ, отъ всѣхъ благовоній мѵроварца* (Пѣсн. 3, 6), *и даны быша* эти *ѳиміами мнози* одному изъ Ангеловъ, стоящихъ предъ Богомъ, быть можетъ, Ангелу хранителю Церкви кориноской, *да дастъ молитвамъ святыхъ всѣхъ на олтарь златый сущій предъ престоломъ* (Апок. 8, 3)! Съ какою радостію (сн. Лук. 15, 10). приникали и прочія небесныя Силы къ благообразному поведенію собравшихся вѣрующихъ (1 Кор. 14, 40),—тѣ безплотные стражи алтаря, именемъ которыхъ Апостолъ приглашалъ христіанокъ Коринѳа къ болѣе разумному употребленію евангельской свободы, при богослуженіи (11, 10). Какого *упокоенія духа* должны были сподобиться теперь, въ свою очередь, и тѣ благоговѣйные мужи, упокоившіе *духъ* Апостола *и духъ* своихъ братій (сн. 2 Кор. 7, 13)!

([83]) Извѣстно, что святое лобзаніе часто употребляли древніе христіане, особенно же на вечеряхъ любви. (*Iustin. Apolog*. Constitut. Apost. l. c.; *Діонисій Ареопаг*. въ указ. творен. стр. 83. 118. 119 по русскому перев. нашей Акад. 1855 г.).

Съ какою признательностію обращали къ нимъ свои взоры многіе изъ сихъ послѣднихъ, можетъ быть, всѣ, повинуясь и голосу собственнаго сердца и еще живо звучавшему слову: *познавайте таковыя*! Для полноты радости духовной не доставало лишь видимаго присутствія самаго Апостола, присутствовавшаго въ собраніи только духомъ (сн. Колос. 2, 15); и можетъ быть, не одинъ изъ собравшихся скорбѣлъ объ отсутствіи возлюбленнаго отца и учителя, какъ подобное было нѣсколько послѣ съ пастырями—слушателями милетской бесѣды (Дѣян. 20, 37. 38), или желалъ облобызать десницу его, приславшую такое посланіе, какъ гораздо позднѣе желалъ того златословесный читатель и истолкователь Апостола ([54]). Какъ благовременно посему—ибо у Бога *всѣмъ время и время всякой вещи подъ небесемъ* (Екклес. 3, 1)—какъ благовременно преподается теперь —

5. Послѣднее, торжественнѣйшее изъ всѣхъ доселѣ преподанныхъ, привѣтствіе, которое Апостолъ пишетъ собственноручно, скрѣпляя тѣмъ все написанное: *цѣлованіе моею рукою Павлею* (ст. 21). Апостолъ обыкновенно диктовалъ свои посланія кому-нибудь изъ своихъ сотрудниковъ,—исключеніе было развѣ для посланія къ Галатамъ ([55]) (6, 11); самъ же только дѣлалъ подпись, которая служила удостовѣрительнымъ свидѣтельствомъ въ подлинности посланія и была необходима, потому что рано уже стали появляться ложныя писанія подъ именемъ Апостола языковъ (Колос. 4, 18. 2 Сол. 3, 17). Такъ Павловымъ писцемъ ([56]) по-

([54]) Толков. на посланіе къ Римлянамъ стр. 718.

([55]) *Злат.* Толков. на первое посл. къ Галат. стр. 177. 178.

([56]) *Злат.* Толков. на посл. къ Римл. стр. 172.

сланія къ Римлянамъ былъ Терцій (19, 22). Кто писалъ настоящее посланіе, опредѣленно неизвѣстно; на основаніи же перваго стиха его, нѣкоторые приписываютъ это Сосѳену, упоминаемому въ Дѣяніяхъ ([57]) (18, 17). Итакъ, «я, говоритъ (Апостолъ), диктовалъ посланіе, привѣтствіе же присоединяю своеручно, показывая этими письменами, что все написанное мнѣ принадлежитъ ([58])». Къ подписи своего имени Апостолъ своеручно же ([59]) присоединяетъ: а) страшное предостереженіе отъ недостаточной любви къ Іисусу Христу, какъ существеннаго и глубочайшаго основанія всѣхъ нестроеній (ст. 22), б) желаніе благодати отъ Господа нашего Іисуса Христа (ст. 23), какъ начала всякаго церковнаго благоустроенія, и в) свидѣтельство о своей христіанской любви ко всѣмъ коринѳскимъ христіанамъ (ст. 24), не исключая т. е. и тѣхъ, которыхъ обличалъ въ посланіи или для которыхъ языкъ его, по мѣстамъ строгій, могъ легко показаться языкомъ не чадолюбиваго отца, а пѣстуна, съ палицею пекущагося не о своихъ дѣтяхъ (сн. 4, 15. 21).

а) *Аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ анаѳема, маранаѳа.* Подъ *не любящими Господа* здѣсь, конечно, нельзя разумѣть невѣрныхъ Іудеевъ или язычниковъ, видѣвшихъ въ словѣ крестномъ соблазнъ или безуміе и потому хулившихъ Спасителя: такихъ людей Апостолъ долженъ былъ, какъ самъ говоритъ, въ другомъ мѣстѣ, обращать отъ тьмы къ свѣту и изъ подъ власти сатаны къ Богу (Дѣян. 26, 18), а не подвергать осужденію, какъ самъ же говоритъ еще и въ

([57]) Cursus Sacr. Scr. XXIV, 371.

([58]) *Ѳеодор.* in h. l.

([59]) Curs. Sacr. Scr. ibidem pag. 691 sub fin. 694.

настоящемъ посланіи: *что бо ми и внѣшнихъ судити* (1 Кор. 5, 12)? Припомнимъ и то, съ какою терпимостію разсуждалъ онъ объ общеніи вѣрныхъ съ невѣрными въ нѣкоторыхъ вещахъ (7, 12, 13. 10, 27), хотя въ тоже время запрещалъ всякое общеніе съ христіанами неистинными (5, 11). Рѣчь идетъ здѣсь о тѣхъ же лицахъ, о которыхъ и къ которымъ направлены всѣ стихи заключенія, предшествующіе настоящему и послѣдующіе за нимъ (въ нихъ постоянно употребляется мѣстоименіе втораго лица во множественномъ числѣ) т. е.

α) О самыхъ христіанахъ коринѳскихъ. Апостолъ хочетъ сказать не то, чтобы кто-нибудь изъ нихъ *ненавидѣлъ* Христа (какъ изъясняли нѣкоторые толкователи): ибо во-первыхъ, что это были бы за христіане? во вторыхъ, что препятствовало бы Апостолу употребить прямое выраженіе для такой мысли (подобно какъ употребилъ его самъ Господь: *ненавидяй мене и Отца моего ненавидитъ* Іоан. 15, 23)? Нарѣчіе, употребленное Апостоломъ (ου не μη), по духу подлиннаго языка, будучи употреблено въ условномъ предложеніи (ει ου), выражаетъ не мысль противоположную сему предложенію, а его усиленіе (60): *и кто не любитъ*—не значитъ: *кто ненавидитъ*, но: кто не любитъ, какъ должно, «кто не имѣетъ пламенной любви (ὁ μὴ θερμὸν ἔχων τὸ φίλτρον) къ Господу Христу (61)». Въ изъясняемомъ изреченіи замѣчательна нѣкоторая особенность: употребленный въ немъ глаголъ (ὀυ φιλεῖ), кромѣ общаго по-

---

(60) *Winer* Grammatik. Neutestamentich. Sprachidionis. S. 454. 1836. Leipz. 4 Aufg.

(61) *Ѳеодор.* in h. l.

нятія любви, заключаетъ въ себѣ еще понятіе лобзанія (Матѳ. 26, 48. 49. Лук. 22, 47. 48. сн. Быт. 27, 26. 27. Пѣснь 1, 1. 8, 1. Тов. 7, 6) и о любви къ Богу Отцу никогда не употребляется. Искреннюю, пламенную любовь Апостолъ и здѣсь разсматриваетъ со стороны ея видимаго символа, соотвѣтственно всей предыдущей рѣчи о цѣлованіяхъ (сн. Тит. 3, 15),— и въ предметѣ сей любви—*Іисусѣ Христѣ Господѣ* или истинномъ Богѣ—даетъ прозрѣвать намъ еще прекраснѣйшаго изъ сыновъ человѣческихъ (Пс. 44, 3. сн. Пѣснь 1, 15. 2, 3. 5, 16), не стыдящагося насъ *братіею нарицати* (Евр. 2, 11), Іисуса сладчайшаго—Друга вѣрующихъ, какъ Онъ самъ сказалъ: *вы друзи мои есте, аще творите, елика азъ заповѣдаю вамъ. Не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ* (Іоан. 15, 14. 15) (62). Понимая настоящее мѣсто посланія въ томъ же духѣ, въ какомъ написано все оно,—въ духѣ обличенія и

(62) «*Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ* (Пѣснь 1, 1). Тако вѣщаетъ невѣста, умоляющая отца жениха своего... Но да никто изъ пристрастившихся къ земнымъ и земная мудрствующихъ лобзанія, рѣчію не соблазнится; пусть разсудитъ лучше, какъ мы, въ таинственной вечери тѣло и кровь жениха пріемля, объемлемъ и лобызаемъ, и къ мысленнымъ очамъ предлагаемъ, и духомъ и мыслію какбы объятія нѣкоторыя брачныя совершаемъ, и съ нимъ соединенными себя быти представляемъ» и т. д. *Ѳеодор.* Толков. на Пѣснь пѣсн. стр. 29. 30. по слав. перев. М. 1840. О таковъ лобзаніи часто говорится и въ церковныхъ пѣсняхъ и молитвахъ, наприм. «видъ твой образованія описующіи, любезно цѣлуемъ къ твоей любви возвышаемы...»(Вечерн. стихир. въ 1 седьм. вел. поста. Тріод. л. 170 на оборот., л. 178). «Ни лобзанія ти дамъ, яко Іуда...» См. послѣднія слова ниже предъ изъясненіемъ ст. 23.

исправленія коринѳскихъ нестроеній, легко поймемъ, что здѣсь говорится —

β. Именно о тѣхъ *именуемыхъ братіяхъ*, которыхъ поведеніе не было свободно *отъ всякія неправды* (1 Кор. 5, 11. 6, 7—10. сн. 2 Тим. 2, 19), служило къ соблазну ближнихъ (1 Кор. 8, 9 и. д.) и даже давало иногда поводъ сказать, что они—эти братія *Бога не знаютъ* (15, 34),—и не потому, чтобы ихъ благочестіе было не искреннее (этого ниоткуда не видно), а потому, что въ нихъ еще слишкомъ живы были порывы ветхаго человѣка, какъ то духъ раздѣленія, духъ зависти, тщеславія, умственнаго высокомѣрія, особенно же оскудѣніе любви взаимной. Проникая до самой глубины зла, Апостолъ научаетъ своихъ читателей, что сердце ихъ еще не проникнуто животворнымъ началомъ христіанской жизни—любовію ко Господу—вполнѣ, до пожертвованія всякимъ самолюбіемъ, что въ нихъ нѣтъ той любви, какою именно свидѣтельствуется въ Писаніи душа благочестивая и какую самъ Господь поставилъ въ основаніе Христіанской жизни: *братъ мой мнѣ и азъ ему* (Пѣснь 2, 16); *что ми есть на небеси; и отъ тебе что восхотѣхъ на земли; исчезе сердце мое и плоть моя: Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ* (Псал. 72, 25. 26). *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія: скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или, мечъ.... Но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны* (Рим. 8, 35. 37). *Аще любите мя, заповѣди моя соблюдите. Аще кто хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ ми* (Іоан. 14, 15. Лук. 9. 23). Господь требуетъ отъ насъ всего нашего сердца и такое требованіе называетъ *первою и большею заповѣдію*: *даждь*

ми сыне твое сердце (63) (Притч. 23, 26. Матѳ. 22, 37. 38). Да и сердце наше, по самой природѣ своей, не можетъ дѣлиться любовію между противоположными предметами (Матѳ. 6. 24), такъ что неполнота любви къ одному какому-нибудь изъ нихъ есть тоже, что отсутствіе любви; *аще кто не любитъ*....«Однимъ этимъ изреченіемъ, замѣчаетъ Златоустъ, устрашилъ всѣхъ— и дѣлавшихъ члены свои членами блудницы (6, 15), и соблазнявшихъ братію вкушеніемъ идоложертвеннаго (8, 10. 11), и называвшихъ себя отъ людей (1, 12), и невѣровавшихъ воскресенію (15, 12). Но не только устрашилъ онъ, а и показалъ путь добродѣтели и источникъ зла. Потому что, какъ сильная любовь къ Нему (Христу) истребляетъ и изгоняетъ всѣ виды грѣховъ, такъ ослабленіе ея содѣйствуетъ ихъ произрастанію и (64).

Да будетъ анаѳема. Слово *анаѳема* (*ἀνάθεμα* или *ἀνάθημα*) первоначально означало, по этимологіи, всякую вещь, отдѣленную отъ общаго употребленія и посвященную Богу (65) (cherem Лев. 27, 28. Числ. 18, 14. Мих. 4, 13. Іезек. 44, 29. сн. Лук. 21, 5); за тѣмъ его стали прилагать въ особенности къ такимъ предметамъ, которые приносимы были Богу для уми-

(63) См. статью: *Смыслъ проповѣди Іисуса Христа о любви,* — въ Христ. Чтен. 1826. 22, 376 и дал.

(64) *Злат.* in h. l. p. 477. «Кто дѣлаетъ это, тотъ не любитъ Господа». *Икум.* in h. l.

(65) Въ частности такую вещь, которую *вѣшали* или выставляли на возвышенномъ мѣстѣ во храмахъ, чтобы всѣ ее видѣли (2 Мак. 5, 16). Отсюда *Сократъ* историкъ изъясняетъ церковное употребленіе анаѳемы: приговоръ противъ богохульника, выставляемый какбы на столбѣ и чрезъ то всѣмъ объявляемый. Кн. 7, гл. 34 по русск. перев. стр. 562.

лостивленія гнѣва Его и-которыхъ приношеніе состояло въ ихъ уничтоженіи или смерти (Числъ 21, 2. Втор. 2, 34. 7, 26. Іис. Нав. 6, 16. 17. 8, 26. Лев. 27, 29. Исх. 22, 20); а вслѣдствіе этого, оно стало означать и людей, подлежащихъ проклятію отъ Бога и отчужденію отъ божественнаго общества спасаемыхъ, т. е. Церкви ([66]) (Рим. 9, 3. 1 Кор. 12, 3. Гал. 1, 8. 9. сн. Мѳ. 25, 41. Дѣян. 23, 14. Ис. 44, 2. Малах. 4, 6). Давши *цѣлованіе* своею *рукою*, Павелъ отчуждаетъ отъ него всякаго, кто не любитъ Спасителя нашего, подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ онъ преподаетъ *благодать* только *любящимъ Господа нашего Іисуса Христа въ неистлѣніи* (Еф. 6, 24. сн. Фил. 4, 22. Тит. 3, 15). Отчуждаетъ отъ прочаго общества привѣтствуемыхъ: *«да будетъ анаѳема*, (такой человѣкъ)—«да будетъ чуждъ общаго тѣла Церкви ([67])»,*съ*

([66]) Такое образованіе значенія слова замѣчено уже св. Златоустомъ въ Толков. на посл. къ Римл. стр. 390: «Что есть отлученіе? Послушай, что говоритъ самъ Павелъ: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. 16, 22), т. е. да будутъ прерваны съ нимъ связи и сдѣлается онъ для всѣхъ чуждъ. Какъ никто не смѣетъ безъ нужды касаться руками или приближаться къ дару, который посвященъ Богу, такъ отлученнаго отъ Церкви, отсѣкая отъ всѣхъ и какбы сколько можно болѣе отдаляя, Апостолъ въ противоположномъ смыслѣ называетъ именемъ отложеннаго дара (*ἀνάθημα*), и тѣмъ предувѣдомляетъ всякаго, чтобы онъ со страхомъ удалялся и бѣжалъ прочь отъ такого человѣка. Къ дару никто не осмѣливался приближаться изъ уваженія; съ отлученнымъ же прерывали связи по другому противоположному чувству. Въ обоихъ случаяхъ одинаково прерываются связи, и предметъ дѣлается для людей чуждымъ. Но способъ прерванія связей не одинаковъ; напротивъ одинъ другому противоположенъ. Отъ одного оберегаются, потому что сіе посвящено Богу; а отъ другаго потому, что отчуждено отъ Бога, отлучено отъ Церкви». См. также *Schleusn.*, *Wahl. Suic.* Thesaur. s. h. v.

([67]) *Ѳеодор.* in h. l.

таковымъ ниже ясти (5, 11). Но оба эти отчужденія отъ апостольскаго и церковнаго общенія разумѣются здѣсь только какъ второстепенныя, какъ слѣдствія важнѣйшаго отчужденія, соединяемаго съ словомъ *анаѳема* въ его приложеніи, напр. къ Ангеламъ (*аще ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8), т. е. отчужденія отъ вѣчнаго общенія съ Богомъ,—и оно-то разумѣется здѣсь главнымъ образомъ: «да будетъ отчужденъ отъ Бога, да лишится онъ царствія небеснаго съ его неизреченною славою и претерпитъ вѣчныя мученія» ([68]). Такое разумѣніе необходимо допустить здѣсь потому, что въ настоящемъ мѣстѣ преподается не заповѣдь христіанскому обществу, въ родѣ напр. слѣдующей: *измите злаго отъ васъ самѣхъ* (5, 13), а произносится судъ надъ тѣми изъ вѣрующихъ, которые прочему обществу братій могли быть и неизвѣстны за людей подлежавшихъ отчужденію ([69]), — судъ невидимый для всѣхъ, а слышимый только для совѣсти подсудимыхъ и уже тяготѣвшій надъ тѣмъ,—*аще кто не любилъ Іисуса* и въ семъ состояніи нераскаянно пребывалъ, — судъ апостольскій или Божій. Таковы напр. были тѣ христіане, которые, и послѣ увѣщанія Апостола, продолжали неосмотрительно вкушать

([68]) Сн. *Злат.* къ Стагирію сл. 3 въ Бесѣд. т. III стр. 387; о священствѣ кн. IV; Толков. на посл. къ Римл. стр. 395, и выше въ примѣч. 71. «Анаѳема вовсе отлучаетъ отъ Христа,» говоритъ св. отецъ въ Словѣ о томъ, что не должно предавать анаѳемѣ, въ Хр. Чт. 1825 г. ч. 19, стр. 55. Сн. также стр. 53—54.

([69]) «Кажется, по нуждѣ употребилъ это слово (Апостолъ), впрочемъ не прилагая его къ извѣстному лицу, когда въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *аще кто не любитъ,»* и пр. *Злат.* Слово о томъ, что не должно предавать анаѳемѣ. Въ Хр. Чт. 1825 г. ч. 19, стр. 54.

идоложертвенное: своимъ поведеніемъ они губили ближняго, *за негоже Христосъ умре* (8, 11), слѣдовательно, не имѣли должной любви ко Христу (12), не любили Бога (3),—и однако они были украшены чрезвычайными дарованіями, напр. *разумомъ* (7), и кто изъ вѣрныхъ дерзнулъ бы судить и чуждаться ихъ? Таковы были лжеучители, строившіе свое ученіе не изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, а изъ дерева, сѣна, соломы, хотя для успѣха въ лжеученіи иногда и основывавшіе его на единомъ истинномъ основаніи Христѣ (3, 12): они разоряли живые храмы Божіи, потому что проповѣдывали *инаго Іисуса, инаго Духа, иное благовѣствованіе* (2 Кор. 11, 4), слѣдовательно подлежали суду и осужденію, и осужденіе уже было произнесено надъ ними, но только свыше: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. 3, 17),—и однако они были принимаемы отъ христіанъ *добрѣ* (2 Кор. 11, 4) и продолжали свое дѣло разоренія, потому что вѣрующимъ нужно было еще время, чтобы увѣриться во лжи новаго ученія (*день бо явитъ* 1 Кор. 3, 13).

Маранаѳа (*μαρὰν ἀθὰ*), — слово сирохалдейское, значитъ: *Господь идетъ* или *придетъ*, т. е. (по контексту) на судъ не любящихъ Его (70). «Если кто заповѣди Его въ цѣлости не соблюдаетъ, да будетъ анаѳема даже до пришествія Господа нашего Іисуса Христа (71); да предастся онъ вѣчной погибели въ день,

(70) Mara, maran — *господинъ*, послѣднее названіе о лицахъ особенно почетныхъ: иные же *n* толкуютъ: *нашъ*. Болѣе см. у *Wetst.* N. Test. II, 176; *Schleusn.*, *Wahl* sub. h. v.; *Flacc.* Clav. Sacr. Scr. 1, 640 squ.; *Glassii* Philolog. Sacr. col. 332.

(71) *Клим. Рим.* во 2 посл. къ Кор.

когда Господь придетъ на судъ» ([72]). Это слово у сирскихъ христіанъ, вѣроятно, служило воззваніемъ къ непрестанному духовному бодрствованію; особенно же употреблялось оно, какъ угроза противъ грѣшниковъ: въ семъ послѣднемъ случаѣ оно имѣло одинаковое знаменованіе съ формулою величайшаго проклятія (cherem), которую произносили Евреи тогда, когда великаго и нераскаяннаго грѣшника, послѣ всѣхъ напрасныхъ вразумленій ему, предоставляли уже суду Божію, и которая извѣстна подъ именемъ *шаммаѳы* ([73]). Этимъ объясняется, почему Апостолъ не употребилъ здѣсь другаго выраженія, по сущности тождественнаго, хотя по духу болѣе кроткаго: *Господь близъ* (Фил. 4, 5); къ этому же приводитъ и связь съ грознымъ словомъ—*анаѳема*. Изъ того, что *маранаѳа* приводится

([72]) *Август*. Epistol. 178.

([73]) У Евреевъ было два вида отлученія — меньшее и большее, niddui и cherem: первое обыкновенно назначалось на 30 дней и было безъ проклятія; послѣднее было постоянное и сопровождалось проклятіемъ (были и другія отличія). Нѣкоторые считаютъ и schammat'у за особый видъ отлученія, по порядку третій, но не довольно основательно. Самое же слово это изъясняютъ, или: *Господь* (schem—собственно — *имя Господне*, непроизносимое) *пріидетъ* или *пріиди* (atta); или: *тамо смерть* (schem—mota): въ первомъ случаѣ оно сходствуетъ съ сирохалдейскимъ по самой буквѣ, въ обоихъ случаяхъ—по существенной мысли. (Подробности см. у *Jahn*. Biblisch. Archäolog. § 204; *Glaire* Introduction au livres de l'ancien et n. Testam. 1843. 2, 451; *Alltvlt* Alterthüm. d. Hebraër Landsh. 1844. 1. Band. § 80; *Winer*. Biblisch. Realwörtens. Leipz. 1847. 1, 135. 136; *Saalsshütz* Das Mosaische Recht. Berl. 1848 § 466. 467; *Buxtorf*. Lexic. Chald. s. his voc.). Замѣтимъ мимоходомъ, что объ обоихъ отлученіяхъ упоминается и въ Евангеліяхъ — о маломъ у Іоанна (9, 22. 12, 42. 16, 2), о полномъ у Луки (6, 22). Также различаются въ Регламентѣ духовномъ и слова прав. Церкви: *отлучаемъ* и *анаѳематствуемъ*.

здѣсь безъ перевода, даже безъ мысли о поясненіи, ([71]) должно заключить, что это слово было весьма извѣстно первоначальнымъ читателямъ посланія (подобно какъ и слово *аминь* 1 Кор. 14, 16). Извѣстно оно могло быть или изъ употребленія его самимъ Апостоломъ, при какомъ-нибудь важномъ случаѣ, въ бытность его въ Коринѳѣ, или изъ рѣчей христіанъ сирскаго происхожденія, которыхъ было въ немъ не мало (напр. тѣхъ, которые говорили: *азъ же Киѳинъ* 1, 12), или изъ богохульныхъ рѣчей невѣрныхъ Іудеевъ (когда они называли *анаѳема Іисуса* 12, 3). Послѣ этого вопросъ объ употребленіи нетуземнаго слова въ посланіи теряетъ ту важность, какую придавали ему нѣкоторые толкователи ([72]), и переходитъ въ другой вопросъ: откуда это, какъ видимъ, священное слово могло получить столь обширное употребленіе, что сдѣлалось понятнымъ даже не для Евреевъ? Постоянное употребленіе священнаго слова могло быть дано только слову священнаго Писанія, и потому не безъ основанія можно признавать *маранаѳа* за плодъ употребленія на сирохалдейскомъ языкѣ пророчества Малахіи о страшномъ пришествіи Мессіи: *да не пришедъ поражу землю въ конецъ* (cherem—Малах. 4, 6. Сн. 3, 1, 2). И

([71]) Въ послѣднемъ случаѣ былъ бы обратный порядокъ словъ, какъ напр. *Авва отче* (Рим. 8, 15. Гал. 4, 6), *Еффаѳа — разверзися* (Матѳ. 7, 34).

([72]) Изъясняли это обстоятельство напр. тѣмъ, будто Апостолъ употребилъ *двоякаго* рода письменность — греческую и негреческую для того, чтобы тѣмъ лучше увѣрить читателей въ подлинности посланія *(Rück., Billr)*. Но ни изъ чего не видно, чтобы Апостолу настояла *особенная* потребность въ этомъ увѣреніи, тѣмъ болѣе, что посланіе было отнесено въ Коринѳъ достоуважаемыми членами Церкви.

мысль пророчества *о неустроенныхъ сердцемъ* не не согласна съ полнымъ составомъ апостольскаго изреченія *о не любящихъ Господа.* Можно было бы при семъ вспомнить и о пророчествѣ седьмаго отъ Адама Эноха: *се пріидетъ Господь* (ἦλθε Κύριος) *во тмахъ святыхъ ангелъ своихъ*, и т. д. (Іуд. ст. 14, 15). Но сего пророчества нѣтъ въ свящ. Писаніи, и было оно развѣ въ священномъ іудейскомъ преданіи; къ тому же оно, при всѣхъ подробныхъ чертахъ, въ какихъ сохранилъ его св. Апостолъ Іуда, не имѣетъ, какъ пророчество Малахіи, той черты (cherem), которая составляетъ существенный характеръ маранаѳы.

Слово апостола сильно, какъ уже и Златоустъ замѣтилъ,—одно изъ тѣхъ, за которыя посланія его называли *тяжкими и крѣпкими* (2 Кор. 10, 10); но инымъ и не могло быть слово на не любящихъ Господа. Забудемъ, что это рѣчь святаго негодованія, тѣмъ болѣе естественная и понятная, чѣмъ большей любви былъ исполненъ Апостолъ къ неизреченнымъ щедротамъ Господа, нѣкогда гонимаго имъ,—хотя нельзя отвергать, что объ особенно-возвышенномъ состояніи духа писателя свидѣтельствуютъ и видимо-рѣзкій переходъ къ грозному проклятію отъ умилительныхъ цѣлованій, и употребленіе двухъ словъ, почти тождезначущихъ ([76]), и хотя самъ Апостолъ подобнымъ образомъ изъяснялъ свои подобныя рѣчи и подобныя дѣйствія (2 Кор. 5, 13. 14). Пройдемъ мимо и той мысли, что это рѣчь на неблагодарныхъ презрителей (Дѣян. 13, 41) Того, кто умеръ за нихъ, еще

([76]) Сн. Псал. 21, 1. Марк. 14, 36. Исх. 23, 1. 2 Цар. 18, 33.

грѣшниковъ, когда и *за праведника* едва *кто умретъ* (77) (Рим. 5, 7. 8). Не придадимъ большой важности и тому соображенію, что слово произнесено въ то время, когда Церковь отличалась особенно чистотою нравовъ и строгостію дисциплины и что не странно было поразить проклятіемъ за *нелюбовь,* когда поражали смертію за ложь (Дѣян. 5, 1—5): соображеніе правильное, но не всегда правильно-прилагаемое къ дѣлу толкователями. Взглянемъ на дѣло проще. Вспомнимъ одно, что это слово *за истину* (2 Кор. 13, 8), что судъ, изрекаемый имъ изрекается на христіанъ всѣхъ временъ и есть судъ справедливый также по отношенію ко всѣмъ христіанамъ, какого бы то ни было времени. Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что во Христѣ и только во Христѣ даруется всякое божественное благословеніе человѣческому роду (Іоан. 1, 16. 3, 16. Еф. 1, 3. Дѣян. 4, 12. 2 Петр. 1, 3. 4. 2 Кор. 5, 17 и д.). Но кто не любитъ Христа, тотъ не хранитъ заповѣдей Христовыхъ (Іоан. 14, 24), тотъ противъ Христа (Мѳ. 12, 30), того не знаетъ Христосъ (Мѳ. 7, 23. 2 Тим. 2, 9). Кто не любитъ Христа, тотъ не послѣдователь Христа (Лук. 9, 23), тотъ не на Христовомъ пути ко спасенію (сн. Іоан. 14, 6), а на другомъ пути, котораго *послѣдняя зрять въ одно адово* (Притч. 16, 25). Кто не любитъ Христа, тотъ не въ общеніи съ Христомъ (Іоан. 14, 21. 23. 1 Іоан. 4, 17), тотъ не можетъ мыслить, *яже Христа Іисуса,* не

---

(77) Подобную мысль встрѣчаемъ напр. въ Приточникѣ Евангельскомъ архим. *Сильвестр.* ч. 1, стр. 277. М. 1829. изд. 2. Назидательное развитіе самой мысли можно читать въ прекрасномъ, хотя нелишенномъ высокопарности, Словѣ *Ѳеофана* Прокоповича о любви къ Богу, въ Хр. Чт. 1826 г. ч. 24, стр. 181—197.

можетъ дѣлать ничего добраго и святаго (Іоан. 15, 5. 7. Фил. 2, 21), не имѣетъ жизни духовной; онъ мертвъ: это сухая вѣтвь (Іоан. 15, 6)—видимо, можетъ быть, еще держащаяся на лозѣ годъ или два года, по долготерпѣнію великаго Вертоградаря (Лук. 13, 6. 7), но уже негодная, близкая къ проклятію (Евр. 6, 8), которую, по самому свойству ея, остается только взять и бросить въ огонь (Іоан. 15, 6): *посѣцы ю, вскую и землю упражняетъ* (Лук. 13, 6). *Сѣкира лежитъ при корени древа,* но посѣкаетъ только *древо,* не творящее *плода добра* (Мѳ. 3, 10). Что же такое судъ Божій надъ этимъ мертвецомъ, надъ не любящимъ Христа Іисуса, если не судъ правды Божіей и прежде всего естественный плодъ, оброкъ, работа грѣха самаго грѣшника? Что значитъ отвращеніе Бога отъ человѣка, если не *плодъ отвращенія* самаго человѣка отъ Бога (Іерем. 6, 19)? И что скажетъ такой человѣкъ, когда Господь—*Обличитель* представитъ *предъ лицемъ* его *грѣхи его* (Пс. 49, 21)? Не умолчитъ ли, какъ тотъ, котораго выгнали съ брачнаго, съ дружескаго пира? *Онъ же умолча* (Матѳ. 22, 12). *Грѣшникъ узритъ и прогнѣвается и растаетъ* (Пс. 111, 10). *Не будетъ имѣти упованія, ниже въ день суда утѣшенія* (Прем. 3, 18), потому что погибель свою признаетъ собственнымъ дѣломъ своимъ: *въ погибели твоей, Израилю, кто поможетъ тебѣ* (Ос. 13, 9)?!

Слово Апостола страшно, но вмѣстѣ и спасительно, потому что условно, какъ замѣтилъ тотъ же богомудрый толкователь: не только устрашилъ, но и научилъ..... *Аще кто не любитъ*.... Наказаніе большое, но предваряется *толикимъ* же *внятіемъ и щадѣніемъ* (Прем. Сол. 12, 20)..... Когда коринѳскіе христіане, слыша

сильныя рѣчи Павла за истину (2 Кор. 13, 8), искали доказательствъ на то, Христосъ ли говоритъ его устами, св. Апостолъ совѣтовалъ имъ самимъ испытать— въ вѣрѣ ли они (3. 5). Зная, какъ согласно съ вѣрою слово на не любящихъ, сказанное въ *созиданіе* наше, *а не на разореніе* (10), будемъ испытывать себя и мы—въ любви ли мы? Если бы Господь, вопрошавшій нѣкогда ученика, который *мнился стояти: любиши ли мя паче сихъ?*—обратился и къ намъ съ тѣмъ же вопросомъ— не съ полнымъ, а только съ усѣченнымъ,—многимъ ли пришлось бы не смутиться даже при первомъ вопрошеніи (Іоан. 21, 15—17)? «Блаженъ, кто пріобрѣлъ такую же любовь къ Богу, какую восторженный любитель имѣетъ къ своей возлюбленной, кто весь какъ бы срастворенъ Божіею любовію ([78])». Возлюбимъ Господа всѣмъ существомъ нашимъ, такъ чтобы ничего не знать и ничего не видѣть, кромѣ Его ([79])—Красоты вѣчной и всегда юной ([80]). Да будетъ первымъ и послѣднимъ словомъ нашей молитвы моленіе о томъ, чтобы самъ Онъ, прежде всѣхъ своихъ благъ, даровалъ намъ благодать любви къ Нему и Самъ же своею благодатію благоустроялъ сію любовь во всей нашей жизни, какъ написано: *вчините во мнѣ любовь; да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ* (Пѣснь Пѣсн. 2, 4. 1, 1) ([81]). *Богъ услышитъ тя, и еще глаголющу ти, ре-*

([78]) Препод. *Іоанн.* игум. Синайск. Лѣствица стр. 365—367. М. 1851 г.

([79]) Тамже стр. 366; *Злат.* Бес. 23 на Быт. ч. 1, стр. 423.

([80]) Pulchritudo semper antiqua et semper nova. *Август.* См. также Слово *Өеофана* Прокоп. въ указ. изданіи стр. 177—180.

([81]) См. *Өеодор.* Толкован. на Пѣснь пѣсн. стр. 70, по указан. перев.

четъ: *се пріидохъ* (Ис, 58, 9). Тогда *день явленія его* (2 Тим. 4, 8) перестанетъ быть страшнымъ *днемъ гнѣва* (Рим. 2, 5. 2 Сол. 1, 8. 9) и содѣлается блаженнымъ днемъ ожиданія *во спасеніе* (Евр. 9, 28. 2 Т. 7, 8. Тит. 2. 11), — *и всяка анаѳема не будетъ ктому* (Ап. 22, 3). Блаженъ и преблаженъ тотъ, кто всегда и отъ всего сердца можетъ говорить съ любившимъ и возлюбленнымъ ученикомъ Христовымъ: *ей, гряди, Господи Іисусе* (Ап. 22, 20)!

Возлюблю тя Господи крѣпосте моя. Господь утвержденіе мое, и прибѣжище мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на него (Пс. 17, 1. 2). Якоже ону (грѣшницу во градѣ Лук. 7, 37 и. д.) не отринулъ еси пришедшую отъ сердца, ниже мене возгнушайся Слове, твои же ми подаждь нозѣ и держати и цѣловати, и струями слезными, яко многоцѣннымъ мνромъ, сія дерзостно помазати ([82]). Ты бо еси истинное желаніе и неизреченное веселіе любящихъ Тя, Христе, Боже нашъ, и Тя поетъ вся тварь во вѣки ([83]).

б) *Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами*. (Проклятіе и благословеніе! Не такъ ли и Церковь: ублажаемъ и восхваляемъ—отлучаемъ и анаѳематствуемъ ([84])? *Благодатію* (Божіею), въ особенномъ

([82]) Молит. *Симеона* новаго Богосл. ко св. причащ.

([83]) Благодарств. молитва по св. причащ.

([84]) «*Якоже плѣняющихъ разумъ свой въ послушаніе Божественному Откровенію и подвизавшихся за оное ублажаемъ и восхваляемъ, тако противящихся сей истинѣ, аще ожидавшему ихъ обращенія и раскаянія Господу непокаявшаяся, отлучаемъ и анаѳематствуемъ... Священному Писанію послѣдующе и первенствующія Церкви преданій держащеся*». Чинъ Православія.

употребленіи сего слова въ Писаніи, называется чрезвычайное благоволеніе Божіе и всякій даръ благоволенія-«все, что всеблагій Богъ даруетъ человѣку выше естества и природы» ([85]). Сія благодать ниспосылается отъ Бога Отца чрезъ Духа Святаго, но-ради заслугъ Сына Божія; почему и называется она *благодатію Господа нашего Іисуса Христа.* «Въ христіанствѣ все благодатію и ничего безъ благодати» ([86]): Отсюда и христіанство—царство благодати. Поэтому-то и Апостолъ, какъ начинаетъ свое посланіе словомъ о благодати (1, 3. 4), такъ тѣмъ же словомъ и оканчиваетъ; «долгъ учителя помогать (ученикамъ) не только совѣтами, но и молитвами» ([87]).

в) *И любы моя со всѣми вами.* «Такъ какъ (Павелъ) былъ отдѣленъ отъ нихъ мѣстомъ (своего пребыванія), замѣчаетъ Златоустъ, то какбы простираетъ къ нимъ свою десницу и объемлетъ ихъ руками любви, говоря: *любы моя съ вами,* тоже какъ еслибы сказалъ: я самъ со всѣми вами. Этимъ показываетъ, что написанное имъ произошло не отъ раздражительности и не отъ гнѣва, но отъ заботливости, если онъ и послѣ такого обличенія не отвращается (ихъ), но и любитъ и обнимаетъ... Такъ нужно поступать (всякому), кто исправляетъ. Кто дѣлаетъ это только по внушенію гнѣва, тотъ удовлетворяетъ своей страсти; а кто, исправивъ грѣшника, показываетъ и любовь къ нему, тотъ показываетъ, что отъ любви происходили и упреки, какіе онъ высказалъ прежде ([88]). «Не безъ при-

---

([85]) *Филар.* слово о благодати. Сл. и Рѣчи 1, 187. М. 1848.

([86]) Таже стр. 188.

([87]) *Злат.* in h. l. p. 478; на посл. къ Римл. стр. 713.

([88]) *Злат.* p. 478 in v. 24. См. и толков. на 2 Кор. стр. 336.

чины присовокупилъ и слово о своей любви, замѣчаетъ также блаженный Θеодоритъ объ Апостолѣ: симъ показываетъ, что она-то и заставила его употребить строгія выраженія» ([89]). Такъ изъясняется и самъ Павелъ во второмъ посланіи: *отъ печали многія и туги сердца написахъ вамъ многими слезами, не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имамъ изобилно къ вамъ* (2 Кор. 2, 4. сн. 7, 12).

Эта любовь ко всѣмъ членамъ коринѳской Церкви основалась на любви Апостола къ Іисусу Христу, Главѣ Церкви, потому и прибавляется: *любы.... о Христѣ Іисусѣ.* «Она не имѣетъ въ себѣ ничего человѣческаго, ничего плотскаго, но духовна ([90])».

Аминь, заключаетъ Апостолъ и какбы запечатываетъ посланіе ([91]).

([89]) *Θеодор.* in h. l.

([90]) *Злат.* ibidem.

([91]) *Злат.* Толков. на Гал. 6, 18 по русск. перев. стр. 185.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, СКАЗАННОЕ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ МАКАРІЕМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ТАМБОВСКИМЪ И ШАЦКИМЪ ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ 6 ДЕКАБРЯ 1858 ГОДА.

Боже судъ твой цареви даждь и правду твою сыну цареву. Псал. 71, 1.

Не знаю, братіе мои, что намъ приличнѣе: молить ли Господа этими словами царя-Пророка о нашемъ Царѣ и его Первенцѣ, тезоименитство котораго мы нынѣ празднуемъ, или скорѣе благодарить Господа за исполненіе этихъ молитвенныхъ словъ на нашемъ возлюбленномъ Монархѣ, котораго *судъ* и *правда* уже сіяютъ во всѣхъ предѣлахъ неизмѣримой Россіи и который въ тѣхъ-же понятіяхъ о царственныхъ доблестяхъ воспитываетъ и будущаго Преемника своего престола?

А вотъ о чемъ намъ нужно молиться, пламенно молиться, какъ нынѣ, такъ и всегда,—да даруетъ Господь *судъ* и *правду* и всѣмъ прочимъ властямъ, отъ Царя поставляемымъ, высшимъ, среднимъ и низшимъ, которыя должны быть помощниками Царя, блюстителями Его законовъ, исполнителями Его предначертаній

о благѣ подданныхъ. Вотъ о чемъ намъ нужно молиться, да искоренитъ Господь всю эту неправду, часто вопіющую неправду, которая такъ давно, глубоко и широко пустила свои корни во всѣхъ слояхъ нашего суднаго міра и возрасла уже на почвѣ русской въ огромнѣйшее дерево, покрывающее своими вѣтвями многія и многія темныя дѣла.

Объ этой страшной общественной язвѣ начали у насъ нынѣ не только говоритъ открыто, но и писать; для искорененія ея предлагали и предлагаютъ разныя средства, по видимому, вѣрныя и блогонадежныя. Но, братіе, не будемъ обманывать себя; извѣстна истина: *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи: аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій* (Псал. 126, 1). Что въ состояніи сдѣлать всѣ эти, столько восхваляемыя, средства для искорененія неправды безъ самаго важнаго и главнѣйшаго изъ нихъ— безъ духа вѣры и благочестія христіанскаго, который даруется намъ отъ Бога?

«Необходимо,—говорятъ,—прежде всего усилить у насъ просвѣщеніе. Пусть всѣ тѣ, кому выпадетъ впослѣдствіи жребій быть судіями и вообще имѣть какую-либо долю власти, достойно приготовляются къ своему будущему служенію; пусть узнаютъ они отечественные законы, научатся уважать достоинство и права человѣческой природы въ самихъ себѣ и въ ближнихъ, проникнутся сознаніемъ святости своего долга, — и тогда неизбѣжно исчезнутъ всѣ грустныя проявленія лихоимства и неправды, на которыя нынѣ мы жалуемся». Прекрасно! Просвѣщеніе, безспорно, возвышаетъ и облагороживаетъ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, и человѣкъ образованный не позволитъ себѣ многаго, что

позволяетъ необразованный или полуобразованный, по крайней мѣрѣ, въ такихъ грубыхъ формахъ. Но спрашиваю: можно ли утверждать, что и образованный не позволитъ себѣ того-же самаго, только въ формахъ, болѣе мягкихъ и благовидныхъ? Можно ли утверждать, будто между людьми предававшимися или предающимися лихоимству и всякимъ неправдамъ на разныхъ поприщахъ государственной службы, никогда не было вполнѣ образованныхъ, а встрѣчались и встрѣчаются одни малообразованные и необразованные? Можно ли утверждать, что просвѣщеніе, даже самое обширное и высокое, дастъ человѣку силы побѣждать свои страсти и поступать всегда согласно съ требованіями долга? Увы, нѣтъ, и нѣтъ. Часто съ самымъ блестящимъ образованіемъ соединяется самое черное поведеніе. Часто просвѣщенные юноши, вступая въ міръ съ возвышенными понятіями о долгѣ и чести, съ пламенною ревностію послужить вѣрою и правдою Царю и Отечеству, мало по-малу охлаждаются въ своихъ благородныхъ порывахъ отъ холода жизни, ниспадаютъ съ своей идеальной высоты отъ окружающей ихъ среды и,-смотришь,- чрезъ нѣсколько времени навыкаютъ дѣйствовать отнюдь не чище и не безкорыстнѣе тѣхъ изъ своихъ сотоварищей , которые совсѣмъ не отвѣдывали высшаго образованія. Чего же тутъ недостаетъ? Недостаетъ духа вѣры и благочестія христіанскаго. О, если бы во всѣхъ этихъ людяхъ съ раннихъ дней насаждены были сѣмена христіанской нравственности ; если бы съ раннихъ дней научились они водиться христіанскимъ самоотверженіемъ, истинно любить Бога и ближнихъ, свято исполнять евангельскій законъ: тогда, при своемъ образованіи, они дѣйствительно явились бы на служеб-

номъ поприщѣ самыми надежными поборниками истины и правды. Противъ всѣхъ жизненныхъ непогодъ, противъ всѣхъ искушеній на своемъ пути, они всегда нашли бы довольно опоры въ своихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ и правилахъ, довольно подкрѣпленія со стороны божественной благодати, которая обитаетъ въ христіанскихъ сердцахъ и одна только можетъ подавать намъ силы къ побѣдѣ намъ нашими страстями.

«Увеличьте,—повторяютъ другіе,—увеличьте жалованье служащимъ, которымъ бы обезпечивалось ихъ существованіе, и они не будутъ въ нуждѣ, часто въ крайности дѣлать разныя вымогательства своимъ подсудимымъ и вообще подчиненнымъ». Совершенно справедливо! Но развѣ только нужда и крайность заставляютъ дѣлать такія вымогательства? Развѣ не останется къ тому другимъ побужденій, которыя и нынѣ сильны, а впослѣдствіи могутъ еще усилиться? Развѣ не найдется и тогда людей, которые будутъ требовать себѣ приношеній и кривить вѣсами правосудія изъ одной страсти къ деньгамъ и пріобрѣтеніямъ? Не найдутся ли другіе, которые будутъ жаждать приношеній, чтобы жить выше своего состоянія, предаваться роскоши, къ сожалѣнію, день ото дня увеличивающейся, и удовлетворять всѣмъ этимъ безчисленнымъ прихотямъ, непрестанно измышляемымъ и способнымъ поглотить самыя огромныя богатства? Какимъ же жалованьемъ вы предохраните подобныхъ людей отъ взяточничества и корысти? Нѣтъ, сдѣлайте прежде, чтобы они умѣли ограничивать свои желанія и быть довольными даже не многимъ, но существенно необходимымъ въ жизни. Научите ихъ гнушаться сребролюбіемъ и бѣгать *лихоиманія*, какъ *идолослуженія* (Кол. 3, 5), какъ тягчай-

шаго грѣха предъ Богомъ. Научите ихъ содержать себя сообразно съ средствами, какими каждый владѣетъ, не гоняться за другими, болѣе достаточными и богатыми, не увлекаться всеобщимъ потокомъ роскоши и разнообразныхъ прихотей, помышлять не объ удобствахъ только и радостяхъ настоящей жизни, а преимущественно о жизни загробной, къ которой мы должны здѣсь приготовляться, и о томъ страшномъ отчетѣ, который нѣкогда должны отдать предъ Богомъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, правыхъ и неправыхъ. Другими словами: позаботьтесь прежде, чтобы эти люди сдѣлались истинными христіанами и привыкли руководиться духомъ вѣры и благочестія,—тогда, и только тогда смѣло можно будетъ ожидать, что, при безбѣдномъ содержаніи отъ Правительства, они окажутся безкорыстными и благороднѣйшими органами суда и правды, гдѣ бы ни пришлось имъ дѣйствовать.

Наконецъ, у многихъ нынѣ самыя любимыя слова: общественное мнѣніе, гласность. «Пусть,—говорятъ,—общественное мнѣніе казнитъ лихоимцевъ, кривотолковъ, служителей неправды. Пусть самое судопроизводство сдѣлается словеснымъ, гласнымъ, открытымъ для всѣхъ, и это устранитъ томительныя письменныя проволочки дѣлъ и предотвратитъ разныя злоупотребленія». Но согласитесь, что общественное мнѣніе можетъ простираться только на то, что ему извѣстно;—а дѣла лихоимства и неправды большею частію совершаются втайнѣ, — слѣдовательно, можетъ поражать своимъ приговоромъ только иногда и только нѣкоторыхъ лихоимцевъ. Страхъ общественнаго мнѣнія заставитъ ихъ быть только еще осторожнѣе и скрытнѣе въ своихъ поступкахъ. Гласное судопроизводство въ состояніи устранить многія злоупо-

требленія, нынѣ допускаемыя, но отнюдь не устранитъ вообще злоупотребленій. Тогда все будетъ зависѣть отъ ума, ловкости и изворотливости лицъ, которыя будутъ заниматься этимъ судопроизводствомъ. А при своемъ умѣньи и навыкѣ обращаться съ законами, при быстрой и дальновидной сообразительности, при тонкой и изощренной діалектикѣ, при бойкомъ и увлекательномъ краснорѣчіи, многіе изъ нихъ всегда найдутъ возможность представить дѣло такъ, что самое черное будетъ казаться намъ или бѣлымъ или, по крайней мѣрѣ, далеко не такъ чернымъ, каково оно въ дѣйствительности, и на оборотъ. Примѣры, случающіеся въ странахъ, гдѣ давно уже судопроизводство совершается гласно, нерѣдко даютъ живыя тому доказательства. Нѣтъ, мало того одного, чтобы облеченные властію суда боялись общественнаго мнѣнія, отъ котораго можно укрыться; а необходимо, чтобы они боялись Бога, отъ котораго укрыться нельзя и который всегда видитъ самыя тайныя наши намѣренія и помыслы, боялись своей совѣсти, отъ которой никуда не убѣжишь. Мало того, чтобы судныя дѣла производились открыто; а необходимо, чтобы судіи не соглашались не изъ какой корысти, не изъ какихъ отношеній къ подсудимымъ, кривить своею совѣстію и злоупотреблять тѣми высокими дарами ума и слова, какими надѣлилъ ихъ Богъ. То есть, необходимо, чтобы всѣ эти лица были проникнуты духомъ Христіанства, были тверды въ христіанскихъ правилахъ и какъ вообще въ жизни, такъ и на своемъ служебномъ поприщѣ всегда дѣйствовали по-христіански. Въ противномъ случаѣ, никакая гласность, никакое общественное мнѣніе не искоренитъ зла, о которомъ мы бесѣдуемъ.

Братіе мои [illegible] Всѣ мы, безъ

сомнѣнія, любимъ свое Отечество и желаемъ ему всякаго блага,—желаемъ въ частности, чтобы судъ и правда возсіяли, наконецъ, полнымъ блескомъ на всемъ протяженіи Россіи, какъ сіяютъ они въ дѣяніяхъ нашего Августѣйшаго Началовождя, Помазанника Божія. Но видите ли, что средства, для этого придуманныя, далеко недостаточны для цѣли, если не будутъ постоянно подкрѣпляемы духомъ св. вѣры и благочестія христіанскаго? О, не престанемъ же, любя Отечество, болѣе и болѣе любить и нашу св. православную Вѣру, какъ величайшее сокровище, которымъ мы можемъ пріобрѣсть себѣ не только блаженство въ царствѣ небесномъ, но и счастіе въ царствѣ земномъ. Будемъ молить Господа, да утверждается, при Его благодатномъ вліяніи, и процвѣтаетъ истинное благочестіе во всѣхъ насъ и да послужитъ оно началомъ дѣятельности для всѣхъ нашихъ властей, отъ высшихъ до самыхъ низшихъ. А особенно будемъ молить Господа, чтобы наше юное поколѣніе воспитывалось родителями и наставниками въ самыхъ строгихъ правилахъ православной Вѣры и нравственности, какъ воспитывается подъ кровомъ своего благочестивѣйшаго Отца—Царя и своей благочестивѣйшей Матери—Царицы Благовѣрный Государь Наслѣдникъ, Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ, и чтобы изъ этого поколѣнія явились со-временемъ какъ вообще достойнѣйшіе граждане для Отечества, такъ въ частности достойнѣйшіе ревнители суда и права на всѣхъ степеняхъ государственной службы. Аминь.

РЯЗАНСКІЕ ІЕРАРХИ.

Высокопреосвящ. Филарета, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

Церкви рязанской епархіи первоначально были въ вѣденіи черниговскаго архипастыря, какъ и въ гражданскомъ быту рязанская и муромская сторона была въ вѣденіи черниговскаго князя. Такимъ образомъ по лѣтописи видимъ въ Рязани въ 1187 г. черниговскаго архипастыря, дѣйствующаго здѣсь въ званіи пастыря рязанской страны.

1. Первымъ рязанскимъ архипастыремъ (¹) былъ *Арсеній*. Татищевъ пишетъ: рязанская епархія учреждена въ 1198 г., по просьбѣ рязанскаго князя Ярослава Глѣбовича, съ согласія кіевскаго вел. князя Рюрика Ростиславича, его тестя, и по благословенію митрополита Іоанна; въ епископа ея посвященъ 26 Сентября того же года игуменъ Арсеній (²). Такая точность и подробность извѣстія показываетъ, что Татищевъ повторяетъ при этомъ слова древней лѣтописи и потому

(¹) Пособіемъ при обзорѣ рязанской іерархіи служитъ изслѣдованіе «о учрежденіи рязанской епархіи и ея устройствѣ» въ рязан. губ. Вѣдом. 1854 г. № 37. 38. 43—51. Здѣсь важнѣе всего списки рязан. іер. по Никон. Л., по Хронографу, по Синодику, по Ист. іер. и по обзору архим. Іеронима.

(²) Ист. Рос. III, 329.

извѣстіе его о первомъ рязанскомъ епископѣ не подлежитъ сомнѣнію. По древнему извѣстію, святитель Арсеній въ 1208 г. заложилъ Переславль рязанскій у озера Карасева (3). Это собственно острогъ, внутри котораго видимъ по памятникамъ каѳедральный борисоглѣбскій храмъ (4); а кремль княжескій, гдѣ жилъ князь, былъ у Николы стараго, на берегу озера Быстраго; здѣсь основанъ онъ еще въ 1095 г. родоначальникомъ князей рязанскихъ и муромскихъ, св. к. Ярославомъ Константиномъ (5). Въ 1207 г. в. к. Всеволодъ приближался съ войскомъ къ Рязани. Рязанскій епископъ Арсеній не разъ присылалъ къ нему говорить: «князь великій! не окажи пренебреженія къ мѣстамъ святымъ, не пожги церквей святыхъ, въ которыхъ приносится за тебя жертва Богу и молитвы; мы исполнимъ волю твою, чего только хочешь». Всеволодъ согласился дать миръ Рязанцамъ, но съ условіемъ, чтобы выданы были ему князья рязанскіе; напрасно подвергался потомъ опасности жизни епископъ Арсеній, чтобы вымолить у Всеволода свободу рязанскимъ князьямъ. Всеволодъ прислалъ въ Рязань сына своего Ярослава. Покорясь на первый разъ необходимости, Рязанцы въ слѣдующемъ году посадили подъ стражу чиновниковъ Всеволода. Вслѣдствіе этого разорена Рязань, и епископъ Арсеній отведенъ во Владиміръ, откуда отпущенъ былъ уже по смерти Всеволода въ 1212 г. (6).

---

(3) Воздвиженскаго рязан. іерар. стр. 47 М. 1820 г.

(4) См. ниже прим. 17. 23. 54. 58.

(5) Рязан. достоп. «1095 заложенъ градъ Переяславль рязанскій у церкви св. Николая стараго», см. ниже прим. 58.

(6) Собр. Л. I, 18. Никон. л. II, 302. 303—306. Львов. Л. I, 368. Пересл. Л. 111.

2. *Евфросинъ* Святогорецъ, извѣстенъ по сказанію о перенесеніи чудотворной иконы св. Николая изъ Корсуня въ Захарайскъ, что было въ 1224 г. (7). По лѣтописямъ 1237 г. рязанской епископъ сохраненъ былъ Богомъ отъ Батыя и потомъ говорится, что кн. Игорь призвалъ епископа для обновленія города (8). Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что это былъ Евфросинъ.

3. *Евфимій* и 4. *Филиппъ* (9). Князь Михаилъ Ярославичъ въ грамотѣ 1303 г. говоритъ объ одномъ имѣніи каѳедры: «занеже купля первыхъ владыкъ, а уѣздъ дали дѣди и прадѣди».Итакъ, при дѣдахъ и прадѣдахъ к. Михаила, т. е. въ половинѣ 13 в., святительская каѳедра рязанская не была праздною,—на ней возсѣдали рязанскіе владыки, кто бы они ни были. Кто же были дѣды и прадѣды кн. Михаила, благотворившіе рязанской каѳедрѣ святительской?

Дѣдъ кн. Михаила былъ благовѣрный кн. Романъ Ольговичь, мученикъ за святую вѣру. Время дѣда и прадѣда было время тяжкое, время самаго полнаго разгула дикой воли татарской, самаго сильнаго гнета ига татарскаго. Но Церковь рязанская украсилась тогда христіанскими подвигами своихъ князей, всего же болѣе высокимъ мученическимъ подвигомъ кн. Романа. Романъ Ольговичь, потомокъ св. князей Михаила

---

(7) Сказаніе о иконѣ корсунской, изд. Ундольскимъ. Оно же въ костр. л. 1, 92—94.

(8) Русск. врем. или Костром. л. 1. 95—97. 104—106. Царст. л. стр. 130.

(9) Въ началѣ Синодика имена рязанскихъ епископовъ поставлены не по порядку времени,—потому, думаемъ, что изъ трехъ лицъ Синодика, которымъ нельзя указать мѣста послѣ Григорія, Евфимій и Ѳеодулъ, замѣненный у Іеронима Филиппомъ, предшествовали Іосифу, а Савва былъ предшественникомъ Григорія.

черниговскаго и Константина муромскаго, былъ сынъ кн. Олега Ингваревича. Два дѣда его, князья Юрій и Олегъ Игоревичи, и трое дядей, Давидъ, Глѣбъ и Романъ Ингваревичи, умерли страдальцами за отчизну во время кровавой битвы съ Батыемъ (1237 г); изъ нихъ Олегъ Красный, смертельно израненный, сказалъ въ глаза Батыю, что онъ врагъ Бога и людей, и по приказанію Батыя былъ изрѣзанъ въ куски (10). Отецъ князя Романа также много вытерпѣлъ мукъ отъ Татаръ. Захваченный въ плѣнъ Батыемъ, онъ увлеченъ былъ въ Орду и томился тамъ болѣе десяти лѣтъ. Отпущенный въ Рязань (1252 г), кн. Олегъ Игоревичь долженъ былъ покорно смотрѣть, какъ татарскіе численники (1257 г.) пересчитывали землю рязанскую и муромскую, и въ 1258 г. скончался инокомъ(11). Потомокъ страдальца святой отчизны, кн. Романъ воспитался скорбями въ любви къ св. Вѣрѣ, и эту Вѣру цѣнилъ дороже всего. Среди скорбей времени онъ предавалъ себя и все свое Господу и усердно молился. Благочестиваго князя много утѣшило то, что въ 1261 г.

(10) Собр. л. 1, 221. Костром. лѣт. I, 94—96. О семъ-то Олегѣ рукоп. святцы: «св. благов. кн. Олегъ убіенъ бысть отъ Батыя за исповѣданіе Христа». Олегъ Ивановичь въ грамотѣ Ольгову монастырю: «коли ставили прадѣды наши святую Богородицу кн. в. Ингварь (ум. 1222 г.), кн. Олегъ (ум. 1237 г.), кн. Юрій (ум. 1237 г.)» и пр. Ист. ак. I. N. 2. Страдалецъ кн. Олегъ похороненъ въ борисоглѣбскомъ монастырѣ.

(11) Собр. Л. V, 187. VII, 233. Ник. л. III, 30. 36. Родослов. кн. 30, 193. Щекатовъ (Словарь 4, 539. 540) то показываетъ кн. Олега отца Романова убитымъ въ сраженіи съ Батыемъ, то принимающимъ правленіе въ 1252 г. и умирающимъ въ иночествѣ. Ошибка отъ того, что дядю и племянника приняли за одно лице. Князь—инокъ Олегъ Ингваревичь похороненъ «въ церкви св. Спаса»—спаскаго монастыря.

въ самой Ордѣ поставлена была каѳедра христіанскаго епископа.—Святитель сарайскій былъ наставникомъ и учителемъ князей, томившихся въ Ордѣ и цѣлыхъ тысячей русскаго народа, захваченныхъ въ плѣнъ Татарами и оставшихся въ Ордѣ въ видѣ рабовъ. Такъ какъ по лѣтописи Ѳеофанъ называется епископомъ «русскому Переславлю и Сараю»; то сарайская епархія простиралась отъ Сарая на юго-западъ до южнаго Переяславля и включала развѣ только нѣкоторыя похоперскія мѣста. Сарайскій святитель былъ святителемъ среди шатровъ дикаго, монгольскаго язычества. Явленіе—истинно отрадное! И это явленіе было въ сосѣдствѣ съ владѣніями князя рязанскаго и епархіею рязанскою (12). При всѣхъ недостаткахъ своихъ, благоч. князь Романъ благотворилъ каѳедрѣ своего рязанскаго архипастыря. Это уже одно показывало, что онъ дорожилъ св. Вѣрою. Онъ безпрекословно повиновался хану Беркою. Ту же покорность оказывалъ и преемнику его хану Менгу-Темиру. Это была смиренная покорность волѣ Божіей, распоряжающей переворотами земными. Онъ старался облегчать участь разоренныхъ и угнетаемыхъ подданныхъ, особенно же старался какъ дѣтямъ, такъ и всѣмъ своимъ, словомъ и примѣромъ внушать любовь къ вѣрѣ и благочестію, источникамъ лучшихъ утѣшеній въ скорбяхъ времени. Онъ пламенно любилъ своихъ подданныхъ и, сколько могъ, дѣлалъ имъ добро. Но эта-то любовь и вызвала противъ него бурю бѣдъ. Въ 1270 г. хану Менгу-Темиру донесли, что кн. Романъ рязанскій поноситъ великаго царя и его вѣру. Это была клевета злобнаго баскака котораго удержи-

(12) Ист. рус. Ц. 2. 21. 22. 96.

валъ князь отъ безчеловѣчныхъ насилій при сборѣ дани. Но для сильнаго злодѣя всегда готовы помощники: и для баскака нашлись такіе, которые подтвердили доносъ его на благов. князя. Гордый своимъ счастіемъ, ханъ объявилъ, что князь долженъ выбрать одно изъ двухъ—или вѣру Татаръ, или смерть мучительную. Благовѣрный князь отвѣчалъ, что христіанинъ не можетъ мѣнять своей вѣры на другую. Татары сперва старались ласками и угрозами склонить князя къ своей злой вѣрѣ. Князь съ твердостію говорилъ имъ, что чистая Вѣра одна,—христіанская; она отвѣчаетъ всѣмъ лучшимъ нуждамъ безсмертной души. «Жалѣю о вашей слѣпотѣ, прибавлялъ св. князь, и хотя повинуюсь власти хана, покорный волѣ Божіей, но никто въ мірѣ не заставитъ меня измѣнить святой моей Вѣрѣ, какъ волѣ Бога моего». Татары заскрежетали зубами и стали бить князя. «Я-христіянинъ», говорилъ князь, осыпаемый ударами. Онъ хотѣлъ еще говорить, но уста его заткнули платкомъ и бросили въ цѣпяхъ въ темницу. Въ душномъ подземельѣ, связанный по рукамъ и ногамъ, князь молился о благодатной помощи. Онъ предчувствовалъ, что ожидаетъ его жестокая смерть и, предавая себя волѣ Божіей, молилъ подать ему силу для совершенія подвига. Гордый ханъ произнесъ кровавый приговоръ твердому князю русскому: пусть умретъ мучительною смертію. Благов. князь, выведенный на мѣсто казни, хотѣлъ убѣждать Татаръ въ нелѣпости вѣры ихъ. Ему отрѣзали языкъ. Затѣмъ стали мучить его съ ужасающимъ звѣрствомъ: ему вырѣзали злаза, отсѣкли персты рукъ и ногъ, обрѣзали уши и губы, потомъ отсѣкли руки и ноги; осталось одно туловище съ искрами

жизни,—и все продолжали звѣрствовать; содрали съ головы кожу и воткнули голову на копье. Новый мученикъ уподобился страданіями своими св. Іакову Персянину. Такъ духъ христіанина можетъ быть выше всего на землѣ. Злоба человѣческая можетъ лишить насъ добраго имени въ глазахъ людей, можетъ заковать въ оковы, можетъ растерзать тѣло на части. Но лишая всего временнаго, не можетъ измѣнить въ насъ, безъ нашей воли, ни одного святаго чувства, ни одной святой мысли. Душа, защитившая себя отъ грѣха страхомъ Божіимъ, не боится тѣлесныхъ страданій: они не вредятъ ей, напротивъ служатъ къ ея спасенію, увеличиваютъ награду ея за вѣрность святой волѣ Божіей. Мученическій подвигъ св. кн. Романа совершился 19 Іюля 1270 г. ([13]). Память его, какъ мученика, постоянно чтима была въ Церкви. Ликъ его по преданію изображался такъ на иконахъ: князь молодыхъ лѣтъ, съ волосами русыми, курчавыми, падающими съ ушей тонкою волною, въ собольей шубѣ на плечахъ, на распашку, въ бархатной поддѣвкѣ, правая рука простерта на молитву, а лѣвая держитъ городъ и церковь. Въ 1812 г. въ день памяти св. Романа одержана была при Клястицахъ первая побѣда надъ Французами. Въ память сего положено написать образъ св. кн. Романа на стѣнѣ храма Спасителева въ Москвѣ.

(Будетъ продолженіе).

([13]) Собр. л. IV, 42. V. 197. VII, 243. Никон. л. III, 53. 54. Степ. кн. 1, 381. Ркп. житіе. Муравьевъ пишетъ: «Татары приняли тогда магометанство». (Іюль 186) Это—неправда,—и тѣмъ болѣе странная, что у самого же историка князь говоритъ: «не подобаетъ слѣдовать—идолослуженію гнусной вашей вѣры». См. Ист. рус. Цер. 2, 17.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. ВЕРДЬЕ (VERDIER): ORIGINES CATHOLIQUES DE L'EGLISE RUSSE JUSQU'AU XII SIÈCLE (КАТОЛИЧЕСКОЕ НАЧАЛО РУССКОЙ ЦЕРКВИ ДО XII-ГО ВѢКА).

Etudes de Théologie d'histoire... par Gagarin t. II p. 133—304.

(Окончаніе).

VI.

Церковь греческая не была еще схизматическою ни во времена Владиміра, ни послѣ до 1054 года.— (Верд. стр. 210—218).

Мы уже встрѣчались у г. Вердье съ вопросомъ объ единеніи Церквей — восточной и западной, когда разбирали его мнѣніе о латинствѣ нашей великой княгини св. Ольги. Тамъ мы видѣли, какъ безполезны и излишни были напряженныя усилія автора доказать намъ мнимое подчиненіе греческой Церкви римскому папѣ; потому что для времени св. Ольги вопросъ объ единеніи Церквей имѣетъ самую незначительную важность въ нашей церковной исторіи. Христіанство тогда у насъ было не сильно; зараждавшаяся тогда Церковь русская не имѣла непрерывныхъ сношеній съ

Грецією: тогда не могла отражаться у насъ и борьба Константинополя съ Римомъ и развѣ въ одномъ только случаѣ она отразилась замѣтно, именно—въ томъ, что русскіе язычники, какъ бы по указанію Божію, охраняя будущую жатву греческой Церкви отъ латинства, съ яростію изгнали латинскаго епископа Адальберта. Но для настоящаго времени—для времени св. Владиміра, вопросъ объ единеніи Церквей—восточной и западной имѣетъ несравненно большее значеніе, и можно даже сказать-такое, какого не имѣлъ никогда! Теперь принялъ восточное Христіанство цѣлый народъ Русскій. Теперь основалась въ Россіи Церковь, которая съ первыхъ дней своего существованія стала въ зависимость отъ Церкви греческой и получала отъ нея всѣ жизненныя свои силы—ученіе, богослуженіе, пастырей. Теперь со всею быстротою и полнотою отражалось въ Церкви русской все, что происходило въ Церкви греческой важнаго, существеннаго, а слѣдовательно и ея отношенія къ Церкви римской. Съ другой стороны, со временъ Владиміра государство русское вступило въ близкія отношенія съ сосѣдними латинскими государствами. Самъ папа обратилъ вниманіе на Россію и посылалъ посольства къ русскимъ князьямъ. Невозможно было теперь русскимъ не высказать своего мнѣнія о Латинянахъ и не опредѣлить своихъ отношеній къ нимъ въ дѣлахъ вѣры; а все это опять больше всего должно было зависѣть отъ тѣхъ отношеній, какія были между Константинополемъ и Римомъ.

Естественно бы ожидать, что г. Вердье понимаетъ всю силу этихъ обстоятельствъ и что поэтому онъ обратитъ самое тщательное вниманіе на вопросъ

объ единеніи Церквей во времена Владиміра и представить намъ неопровержимыя данныя этого единенія. Но къ изумленію нашему, мы видимъ, что онъ въ настоящей статьѣ вовсе не придаетъ такого значенія этому вопросу и считаетъ рѣшеніе его только *не излишнимъ* (il n'en importe pas... de montrer... стр. 210). Мало того, онъ даже совершенно упускаетъ изъ виду важнѣйшую часть этого вопроса, именно, — какое понятіе о Церкви латинской передано было въ Россію при крещеніи ея и какъ Церковь русская выразила это понятіе при Владимірѣ и послѣ до 1054 года. Г. Вердье кажется предполагаетъ, что въ памятникахъ нашей исторіи церковной того времени нѣтъ никакихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса; поэтому онъ переноситъ, такъ сказать, его совершенно на почву греческую и, нашедши тамъ, повидимому, все для него нужное, такъ заключаетъ свою статью: «*слѣдовательно и Русскіе были возрождены въ Іисуса Христа въ общеніи съ латинскою Церковію и, принявъ крещеніе изъ рукъ миссіонеровъ греческихъ, сдѣлались въ одно и тоже время и христіанами и католиками* (т. е. Латинянами)» (¹). Но мы не можемъ такъ обходить важнѣйшую часть этого вопроса. Мы находимъ въ нашей церковной исторіи яснѣйшія указанія на то, что при крещеніи Россіи и потомъ до 1054 года греческая Церковь научала нашу Церковь, какъ смотрѣть на папу и Латинянъ и что наша Церковь вѣрно послѣдовала этому наставленію. Оставлять эти указанія мы не имѣемъ никакого права. Скажемъ даже болѣе,—въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ полное право ими одними и ограничиться въ отвѣтѣ на всю эту статью г.

(¹) стр. 217—218.

Вердье. Но чтобы не показалось, что мы оставляемъ его безъ прямаго отвѣта, оцѣнимъ сперва хотя въ краткихъ словахъ его доказательства единенія греческой Церкви и римской отъ Владиміра до 1054 года.

Доказательства свои единства Церквей въ разсматриваемое время авторъ нашъ начинаетъ тѣмъ, что повторяетъ насмѣшку надъ греческою Церковію одного изъ своихъ предшественниковъ,—что будто бы *греческая Церковь признавала надъ собою власть папы даже въ то время, когда на папскомъ престолѣ были самые недостойные папы* (¹) (въ X. вѣкѣ). Такъ гласно авторъ высказываетъ нелюбовь и неуваженіе Латинянъ даже къ той греческой Церкви, которая, по ихъ мнѣнію, составляла одно съ римскою Церковію,—но еще гласнѣе высказываетъ онъ этимъ то, что греческой Церкви вовсе не слѣдовало подчиняться папамъ, что она имѣла полное право не вѣрить въ ихъ непогрѣшимость.

Этимъ правомъ, самымъ справедливымъ и обязательнымъ, не воспользовались, по мнѣнію автора, патріархи константинопольскіе ни послѣдней половины десятаго, ни первой половины одиннадцатаго столѣтія до самаго Михаила Керулларія. И какіе патріархи не воспользовались? Люди знаменитѣйшіе, люди высокой учености и святости, каковы по общему признанію всѣ патріархи того времени! Можетъ ли этому повѣрить даже самый легковѣрный и малознающій человѣкъ? Мы никакъ не думаемъ этого, но г. Вердье, должно быть, предполагаетъ, что такіе люди повѣрятъ ему, и для нихъ-то собственно онъ, кажется, и заготовилъ всѣ свои доказательства. Вотъ эти доказательства.

(¹) стр. 210.

«*Луитпрандъ епископъ кремонскій, бывшій въ Константинополѣ посломъ отъ императора Оттона великаго, безъ укора совѣсти участвовалъ въ Богослуженіи* (ne se fit pas scrupule de communiquer...) (¹) *вмѣстѣ съ патріархомъ Поліевктомъ*». Не знаемъ, что тогда говорила совѣсть Луитпранду, но знаемъ, что подобныя доказательства могутъ вводить въ большія заблужденія.—Папскій посолъ къ Монголамъ Плано-Карпини, желая заслужить расположеніе варваровъ, совершалъ языческіе обряды во время аудіенціи у великаго хана; но кто скажетъ, что Плано-Карпини вѣрилъ въ истину монгольскаго язычества (²)? Исторія ордена, къ которому принадлежитъ г. Вердье, представляетъ безчисленное множество такихъ примѣровъ. А послѣ этихъ примѣровъ, которые составляютъ въ латинской Церкви не исключительное достояніе Іезуитовъ, можно ли вѣрить, что Луитпрандъ потому участвовалъ въ Богослуженіи съ патріархомъ Поліевктомъ, что видѣлъ покорность папѣ его и всего Константинополя, а не по чему-нибудь другому? Но вотъ, г. Вердье приводитъ намъ сужденіе о греческой Церкви самаго Луитпранда, которое по-видимому совершенно уничтожаетъ нашу недовѣрчивость къ добросовѣстности Луитпранда. *Константинопольская Церковь*, говоритъ Луитпрандъ, *справедливо подчинена нашей святой Церкви. Мы знаемъ, мы видимъ даже, что епископъ константинопольскій надѣваетъ на себя омофоръ* (полліумъ) *съ разрѣшенія папы* (³). Но какъ дѣйствительно смотрѣли тогда въ

(¹) стр. 210.

(²) Путешеств. Плано-Карпини къ Монголамъ (стр. 217—218).

(³) Стр. 211.

Константинополѣ на эту мнимую законность подчиненія папѣ и на это мнимое дозволеніе папы носить омофоръ константинопольскому патріарху, это видно изъ того, что въ то самое время, какъ Луитпрандъ писалъ это сужденіе, въ Константинополѣ папа Іоаннъ XIII названъ былъ въ присутствіи папскихъ пословъ жалкимъ варваромъ, продавцемъ, симонистомъ,—и патріархъ Поліевктъ запретилъ совершать латинское Богослуженіе въ греческихъ областяхъ (¹). Каковы бы ни были причины, вызвавшія въ Константинополѣ такія дѣйствія противъ папы; но несомнѣнно то, что тогда въ Константинополѣ по достоинству оцѣнивали недостойныхъ папъ и не подчинялись имъ. Такимъ образомъ, высказанная г. Вердье насмѣшка надъ греческою Церковію, будто она подчинялась самымъ недостойнымъ папамъ вовсе не касается, какъ видимъ, знаменитаго патріарха Поліевкта — крестителя нашей св. Ольги. Посмотримъ, падаетъ ли она на слѣдующихъ патріарховъ.

«*Тоже самое согласіе*, продолжаетъ Г. Вердье, *царствовало и при трехъ слѣдующихъ патріархахъ Антоніѣ второмъ, Николаѣ Хрисовергѣ и Сергіѣ.* (²) Почему же такъ думаетъ г. Вердье? «*Потому*, говоритъ онъ, *что тогда очень часто иноки восточные путешествовали на Западъ и западные на Востокъ*!?» При этихъ словахъ мы можемъ только удивляться наивности г. Вердье. Путешествуютъ на Востокъ, какъ слышно, очень часто и теперь иноки ордена, къ которому принадлежитъ нашъ авторъ; существуютъ также, какъ извѣстно, наши ду-

(¹) Abrégé de l'Histoire ecclesiastique, A. Cologne. MDCCLII; т. 4 стр. 71—72.

(²) стр. 211—213.

ховныя миссіи во всѣхъ латинскихъ странахъ: но неужели кто на этомъ основаніи станетъ говорить г. Вердье, что въ настоящее время царствуетъ согласіе между восточною и западною Церковію? Какими легковѣрными представляетъ г. Вердье своихъ читателей!

Но будемъ безпристрастны. Есть въ доказательствахъ г. Вердье нѣкоторая доля и для нелегковѣрныхъ его читателей. Слѣдующія за тѣмъ его соображенія имѣютъ неоспоримый характеръ серьёзныхъ изслѣдованій. Только они поражаютъ насъ одною странностію. Провозгласивъ въ началѣ статьи смѣло и рѣшительно единеніе церквей въ X и XI вѣкахъ, какъ будтобы въ этомъ не было никакого сомнѣнія, г. Вердье теперь измѣняетъ тонъ рѣчи и собираетъ всѣ свои силы къ тому лишь, чтобы защитить свои доказательства отъ противниковъ, въ числѣ которыхъ онъ находитъ даже своихъ собратовъ. Вотъ факты, съ которыми онъ принужденъ теперь бороться!

По признанію людей, имѣющихъ полную возможность узнать дѣло, раздѣленіе Церквей начало обнаруживаться со временъ патріарха Николая Хрисоверга, при которомъ крещена Россія (¹). Это утверждалъ въ присутствіи флорентинскаго Собора знаменитый Маркъ ефесскій, и никто не возражалъ ему. Это же высказалъ и Бароній, въ рукахъ котораго были всѣ сокровища ватиканской библіотеки и который имѣлъ тѣ же побужденія доказывать противное, какія имѣетъ и г. Вердье. Оба они (Маркъ ефесскій и Бароній) утверждали свое мнѣніе на томъ фактѣ, что со временъ Николая Хрисоверга, греческая Церковь изрекала анаѳему на все

(¹) У автора стр. 213—218.

написанное противъ Фотія и Игнатія, считая ихъ равно православными патріархами. И въ одномъ собраніи церковныхъ законовъ (Номокамонѣ) мы дѣйствительно находимъ указаніе на это осужденіе. Тамъ помѣщено возглашеніе вѣчной памяти Игнатію, Фотію... патріархамъ православнымъ, изреченное на Соборѣ 996 года. Почти тоже мнѣніе о времени раздѣленія Церквей высказываютъ и другіе писатели, только отсрочиваютъ его нѣсколькими годами, именно относятъ его ко временамъ втораго преемника Николая Хрисоверга (умеръ 996 г.)—Сергія патріарха (999—1019). Основываются они на томъ ясномъ и рѣшительномъ фактѣ, что патріархъ Сергій исключилъ имя папы изъ церковныхъ диптиховъ. Наконецъ преемникъ Сергія Евстафій требуетъ у папы, чтобы тотъ призналъ за нимъ титулъ вселенскаго патріарха,—что явно противорѣчитъ ученію о главенствѣ папы,—и не смотря на отказъ его, въ которомъ ясно видно запрещеніе константинопольскому патріарху употреблять этотъ титулъ, его употребляетъ какъ самъ Евстафій,такъ и преемникъ его Алексій, предшественникъ Михаила Керулларія.

Какъ же опровергаетъ все это г. Вердье? Очень замѣчательно. Онъ полагаетъ, что Маркъ ефесскій *говорилъ неправду*. На какомъ же основаніи онъ такъ полагаетъ? На томъ основаніи, что *анаѳема на все написанное противъ Фотія и Игнатія, на которую ссылается Маркъ ефесскій, составлена не при Николаѣ Хрисовергѣ, а при самомъ Фотіѣ*. Но дѣло не въ томъ, кто и когда составилъ эту анаѳему, а въ томъ, что ее признавали законною и произносили патріархъ Хрисовергъ и его преемникъ, а объ этомъ Маркъ ефесскій могъ знать гораздо лучше, нежели г.Вердье. Эта мнимая о-

шибка Марка ефесскаго ввела въ заблужденіе, по мнѣнію нашего автора, и Баронія. Но Бароній основывался не на однихъ словахъ Марка ефесскаго, а безъ сомнѣнія больше всего на томъ, что на флорентинскомъ Соборѣ не возражали Марку ефесскому и на томъ, что на Соборѣ константинопольскомъ 996 г. Фотій признанъ православнымъ. Г. Вердье отвергаетъ дѣйствительность этого Собора на томъ основаніи, что противъ него, или частнѣе противъ *возглашенія на немъ вѣчной памяти православному Фотію будто бы вооружается вся исторія X вѣка*!? Г. Вердье очень могло такъ показаться, потому что онъ знаетъ эту исторію только по сочиненію Штиллинга, котораго здѣсь буквально списываетъ, хотя и не упоминаетъ имени своего руководителя, и который также, какъ и г. Вердье, доказывалъ латинство русской Церкви и для этого также какъ и нашъ авторъ искажалъ исторію (1). Но греческій писатель XI столѣтія Кедринъ, знавшій исторію греческой Церкви X вѣка, конечно, лучше и Штиллинга и г. Вердье и слышавшій это возглашеніе въ свое время, признаетъ его подлиннымъ. Возглашеніе это далѣе внесъ въ собраніе греческихъ законовъ Леунклавій, (2), котораго г. Вердье знаетъ только по Штиллингу (3). Наконецъ возглашеніе это вошло и въ нашу Кормчую книгу (4). Какимъ же образомъ, спрашиваемъ, этого противорѣчія въ греческой исторіи не замѣчали ни въ XI вѣкѣ, ни послѣ до временъ уніи ли-

(1) De conversione et fide Russorum помѣщено во II томѣ Act. SS.

(2) Jus Graeco-Romanum т. 1 стр. 197—203.

(3) Г. Вердье, ссылаясь на Леунклавія, цитуетъ не его собственное сочиненіе, а собраніе сочиненій Болландистовъ, т. е. Acta SS.

(4) Т. II гл. 51.

товской, а только съ этого времени стали замѣчать одни Латиняне, да и то не всѣ, потому что Бароній признаетъ подлиннымъ какъ возглашеніе Фотію вѣчной памяти, такъ и вообще дѣянія Собора 996 года. Далѣе г. Вердье, опустивъ патріарха Сисинія, который не только признавалъ Фотія православнымъ патріархомъ, но даже разослалъ вновь его окружное посланіе въ обличеніе Латинянъ ([1]), переходитъ къ патріарху Сергію. Извѣстно, что этотъ патріархъ, прервавшій явно, подобно Фотію, сношенія съ латинскою Церковію, возбудилъ этимъ, какъ и Фотій, ожесточенную ненависть къ себѣ Латинянъ своего времени и послѣдующаго. Но г. Вердье не раздѣляетъ повидимому этой ненависти; мало того, онъ старается даже включить Сергія, въ *число патріарховъ, подчинявшихся* (будто-бы) *папъ!*—Не отвергая того, что этотъ патріархъ исключилъ имя папы изъ церковныхъ диптиховъ, г. Вердье старается однако доказать, что *до этого времени Сергій былъ въ единеніи съ Римомъ.* Для этого онъ приводитъ свидѣтельство Петра антіохійскаго, изъ котораго видно, что въ началѣ XI столѣтія (въ первые годы патріаршества Сергія) имя папы находилось въ диптихахъ,—что по нашему мнѣнію не нуждается ни въ какихъ свидѣтельствахъ, потому что если патріархъ Сергій исключилъ имя папы изъ диптиховъ, то само собою разумѣется, что около того времени оно находилось въ диптихахъ,—и смѣшно доказывать это. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что до этого времени патріархъ Сергій подчинялся папѣ; напротивъ намъ из-

([1]) Объ этомъ мы уже упоминали, разбирая статью г. Вердье о патріархѣ Фотіѣ.

вѣстно, что онъ прежде чѣмъ исключилъ имя папы изъ диптиховъ, обличалъ римскую Церковь въ нововведеніяхъ и только послѣ того, какъ обличеніе оказалось недѣйствительнымъ, сдѣлалъ такой явный разрывъ (¹). Г. Вердье умолчалъ о поводѣ, по которому Сергій патріархъ исключилъ имя папы изъ диптиховъ, но мы видимъ, что такое молчаніе непозволительно въ настоящемъ случаѣ и можетъ быть только вызвано или крайнимъ незнаніемъ дѣла или побужденіями скрыть его. Идемъ далѣе: нашъ авторъ такъ занятъ мыслію оправдать въ мнимой схизмѣ патріарха Сергія въ первую половину его патріаршества, что даже отвергаетъ одинъ историческій памятникъ, который повидимому благопріятствуетъ мысли автора и который найденъ самими Латинянами. Именно одна надпись въ ватиканской базиликѣ говоритъ о какомъ-то примиреніи Церквей при папѣ Іоаннѣ. Латинскіе ученые говорятъ, что это было при папѣ Іоаннѣ XVIII въ началѣ XI столѣтія,—въ первые годы патріаршества Сергія. Г. Вердье не допускаетъ такого объясненія этой надписи, хотя въ ней говорится о примиреніи Церквей, почему же? Потому что это значило-бы, что патріархъ Сергій и въ началѣ своего патріаршества былъ въ какомъ-то раздорѣ съ папою. Мы рѣшительно не понимаемъ, почему г. Вердье такъ защищаетъ достойнѣйшаго родственника нелюбимаго имъ патріарха Фотія (²), и какая польза автору доказывать единеніе съ римскою

(¹) Истор. русск. Церкви Преос. Макарія т. 1. стр. 179 слич. примѣч. 386.

(²) Извѣстно, что патріархъ Сергій былъ родственникъ патріарха Фотія.

Церковію патріарха Сергія въ первую половину его патріаршества, когда въ послѣднюю половину этотъ патріархъ прервалъ это единеніе, по признанію самаго автора, и этимъ слѣдовательно уничтожилъ всякое значеніе прежнихъ своихъ отношеній къ папѣ, хотя бы они были самыми мирными и дружелюбными. Не все ли это равно, какъ если бы г. Вердье сталъ доказывать, что патріархъ Фотій до своего разрыва съ римскою Церковію, напримѣръ въ дѣтствѣ, въ юношествѣ и до поставленія въ патріарха былъ въ единеніи съ папою?

Послѣ патріарха Сергія до Михаила Керулларія было два патріарха—Евстафій и Алексій. Мы говорили, что первый изъ нихъ требовалъ у папы, чтобы тотъ призналъ за нимъ имя вселенскаго патріарха и, не смотря на отказъ, употреблялъ это имя, употреблялъ его также не смотря на этотъ отказъ и преемникъ Евстафія Алексій. Г. Вердье какъ будто не понимаетъ, что требовать у папы признанія за константинопольскимъ патріархомъ титула—вселенскій значитъ тоже, что требовать, чтобы папа отказался отъ своихъ притязаній на вселенское господство или главенство въ Церкви. Умолчавъ о томъ, каково было это требованіе и по какому случаю было высказано, авторъ нашъ такъ выражается объ этомъ: *преемникъ Сергія Евстафій просилъ у Рима привиллегіи для своей Церкви!!* Удивительное искусство скрывать неблагопріятную сторону событія! Точно также авторъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ и то, что оба патріарха, Евстафій и Алексій, употребляли титулъ—вселенскій патріархъ, не смотря на недавнее запрещеніе папы, иначе говоря—г. Вердье не обращаетъ и здѣсь никакого вниманія на непокор-

ность папѣ этихъ патріарховъ. Въ его глазахъ это какъ будто не важно, а важно то, что Евстафій и Алексій явно не разрывали союза съ папою, подобно Михаилу Керулларію. Какъ же мало понимаетъ авторъ дѣйствія константинопольскихъ патріарховъ отъ Фотія до Михаила Керулларія! Не разрывали они явно наружнаго единенія съ римскою Церковію и не высказывали такъ рѣшительно обличеній противъ папы; потому что не всѣмъ представлялась такая настоятельная необходимость къ этому, какъ патріарху Фотію, и потомъ Михаилу Керулларію, и потому что не всѣ рѣшались принять на себя эту тяжелую обязанность, покрывая христіанскою любовію недостатки римской Церкви, пока это сколько-нибудь было возможно и пока еще оставалась надежда сохранить миръ церковный, а надежда эта не исчезала до тѣхъ поръ, пока въ Константинополѣ смотрѣли на притязанія папъ, какъ на дѣло ихъ личнаго честолюбія и на другія нововведенія, какъ на злоупотребленія, и пока не убѣдились, что все это перешло въ самое ученіе римской Церкви. То было дѣйствительно переходное время, но переходное не отъ подчиненія папѣ къ схизмѣ, а отъ единенія Церквей къ ихъ раздѣленію. Имѣя въ виду это различіе, мы можемъ сказать, что отъ Фотія до Михаила Керулларія всѣ патріархи сохраняли, защищали единеніе съ римскою Церковію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они точно также, какъ Фотій и Михаилъ Керулларій, не вѣрили въ главенство папы и потому, коль скоро папа объявлялъ имъ это притязаніе, коль скоро они убѣждались, что это притязаніе и другіе нововведенія латинскія проистекаютъ не изъ личнаго честолюбія папъ и злоупотребленій частныхъ лицъ, а

имъ ученія ихъ Церкви, то обличали папъ и разрывали союзъ съ Церковію латинскою. Авторъ нашъ не показываетъ въ этой статьѣ, что понимаетъ этотъ простой и естественый смыслъ исторіи Церквей до Михаила Керулларія. Мы не видимъ, чтобы онъ здѣсь различалъ, какъ двѣ различныя вещи, единеніе греческой Церкви съ римскою и подчиненіе греческой Церкви римскому папѣ. Но явно, что онъ какъ бы невольно усвоилъ себѣ это разграниченіе и потому въ этой статьѣ разсуждаетъ только объ единеніи Церквей, но не говоритъ ни слова о подчиненіи папѣ константинопольскихъ патріарховъ, между тѣмъ какъ, разсуждая о временахъ св. Ольги, онъ вездѣ доказывалъ, что тотъ или другой патріархъ подчинялся папѣ. Велика уступка со стороны автора! Вообще объ этихъ изслѣдованіяхъ г. Вердье мы должны сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Авторъ нашъ съ необычайною быстротою и подвижностію, столь свойственными западнымъ писателямъ, перелистываетъ исторію Церквей,—забѣгаетъ впередъ на столѣтіе, на два отъ разсматриваемаго времени, бросается назадъ ко временамъ Фотія и, отовсюду вырывая отрывочные, нерѣшительные или даже искаженные факты, сбиваетъ ихъ произвольно въ одну массу доказательствъ единенія Церквей, прикрывая свое самоуправство въ исторіи всевозможными наведеніями и умозаключеніями. Но онъ не дѣлаетъ одного очень простаго дѣла, котораго въ правѣ ожидать отъ него каждый здравомыслящій читатель. Именно: какъ скоро самъ онъ высказалъ, что есть факты, доказывающіе, что тотъ или другой патріархъ начиналъ разрывать единеніе съ Римомъ, или даже явно разрывалъ; то ему послѣ этого слѣдовало безъ всякихъ хитросплетеній отыскать въ жизни кажда-

го изъ этихъ патріарховъ и выставить такіе факты, которые бы уничтожали собою факты противные, приводимые другими писателями. Тогда дѣло было бы и коротко и ясно. Но его-то и не дѣлаетъ Г. Вердье, довольствуясь одними соображеніями и умозаключеніями. Отъ того-то и выходитъ у г. Вердье, что такой-то патріархъ и былъ въ единеніи съ Римомъ и не былъ— былъ напримѣръ въ первую половину своего патріаршества не былъ во вторую; былъ одинъ годъ, не былъ другой; иначе говоря, сегодня было единеніе Церквей, завтра не было,—утромъ миръ, вечеромъ вражда! Стоило же проповѣдывать и доказывать такое единеніе Церквей!

Вотъ каково было единеніе Церквей въ то время, когда цѣлый народъ Русскій принялъ крещеніе отъ Греціи и когда въ Россіи основалась многочисленная помѣстная Церковь! Но дѣйствительно ли въ Россію передано было изъ Греціи ясное понятіе о неправославіи латинской Церкви и дѣйствительно ли Россія усвоила и высказала это понятіе? Дѣйствительно такъ! Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ немного фактовъ, но за то изумительно ясныхъ и рѣшительныхъ.

Когда нашъ великій князь Владиміръ принималъ крещеніе въ Корсунѣ, то греческое духовенство очень ясно понимало, какой опасности подвергается Россія отъ сосѣдняго Латинства. Опасность эта еще яснѣе представилась, когда въ самый Корсунь прибыло къ Владиміру посольство отъ папы (¹). По этому греческій іерархъ, крестившій Владиміра, счелъ необходимымъ предостеречь его отъ этой опасности и включилъ въ

(¹) Никон. лѣтоп. т. 1. стр. 92.

исповѣданіе вѣры, которое читалъ Владиміръ при крещеніи, заповѣдь беречься отъ латинской вѣры, ибо она *мало развращенна* (¹).

Вскорѣ представился новый случай предостерегать Россію отъ латинства. Въ 991 году папа снова прислалъ пословъ къ Владиміру. Добродушный, гостепріимный князь принялъ ихъ съ честью и вѣроятно по ихъ настоятельной просьбѣ согласился отправить къ папѣ своего посла. Объ этомъ немедленно дали изъ Россіи знать въ Константинополь,—и патріархъ Николай Хрисовергъ поспѣшилъ отправить къ Владиміру грамоту, въ которой внушаетъ ему не имѣть сношеній съ Латинами, потому что вѣра ихъ *не добра*, и затѣмъ перечисляетъ отступленія ихъ—ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, ученіе о безгрѣшности папы и другія (²). Неужели эти факты мало говорятъ противъ г. Вердье? Но вотъ еще одно событіе, еще болѣе замѣчательное? Вѣроятно, эта попытка папъ привлечь на свою сторону Россію побудила втораго нашего митрополита Леонтія обличить заблужденія Латинянъ и ослабить въ нихъ самихъ желаніе сближаться съ Русскими. Онъ написалъ посланіе къ нимъ, въ которомъ опровергаетъ ученіе ихъ Церкви объ опрѣснокахъ и другія заблужденія (³). Іерархъ этотъ управлялъ русскою Церковію шестнадцать лѣтъ, и, конечно, могъ въ это время распространить въ народѣ свои убѣжденія, касательно латинской Церкви. Не потому ли и всѣ послѣдующія сношенія Латинянъ

(¹) Полн. собраніе русск. лѣтоп. т. 1. стр. 52.

(²) Ник. лѣтоп. т. 1. стр. 104.

(³) Критическія изслѣд. этого памятника см. Истор. русск. Церкви еп. Макарія т. 1. стр. 102—112.

съ Владиміромъ не имѣли никакого успѣха, потому что лѣтописецъ только голословно упоминаетъ объ нихъ, между тѣмъ какъ онъ со всею подробностію расказываетъ о распространеніи Христіанства въ Россіи ([1]). Въ самомъ дѣлѣ—замѣчательное явленіе: Владиміръ всею душею преданъ былъ великому дѣлу распространенія Христіанства и готовъ былъ со всею любовію принять и поддерживать всякаго проповѣдника христіанскаго. Венгрія и Польша были подлѣ съ цѣлымъ сонмомъ такихъ проповѣдниковъ, а между тѣмъ мы вовсе не видимъ ихъ на землѣ русской; распространяютъ здѣсь вездѣ Христіанство, основываютъ епархіи одни греческіе и болгарскіе проповѣдники. Въ Кіевѣ живетъ не мало Латинянъ; но они занимаютъ особую часть города и извѣстны подъ особымъ именемъ людей варяжской или лятской вѣры,—и, какъ вскорѣ увидимъ, иноки кіево-печерскіе выходятъ къ намъ проповѣдывать истинную-греческую вѣру! Далѣе, Ярославъ всѣми силами старается утвердить въ Россіи Христіанство и познакомить народъ съ истинами христіанскими научнымъ образомъ. Для этого онъ избираетъ народныхъ учителей, собираетъ около себя ученыхъ людей, составляетъ библіотеку,—и ни одного не видимъ мы въ Россіи того времени латинскаго учителя, ни одной латинской книги! Какимъ же это образомъ, спрашиваемъ у г. Вердье, Русскіе, принявъ крещеніе и сдѣлавшись христіанами, сдѣлались въ тоже время Латинянами? Что латинскаго находитъ онъ въ нихъ? Ничего на это не отвѣчаетъ намъ здѣсь г. Вердье; но вотъ слѣдующія его статьи посвящены рѣшенію это-

([1]) Ник. лѣтоп. т. I стр. 111; Степен. книга I. стр. 170.

го вопроса; посмотримъ, такъ ли было дѣйствительно!

VII.

Русскіе даютъ убѣжище легатамъ (папскимъ), отлучившимъ Керулларія. Они свергли иго греческихъ патріарховъ въ то самое время, какъ тѣ начали отдѣляться отъ римской Церкви. Князья русскіе соединяются съ святою столицею новыми узами.—(Верд. стр. 218—223).

Говоря объ единеніи Церквей во времена Владиміра, авторъ нашъ, какъ мы видимъ, не представилъ намъ ни одного событія въ пользу своей мысли, изъ нашей отечественной исторіи. Но за то теперь онъ съ излишествомъ вознаграждаетъ этотъ недостатокъ, и какъ вознаграждаетъ!! Онъ открываетъ намъ такія событія, которыхъ не знаетъ ни одинъ нашъ лѣтописецъ и почти ни одинъ нашъ историкъ. Посмотримъ однако, на сколько достовѣрны открытія г. Вердье или, лучше сказать, Штиллинга, котораго и здѣсь копируетъ нашъ авторъ.

Послы папы Льва IX, осмѣлившіеся положить въ софійскомъ храмѣ отлученіе на Михаила Керулларія, принуждены были спасаться бѣгствомъ отъ ярости народа. Императоръ Константинъ, благопріятствуя посламъ и думая, что патріархъ исказилъ это отлученіе для возбужденія большаго смятенія въ народѣ, послалъ за убѣжавшими послами гонца и требовалъ у нихъ этого отлученія: *оно прислано ему изъ города Руссовъ* (de civitate Russorum) (¹). Вотъ на этомъ-то

(¹) У автора стр. 218—219.

основаніи г. Вердье, вслѣдъ за Штиллингомъ, и утверждаетъ, что *послы тогда находились въ Кіевѣ.* Но откуда видно, что городъ Руссовъ былъ именно Кіевъ? Не произвольное ли это предположеніе? Послы побѣжали изъ Константинополя въ концѣ Сентября 1054 года, и императоръ Константинъ въ самое короткое время получилъ отъ нихъ подлинное отлученіе. Могло ли бы это быть, если бы легаты убѣжали въ въ Кіевъ? И какъ императоръ Константинъ могъ предлагать такое убѣжище папскимъ посламъ, когда онъ зналъ, что недавно передъ тѣмъ Русскіе испросили своему митрополиту-Иларіону благословеніе у Михаила Керулларія, и слѣдовательно были съ нимъ въ единеніи (1). Невозможно далѣе допустить, чтобы напуганные легаты, трепетавшіе за жизнь свою, рѣшились избрать такое опасное убѣжище! Нѣтъ, не въ Кіевъ они ушли, а въ Болгарію, гдѣ власть императора могла доставить имъ безопасное убѣжище и гдѣ Переяславецъ и другіе города были населены Русскими и по справедливости могли называться русскими городами. Авторъ какъ-бы самъ изумляется этому странному гостепріимству Русскихъ и прибѣгаетъ къ объясненію его, — но объясненію еще болѣе странному и неправдоподобному. *Русскіе*, говоритъ онъ, *потому доставили убѣжище папскимъ посламъ, что еще прежде свергли иго патріарха константинопольскаго*, т. е. избрали себѣ сами митрополита изъ Русскихъ — Иларіона (2). Но Русскіе избрали Иларіона въ 1051 году, когда Михаилъ Керулларій еще не начиналъ борьбы съ па-

(1) Доказательство этого см. Истор. русск. Церкви еп. Макарія т. 2 стр. 6 и примѣч. 10 и 11.

(2) У автор. стр. 219-220.

пою, слѣдовательно избрали по другому побужденію а не потому, что Керулларій прервалъ единеніе съ Римомъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что причины такого поступка Русскихъ были совершенно другаго рода. Ярославъ задолго передъ тѣмъ имѣлъ желаніе составить іерархію народную—русскую и обнаружилъ это желаніе еще въ 1036 году избраніемъ въ новгородскіе епископы Луки Жидяты. Недавняя война съ Греками, оставшаяся надолго въ памяти народной, по случаю ослѣпленія восьми сотъ Русскихъ, возвратившихся на родину и то, что по смерти митрополита Өеопемпта изъ Греціи долго не присылали новаго митрополита,—эти-то причины и побудили Ярослава избрать митрополита изъ Русскихъ ([1]). Но что это избраніе отнюдь не вызвано было какимъ-нибудь нерасположеніемъ къ Керулларію, доказательствомъ служитъ то, что новоизбранный митрополитъ испросилъ себѣ, какъ мы уже сказали, благословеніе у Михаила Керулларія и что послѣ Иларіона къ намъ по прежнему стали пріѣзжать митрополиты Греки. Но вотъ еще одно замѣчательное событіе указываетъ намъ авторъ изъ временъ Ярослава. *Въ 1021 г. Ярославъ будтобы просилъ у папы Венедикта VIII епископа, и тотъ прислалъ ему Болгарина Алексія.* Этотъ епископъ Алексій будтобы былъ основателемъ кіевской епископіи, первый совершалъ Богослуженіе въ софійской церкви, слѣдовательно въ 1036 году, и потомъ вслѣдствіе неудовольствій отъ клира удалился изъ Россіи ([2]). Тутъ ужъ

([1]) Соображенія эти см. въ Истор. русск. Церкви еп. Макар. т. 1 стр. 4—6.

([2]) У автор. стр. 222.

мы ничего не понимаемъ. Былъ тогда у насъ митрополитъ Ѳеопемптъ, который освящалъ софійскую церковь и съ того времени сталъ жить не въ Переяславлѣ, а въ самомъ Кіевѣ въ новопостроенномъ митрополичьемъ домѣ. Никакого епископа Алексія мы не знаемъ между тогдашними епископами. Въ это время нѣсколько разъ собирались всѣ тогдашніе епископы, наприм. для перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба, и лѣтописецъ всѣхъ ихъ перечисляетъ. Неужели онъ пропустилъ бы епископа кіевскаго? Не знаемъ, откуда Фризій взялъ эту басню, которую цитуетъ г. Вердье; но можно думать, что онъ смѣшалъ Алексія съ Анастасомъ, который былъ первымъ священникомъ, но не въ софійской, а въ десятинной церкви, и потомъ ушелъ къ Полякамъ съ Болеславомъ польскимъ. Это новое лице въ нашей исторіи—епископъ Алексій напоминаетъ намъ басни латинскихъ писателей о Бруно Вонифатіѣ, но тамъ, по крайней мѣрѣ, было хоть что-нибудь правдоподобное, а здѣсь совершенная выдумка, которой никакъ не можетъ допустить человѣкъ, сколько нибудь знакомый съ нашею исторію.

VIII.

Доказательство (единенія Русскихъ съ Латинянами) *изъ многочисленныхъ брачныхъ союзовъ, которые соединяли царственныя семейства русскаго и латинскихъ народовъ прежде и послѣ 1054 г. Исторія Анны королевы французской* (стр. 223—241).

Предъ нами теперь цѣлая таблица брачныхъ союзовъ русскаго княжескаго рода съ иностранными цар-

ственными домами и затѣмъ во всей подробности исторія дочери Ярослава Анны, королевы французской. Любознательный авторъ не щадилъ своихъ силъ на тщательныя, подробнѣйшія изслѣдованія; но не избѣжалъ обыкновенной участи писателя, увлекающагося до крайности своимъ предположеніемъ. Онъ наговорилъ много лишняго и даже такого, что явно ослабляетъ силу его мыслей. Именно: желая показать, какъ многочисленны были брачные союзы русскихъ князей съ иностранными государями, онъ перечисляетъ намъ въ своей таблицѣ даже тѣ случаи, когда русскіе князья вступали въ родство съ Половцами ([1]). Но неужели и это доказываетъ, что Русскіе были въ единеніи съ Латинянами? Мы не случайно обратили вниманіе на это излишнее прибавленіе автора. Оно очень важно, особенно если припомнить, что спустя немного времени послѣ Ярослава русскіе князья роднились не только съ Половцами, но и съ литовцами язычниками. Важно все это потому, что бросаетъ яркій свѣтъ на всѣ случаи родства русскихъ князей съ иновѣрцами. Всѣ эти случаи вмѣстѣ взятые неоспоримо доказываютъ одно, что русскіе князья, при заключеніи брачныхъ союзовъ, были неразборчивы или, лучше сказать, они заключали ихъ по политическимъ видамъ, а не по правиламъ Вѣры. Мы даже не знаемъ, предпочитали ли они въ этомъ случаѣ браки съ Латинянами бракамъ съ язычниками, потому что изъ послѣдующаго времени мы имѣемъ очень много случаевъ родства ихъ съ язычниками литовскими. Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что многочисленность брачныхъ союзовъ

([1]) См. у авт. родословную таблицу стр. 221.

русскихъ князей съ Латинянами не есть доказательство особеннаго сочувствія Русскихъ къ латинству. Чтобы доказывать это сочувствіе на основаніи брачныхъ союзовъ, необходимо знать, дѣйствительно ли обѣ брачущіяся стороны чѣмъ-нибудь показали, что смотрятъ на оба вѣроисповѣданія греческое и латинское, какъ на одно, и не перемѣняли ли одно на другое вслѣдствіе того, что предпочитали или принуждены были предпочесть и избрать одно изъ нихъ. Но что всего важнѣе—необходимо при этомъ еще знать, какъ смотрѣло на эти браки духовенство русское и латинское. Только послѣ всего этого можно произнести вѣрное сужденіе. Но что же мы видимъ? Дочь Ярослава, вышедшая за Генриха, короля французскаго, прославляется и Французами и самимъ папою, какъ ревностная Латинянка ([1]). Значитъ она перемѣнила русскій обрядъ на латинскій, какъ это и было дѣйствительно по словамъ Карамзина ([2]). И почему Французы и папа, прославляя Анну, хвалятъ ее за ревность къ вѣрѣ отцевъ? Не за то ли они и прославляли ее, что она бросила эту послѣднюю вѣру и сдѣлалась латинянкою? Г. Вердье не рѣшаетъ намъ этихъ вопросовъ; но ихъ рѣшаетъ намъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ историкъ Длугошь, разсказывая о другомъ, но совершенно однородномъ случаѣ родства Русскихъ съ Латинянами, именно разсказывая о бракѣ сестры Ярослава Маріи съ польскимъ королемъ Болеславомъ. Марія должна была не только перемѣнить обряды греческой Церкви на латинскіе, но и принять

([1]) У авт. стр. 232—233 и 234—235.

([2]) Т. 2, стр. 19 изд. Ейнерлинга.

латинское крещеніе (1). Это ли единство Латинянъ съ Русскими? Но можетъ быть русское духовенство иначе смотрѣло на латинство и не требовало такихъ условій? Нѣтъ, точно также! Митрополитъ Иларіонъ говоритъ, что Индигерда супруга Ярослава, дочь норвежскаго короля, содержитъ правовѣріе, преданное св. Владиміромъ, слѣдовательно греческое (2). Митрополитъ Іоаннъ II прямо запрещаетъ князьямъ русскимъ вступать въ браки съ иновѣрцами (3), а преподобный Θеодосій горько жалуется на это своеволіе и внушаетъ великому князю Изяславу не имѣть общенія съ Латинянами (4). Извѣстно наконецъ, что тотъ же преп. Θеодосій состязался съ Латинянами и обратилъ въ греческую Вѣру Латиняна Шимона Варяга съ многочисленною дружиною (5). Это ли, спрашиваемъ опять, единеніе Русскихъ съ Латинянами?

Чѣмъ же однако объяснить всѣ эти родственные союзы Русскихъ и Латинянъ? Очень многимъ, только не единеніемъ русской Церкви съ латинскою. Можно понимать ихъ, какъ случаи уклоненія отъ извѣстныхъ правилъ Вѣры, вынужденнаго требованіями политическихъ расчетовъ; можно объяснить ихъ столь же обыкновеннымъ въ то время неуваженіемъ къ женскому полу, который во всѣхъ этихъ случаяхъ и осуждаемъ былъ на перемѣну вѣры: но всего лучше объяснять эти браки тѣмъ, что, при заключеніи ихъ, брачущіяся

(1) Histor. Polon. lib III p. 218.

(2) Слово Иларіона о законѣ и благодати и похвала св. Владиміру.

(3) Посланіе къ черноризцу Іакову.

(4) Посланіе къ в. князю Изяславу.

(5) Истор. русской Церкв. еп. Макарія Т. 2, стр. 260.

стороны дѣлали словесный договоръ уважать Вѣру другъ друга и потомъ нарушали его, къ чему малолѣтство выходившихъ тогда замужъ княженъ и слѣдовательно способность легко перемѣнять Вѣру подавали постоянный поводъ, не подлежащій суду противной стороны, а чаще всего и вовсе ей неизвѣстный.

IX.

Россія вступаетъ въ то отношеніе къ европейскимъ народамъ, которое въ настоящее время называли бы европейскимъ союзомъ (Européen concert); *она сближается съ католическимъ Христіанствомъ, находившимся тогда подъ покровительствомъ папы и вселенскихъ Соборовъ. Князь Димитрій и императрица Анна* (стр. 241—251).

Опять мы встрѣчаемъ у г. Вердье великолѣпное заглавіе, которое способно возбудить въ читателѣ самыя богатыя ожиданія. Въ самомъ дѣлѣ, нужно имѣть подъ руками самые громадные факты, чтобы провозглашать такое согласіе Россіи XI вѣка съ Европою, которое напоминаетъ собою священный союзъ 1815 года или сближеніе Греціи съ Западомъ во времена флорентинскаго Собора. А между тѣмъ, что же мы находимъ въ этой статьѣ автора? Разсказъ о самыхъ обыкновенныхъ, незначительныхъ событіяхъ, которыя вызваны, были не какими-нибудь существенными потребностями русскаго народа, а совершенно случайными обстоятельствами и не сопровождались никакими послѣдствіями. Передъ нами здѣсь разсказъ о двухъ со-

бытіяхъ, которыя потому только касаются нашей исторіи, что въ нихъ дѣйствовали собственно два лица изъ русскаго, княжескаго рода, но дѣйствовали внѣ Россіи и безъ всякаго участія русскаго народа.

Первый разсказъ, какъ доказательство того, что Россія въ XI вѣкѣ вступила въ то отношеніе къ европейскимъ народамъ, которое называется въ настоящее время европейскимъ согласіемъ.

Великій князь русскій Изяславъ, въ крещеніи Димитрій, лишенный Святославомъ черниговскимъ великокняжескаго престола кіевскаго ушелъ въ Польшу и просилъ помощи у Короля Болеслава, но будучи имъ жестоко обманутъ, обратился къ германскому императору Генриху IV. Генрихъ оказалъ искреннее участіе къ русскому князю; но не могъ подать ему дѣйствительной помощи. Тогда Изяславъ, имѣвшій при дворѣ Генриха много случаевъ убѣдиться въ силѣ папы Григорія VII, послалъ къ нему сына своего и также, какъ и Генриху, жаловался папѣ на Болеслава и просилъ помощи. Папа Григорій, какъ естественно было ожидать, понялъ и исполнилъ просьбу Изяслава такъ, какъ понялъ бы и исполнилъ ее всякій папа, считавшій себя главою Церкви и раздаятелемъ царскихъ вѣнцовъ. Онъ послалъ Болеславу польскому повелѣніе возвратить Изяславу похищенныя сокровища, а русскому князю далъ право на кіевскій престолъ. Но вмѣсто войска, которое бы возвело Изяслава на престолъ, послалъ князю своего легата, которяго Изяславъ долженъ былъ во всемъ слушаться. Г. Вердье увѣренъ, что Изяславъ совершенно былъ покоренъ какъ самому папѣ, такъ въ особенности его легату, съ которымъ, по словамъ папской грамоты, руській князь былъ *дру-*

жени (1). Мы очень легко всему этому вѣримъ, потому что иначе Изяславу и нельзя было ничего ожидать отъ папы. Чтобы войти въ сношенія съ папою и получить отъ него какую-нибудь помощь, Изяславу необходимо было подружиться съ латинскимъ епископомъ, черезъ котораго онъ велъ свои дѣла (2), и быть покорнымъ какъ ему, такъ и папѣ. Но если справедливо, что только надежда на помощь побуждала князя поставить себя въ такое отношеніе къ папѣ и его легату; то естественно ожидать, что какъ скоро эта надежда окажется тщетною, русскій князь станетъ въ другое отношеніе къ своимъ друзьямъ и, неполучивъ самъ отъ нихъ ничего, ничего не сдѣлаетъ и для нихъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Верховныя распоряженія папы оказались безполезными. Соперникъ Изяслава Святославъ умеръ, и Изяславъ безъ всякаго препятствія занялъ кіевскій престолъ (3). Что же потомъ? Вспомнилъ ли Изяславъ участіе папы и дружбу его легата и сдѣлалъ ли что-нибудь въ пользу латинства въ Россіи? Онъ все забылъ и до самой смерти не показывалъ никакой особенной расположенности папѣ. Мало того,- онъ вступилъ въ тѣснѣйшія сношенія съ нелюбимою папѣ Греціею, посылалъ туда на помощь свои войска и, что еще важнѣе, принялъ и почиталъ русскаго митрополита, присланнаго изъ Греціи (4). Такимъ образомъ сношенія Изяслава съ папою кончились тѣмъ, что и Россія ничего не получила отъ папы и папа ничего не получилъ отъ Россіи! Удивительно какъ

(1) У автор. стр. 245-246.

(2) Тамже стр. 245.

(3) Истор. Карамз. Т. 2 стр. 84.

(4) Тамъ же.

важны подобныя сношенія! Только г. Вердье и может восхищаться ими и находить въ нихъ доказательство латинства Россіи въ XI вѣкѣ!

Другой разсказъ, какъ доказательство того, что Россія сближалась съ католическимъ латинствомъ, находившимся тогда подъ покровительствомъ папы и вселенскихъ Соборовъ.

Одна русская княжна вышла за германскаго императора Генриха IV, о которомъ мы уже говорили. Подозрительный мужъ подвергалъ жену жестокимъ оскорбленіямъ. Выведенная изъ терпѣнія, русская княжна удалилась къ знаменитой Матильдѣ и чрезъ ея посредство жаловалась папѣ Урбану II. Папа принялъ такое участіе въ судьбѣ несчастной императрицы, что два Собора разбирали ея дѣло на ряду съ дѣлами о крестовомъ походѣ. На второмъ изъ нихъ въ Піаченцѣ (1095 г.) происходившемъ на обширной равнинѣ, русская княгиня предстала предъ св. отцами и многочисленнымъ народомъ. Соборъ чуть не проливалъ слезъ надъ несчастіями русской княгини, и далъ ей полное разрѣшеніе въ грѣхахъ! Послѣ этого русская княгиня возвратилась на родину въ Кіевъ, *и основала женскій монастырь, въ которомъ сама была игуменьею и воспитывала до трехъ сотъ дѣвицъ* (¹).

Что долженъ подумать, заключаетъ авторъ, *всякій искренній Русскій, размышляя о томъ, что въ лицѣ этихъ трехъ сотъ дѣвицъ цвѣтъ благороднаго сословія повѣренъ былъ царственной игуменьѣ, которая такъ гласно исповѣдывала римское католичество? Не*

(¹) У автор. стр. 247—250.

есть ли это (т. е. триста дѣвицъ), *спрашиваемъ*, *цѣлый народъ католическій* (¹)?

Мы даемъ себѣ право отвѣчать здѣсь не за искреннихъ только Русскихъ, между которыми по естественному порядку вещей могутъ быть и слишкомъ довѣрчивые и мало знающіе отечественную исторію, но позволяемъ себѣ отвѣчать г. Вердье за искреннихъ (de bonne foi) и въ тоже время знающихъ свою исторію Русскихъ и думаемъ, что эти послѣдніе посмѣются надъ авторомъ и посмѣются не только надъ тѣмъ, что онъ триста неизвѣстныхъ дѣвицъ называетъ цвѣтомъ тогдашняго благороднаго сословія русскаго и цѣлымъ народомъ католическимъ; но гораздо больше надъ тѣмъ, что онъ сочиняетъ нашу отечественную исторію. Не обращаемъ большаго вниманія на то, что онъ жену Генриха съ рѣшительностію называетъ внукою св. Владиміра, тогда какъ другіе историки только вообще называютъ ее русскою княжною, а иные даже просто знатною Россіянкою (²). Положимъ, что эта княжна дѣйствительно происходила отъ св. Владиміра и была дочерью Всеволода Ярославича, слѣдовательно правнукою, а не внукою св. Владиміра. Повѣримъ даже, что она дѣйствительно обращалась къ папѣ съ жалобою на мужа и что піаченскій Соборъ, выслушавъ разсказъ объ ея несчастіяхъ, далъ ей въ награду за страданія отпущеніе всѣхъ грѣховъ. Все это очень естественно и правдоподобно. Угнѣтенная несчастіями и не имѣвшая при себѣ наставника прежней своей Вѣры-православной, русская княгиня могла

(¹) стр. 251.

(²) Истор. Карамз. т. 2 примѣч. 157.

дѣлать все, что указывали ей Латиняне, которыми она была окружена,—могла принять отъ латинскаго Собора разрѣшеніе грѣховъ, даже съ искреннею вѣрою въ его дѣйствительность. Но все это нисколько не касалось русскаго народа и не доказываетъ ничего въ пользу проповѣдуемаго авторомъ латинства русской Церкви. Но вотъ, что касается нашей церковной исторіи въ жизни Анны,—то, что *она, возвратившись на родину, будто-бы основала монастырь, была въ немъ игуменьею и воспитывала триста дѣвицъ.* Правда, отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что эта княжна, принявъ иночество (если бы даже это было несомнѣнно) дѣйствительно оставалась латинянкою и проповѣдывала другимъ латинство, потому что, принимая постриженіе въ Россіи, гдѣ, какъ мы видѣли, не было ни одной латинской церкви и тѣмъ болѣе ни одного латинскаго монастыря, она должна была бы принимать постриженіе по обряду восточной Церкви и, слѣдовательно, исповѣдывать при этомъ православную греко-восточную Вѣру, что требуется отъ каждаго постригающагося въ иночество. Но нѣтъ надобности останавливаться на этихъ соображеніяхъ. Необходимо еще напередъ увѣриться, дѣйствительно ли жена императора Генриха возвратилась въ Россію, приняла иночество и была игуменьею? Откуда г. Вердье взялъ все это событіе? Изъ германскихъ лѣтописцевъ. Но наши лѣтописцы не говорятъ объ немъ ни одного слова. Вѣрить на слово германскимъ лѣтописцамъ мы не имѣемъ никакого права; поэтому должны искать хоть какого-нибудь основанія для нихъ въ нашихъ отечественныхъ памятникахъ. Есть такое основаніе въ этихъ памятникахъ. Лѣтописцы наши дѣйствительно гово-

рять, что въ это время нѣсколько княженъ и княгинь были инокинями. Такъ Анна или Янка, дочь Всеволода, управляла основанною ею обителью въ 1086 году. Но она не могла быть женою Генриха, потому что Генрихъ женился на русской княжнѣ уже въ 1089 году и то на вдовѣ по смерти перваго ея мужа маркграфа штаденскаго ([1]). Евпраксія, тоже дочь Всеволода, приняла постриженіе въ 1106 году. Она дѣйствительно воспитывала триста дѣвицъ: ее-то и признаетъ г. Вердье женою Генриха. Не входимъ здѣсь въ споръ съ г. Вердье объ именахъ жены германскаго императора, которую германскіе лѣтописцы называютъ обыкновенно Агнессою или Адельгейдою, а не Евпраксіею. Но спрашиваемъ, дѣйствительно ли эта Анна или Агнеса или Адельгейда или наконецъ Евпраксія, бывшая игуменьею въ Россіи и воспитывавшая триста дѣвицъ, была именно жена Генриха? Наше рѣшеніе этого вопроса будетъ очень коротко и незамысловато. Нашъ лѣтописецъ, говоря объ этой игуменьѣ, воспитывавшей въ своемъ монастырѣ триста дѣвицъ, замѣчаетъ объ ней, что она приняла иночество, *будучи дѣвою* ([2]). Этимъ простымъ и безхитростнымъ объясненіемъ дѣла нашъ лѣтописецъ обращаетъ въ прахъ всѣ хитросплетенія и всѣ восторги г. Вердье и весь латинскій народъ, который авторъ усматриваетъ въ лицѣ трехъ сотъ дѣвицъ, воспитываемыхъ Евпраксіею *дѣвицею*, а не *женою* императора Генриха IV. Еще мы знаемъ нѣсколько княженъ-инокинь того времени, имен-

---

([1]) Карамз. т. 11 стр. 60 изд. Ейнерлинга.

([2]) Собр. лѣтопис. т. 1 стр. 88; слич. 158 примѣч. Истор. Карамз. т. 2.

но—Преславу дочь Святослава (ум. 1116 г.) и двѣ дочери Мономаха Евфимію (1138 г.) и Марію (ум. 1146 г.), но ни къ одной изъ нихъ не можетъ приладить и не прилаживаетъ г. Вердье своего разсказа о женѣ Генриха. И такъ, жены германскаго императора Генриха IV мы не можемъ видѣть ни въ одной инокинѣ княжескаго рода того времени, и что съ нею было послѣ развода съ Генрихомъ—не знаемъ; но думаемъ, что многочисленность княгинь-инокинь того времени и подала поводъ иностраннымъ писателямъ думать, что и она приняла монашество, а г. Вердье и приладилъ къ ней исторію Евпраксіи и окружилъ ее цѣлымъ латинскимъ народомъ. Какъ легко и скоро авторъ нашъ создаетъ изъ ничего цѣлое зданіе. Замѣчательная творческая способность!

X.

Во второй половинѣ XI вѣка схизма не была еще введена въ Россіи и не утвердилась даже въ самой Греціи. Католическое движеніе крестовыхъ походовъ скрѣпляетъ узы единства между Россіею и латинскою Европою (стр. 252—160).

Мы видѣли, какъ неосновательны были всѣ доказательства нашего автора, будто въ первой половинѣ XI столѣтія Церковь греческая и русская пребывали въ единеніи съ латинскою. Разборъ изслѣдованій его показалъ намъ напротивъ, что въ то время какъ въ греческой Церкви, такъ и въ русской, очень ясно и рѣшительно обозначилось раздѣленіе Церквей, которое, наконецъ, обнаружилось во всей силѣ, въ нача-

лѣ второй половины этого столѣтія, при константинопольскомъ патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ. Раздѣленіе это, сложившееся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и вслѣдствіе весьма важныхъ обстоятельствъ, не могло прекратиться само собою, напротивъ оно расло и созрѣвало болѣе и болѣе, потому что папы не оставляли ни одного изъ тѣхъ нововведеній, которыя были причинами раздѣленія Церквей. Понятно каждому, что такой ходъ событій весьма неблагопріятенъ для нашего автора, и если онъ прежде затруднялся найти доказательство для своей любимой мысли — единенія Церквей, то естественно предполагать, что теперь онъ еще болѣе встрѣтитъ трудностей на пути своихъ изслѣдованій. Но авторъ нашъ привыкъ уже преодолѣвать подобныя трудности. Онъ опускаетъ все, что неблагопріятно для него, собираетъ на пути своемъ самыя ничтожныя мелочи, которыя ничего не доказываютъ, усматриваетъ въ событіяхъ такія черты, которыхъ никто не подозрѣвалъ, и все это объединяетъ общими выспренними взглядами на событія, не обращая никакого вниманія на то, мирятся ли его взгляды съ несомнѣнными данными исторіи. Это поистинѣ трудъ іезуитскій! Вотъ основныя мысли его изслѣдованій въ настоящей статьѣ:

1. *Въ Россіи не введена была еще схизма въ послѣдней половинѣ XI столѣтія, т. е. Россія не была въ раздѣленіи съ латинскою Церковію въ это время!*

Доказательство этого авторъ усматриваетъ прежде всего въ томъ, что въ то время *долго управлялъ русскою Церковію митрополитъ Иларіонъ, который будто бы не могъ быть въ единеніи съ патріархомъ Михаиломъ Керулларіемъ.*

Здѣсь что ни слово, то ложь. Митрополитъ Иларіонъ управлялъ русскою Церковію не до 1068 или 1069 года, какъ утверждаетъ авторъ, а до 1055 т. е. всего четыре года; но и въ это короткое время своего правленія онъ не былъ въ раздорѣ съ Михаиломъ Керулларіемъ, потому что взялъ отъ него благословеніе, о чемъ мы уже говорили! По смерти Иларіона, съ 1055 года мы видимъ на митрополичьей русской каѳедрѣ четырехъ Грековъ: Ефрема (котораго авторъ вовсе не знаетъ), Георгія, Іоанна II и Іоанна III. Какимъ же образомъ русскіе князья могли допустить такое единеніе съ Греціею, если бы они враждебно смотрѣли на ея борьбу съ Римомъ? Они слишкомъ заняты были своими дѣлами, говоритъ авторъ (¹)?! Велика же была ихъ ревность къ латинству, если они такъ погрузились въ житейскія дѣла, что дали полную возможность Константинополю управлять русскою Церковію во вредъ папѣ! И кто же давалъ эту возможность? Изяславъ, мнимый другъ папы! Такъ равнодушны были къ латинству даже друзья папы! Но не были ли въ самомъ дѣлѣ русскіе князья того времени равнодушны къ дѣламъ Вѣры? Нѣтъ! Можно ихъ осуждать за неурядицы домашнія, но никакъ нельзя обвинять въ холодности къ Вѣрѣ. Всѣ они строго исполняли уставъ церковный, считали неприкосновеннымъ посла изъ духовенства и нерѣдко клали мечи по скромному слову кіевопечерскаго инока. Но если бы даже было справедливо, что среди смутъ князья не обращали никакого вниманія на дѣла церковныя,—не надобно забывать еще народа русскаго, который, какъ

(¹) Стр. 252.

теперь, такъ и тогда былъ строгимъ хранителемъ Вѣры и неспособенъ былъ терпѣть въ ней существенныхъ перемѣнъ. Что же мы видимъ, вооружался ли народъ противъ митрополитовъ Грековъ? По словамъ г. Вердье, онъ былъ недоволенъ митрополитами Греками, потому что, когда пріѣхалъ изъ Греціи митрополитъ Іоаннъ III, то народъ назвалъ его мертвецомъ и очень не любилъ его. Но тотъ же народъ называлъ предшественника Іоанна III митрополита Іоанна II, тоже Грека, добрымъ, блаженнымъ и такимъ митрополитомъ, какого прежде не было и послѣ не будетъ ([1]). Значитъ онъ нелюбилъ Іоанна III не за то, что онъ былъ Грекъ, а за что-нибудь другое. Дѣйствительно, лѣтописецъ указываетъ намъ совершенно другую причину этого нерасположенія. Онъ говоритъ, что митрополитъ Іоаннъ III не отличался ни умомъ, ни образованіемъ и былъ такъ страшенъ лицомъ, что при одномъ взглядѣ на него народъ воскликнулъ, что это мертвецъ ([2]),—онъ, какъ извѣстно, былъ скопцомъ. Вотъ причина нерасположенія народа къ Іоанну III, а не мнимая вражда его къ Грекамъ. Мы будемъ послѣ имѣть случай показать, какъ напротивъ велико было тогда единеніе русской Церкви съ греческою и какимъ могущественнымъ посредникомъ служилъ къ этому кіевопечерскій монастырь; теперь же обратимся къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ автора.

Доказавъ мнимое единеніе русской Церкви съ латинскою и мнимое нерасположеніе Русскихъ къ греческой Церкви, авторъ нашъ пользуется удобнымъ

([1]) Собр. русск. лѣтоп. т. 1, стр. 88—89.

([2]) Тамъ же.

случаемъ, чтобы укорить греческую Церковь. Именно, онъ жестоко нападаетъ на то, что греческая Церковь терпѣла и посылала иногда на русскую митрополичью каѳедру скопцовъ, и затѣмъ восхваляетъ свою Церковь-латинскую, которая будтобы преслѣдовала скопечество. Не защищаемъ этого злоупотребленія, которое дѣйствительно появлялось въ то время въ греческой Церкви и могло быть терпимо потому только, что было дѣломъ частныхъ лицъ, дѣломъ скрытнымъ и большею частію невольнымъ въ дѣтствѣ и юности, по неразумію изувѣрныхъ наставниковъ; но безъ укора ли въ этомъ римская Церковь? Не держалась ли она варварскаго обычая скопить пѣвчихъ, чтобы сохранить въ нихъ голосъ? И что хуже въ Церкви,—скопечество ли частныхъ лицъ скрытное и по невѣденію, или принужденное и открытое, по распоряженію папы? Не лучше ли было бы г. Вердье вовсе не говорить о сихъ мерзостяхъ и не подавать намъ такого настоятельнаго повода обличить его въ коварствѣ противъ греческой Церкви?

2. Но вотъ, передъ нами измѣняется картина! Обличивъ греческую Церковь, потому что къ этому представился случай, г. Вердье начинаетъ хвалить и защищать ее въ мнимомъ латинствѣ, потому что, по общему плану изслѣдованій, ему теперь нужно доказать, что и *греческая Церковь въ послѣдней половинѣ XI столѣтія еще не утвердилась въ схизмѣ*, т. е. раздѣленіи съ римскою Церковію ([1]).

Здѣсь мы, правда, не находимъ ни слова о томъ, чтобы тотъ или другой изъ преемниковъ патріарха

([1]) У автора стр. 254—257.

Михаила Керулларія доказалъ свое единеніе съ Римомъ. Въ этомъ отношеніи авторъ показалъ себя совершенно несостоятельнымъ и счелъ за лучшее вовсе не доказывать единеніе Церквей съ этой стороны. Онъ какъ бы такъ думалъ при этомъ: «каковы бы ни были тогда константинопольскіе патріархи, что бы ни думала тогда о папѣ и римской Церкви греческая іерархія, но единеніе Церквей тогда было», и вотъ какія доказательства на это представляетъ намъ г. Вердье! Папа Александръ II въ 1071 г. отправилъ къ греческому императору Михаилу Дукѣ апокрисіарія, слѣдовательно, какъ думаетъ Бароній, императоръ былъ въ единеніи съ римскою Церковію?! *Апокрисіарій* этотъ-*епископъ Петръ, человѣкъ святой и чудотворецъ, вылечилъ императора отъ тяжкой болѣзни, за что*, мимоходомъ говоритъ самъ авторъ, *онъ получилъ деньги*: слѣдовательно это опять доказываетъ единеніе Церквей??? Еще: *императоръ Никифоръ Вvоаніатъ былъ отлученъ папою за низверженіе съ престола Михаила Дуки и, когда низверженный въ свою очередь былъ впослѣдствіи снова возведенъ на престолъ, то получилъ отъ папы разрѣшеніе*,—новое доказательство единенія Церквей; *ибо*, замѣчаетъ г. Вердье, *какая была бы нелѣпость отлучать и разрѣшать императора, еслибы папа не имѣлъ власти надъ Греками!*? Избѣгая лишнихъ и слишкомъ ужъ оскорбительныхъ для автора мыслей, мы не рѣшаемся доказывать, сколько разъ подобная нелѣпость повторилась въ исторіи папъ, даже надъ самими папами, во время, напримѣръ, великаго раскола, и вообще на всѣ эти доказательства автора не будемъ отвѣчать ничего, потому что они рѣшительно не стоятъ никакого опровerженія; но читаемъ

далѣе. *Императоръ Алексій и его народъ торжественно восхваляли христіанскую любовь верховнаго первосвященника и народа католическаго къ защитѣ святой Церкви. На Соборѣ піаченцскомъ 1095 г. они просили помощи противъ Магометанъ, и папа Урбанъ II въ письмѣ къ императору Алексію говоритъ, какъ Алексій будетъ пріятенъ ему* (папѣ) *и всей христіанской республикѣ, если будетъ заботиться о крестоносцахъ.* Что можетъ быть повидимому убѣдительнѣе этого единенія христіанъ восточныхъ и западныхъ? Греки восхваляютъ Латинянъ, папа благоволитъ къ греческому императору и на всѣхъ христіанъ смотритъ, какъ на одну христіанскую республику, представляя, конечно, себя ея диктаторомъ. Но какъ все это было обманчиво и далеко отъ истиннаго единенія обѣихъ Церквей и обоихъ народовъ—восточнаго и западнаго! По словамъ самаго г. Вердье, *недовѣрчивый и хитрый Алексій не понялъ того языка, которымъ говорилъ къ нему папа; а греческая Церковь волею или неволею принимала участіе въ крестовыхъ походахъ.* Такъ говоритъ самъ г. Вердье. Но кто знаетъ исторію крестовыхъ походовъ, кто знаетъ, какъ приняли крестоносцевъ въ Константинополѣ и сколько ихъ погибло въ азійскихъ пустыняхъ отъ недовѣрчивости и ненависти Грековъ къ Латинянамъ; тотъ вѣроятно имѣетъ убѣжденіе, что единенія между этими народами не было и что греческая Церковь, дѣйствительно, только *неволею*, тяжкими бѣдствіями приведена была къ тому, что терпѣла наплывъ Латинянъ въ ея области. Какъ бы то впрочемъ ни было, но по всему видно, что авторъ нашъ, познакомившись немного съ исторіею крестовыхъ походовъ, сразу остался недоволенъ Греками и грече-

свою Церковію и очень неудачно прикрылъ это недовольство въ настоящей статьѣ.

Но за то 3) къ намъ Русскимъ онъ неизмѣнно расположенъ и указываетъ намъ наши доблести даже тамъ, гдѣ мы ихъ рѣшительно не подозрѣвали. Съ конца XI столѣтія, какъ извѣстно, вся Европа покрылась крестами, символами готовности идти на защиту гроба Господня. Мы Русскіе тогда несли, правда, тяжелый крестъ домашней неурядицы и готовили себѣ новый крестъ—татарское иго, но,—какъ до сихъ поръ убѣждены,—не были крестоносцами, подобно западной Европѣ. Но, вотъ г. Вердье доказываетъ намъ, что мы не знаемъ собственныхъ доблестей. Мы, по его словамъ, также *участвовали въ крестовыхъ походахъ и даже больше и лучше, чѣмъ Греки, потому что принимались за это святое дѣло свободно, не по своекорыстнымъ видамъ, какъ Греки* ([1]). Вотъ драгоцѣнное открытіе! Правда и нашъ исторіографъ высказалъ что-то похожее; но высказалъ очень осторожно и нерѣшительно,—вѣроятно, говоритъ онъ, нѣкоторые изъ храбрыхъ Русскихъ ходили искать опасностей и славы подъ знаменами крестоносцевъ ([2]). Но что за сравненіе словъ Карамзина съ словами г. Вердье! Нашъ авторъ открываетъ намъ цѣлые полки Русскихъ, *устремлявшихся на защиту гроба Господня*, и, что еще важнѣе, даетъ имъ значеніе, въ высшей степени религіозное: онъ *ставитъ ихъ подъ начальство духовныхъ лицъ*—двухъ игуменовъ, Варлаама и Даніила. Послушаемъ этой сказки. *Игуменъ Варлаамъ первый открылъ*

([1]) У автора 257—260.
([2]) Т. 2 стр. 86.

это святое шествіе (на защиту гроба Господня). *Около того же времени игуменъ Даніилъ съ большимъ числомъ Новгородцевъ идетъ въ только что завоеванный Іерусалимъ. Онъ, при встрѣчѣ съ народами католическими у гроба Господня, представлялъ собою въ нѣкоторомъ отношеніи Русь сѣверную точно также, какъ Варлаамъ южную Русь... И такъ, въ то самое время, какъ внутри Европы Русскіе сближались самымъ тѣснымъ образомъ съ латинскими народами посредствомъ брачныхъ союзовъ ихъ князей и дружественныхъ сношеній съ святою столицею, вовнѣ они принимали участіе въ общей войнѣ республики христіанской противъ иновѣрныхъ* (¹)! Вотъ въ существенныхъ чертахъ сказка г. Вердье о русскомъ крестовомъ ополченіи! Въ ней, какъ и во всякой сказкѣ, есть доля правды, но какъ мала эта доля! Правда, что игумены Варлаамъ и Даніилъ ходили въ Іерусалимъ. Но съ какою цѣлію? Единственно для того, чтобы увидѣть и поклониться гробу Господню. Г. Вердье отвергаетъ это объясненіе, но совершенно голословно и совершенно несправедливо. Игуменъ Даніилъ въ своемъ паломникѣ самъ объясняетъ причину и побужденія своего путешествія на Востокъ; онъ говоритъ прямо, что былъ нудимъ *видѣть* св. градъ Іерусалимъ и обѣтованную землю, и затѣмъ нигдѣ ни слова не говоритъ о томъ, будто бы онъ и сопровождавшіе его шли на защиту гроба Господня (²). Напротивъ вездѣ видно, что эти путешественники на Востокѣ сами нуждались въ защитѣ и помощи Латинянъ. Знаемъ мы далѣе, что впослѣдствіи путешествовать на Востокъ сдѣлалось страстію,

(¹) Стр. 239.

(²) Путешествія русскихъ людей по св. землѣ изд. Сахаровымъ.

которую осуждали русскіе святители. Но въ этомъ осужденіи мы не находимъ никакого намека, чтобы путешествія эти имѣли воинственный характеръ ([1]). Что же значили эти путешествія? Не что другое, повторяемъ, какъ выраженіе благочестиваго чувства, которому Русскіе удовлетворяли равно—и прежде крестовыхъ походовъ, и послѣ.

XI.

Первые русскіе святые, почитаемые русскими-уніятами и признанные святыми раньше схизмы. Блескъ католической цивилизаціи (въ Россіи). Совершенство христіанской жизни. Латинскіе святые XI и XII столѣтія, почитаемые Русскими (стр. 260—289).

Настоящую статью г. Вердье посвящаетъ изложенію жизни первыхъ русскихъ святыхъ (Бориса и Глѣба, преп. Антонія и Ѳеодосія и др.) и знаменитыхъ людей XI вѣка (Ярослава и др.). Читая эти біографическіе отрывки, мы постоянно задавали себѣ вопросы: что все это значитъ, къ чему авторъ осудилъ себя на этотъ трудъ, гдѣ тутъ доказательство латинства русской Церкви? Но вотъ, наконецъ, нашли мы разрѣшеніе нашихъ недоумѣній! *Всѣ первые святые русскіе были Латинянами, потому что признаны святыми литовскими уніятами съ утвержденія папъ* ([2])?! Отдаемъ полную справедливость увѣренности автора въ святости и непреложности дѣйствій

([1]) Отвѣты Нифонта на вопросы черноризца Кирика—въ рукописныхъ кормчихъ.

([2]) стр. 265—268.

папъ и уніятовъ, но кто изъ Русскихъ, для которыхъ авторъ пишетъ свое сочиненіе, можетъ имѣть эту увѣренность? Намъ дико и смѣшно подобное доказательство латинства нашихъ первыхъ святыхъ. Но мы увѣрены, что и самъ авторъ, при всемъ его благоговѣніи къ римской и даже уніятской Церкви, усумнился бы непремѣнно въ силѣ своего доказательства, если бы хорошо зналъ исторію уніи. Знаетъ ли авторъ то, что уніяты съ утвержденія папы долгое время читали символъ Вѣры, безъ прибавленія: и отъ Сына (¹); но слѣдуетъ ли отсюда, что папа признавалъ истиннымъ наше православное ученіе объ исхожденіи Св. Духа? Но къ чему доказательства отъ *подобнаго* (a simili)? Знаетъ ли авторъ, какое разсужденіе происходило между уніятами, когда имъ пришлось высказать предъ народомъ свое мнѣніе о томъ, признаютъ ли они святымъ или нѣтъ преподобнаго Ѳеодосія печерскаго? Вотъ какое: они знали очень хорошо, что преподобный Ѳеодосій обличилъ въ свое время Латинянъ; но не смотря на то признали его святымъ, разсуждая такъ: народъ благоговѣетъ къ преп. Ѳеодосію и вооружится противъ насъ, если мы не признаемъ его святымъ (²). Вотъ какимъ образомъ преп. Ѳеодосій признанъ уніятами святымъ! Г. Вердье какъ будто знаетъ эту домашнюю тайну уніятовъ, потому что приводитъ слова Огилевича, который доказывалъ, что преп. Ѳеодосій въ своихъ сочиненіяхъ поносилъ Латинянъ. Но мы никакъ не рѣшаемся утверждать навѣрное, что дѣйствительно авторъ обладаетъ этимъ

(¹) Историч. извѣстія объ уніи Бантышъ-Каменскаго, стр. 48.

(²) Разсужденіе это происходило на одной изъ конгрегацій уніятскихъ. Рукоп. провинціальнаго базиліанскаго ордена.

знаніемъ, потому что въ такомъ случаѣ мы должны бы назвать его самымъ злонамѣреннымъ и коварнымъ писателемъ. Мы уже говорили, что латинская Церковь, допустивъ существованіе литовской уніи, этимъ самымъ вынуждена была признать законнымъ многое изъ ученія и учрежденій православной Церкви, удержанныхъ уніятами, и что этимъ-то путемъ многіе русскіе святые перешли въ Acta Sanctorum— житія святыхъ латинской Церкви и признаны торжественно папою въ 1724 году, когда онъ утвердилъ опредѣленія замосцскаго уніятскаго Собора, происходившаго 1720 г. Здѣсь намъ остается только прибавить, что и эта честь не безъ затрудненія и колебанія воздана папою этимъ русскимъ святымъ. Въ Римѣ нѣсколько лѣтъ колебались утверждать опредѣленія замосцскаго уніятскаго Собора. Знаменитые люди русской Церкви, какъ напр. Ярославъ великій, доказываютъ у автора то, *что въ Россіи процвѣтала тогда высокая цивилизація европейская латинская*. Г. Вердье не показываетъ намъ однако ничего латинскаго въ этой цивилизаціи ([1]). Но мы не можемъ здѣсь удовольствоваться этимъ невольнымъ признаніемъ автора въ его несостоятельности. Мало сказать, что въ тогдашней русской цивилизаціи не было ничего латинскаго. Тогдашняя цивилизація или, яснѣе говоря, просвѣщеніе Россіи запечатлѣно яснымъ и совершенно чуждымъ латинства характеромъ,—характеромъ греческимъ. Съ самаго крещенія Россіи при Владимірѣ характеръ этотъ напечатлѣвался на лучшихъ проявленіяхъ ума и благочестиваго чувства Русскихъ, но съ особенною ясностію и наглядностію онъ обозначился съ половины XI сто-

([1]) стр. 268—269.

лѣтія, съ основанія кіевопечерскаго монастыря. Въ этомъ монастырѣ воплотилась иноческая греческая жизнь, служившая тогда убѣжищемъ и для науки. Эта обитель, и по основанію своему и по уставу, была чисто греческимъ учрежденіемъ, а изъ ней-то и вышли лучшіе люди того времени, которые разсѣялись въ качествѣ проповѣдниковъ Христіанства язычникамъ, основателей монастырей и въ санѣ епископовъ, распространяя то ученіе, которому научились въ святой обители. А каково было это ученіе, это со всею ясностію открывается изъ сочиненій преп. Θеодосія и преп. Нестора. Сочинитель не вѣритъ, чтобы преп. Θеодосій поносилъ Латинянъ. Но мы просимъ его познакомиться съ многочисленными списками посланія Θеодосія къ тому самому Изяславу, который, по словамъ автора, былъ покорнымъ сыномъ папы. Въ этомъ посланіи, въ подлинности котораго теперь никто у насъ не сомнѣвается, перечислены разныя заблужденія Латинянъ и высказана ясно мысль, что въ латинской вѣрѣ нельзя спастись и что не слѣдуетъ имѣть общеніе съ Латинянами въ дѣлахъ касающихся Вѣры (¹). Такъ училъ преп. Θеодосій, а онъ былъ такимъ лицемъ, предъ которымъ благоговѣла вся Россія! Ученіе о латинской Церкви преп. Θеодосія отразилось въ всей полнотѣ въ лѣтописи преп. Нестора. Прочитайте одинъ разсказъ его о томъ, что внушено было велик. князю Владиміру о Латинянахъ при крещеніи его въ Корсуни (²); а лѣтопись Нестора читала и списывала тоже вся Россія! Нужно ли еще послѣ этого доказывать, что

(¹) Исторія русской Церкви еп. Макарія т. II стр. 102—105.

(²) Полное собраніе лѣтопис. т. 1 стр: 49—50.

мнѣніе г. Вердье о латинствѣ нашихъ святыхъ и знаменитыхъ людей XI-го вѣка есть грубѣйшая ложь?

Важнѣйшую часть изслѣдованій автора въ настоящей статьѣ, или лучше сказать, единственную часть, относящуюся къ дѣлу, составляютъ его доказательства, что русская Церковь почитала у себя латинскихъ святыхъ. Кто же эти святые?

1) *Олафъ король норвежскій* (¹). Карамзинъ въ своей исторіи называетъ этого Олафа, въ отличіе отъ Олафа современника св. Владиміра, святымъ. Г. Вердье на этомъ основаніи и подумалъ, что въ Россіи признаютъ Олафа святымъ,—жалкое заблужденіе! Просимъ г. Вердье читать болѣе понятную для него изъ нашихъ книгъ—наши святцы и по нимъ судить о томъ, какихъ мы почитаемъ святыхъ, а не по сочиненію Карамзина (²).

2) *Святый Антоній Римлянинъ* (³). *Одно имя этого святаго,* говоритъ г. Вердье, *служитъ доказательствомъ въ нашу пользу,* т. е. что русская Церковь того времени была въ единеніи съ латинскою,—и онъ такъ убѣжденъ въ силѣ этого доказательства, что не представляетъ *возможнымъ какое-нибудь возраженіе противъ него.* Намъ не нужно придумывать и долго искать такого возраженія. Оно готово и находится въ самомъ жизнеописаніи преп. Антонія, жизнеописаніи, которое составлено со словъ самаго Антонія его ученикомъ. Въ этомъ жизнеописаніи говорится, что преп. Антоній дѣйствительно былъ родомъ Римлянинъ, но отъ *благо-*

(¹) Стр. 283—287.

(²) Если же авторъ недовѣряетъ настоящимъ нашимъ святцамъ, то пусть читаетъ древнѣйшіе списки, напечатанные въ Исторіи еп. Макарія, т. III, 279—292.

(³) Стр. 287—289.

честивыхъ, т. е. православныхъ родителей, которые немало терпѣли отъ Латинянъ и сами чуждались ихъ, потому что въ то время папа отступилъ отъ истины Вѣры ([1]). Сомнѣваться въ подлинности списковъ этого житія нѣтъ никакого основанія; а что дѣйствительно въ Римѣ могло тогда жить семейство греческаго вѣроисповѣданія и оставаться православнымъ, не смотря на отдѣленіе Рима отъ восточной Церкви, это выше всякаго сомнѣнія. Указанное нами мѣсто житія преп. Антонія по тому больше всего и нужно признать достовѣрнымъ, что оно самымъ естественнымъ образомъ объясняетъ причину удаленія преп. Антонія изъ Рима: тамъ его гнали, ему тяжело было видѣть борьбу Латинянъ съ Греками; потому-то, вѣрнѣе всего, онъ и былъ укрытъ отъ этой борьбы—въ православной Россіи. Въ заключеніе намъ остается только рѣшить слѣдующій вопросъ: какое мнѣніе о вѣрѣ преп. Антонія вѣрнѣе—то ли, которое основывается на *одномъ его имени*—мнѣніе г. Вердье, или наше мнѣніе, основанное на сказаніи о житіи этого святаго, почти современномъ ему? Но рѣшить этотъ вопросъ мы просимъ уже нашихъ читателей.

XII.

Перенесеніе мощей св. Николая. Соборъ въ Баръ. Единеніе Русскихъ съ Латинянами, выразившееся въ праздновaніи этого перенесенія. Вмѣстѣ съ этимъ праздникомъ, они (Русскіе) допускали догматъ католическій объ исхожденіи Св. Духа (стр. 260—301).

Вѣнецъ сочиненія г. Вердье о латинствѣ русской

([1]) Исторія еп. Макарія т. II стр. 72—73 и примѣчанія къ нимъ.

Церкви составляютъ его изслѣдованія о праздникѣ перенесенія мощей святителя Николая. Здѣсь авторъ находитъ все, къ чему до сихъ поръ шелъ такимъ длиннымъ путемъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ одиннадцати главахъ, — находитъ онъ здѣсь и единеніе Русскихъ съ Латинянами; и подчиненіе русской Церкви велѣніямъ папы, и,—что всего удивительнѣе,—принятіе Русскими того времени латинскаго догмата объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Не даромъ такой богатый предметъ положенъ авторомъ, такъ сказать, послѣднимъ камнемъ въ его художественномъ зданіи. Представимъ сперва основную нить соображеній автора и потомъ уже посмотримъ, какъ крѣпка она.

Не разъ желалъ Константинополь, говоритъ авторъ (¹), *обладать мощами св. Николая, но чудотворцу неугодно было это желаніе, и каждый разъ попытка перенести его мощи изъ Миръ-Ликійскихъ въ Константинополь оказывалась безполезною. Промыслъ благоволилъ, чтобы это сокровище перешло къ Латинянамъ. Они безъ всякаго затрудненія взяли мощи святаго и перевезли въ городъ Баръ на берегу адріатическаго моря. Святитель Николай немедленно показалъ самымъ очевиднымъ образомъ, что ему угодно это мѣсто: мощи стали источать безчисленныя чудеса. Тогдашній папа почтилъ святые останки путешествіемъ къ нимъ, перенесеніемъ ихъ въ новоустроенную церковь, и созвалъ Соборъ, на которомъ опредѣлилъ праздновать всегда перенесеніе этихъ мощей, и на ближайшемъ за тѣмъ Соборѣ, тоже въ Барѣ, утвердилъ догматъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Русскіе, покорные велѣніямъ папы, немедленно при-*

(¹) Стр. 290—301.

вели въ исполненіе его распоряженіе,—ввели у себя установленный имъ праздникъ и въ тоже время приняли и другое опредѣленіе папы на Соборѣ въ Барѣ—признали латинскій догматъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Вотъ сущность настоящей статьи автора.

Что сказать объ этомъ повѣствованіи г. Вердье? Вѣрны въ немъ всѣ главныя части событія, но ложь вездѣ, гдѣ только авторъ связываетъ одну часть событія съ другою и гдѣ только онъ объединяетъ ихъ однимъ общимъ взглядомъ. Иначе говоря, онъ взялъ изъ древнихъ источниковъ вѣрные факты и составилъ изъ нихъ самый лживый разсказъ. Вѣрно, что Константинополь желалъ обладать мощами свят. Николая и что Ликіяне никакъ не соглашались разстаться съ своимъ драгоцѣннымъ сокровищемъ. Вѣрно далѣе то, что Баряне безпрепятственно взяли и перевезли въ свой городъ св. мощи, что папа почтилъ ихъ торжествомъ—установленіемъ праздника въ честь перенесенія ихъ и на ближайшемъ Соборѣ утвердилъ догматъ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Вѣрно наконецъ и то, что русская Церковь установила этотъ праздникъ у себя помимо константинопольской Церкви. Но за тѣмъ все остальное въ разсказѣ автора, всѣ его объясненія событія—чистѣйшая ложь.

Совершенная ложь то, будто самому Святителю неугодно было, чтобы его мощи пребывали въ Константинополѣ, что онъ сопротивлялся этому. Гдѣ авторъ прочиталъ это? Онъ нигдѣ не прочиталъ этого, и былъ даже на столько добросовѣстнымъ, что не высказалъ этой мысли рѣшительно, а только какъ предположеніе, и предположеніе не о томъ, чтобы Святитель противился перенесенію цѣлыхъ мощей его въ Константино-

поль, а только *раздробленію ихъ*. (Le saint parut toujours s'opposer à ce que l'on détachât la moindre parcelle de son corps). Не противодѣйствіе самаго святителя (что можно было бы усмотрѣть развѣ только изъ какого-либо чуда) мы видимъ въ этомъ, а противодѣйствіе Ликійцевъ, которые на столько благоговѣли къ своему отечественному святому, что никакъ не соглашались не только на перенесеніе мощей куда бы то ни было, но даже на отдѣленіе малѣйшей ихъ части. Но какъ же Ликійцы согласились уступить это сокровище Барянамъ? Согласились поневолѣ и во имя того же самаго благоговѣнія къ святителю, по которому прежде никакъ не соглашались уступить его останки кому бы то ни было. Область ихъ была наводнена Турками, взята была уже и часть города. Не было надежды спасти себя, — и вотъ Ликійцы дозволили Барянамъ спасти отъ поруганія ихъ святыню. Впрочемъ изъ Слова на праздникъ перенесенія мощей св. Николая, Слова, о которомъ скажемъ послѣ, видно, что мощи святителя взяты были почти тайно. Жители города разсѣялись отъ Турокъ и Баряне съ трудомъ могли найти мощи святителя (1). Но не явно ли однако уже отсюда, что самому свят. Николаю угодно было это перенесеніе его мощей? Дѣйствительно такъ; мы даже знаемъ, что перенесеніе въ Баръ произошло по внушенію самаго угодника Божія: онъ явился во снѣ одному благочестивому священнику въ Барѣ и внушилъ, чтобы Баряне перенесли къ себѣ его мощи (2). Г. Вердье не знаетъ этого, впрочемъ изъ самаго хода событія за-

(1) Истор. еп. Макарія т. II стр. 192.
(2) Тамже.

ключаетъ, что въ перенесеніи мощей выразилось явное благоволеніе Промысла къ Латинянамъ. Повидимому это одно и тоже, что и мы сказали; но на самомъ дѣлѣ, какое произвольное толкованіе событія въ этихъ словахъ нашего автора! Въ перенесеніи мощей свят. Николая дѣйствительно выразилось благоволеніе Промысла Божія и въ частности самаго святителя, но къ жителямъ Бара, а не къ Латинянамъ. Жители Бара тогда были главнымъ образомъ Греки, какъ сознается самъ г. Вердье (1), и имъ-то (2) внушено было перенести мощи къ себѣ, какъ бы во избѣжаніе того, чтобы ихъ не взяли истые Латиняне, потому что въ тоже самое время и Венеціяне намѣревались отправиться за ними въ Мvры-Ликійскія, какъ тоже допускаетъ это г. Вердье (3). Но если Латиняне желали имѣть у себя мощи свят. Николая, то не могли же они оставаться равнодушными къ нимъ, когда эти мощи были въ ихъ области и источали чудеса. Не могъ не воздать подобающей чести великому святителю греческому и самъ папа, при всемъ его нерасположеніи къ Грекамъ. Баръ находился тогда во власти Латинянъ, потому-то мы и видимъ, что они-то главнымъ образомъ и распоряжаются въ настоящемъ случаѣ, — созидаютъ храмъ, торжествуютъ, установляютъ на Соборѣ праздникъ и

(1) Стр. 292.

(2) Въ Словѣ на перенесеніе мощей, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить, какъ бы нарочно сказано, что свят. Николай явился во снѣ правовѣрному священнику. Проповѣдникъ этотъ, по всей вѣроятности, хотѣлъ выразить, что явленіе было священнику греческаго вѣроисповѣданія (ὀρθόδοξος), а не латинскаго, точно также, какъ въ житіи Антонія Римлянина этотъ святой и его родители названы правовѣрными именно въ отличіе отъ Латинянъ.

(3) Тамже стр. 1.

утверждають неправый догмать. Такъ, мы видимъ, что и въ этомъ случаѣ папа самовластвуетъ, но однако угодникъ Божій терпить это самовластіе и изливаетъ потоки небесныхъ милостей! Что же, мы должны недоумѣвать при этомъ?... Кто назначитъ границы милосердію Божію, изливающемуся на людей среди нечестія и развращенія людскаго. Терпятъ же верховные Апостолы Петръ и Павелъ сидѣніе папы чуть ли не на мощахъ ихъ во время Богослуженія въ храмѣ св. Петра и Павла? Но предоставимъ это суду Божію: скажемъ здѣсь только, что авторъ нашъ, усматривая въ перенесеніи мощей святителя Николая несомнѣнное доказательство благоволенія Промысла къ Латинянамъ и неблаговоленія къ Грекамъ, слишкомъ святотатственно вторгается въ область этого суда Божія. Но всѣ искаженія этого событія, которыя мы до сихъ поръ видѣли у автора, составляютъ только преддверіе къ его главной, основной лжи, именно къ той лжи, будто *русская Церковь по повелѣнію папы установила у себя праздникъ перенесенія мощей свят. Николая.*

Авторъ нашъ разсказываетъ, что *на соборѣ въ Барѣ 1089 г. присутствовалъ русскій епископъ и что въ 1091 г. приходилъ въ Россію папскій посолъ*: *эти-то лица*, будто бы, и *передали въ Россію повелѣніе папы— установить въ Россіи этотъ праздникъ,—и Россія повиновалась* ([1]). Сознаемся откровенно, что въ нашихъ отечественныхъ памятникахъ нѣтъ ни одного свидѣтельства, которое бы прямо объясняло время и причину установленія праздника перенесенія мощей. Но мы имѣемъ совершенно достаточныя данныя для того,

(1) Стр. 294—298.

чтобы отвергать хитросплетенія г. Вердье. Въ 1088—1091 г. дѣйствительно происходили сношенія между нашимъ митрополитомъ Іоанномъ II и папою или лучше антипапою Климентомъ III. Климентъ для болѣе успѣшнаго противодѣйствія своимъ противникамъ Гильдебранду и потомъ Урбану II, старался сблизиться съ восточною Церковію и для этой цѣли писалъ между прочимъ посланіе и къ нашему митрополиту Іоанну II-му [1]. Посолъ папскій уѣхалъ въ Россію въ то именно время, когда перенесены были мощи свят. Николая, и очень вѣроятно, что онъ разсказывалъ здѣсь объ этомъ перенесеніи святыни и о многочисленныхъ чудесахъ совершавшихся въ Барѣ. Потому-то вѣроятно лѣтописцы и записали подъ этими годами 1087—1089 извѣстіе о перенесеніи мощей, но ничего не сказали объ установленіи у насъ праздника [2]. Митрополитъ Іоаннъ вскорѣ, т. е. не позже 1089 г. отправилъ къ папѣ отъ себя отвѣтное посланіе, въ которомъ умоляетъ его оставить заблужденія римской Церкви [3]. Очень вѣроятно, что съ этимъ посланіемъ вмѣстѣ съ папскимъ легатомъ или послѣ него отправленъ былъ къ папѣ изъ Россіи повѣренный отъ митрополита. Посолъ этотъ очевидно былъ на Западѣ вскорѣ послѣ Собора въ Барѣ 1089 г., когда установленъ праздникъ перенесенія мощей. Но что же, не былъ ли дѣйствительно нашъ посолъ на этомъ Соборѣ и не принялъ ли въ самомъ дѣлѣ повелѣнія отъ папы — праздновать этотъ праздникъ въ Россіи? Никакъ не могъ быть допущенъ онъ на Соборъ въ Барѣ, даже еслибы самъ желалъ этого, по тому уже самому, что посланъ былъ

(1) Истор. еп. Макарія т. II стр. 257—258.

(2) Ник. лѣтопись т. 1 стр. 191.

(3) Истор. еп. Макарія т. II стр. 144—148

изъ Россіи къ антипапѣ Урбана II, предсѣдателя собора 1089 г. Но это не мѣшало однако послу русскому получить новыя свѣдѣнія о чудесахъ свят. Николая и разсказать объ этомъ, когда онъ возвратился въ Россію въ 1091 г., какъ объ этомъ ясно говоритъ наша лѣтопись ([1]). При этомъ онъ, конечно, могъ также передать и то, что въ Барѣ установленъ уже праздникъ въ честь перенесенія мощей. Какъ бы то впрочемъ ни было, несомнѣнно то, что въ Россіи очень обстоятельно знали чудеса совершаемыя въ Барѣ свят. Николаемъ, вѣрили, что мысль перенести эти мощи внушена самимъ свят. Николаемъ и всего больше радовались, что останки великаго чудотворца избавлены отъ поруганія невѣрныхъ ([2]). Но дѣйствительно ли эти одни обстоятельства побудили Русскихъ установить и у себя такой же праздникъ, или кромѣ того они имѣли еще къ этому особенный поводъ? Есть указаніе на то, что былъ къ этому особенный случай: въ это время въ самой Россіи совершались чудеса у иконы свят. Николая ([3]). А что именно чудеса угодника Божія и радость объ избавленіи его отъ поруганія побудили Русскихъ установить этотъ праздникъ, а не распоряженіе папы, это со всею ясностію открывается изъ Слова на этотъ праздникъ,— Слова, почти современнаго самому установленію праздника. Въ этомъ Словѣ все вниманіе проповѣдника сосредоточено на избавленіи мощей отъ поруганія Ту-

([1]) Г. Вердье вслѣдъ за Карамзинымъ далъ совершенно превратное толкованіе этому мѣсту лѣтописи. Здѣсь сказано: того же лѣта (1091) пріиде Грекъ *митрополичь* отъ папы... (Ник. лѣтопись т. 1 стр. 92). Карамзинъ и г. Вердье поняли такъ, что тогда приходилъ посолъ отъ папы?!

([2]) Обо всемъ этомъ говорится въ Словѣ на праздникъ перенесенія мощей.

([3]) Истор. еп. Макарія т. II стр. 339 прим. 389.

рокъ и на чудесахъ свят. Николая, но нѣтъ ни слова, ни намека на установленіе праздника по распоряженію папы. Возможно ли предположить, чтобы современный проповѣдникъ не сказалъ объ этомъ распоряженіи, еслибы оно дѣйствительно было получено въ Россіи и приведено въ исполненіе? Но нѣтъ нужды дѣлать такого предположенія. Не могла тогда Россія слушаться папы, потому что, и около этого времени и вскорѣ послѣ установленія праздника, она обличала Латинянъ въ отступленіи отъ истины. Современникъ перенесенія мощей митрополитъ Іоаннъ II и ближайшій преемникъ его, митрополитъ Никифоръ, оставили намъ въ своихъ сочиненіяхъ неопровержимыя доказательства этой истины (¹). Повторяемъ опять, что причиною установленія праздника перенесенія мощей свят. Николая было благоговѣніе Русскихъ къ этому святому, — благоговѣніе, которое побуждало ихъ радоваться тому, что святые останки избавлены отъ поруганія невѣрныхъ и почиваютъ теперь мирно въ странѣ христіанской, а слухъ о томъ, что это перенесеніе произошло по внушенію самаго свят. Николая, о чемъ ясно говорится въ указанномъ нами Словѣ, что въ этомъ новомъ мѣстѣ святитель источаетъ чудеса, и появленіе этихъ чудесъ въ тоже время въ самой Россіи, побудили Русскихъ воздать и съ своей стороны не меньшую честь чудотворцу и установить праздникъ въ память перенесенія мощей. Въ этомъ отношеніи Русскіе находились совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ Греки. Греки съ перенесеніемъ мощей святителя Николая въ Баръ, лишились дорогой святыни и, жалѣя объ этомъ по благоговѣнію къ св. угоднику, не могли, судя по-человѣчески, ра-

(¹) Тамже стр. 144—148 и 148—161.

доваться этому событію столько, сколько Русскіе, которые видѣли въ немъ одно благо, а не наказаніе себѣ или оскорбленіе своихъ патріотическихъ чувствъ, что Грекамъ, какъ людямъ (повторяемъ), очень естественно было представлять. Такимъ образомъ можно сказать, что Русскіе установили этотъ праздникъ по примѣру Латинянъ или лучше по благочестивому соревнованію съ ними, если только знали объ установленіи у нихъ этого праздника; но никакъ не по повелѣнію папы: повелѣнія этого мы нигдѣ не видимъ даже и не можемъ признать его возможнымъ. Тѣмъ болѣе считаетъ невозможнымъ, чтобы Русскіе приняли при этомъ латинскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа. Самъ авторъ путается и проговаривается, утверждая это. Онъ самъ говоритъ, что латинскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа *утвержденъ не въ то время, когда установленъ былъ праздникъ перенесенія мощей, т. е. не въ 1089 а въ 1097 г.* ([1]); но въ это время праздникъ у насъ уже былъ установленъ и мы не имѣли теперь никакихъ сношеній съ Римомъ: тогда у насъ вовсе не знали объ утвержденіи этого догмата. Какъ бы преклоняясь невольно предъ силою этихъ фактовъ, г. Вердье самъ проговаривается, что Русскіе, установляя праздникъ перенесенія мощей, въ тоже время *прикровенно* (implicite) *приняли и латинскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа* ([2]). Не клевета ли это на Русскихъ, и притомъ самая злостная и коварная?

Какое же сдѣлать общее сужденіе о цѣломъ трудѣ г. Вердье? Мы сейчасъ высказали это сужденіе послѣдними строками предыдущей статьи, которыя дѣйствительно съ совершенною справедливостію можно прило-

([1]) Стр. 293.

([2]) Тамъ же.

жить ко всему труду нашего автора. Но не желая ни въ чемъ и нигдѣ оскорблять его безъ настоятельной необходимости къ этому, мы оставляемъ указанное сужденіе наше тамъ, гдѣ оно высказано, а на весь трудъ г. Вердье взглянемъ съ другой стороны. Какое заключеніе долженъ былъ вывести изъ него самъ авторъ, если онъ писалъ по убѣжденію или изъ желанія искусно ввести въ обманъ православныхъ читателей его статьи? Ближайшее и самое естественное заключеніе слѣдовало бы автору вывести то, какое самъ онъ въ началѣ статьи обѣщалъ доказать, именно, что *Россія была католическою* (въ смыслѣ латинскомъ), *явно католическою во всѣхъ своихъ основахъ* (sic), *какъ религіозныхъ, такъ и національныхъ, по крайней мѣрѣ до временъ крестовыхъ походовъ* (La Russie a été catholique, constamment catholique dans toutes ses origines, soit religieuses, soit nationales au moins jusqu'au temps des croisades!? страница 134-первая въ статьѣ г. Вердье). Вотъ что взялся доказать нашъ авторъ! Само собою разумѣется послѣ этого, что заключительная мысль его должна была быть таже самая, ничуть не слабѣе, въ противномъ случаѣ каждый читатель имѣлъ бы право назвать автора такимъ писателемъ, который даромъ отнимаетъ время и у себя (что впрочемъ у него можетъ быть неважно) и, главное, у своихъ читателей. Въ нашемъ разборѣ сочиненія г. Вердье мы видѣли, что ни одно изъ его общихъ положеній и частныхъ изслѣдованій не доказываетъ этой его задачи, видѣли даже, что по мѣстамъ авторъ самъ ослаблялъ ее: но понятно, что все это могло бы не имѣть вліянія на общее заключеніе автора, еслибы онъ былъ твердо убѣжденъ въ основной своей мысли; а между тѣмъ что же мы видимъ? Передъ нами общее заключеніе

статьи автора подъ особымъ заглавіемъ: «*заключеніе*» (conclusion), въ которомъ уступка за уступкою, оговорка за оговоркою! Вотъ, повторяемъ, задача автора: *La Russie a été catholique, constamment catholique, dans toutes ses origines, soit religieuses, soit nationales au moins jusqu'au temps des croisades*,—а вотъ первая и основная мысль заключенія автора: *Россія, лежащая между Востокомъ и Западомъ была съ самаго начала въ племенныхъ сношеніяхъ съ Латинянами и въ сосѣдствѣ съ Греками* (что за странное сопоставленіе искусно подобранныхъ словъ: въ племенныхъ сношеніяхъ *en rapport de race*—съ Латинянами и по сосѣдству *de voisinage*—съ Греками?!). *Въ томъ, что касается ея религіозной судьбы, имѣло перевѣсъ послѣднее вліяніе* (т. е. греческое) *и иначе не могло быть въ эпоху, когда скандинавскіе и германскіе народы, связанные узами крови съ Варягами, были только что пріобщены Христіанству, которое на Востокѣ сіяло тогда уже во всемъ своемъ блескѣ. Россія іерархически заняла мѣсто въ Церкви греческой: чрезъ это въ ней должны были отражаться* (elle fut exposée à subir le contre-coup) *всѣ разногласія* (конечно съ римскою Церковію), *которыя волновали эту Церковь, и она увлечена была къ тому великому уклоненію, которое приготовилъ Фотій,* т. е. къ раздѣленію съ римскою Церковію (стр. 301—302). Въ этомъ взглядѣ, не лишенномъ, конечно, обстановки Латинянина, нельзя не видѣть той основной и совершенно вѣрной мысли, что русская Церковь отъ начала своего вступила въ тѣснѣйшее единеніе съ Церковію греческою,—въ такое единеніе, которое, выражаясь словами автора, рѣшало всю послѣдующую судьбу этой Церкви и отражало въ ней все, что происходило важнаго въ Церкви греческой.—Какой же послѣ этого могло имѣть до-

ступъ къ русской Церкви латинство, если бы даже не было раздѣленія между греческою и римскою Церквами до XII го вѣка, какъ думаетъ авторъ? А если такъ, то что такое весь вопросъ о латинствѣ русской Церкви до XII вѣка? Намъ невольно приходитъ при этомъ на мысль одинъ случай изъ западно-русской полемики по дѣлу уніи. Одинъ поборникъ единенія Церквей, не менѣе ревностный къ этому дѣлу, какъ и г. Вердье, доказывалъ (въ 1630 г.), что и патріархъ Іеремія II (современникъ началу литовской уніи) тоже былъ въ единеніи съ папою. На какомъ же основаніи?—На томъ, что онъ называлъ св. Апостола Петра верховнымъ Апостоломъ?! На такое доказательство одинъ православный писатель (составитель Supplementum Sinopsis стр. 22), отвѣтилъ этому поборнику единенія Церквей извѣстною насмѣшкою надъ схоластикою: baculum in angulo stat: ergo coelum ruet. Мы никакъ не желали бы ставить г. Вердье въ положеніе этого поборника единенія Церквей; но кажется, это неизбѣжно. Къ этому особенно побуждаетъ насъ слѣдующая затѣмъ мысль автора: *удивительное дѣло*,—восклицаетъ г. Вердье! *въ то самое время, какъ Греки начинаютъ расторгать узы единства* (съ папою), *Русскіе стараются освободиться отъ ихъ преобладанія* (suprématie),—*и мы видимъ, что когда Керулларій поднялъ знамя возстанія* (противъ папы), *Русскіе болѣе, чѣмъ когда-либо, обращаются къ Латинянамъ, умножаютъ сношенія съ ними и нѣкоторымъ образомъ протестуютъ противъ схизмы,—протестуютъ всѣмъ тѣмъ, что получили отъ Латинянъ, и всѣмъ тѣмъ, что имъ сами давали* (т. е. брачными союзами и сношеніями политическими стр. 302—303). Поистинѣ: coelum ruet, quoniam baculum in angulo stat! Избраніе для Россіи митрополита изъ Рус-

скихъ было за нѣсколько лѣтъ (1051 г.) до того времени, когда патріархъ Михаилъ Керулларій началъ обличать папу (1054 г.),—и удивительная вещь: въ то самое время, когда у насъ повидимому ослабѣло единеніе съ Греціею,—въ то самое время (1051 — 1054) основывается въ Россіи кіевопечерская обитель, основывается по благословенію и образцу Греціи, вступаетъ съ Константинополемъ въ самое тѣсное единеніе и имѣетъ съ нимъ почти ежедневныя сношенія ([1]), а русскіе князья въ то самое время, когда изъ Рима въ Константинополь и обратно перелетаютъ анаѳемы, принимаютъ къ себѣ митрополитовъ Грековъ, заключаютъ брачные союзы съ греческимъ дворомъ, даже русскія княжны ѣздятъ туда ([2]) и, что еще удивительнѣе, къ тому времени, когда, по сознанію автора, созрѣло уже раздѣленіе Церквей и когда вмѣстѣ съ тѣмъ должны были, по его мысли, также созрѣть въ Русскихъ нелюбовь къ Грекамъ и любовь къ Латинянамъ, въ Россіи давно уже проповѣдуется обязанность не имѣть общенія съ Латинянами ([3]), и русскіе князья тѣмъ или другимъ путемъ убѣждаются въ этомъ и предпочитаютъ заключать брачные союзы съ ближайшими своими сосѣдями—язычниками Литовцами ([4]) и, что еще болѣе удивительно, въ началѣ XIII столѣтія они разрушаютъ въ Кіевѣ латинскій монастырь, основанный здѣсь по неотступной просьбѣ Латинянъ, и съ увѣреніемъ, потомъ нарушеннымъ—не распространять отсюда латинства,—и изгоняютъ

([1]) Истор. рус. Церк. еп. Макарія т. 2. стр. 32. 43.

([2]) Истор. Карамз. т. 2. стр. 53, 60, 85 по изданію Эйнерлинга.

([3]) Послан. преп. Ѳеодосія къ Изяславу.

([4]) Православіе и русская народность въ Литвѣ. Христ. Чт. 1851 г. мѣсяцъ Май стр. 3—70.

латинскихъ проповѣдниковъ ([1]). Послѣ всего этого сказать, что всѣ сужденія автора не болѣе, какъ современное западно — европейское распространеніе схоластическаго силлогизма: baculum in angulo stat: ergo coelum ruet, — сказать это слишкомъ мало, и мы не затруднились бы выбрать изъ той-же западно-русской полемики объ уніи выраженія болѣе приличныя для г. Вердье, но удерживаемся отъ этого, потому что встрѣчаемъ у него въ концѣ заключенія такія слова, рядомъ съ которыми не должны стоять никакія рѣзкія выраженія человѣческаго негодованія,—встрѣчаемъ слова св. Писанія, которыхъ не можемъ не выписать. Призвавъ Русскихъ изучать свое историческое начало и гадая подобно Гагарину о невѣроятномъ будущемъ, когда они сдѣлаются Латинянами, авторъ нашъ такъ заключаетъ весь свой многотрудный и неблагодарный трудъ: *неужели имъ* (Русскимъ) *не придется когда-нибудь сказать объ ней* (латинской Церкви) *слѣдующія слова священнаго Писанія*, *обращенныя къ премудрости*: *пріидоша* (же) *мнѣ благая вся вкупѣ съ нею и безчисленно богатство рукама ея... не вѣдѣхъ же ю родительницу быти сихъ* ([2]). Мы не станемъ убѣждать автора въ томъ, что эти слова св. Писанія нужно въ настоящемъ случаѣ прилагать не къ латинской, а къ греческой Церкви и что такъ объяснитъ ихъ всякій вѣрный сынъ Церкви русской; но мы желали бы знать, можетъ-ли авторъ прибавить къ выписаннымъ словамъ св. Писанія слѣдующій затѣмъ стихъ оттуда же, относя его уже къ греческой Церкви: *нелестнѣ научихся, безъ зависти преподаю и богатства ея не сокрываю* ([3]).

([1]) Dlugosz. т. 1, стр. 149.

([2]) Прем. Солом. гл. 7, ст. 11—12.

([3]) Тамъ же ст. 13.

Очень можетъ быть, что авторъ не затруднился бы сказать и эти слова о своемъ трудѣ, потому что правила іезуитскаго ордена, къ которому принадлежитъ онъ, дозволяютъ свидѣтельствовать ложь словами св. Писанія (Книга секретныхъ правилъ іезуитовъ литовскихъ); поэтому наше обращеніе къ совѣсти автора совершенно напрасно. Сознаемся въ этомъ откровенно и обращаемся въ заключеніе къ нашимъ читателямъ. Можетъ быть кто-либо изъ нихъ готовъ предложить намъ вопросъ: стоитъ ли такое сочиненіе опроверженія и не лучше ли подобные грѣхи латинскаго Запада покрывать христіанскимъ молчаливымъ терпѣніемъ? Да, всѣ положенія автора дѣйствительно не стóятъ опроверженія, тѣмъ болѣе, что все главное въ нихъ давнымъ давно высказано и опровергнуто, особенно въ западнорусской полемикѣ по дѣлу уніи. Но есть въ сочиненіи г. Вердье особенности, которыя не должны быть оставляемы безъ вниманія и теперь. Старыя, давно опровергнутыя мысли этой статьи облечены здѣсь въ новѣйшую западно-европейскую ученую художественность со всѣми обманчивыми признаками начитанности, глубокихъ соображеній, безпристрастныхъ сужденій, проникнутыхъ повидимому самою благородною, а на дѣлѣ—примѣрно-іезуитскою любовію къ Россіи. Вотъ что собственно дѣлаетъ статью г. Вердье стоющею обличеній, и особенно въ настоящее время, когда новѣйшіе поборники латинства, сочинители всякихъ басень о Церкви восточной, имѣя сами недостаточное убѣжденіе въ истинѣ своихъ бездоказательныхъ хитросплетеній, обыкновенно ждутъ отъ насъ послѣдняго и самаго важнаго для нихъ доказательства ихъ мнимой истины—ждутъ нашего молчанія.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА (¹).

Восшествіе на престолъ Государя Императора есть заря новыхъ надеждъ для отечества. Продолженіе царствованія есть осуществленіе сихъ надеждъ. Каждогодное торжество въ этотъ день есть оживленіе прежнихъ надеждъ и зарожденіе новыхъ.—Но чего такъ усильно желаетъ народъ?—Благоденствія. Чего желаетъ и о чемъ такъ дѣятельно заботится Благочестивѣйшій Государь Императоръ? О благоденствіи народа. Къ чему направлены всѣ усилія государственныхъ мужей? Къ тому, чтобъ устроить благоденствіе народа.

Чего бы кажется недоставало къ тому, чтобъ сіе благоденствіе наконецъ и состоялось!! — И однакожъ оно всегда только въ желаніи, только въ ожиданіи, всегда впереди, какъ блаженный предѣлъ усилій, какъ мѣсто упокоенія отъ трудовъ. Что же? Не мечтательное ли благо есть это благоденствіе, и благонадежное стремленіе къ нему не есть ли обманъ самолюбиваго

(¹) Произнесено въ Исак. соборѣ Р. А. А. Ѳ.

сердца? Нѣтъ. Оно не можетъ быть мечтою, ибо такъ обще и такъ глубоко лежитъ въ душѣ и сердцѣ всѣхъ: только надобно правильно понять его, въ свойственной мѣрѣ ожидать, и идти къ нему прямымъ путемъ, а главное положить ему прочное основаніе и никакъ не позволять себѣ сдвигаться съ него.

Мужу падшему сказалъ Господь: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печалѣхъ снѣси тую вся дни живота твоего.* И женѣ падшей: *умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя: въ болѣзнѣхъ родиши чада твоя* (Быт. 3, 16. 17). Слѣдовательно, благоденствіе, какъ безбѣдная жизнь—въ довольствѣ, покоѣ и безпрерывныхъ утѣхахъ, — не есть удѣлъ человѣка на землѣ. Не достанетъ у насъ ни умѣнья, ни силъ измѣнить это опредѣленіе неложнаго Бога и землю превратить въ рай — потерянный. Соломонъ заботливо искалъ благоденствія, перепробовалъ всѣ пути и средства къ тому,—и увѣрился, что всѣ опоры его на землѣ не прочны: *все суета*... И чѣмъ же заключилъ? *Бога бойся и заповѣди его храни, яко сіе всякъ человѣкъ* (Еккл. 12, 13). Вотъ все, что можетъ быть прочнаго въ стремленіяхъ и трудахъ человѣка и цѣлыхъ государствъ: Бога бояться, ревновать объ угожденіи Ему, Ему себя подчинять и предавать, чтобъ быть увѣреннымъ, что истинный Богъ есть нашъ Богъ—и мы люди Его. Не исключаетъ это попеченій и заботъ объ улучшеніи своего быта; но указываетъ одну неизмѣнную основу при всѣхъ измѣнчивыхъ случайностяхъ нашей участи. Нельзя ли по крайней мѣрѣ, подумаетъ кто, на этомъ несомнѣнномъ благоволеніи Божіемъ основать надежду вседовольнаго счастія и непрерывнаго благоденствія? — Нѣтъ. На этомъ утверж-

дается не непрерывность благоденствія, а непрерывность Божія попечительнаго устроенія нашей участи во благо намъ существенное и вѣчное,—и только; а благоденствіе въ волѣ Божіей. Всеблагій Богъ иногда наказываетъ и того, кого любитъ, и біетъ того, кто пріятенъ ему. Что же остается дѣлать? Въ стремленіи къ благоденствію, отъ котораго мы отказаться не можемъ, паче всего заботиться о благоугожденіи Богу, предавая свою участь въ попечительное распоряженіе Его отеческой къ намъ любви, — въ увѣренности, что Онъ все устроитъ въ насъ къ лучшему,—заботиться о томъ, чтобы Богъ имѣлъ насъ своимъ народомъ, любилъ насъ, не оставлялъ, не отвергалъ. Въ благоволеніи Божіемъ къ намъ — наша благонадежность; въ отверженіи—отчаяніе и пагуба.

Чѣмъ же привлечь къ себѣ сіе Божіе благоволеніе и какъ быть увѣреннымъ въ немъ?—Господь приходилъ на землю, и основалъ здѣсь св. Церковь свою, въ которой обѣщалъ пребывать во вся дни до скончанія вѣка, наименовавъ ее дѣвою чистою, невѣстою своею, скиніею Божіею съ человѣки. Итакъ, пока будемъ истинными сынами Церкви православной,—скинія Божія будетъ въ насъ, и Богъ будетъ обитать среди насъ. Онъ будетъ нашимъ Богомъ и мы будемъ людьми Его. Свидѣтельствомъ этого чадства Богу съ нашей стороны служитъ любовь къ св. Вѣрѣ и ревность къ устроенію своей жизни частной и общей по духу сей Вѣры и указанію Церкви. Пока будетъ сія ревность, будетъ въ насъ то, что пріятно Богу, что привлекаетъ Его милость и низводитъ благоволительное попеченіе, — и Онъ никогда не оставитъ насъ. Правда, и при этомъ могутъ быть грѣхи и частные и

общіе, могутъ быть прогнѣвленія Бога даже великія; но онѣ вызовутъ только исправительное наказаніе, а не отверженіе разрушительное и истребительное: накажетъ Господь и помилуетъ.

Послѣ сего видите ли, въ чемъ бичъ народа и окончательный подрывъ всѣхъ основъ его благоденствія?! Въ томъ, если охладѣетъ въ немъ духъ ревности ко св. Вѣрѣ и богоугодной жизни. По мѣрѣ того, какъ будетъ расти это охлажденіе, будетъ отдаляться отъ него Божіе благословеніе и приближаться Его отверженіе. Созрѣетъ охлажденіе,—будетъ произнесено и окончательное отверженіе, а съ нимъ всякое нестроеніе, смятеніе и пагуба. *Тако яко обуморенъ еси, и ни тепль, ни студенъ, изблевати тя отъ устъ моихъ имамь* (Апок. 3, 16). Итакъ, ревнителямъ и учредителямъ народнаго благоденствія паче всего заботиться должно о томъ, чтобъ равнодушіе къ Вѣрѣ и Церкви (индифферентизмъ) не охватило всего отечественнаго тѣла,—и слѣдов. отдалять всѣ пріемы, которые могутъ располагать, вести и ввергать народъ въ эту бездну.

Что же бы такое могло быть? Очень многое, но вотъ главнѣйшее.....

Прежде всего, неправильное понятіе о вѣротерпимости и дѣйствованіе по нему. Истинная вѣротерпимость искренно любитъ и благоговѣйно чтитъ единую св. Вѣру свою, ревнуетъ о чистотѣ и славѣ ея, радуется возвышенію ея; но при этомъ даетъ мѣсто близъ нея и другимъ вѣрамъ, не потому что считаетъ ихъ равночестными ей, равно истинными и спасительными, а по снисхожденію къ немощамъ заблуждающихъ. Она не тѣснитъ, не гонитъ, не преслѣдуетъ;

но вмѣстѣ не упускаетъ случая, съ любовію, указывать заблужденіе и предлагать свободному убѣжденію и совѣсти выборъ лучшаго. Такая только терпимость и умѣстна въ нашемъ отечествѣ, гдѣ по основнымъ государственнымъ законамъ господствующая вѣра есть св. Вѣра православная. Господствующая: слѣд. надъ всѣми другими возвышающаяся, повсюду и во всемъ одна видимая,—проходящая во всѣ отрасли народной жизни, все собою направляющая, освящающая и оживляющая. Она радость народа, окрыленіе его духа, возбужденіе высокихъ порывовъ. Правительство православное терпитъ не свое православіе: но при своемъ православіи, любимомъ, чтимомъ и возвышаемомъ, терпитъ другія вѣры, держа ихъ однакоже въ тѣни. Пока будетъ у насъ соблюдаться такой порядокъ, нечего опасаться охлажденія къ Вѣрѣ, и слѣд. отверженія Божія.

Но къ несчастію,—вѣротерпимость можетъ принимать направленія ложныя и уклоненія отъ своего значенія, опасныя и пагубныя. Можетъ образоваться такое положеніе: терпѣть вѣру вообще. Это предполагаетъ, что общественные дѣятели заняты другими, болѣе значительными вещами, а Вѣру только изъ снисхожденія терпятъ, допускаютъ какъ дѣло неважное, несущественное, не худое, но и не столько цѣнное, чтобъ ею заниматься. Можетъ быть постановлено и такое правило: терпѣть всѣ вѣры, т. е. одинаково цѣнить всякаго рода вѣру, не давая преимущества никакой, ставя ихъ всѣ на одной линіи, подъ одинъ уровень.

Гдѣ принято первое направленіе, тамъ письменно и устно говорятъ: вѣра—дщерь неба, мы же земные;

намъ до нея дѣла нѣтъ, пусть и она не мѣшается въ дѣла наши. Намъ нужны граждане, а не жрецы,—дѣятели общественные, а не миссіонеры. Гдѣ принято второе направленіе, тамъ говорятъ и пишутъ: вѣруй, какъ хочешь, только будь вѣренъ и честенъ. Пусть капище и мечеть, синагога и Церковь одинаково высятся, только бы не мѣшали другъ другу и не возмущали общественнаго порядка.

Первое направленіе дышетъ невѣріемъ, а второе обнаруживаетъ отсутствіе всякаго убѣжденія и пахнетъ мертвымъ безразличіемъ въ вѣрѣ (индифферентизмомъ). То и другое—пагуба для благочестивой жизни народа, а у насъ сверхъ того—государственное преступленіе, какъ нарушеніе кореннаго государственнаго постановленія и слѣд. коренныхъ условій государственной жизни. Такія положенія и мысли, доходя до слуха народа, набрасываютъ тѣнь на чтимую имъ Вѣру и колеблютъ его любовь къ ней, мутятъ его понятія о ней, поставляютъ въ нерѣшительность и недоумѣніе, охлаждаютъ и отчуждаютъ отъ нея. И это тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ открытѣе и гласнѣе такія же начала входятъ въ порядки жизни, въ письменность, воспитаніе, обычаи, поговорки. Вслѣдствіе же сего неизбѣжно омертвѣетъ духъ, прекратятся дѣла самоотверженія, разслабнетъ энергія. Все сдѣлается вялымъ, долупреклоннымъ, земнымъ. Народъ тогда—мертвый трупъ безъ духа жизни. А такому чего ожидать, кромѣ презрѣнія отъ людей и отверженія отъ Бога? И вотъ отъ чего да избавитъ насъ Господь!

Во вторыхъ,—неправильное направленіе дѣятельности народа, его заботъ, желаній, попеченій, или,

какъ говорятъ, неправильное развитіе стихій народной жизни. Общество или государство въ составѣ своемъ есть тоже, что человѣкъ. Какъ человѣкъ имѣетъ духовную и тѣлесную сторону; такъ есть своя духовная и вещественная сторона и въ жизни государственной. У человѣка—*духъ* знаетъ Бога, боится Его, старается угождать Ему, ревнуетъ о спасеніи души и готовится къ вѣчности, *тѣло* требуетъ пищи, одежды, жилища, довольства, выгоднаго положенія вовнѣ и проч. Въ государствѣ духовную сторону составляетъ св. Вѣра со всѣми своими спасительными дѣйствіями и учрежденіями, вещественную — всѣ способы внѣшняго благосостоянія: земледѣліе, промышленность, искусства и проч. Какъ у человѣка главная забота должна быть обращена на духовную жизнь, а подъ ограниченіями съ ея стороны уже и на тѣлесную; такъ и въ государствѣ выше всего должна стоять св. Вѣра, а все другое должно подчиняться ей и ею управляться. Это законъ или образецъ (норма) правильнаго развитія стихій жизни человѣка и народа! Какъ у человѣка, когда онъ заботится исключительно только о тѣлѣ и тѣлесномъ, слабѣетъ и гаснетъ духъ; такъ и въ государствѣ, если вся забота обращена только на одно внѣшнее, вещественное, Вѣра неизбѣжно слабѣетъ, умаляется и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ.

Положите, что въ какомъ-нибудь государствѣ, въ глазахъ народа, составляется предпріятіе за предпріятіемъ,—и все въ видахъ благоустроенія одного внѣшняго быта, книги за книгами выходятъ, и все— то о земледѣліи, то о торговлѣ, то о путяхъ сообщенія, мануфактурахъ и проч. и проч., въ обществѣ только и рѣчей слышится, что все о томъ же,—всю-

ду вокругъ видятся хлопоты, заботы и суета все о томъ же, какъ будто кромѣ земли ничего нѣтъ, и кромѣ земныхъ надеждъ—нечего ожидать. Что тогда должно произойти въ этомъ народѣ,—особенно если къ тому еще всѣ порядки семейной и гражданской жизни не напоминаютъ ни о чемъ высшемъ, всѣ способы препровожденія свободнаго времени обращены только на утѣхи и удовольствія, а тутъ встрѣчаются распоряженія, въ которыхъ очевидно не взята во вниманіе сообразность ихъ съ духомъ Вѣры (балаганы),—что должно произойти въ настроеніи этого народа? Тоже, что происходитъ въ человѣкѣ, когда онъ питаетъ и грѣетъ только свою плоть, т. е. ослабленіе духовной стороны, или иначе охлажденіе къ Вѣрѣ. Ибо при такомъ порядкѣ дѣлъ, естественно отклонится вниманіе народа отъ св. Вѣры, отнимется время, которое посвящалось на дѣла ея, выступятъ другія дѣла и заслонятъ собою ликъ Церкви; онъ отвыкнетъ отъ ней, охладѣетъ къ ней, разлюбитъ ее и наконецъ совсѣмъ забудетъ. И начнутъ тогда, какъ общественное мнѣніе, гласно выражать такія мысли: область Вѣры идеальная (невидимая); мы держимся болѣе твердаго, положительнаго, какъ и вѣкъ нынѣ болѣе положительный,—а въ другомъ мѣстѣ прибавятъ къ тому: идеальное—міръ призраковъ фантазіи. Такъ волна за волною отбиваетъ отъ берега утопающаго, пока не поглотитъ его бездна морская! Еще, можетъ быть, на долго останется внѣшняя форма жизни по вѣрѣ, но что будетъ значить это безъ внутренняго духа вѣры? Погаснетъ духъ вѣры,—народъ сдѣлается непотребнымъ предъ Богомъ, и будетъ отверженъ отъ лица Его. А богоотверженному чего ожидать, кромѣ раз-

стройства, раздѣленія, рабства и разсѣянія! Начало же сей бѣды въ чемъ? Въ томъ, что неправо заводятъ дѣло развитія стихій народной жизни, забывъ, что народъ не тѣло только, но и духъ. Такъ-то, и ревнуя о благоденствіи, можно,—не намѣренно, можетъ быть, но не безвинно, — уничтожать и разстроивать истинныя основы сего благоденствія.

Къ томуже ведетъ множество другихъ, ничтожныхъ на видъ, но сильныхъ по увлекательности дѣлъ и навыковъ. Это—ложный стыдъ, по которому скрываютъ дѣла вѣры и высказываютъ только свѣтскость и свободную независимость отъ всякихъ ограниченій, открытое пристрастіе къ новому и гласное нерасположеніе къ старому безъ различія, излишнія притязанія, усвояемыя тѣмъ, кто слыветъ образованнымъ, не вникая въ свойства ихъ образованности,—пристрастіе къ модамъ, забавамъ, остротамъ, насмѣшливости, каррикатурамъ, пустословію, пустомыслію, праздности и проч... Все это мелочныя привычки; но какъ они замѣчаются наиболѣе въ кругу видномъ, то вызываютъ подражаніе и такимъ образомъ входятъ въ жизнь и управляютъ ею а, выражаясь въ положеніяхъ, составляютъ кодексъ законовъ свѣта, или основоположенія общественныхъ мнѣній. Гдѣ не слышится, на примѣръ: такъ принято.... что скажутъ?... можно ли образованному?... это старое.... нынѣ не то время и проч...? Очевидные предразсудки, отъ которыхъ однакожъ никто не заботится и не считаетъ нужнымъ очистить себя. Таковъ духъ времени—бездушный, предъ которымъ все преклоняется, и который чѣмъ болѣе расширяетъ свою область, тѣмъ болѣе распространяетъ мертвенность, претворяя разумныхъ людей въ авто-

матовъ, движущихся не извѣстно по чьей силѣ и по чьему велѣнію и предустроенію. Духъ времени—духъ князя вѣка. И всякому понятно, какъ естественно ему погашать духъ вѣры въ Господа, разрушившаго власть его, отчуждать отъ Церкви и поселять къ ней холодность и равнодушіе. Все это такъ и бываетъ; и зло растетъ все болѣе и болѣе, переходя отъ высшихъ къ низшимъ, изъ столицъ въ города и села, пока не сообщится всѣмъ и изъ всѣхъ не составитъ одного, отвергшагося отъ Бога и Богомъ отверженнаго народа.

Вотъ съ какихъ сторонъ можетъ угрожать намъ опасность!

Стоящій въ пристани соображаетъ всѣ случайности плаванія, и плывущій по безопаснымъ мѣстамъ, зная, гдѣ впереди есть подводные камни, не выпускаетъ ихъ изъ мысли, и заботливо направляетъ корабль свой такъ, чтобы не попасть на нихъ по неосторожности. Будемъ молиться, чтобъ Господь всѣмъ, дѣятельно участвующимъ въ управленіи нашимъ отечественнымъ кораблемъ, даровалъ и очи видѣть и умѣнье миновать подводные камни, стоящіе на пути его плаванія,—на столько, на сколько у всѣхъ есть произволенія и благожеланія. Да дастъ имъ Господь память о простомъ изреченномъ Имъ правилѣ: *сія подобаетъ творити, и онѣхъ не оставляти* (Матѳ. 23, 23). Много у насъ заботъ, трудовъ, предпріятій; но все это кругъ дѣлъ, которыхъ оставлять только нѣтъ необходимости. Что же подобаетъ творить? Такъ вести дѣла наши, чтобъ чрезъ охлажденіе къ св. Вѣрѣ, не потерять намъ благоволенія и благословенія Божія; ибо оно источникъ всякаго блага. Но благодареніе Господу,—мы

имѣемъ вѣрныя ручательства, что такая бѣда можетъ не постигнуть насъ. Первѣйшее и живѣйшее желаніе благочестивѣйшаго Государя Императора есть, чтобы свѣтъ Вѣры православной освѣщалъ паче и паче и умы и сердца народа. Народъ любитъ св. Вѣру и дорожитъ ею паче всего. Что остается? Остается дѣйствовать, по желанію Государя Императора и сообразно съ духомъ народа, не оставляя полезнаго, но и не жертвуя ему необходимымъ.

Да пріимутъ всѣ государственные дѣятели и отъ лица Церкви напоминаніе о томъ, съ молитвою о благопоспѣшеніи имъ въ семъ святомъ дѣлѣ. О чемъ и не престанетъ она умолять милосердаго Господа, зная, что ударъ мысли или желанія изъ души не доходитъ до члена, къ которому направленъ, если не дѣйствуетъ посредствующій органъ, и что лучь изъ солнца, устремленный на предметъ, не дойдетъ до него и не освѣтитъ его, если пересѣчетъ какое-либо посредствующее тѣло его, или уклонитъ по другому направленію. Аминь.

РѢЧЬ

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА,

СКАЗАННАЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ МАКАРІЕМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ТАМБОВСКИМЪ И ШАЦКИМЪ, ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ 25 ДЕКАБРЯ 1858 ГОДА.

Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ (Лук. 2, 14).

Слава въ вышнихъ Богу,—взываемъ мы нынѣ, свѣтло торжествуя рождество нашего Спасителя. Была страшная брань на замли, брань людей противъ Бога и между собою, брань, длившаяся слишкомъ пять тысячъ лѣтъ, сопровождавшаяся всякаго рода бѣдствіями для грѣшнаго рода человѣческаго, брань, угрожавшая ему вѣчною погибелію. Но пощадилъ Господь свои заблудшія созданія: Онъ послалъ въ міръ своего единороднаго Сына—примирилъ, прекратилъ несчастную брань и даровалъ землѣ *миръ*.

Слава въ вышнихъ Богу,—взываемъ мы нынѣ, торжественно воспоминая избавленіе нашего отечества отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ. Была страшная брань въ предѣлахъ земли русской. Цѣлыя области ея были опустошены, грады и веси обращены

въ развалины, десятки тысячь православныхъ воиновъ положили за Вѣру и отечество животъ свой; сама первопрестольная столица царства была принесена въ жертву всессожженія; гордый врагъ торжествовалъ и готовился наложить цѣпи рабства на всю Россію. Но помиловалъ Господь своихъ рабовъ, обратившихся къ нему съ слезами покаянія; Онъ даровалъ твердость и мужество нашему Царю, мудрость нашимъ вождямъ, храбрость нашимъ воинамъ; Онъ подвигъ за насъ самыя стихіи природы,—и грознаго врага не стало на землѣ русской; Богъ даровалъ ей *миръ*.

Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ! Но, братіе мои, прославляя нынѣ Бога за тотъ миръ, какой даровалъ Онъ всей землѣ, всему роду человѣческому, ниспосланіемъ на землю своего единороднаго Сына, участвуемъ ли мы и сами въ этомъ благодатномъ мирѣ, пользуемся ли его плодами? Сынъ Божій, нынѣ родившійся по плоти, прежде всего примирилъ насъ съ Богомъ, когда принесъ самаго Себя въ умилостивительную жертву за насъ и пріобрѣлъ намъ средства очищаться отъ грѣховъ, быть чадами небеснаго Отца и благоугождать Ему доброю жизнію. А мы дѣйствительно ли чисты отъ грѣховъ, дѣйствительно ли благоугождаемъ нашему небесному Отцу? Ахъ, не воюемъ ли и мы противъ Него, не огорчаемъ ли Его своими беззаконіями не только не менѣе, но даже болѣе тѣхъ, которые жили до рождества Христова? Сынъ Божій, родившійся нынѣ по плоти, примирилъ насъ между собою, когда даровалъ всѣмъ намъ *едину вѣру*, *едино крещеніе* и прочія таинства, и заповѣдалъ намъ самую высокую взаимную любовь, когда призвалъ всѣхъ насъ во единое благодатное царство свое—царство мира и любви.

А между нами не господствуютъ ли иногда такія же раздѣленія: несогласія, ненависть и вражда, какія господствовали между язычниками? Гдѣ она—эта святая, безкорыстная взаимная любовь, которою должны отличаться христіане? Гдѣ снисхожденіе другъ къ другу, прощеніе обидъ, любовь къ самимъ врагамъ?

Равнымъ образомъ, прославляя нынѣ Господа за тотъ миръ, который даровалъ Онъ нашему отечеству избавленіемъ его отъ страшныхъ враговъ, содѣйствуемъ ли мы и сами, каждый по мѣрѣ силъ, къ продолженію и утвержденію этого вожделѣннаго мира, составляющаго первое условіе всякаго преспѣнія народнаго? И въ настоящее особенно время, когда нашъ благочестивѣйшій Монархъ все свое вниманіе обратилъ преимущественно на внутреннее благоустройство своего обширнаго царства, на водвореніе мира, довольства и счастія между всѣми своими подданными, между всѣми классами общества отъ высшихъ до самыхъ низшихъ, искренно ли мы сочувствуемъ благимъ намѣреніямъ о насъ Помазанника Божія, правильно ли понимаемъ вѣщанія Его сердца, дѣятельно ли отзываемся на Его отеческій призывъ? Истинный миръ, довольство и счастіе въ государствѣ возможны только тогда, когда всѣ члены его будутъ съ ревностію исполнять обязанности своего званія, руководясь строгою справедливостію и безкорыстіемъ,—когда не только частныя лица, но и цѣлыя сословія будутъ заботиться не о собственныхъ только выгодахъ и преимуществахъ, а гораздо болѣе о благѣ общемъ, будутъ готовы на всякаго рода жертвы, по указаніямъ державной власти,—когда и между частными гражданами и между цѣлыми сословіями не только не будетъ ни тайной, ни тѣмъ болѣе явной не-

пріязни, ненависти, зависти, напротивъ будутъ царствовать довѣріе, единодушіе, любовь, основанныя на взаимныхъ уступкахъ, благодѣяніяхъ и уваженіи.

Братіе мои по вѣрѣ и отчизнѣ! Когда Христосъ родился, тогда мудрецы Востока принесли ему дары: злато, смирну и ливанъ (Матѳ. 2, 11). Лучшіе дары, какіе мы нынѣ можемъ принести Ему, какъ христіане, будутъ тѣ, если мы поспѣшимъ примириться съ нашимъ Отцемъ небеснымъ чрезъ искреннее покаяніе и примириться съ нашими ближними, простивъ имъ всѣ согрѣшенія противъ насъ, вольныя и невольныя. Лучшіе дары Ему нынѣ отъ насъ, какъ сыновъ Россіи, будутъ тѣ, если мы дадимъ обѣтъ свято совершать отселѣ свое общественное служеніе, всецѣло сочувствовать и соотвѣтствовать отеческимъ попеченіямъ о насъ нашего благочестивѣйшаго Государя, и не щадить никакихъ трудовъ, никакихъ жертвъ для мира, благоденствія и процвѣтанія нашего возлюбленнаго отечества. Аминь.

СЛОВО

НА НОВЫЙ ГОДЪ,

СКАЗАННОЕ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ МАКАРІЕМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ТАМБОВСКИМЪ И ШАЦКИМЪ ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ 1 ГЕНВАРЯ 1859 ГОДА.

Заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы (Іоан. 13, 34).

Для новаго года, Братіе мои, я не нахожу ничего лучше сказать вамъ, какъ повторить и изъяснить новую заповѣдь, данную намъ нашимъ Спасителемъ и заключающуюся въ Его словахъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы.* Кромѣ того, что эта заповѣдь есть новая, въ ней указывается такое благо, котораго весьма прилично нынѣ, въ день новолѣтія и нашихъ взаимныхъ благожеланій, пастырю Церкви пожелать своимъ возлюбленнымъ духовнымъ чадамъ.

Заповѣдь новую даю вамъ. Отъ чего, спросите, Господь нашъ заповѣдь о любви къ ближнимъ назвалъ новою, когда она была и въ ветхомъ завѣтѣ? И тамъ ясно было сказано: *возлюбиши ближняго своего, яко*

самъ себе (Лев. 19, 18), — и цѣлыя шесть заповѣдей изъ десяти посвящены были подробнѣйшему раскрытію именно этой одной. Но замѣтьте,—въ ветхомъ завѣтѣ было сказано: люби ближняго, какъ любишь самого себя; а въ новомъ Спаситель заповѣдуетъ намъ: любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Это значитъ: любите другъ друга болѣе, нежели любите самихъ себя. Ибо Спаситель возлюбилъ насъ до самопожертвованія: онъ, будучи истиннымъ Богомъ, ради насъ—грѣшныхъ *себе умалилъ, зракъ раба пріялъ*, содѣлался человѣкомъ, ради насъ-грѣшныхъ *смирилъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 7. 8). Въ ветхомъ завѣтѣ, если не по буквѣ, то по духу было сказано: *возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего* (Матѳ. 5, 43). А въ новомъ завѣтѣ говоритъ намъ Спаситель: *любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящымъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгонящія вы* (Матѳ. 5, 44). И самъ Онъ возлюбилъ насъ, когда мы еще были его закоренѣлыми врагами по своимъ грѣхамъ, и положилъ за насъ самую душу свою для прекращенія нашей вражды; самъ онъ возлюбилъ насъ *до конца* (Іоан. 13, 1), не смотря на то, что мы доселѣ не престаемъ оскорблять Его своимъ противленіемъ Его волѣ, нарушеніемъ Его заповѣдей. Въ ветхомъ завѣтѣ было сказано: *око за око и зубъ за зубъ* (Матѳ. 5, 38). А въ новомъ заповѣдуется намъ не только не противиться злу (—39), не воздавать зломъ за зло (Кол. 5, 15), но и побѣждать благимъ злое (Рим. 12, 21) и прощать ближнимъ всякія обиды даже до седьмидесяти кратъ седмерицею (Матѳ. 18, 22). Понятно ли, въ какомъ смыслѣ заповѣдь о

любви другъ къ другу, данная намъ Господомъ, есть заповѣдь новая? Она нова по высотѣ той любви, которую Онъ внушаетъ намъ и совершеннѣйшій образецъ которой представилъ самъ. Истинно-новою явилась она въ мірѣ, когда изрекъ ее Сынъ Божій; потому что прежде люди не знали и ни отъ кого не слышали такой высокой заповѣди.

Но всмотритесь, каждый, въ самихъ себя: не нова ли эта заповѣдь и для насъ-христіанъ, хотя со времени изреченія ея протекло уже болѣе восемнадцати вѣковъ, и мы знаемъ ее, быть можетъ, еще съ тѣхъ поръ, какъ только начали изучать евангельскій законъ? Не нова ли она не для нашего ума или памяти, а для нашего сердца? Извѣдали ли мы ея силу и значеніе собственнымъ опытомъ? Не нова ли она для нашей и жизни дѣятельности? О, если нова; то молю васъ о Господѣ, позаботьтесь усвоить ее себѣ, по крайней мѣрѣ, съ новаго наступающаго лѣта.

Любовь къ ближнимъ и сама по себѣ есть великое благо для человѣка: это такое святое и вмѣстѣ сладостное чувство! Особенно же любовь въ томъ видѣ, въ какомъ предписывается она намъ новою заповѣдію Спасителя,—любовь, простирающаяся до самопожертвованія, до прощенія обидъ, до воздаянія добромъ за зло, сколько заключаетъ въ себѣ высокаго, благороднаго, героическаго! Какъ возвышаетъ она человѣка и въ собственныхъ глазахъ и предъ очами ближнихъ!

Любовь къ ближнимъ, по новой заповѣди Спасителя, есть величайшее благо для нашего быта житейскаго. Отчего происходитъ большая часть нашихъ бѣдствій и скорбей въ жизни? Отъ недостатка взаимной христіанской любви между нами. Мы завидуемъ другъ

другу, зложелательствуемъ, полагаемъ препятствія на пути, часто мстимъ, не желаемъ другъ другу уступить, помочь, оказать снисхожденіе, руководясь преимущественно самолюбіемъ и своекорыстіемъ,—и страдаемъ, страдаемъ много другъ отъ друга. А какъ все улучшилось бы вокругъ насъ, еслибы мы всѣ начали водиться искреннимъ христіанскимъ братолюбіемъ! Сколько свѣта и радости пролилось бы въ нашу скорбную жизнь, при нашихъ взаимныхъ—благожелательствѣ, уступчивости, содѣйствіи и всякаго рода услугахъ и благодѣяніяхъ!

Любовь къ ближнимъ, по новой заповѣди Спасителя, есть величайшее благо для жизни гражданской. Проникнутый этою любовію, съ какою ревностію каждый изъ насъ посвящалъ бы свои силы и труды на пользу общественную! Съ какимъ благодушіемъ и кротостію переносилъ бы всѣ неудачи, даже несправедливости и притѣсненія, встрѣчающіяся на служебномъ поприщѣ! Какихъ жертвъ не согласился бы принесть, въ случаяхъ нужды, па олтарь отечества!

Но,—главное, любовь къ ближнимъ, по новой заповѣди Спасителя, есть величайшее благо для жизни собственно христіанской. Безъ этой любви никакія духовныя дарованія и совершенства христіанина не могутъ имѣть цѣны. «Если бы я, учитъ св. Апостолъ, говорилъ всѣми языками человѣческими и даже ангельскими, а не имѣлъ любви, я—не болѣе, какъ мѣдь звѣнящая, или кимвалъ звяцаяй». Этого мало: «если я имѣю даръ пророчества, проникаю всѣ тайны и знаю все, если имѣю даже всю вѣру, чтобы переставлять горы, но не имѣю любви,—я ничто». Еще болѣе: «если я раздамъ всѣ имѣнія мои нищимъ, если

предамъ тѣло мое на сожженіе, а не имѣю любви,— мнѣ нѣтъ никакой пользы» (1 Кор. 13, 1—3). Самое высокое самоотверженіе и безкорыстіе, самое мученичество безъ христіанской любви ничего не значатъ. Въ другихъ мѣстахъ тотъ же Апостолъ называетъ любовь къ ближнимъ *союзомъ совершенства* (Кол. 3, 14), *исполненіемъ закона* (Рим. 13, 10). Отъ чего? Отъ того, что она, по самымъ свойствамъ своимъ, способна удерживать насъ отъ всякаго зла и вести ко всякому добру. Вотъ какъ изображаетъ эти свойства св. учитель языковъ: *любы долготерпитъ, милосердствуетъ, любы не завидитъ, любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся покрываетъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ* (1 Кор. 13, 4—7). Кто не согласится, что такова дѣйствительно христіанская любовь, и что изъ нея, какъ изъ добраго сѣмени, могутъ произрастать всѣ добродѣтели христіанина?

Прибавьте ко всему сказанному еще то, что любовь христіанская къ ближнимъ, всегда неразлучная съ любовію къ Богу, есть благо, никогда непрестающее, вѣчное. *Нынѣ*, т. е. въ настоящей жизни, по ученію Апостола, *пребываютъ вѣра, надежда, любы, три сія* (1 Кор. 13, 13). Но вѣра наша прейдетъ, когда мы увидимъ Господа лицемъ къ лицу; надежда упразднится, когда мы дѣйствительно получимъ блага, которыхъ нынѣ надѣемся. А любовь останется всегда съ нами и въ жизни загробной и будетъ для насъ однимъ изъ неизсякаемыхъ источниковъ безконечнаго блаженства.

Братіе мои! Нѣтъ сомнѣнія, что и новое лѣто своей благости Господь даруетъ намъ для тогоже, для

чего давалъ всѣ предшествовавшія, т. е. *да тихое и безмолвное житіе поживемъ* на землѣ и да подвизаемся болѣе и болѣе *во всякомъ благочестіи и чистотѣ* для приготовленія себя къ жизни небесной (1 Тим. 2, 2). Но видите ли, что и то и другое, для насъ возможно только тогда, если мы начнемъ жить и дѣйствовать по новой заповѣди Спасителя о взаимной христіанской любви? *Облецытеся убо*,—заключу словами св. Апостола,—*якоже избранніи Божіи святи и возлюбленни, во утробы щедротъ, благость, смиреномудріе, кротость и долготерпѣніе: пріемлюще другъ друга, и прощающе себе, аще кто на кого имать порѣченіе: якоже и Христосъ простилъ есть вамъ, тако и вы. Надъ всѣми же сими стяжите любовь, яже есть соузъ совершенства* (Кол. 3, 12—14). Аминь.

НРАВСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА,

ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ

СВЯТАГО ИСААКА СИРІЯНИНА.

Когда читаешь отеческія творенія и встрѣчаешься съ сокровищами, всюду разсѣянными въ нихъ,—не хочешь вѣрить, чтобы кто-нибудь могъ быть къ нимъ холоденъ; хотя нельзя не согласиться, что подобное явленіе—не рѣдкость. Чаще всего можно встрѣтить предубѣжденіе къ твореніямъ аскетическимъ; какъ будто св. подвижники, въ удаленіи отъ міра, не могли знать того, что нужно для духовнаго преспѣянія и людямъ мірскимъ, какъ будто вѣра и упованіе на Бога, съ какими они обрекали себя на труды жизни уединенной, ставили ихъ во враждебное отношеніе къ обычному порядку жизни! Правда, внѣшняя сторона ихъ писаній проста и безъискусственна, какъ самая ихъ жизнь; за то сколько у нихъ проницательности въ различеніи явленій внутренней жизни человѣка, сколько глубины въ пониманіи откровенныхъ истинъ, руководствующихъ ко спасенію, сколько помазанія въ словахъ, дѣйствующихъ неотразимо на всякаго, кто хотя немного станетъ вникать въ нихъ,—

сколько наконецъ опытнаго знанія такихъ благодатныхъ состояній, которыя другому и на мысль не придутъ! Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія и благоговѣнія заслуживаютъ отъ насъ творенія святаго Исаака Сиріянина, пустынножителя VI-го в. по Р. Х. Въ своихъ Словахъ, направленныхъ главнымъ образомъ къ раскрытію правилъ нравственнаго ученія Христа Спасителя, св. отецъ изображаетъ нравственную жизнь человѣка съ такимъ глубокимъ знаніемъ (анализомъ) различныхъ сторонъ этой жизни и съ такимъ прозрѣніемъ въ тайны человѣческой души, что остается только изумляться предъ величіемъ угодника Божія, котораго такъ просвѣтила и умудрила божественная благодать и его собственная созерцательная жизнь. Написанное имъ, по его собственнымъ словамъ, онъ заимствовалъ изъ св. Писанія, изъ повѣданнаго правдивыми устами и изъ собственнаго опыта. А до какой степени онъ былъ опытенъ въ духовной жизни, объ этомъ можно заключать изъ слѣдующихъ его словъ о самомъ себѣ: «долгое время искушаемый въ десныхъ и шуихъ, говоритъ онъ, неоднократно извѣдавъ себя, пріявъ на себя безчисленные удары противника и сподобившись втайнѣ великихъ вспоможеній, въ продолженіе многихъ лѣтъ, снискалъ я опытность» [1]. Потому-то онъ имѣлъ полное право сказать: «какъ тотъ, кто не видитъ глазами своими солнца, не можетъ кому-либо описать свѣта его по одному слуху, такъ и тотъ, кто не вкусилъ душею своею сладости духовныхъ дѣлъ» [2].

---

(1) Смотр. Твор. св. Исаака Сиріян. въ рус. пер. Москв. 1854 г. стр. 453. Vid. it. praefat. ad Opp. Isaac. Syr. et Opp. in Golland. Biblioth. t. XII, pp. III—IV, et pp. 3—33.

(2) Стр. 350.

Живо чувствовалъ онъ эту сладость, когда писалъ,— и персты его неоднократно не успѣвали слѣдовать по хартіи и не могъ онъ владѣть ими отъ удовольствія, вторгавшагося въ его сердце и заставлявшаго умолкать чувства ([1]). Побужденіемъ для св. пустынножителя раскрывать правила жизни и описывать различныя ея степени была единственно любовь къ братіямъ о Христѣ. «И я, возлюбленные, говоритъ онъ, поелику вдался въ юродство, не могу сохранять тайну въ молчаніи, но дѣлаюсь несмысленнымъ для пользы братіи,—и это согласно съ сказаннымъ у Апостола: *быхъ несмысленъ хваляся*: *вы мя понудисте* (2 Кор. 12, 11); потому что такова истинная любовь: она не можетъ содержать что-либо втайнѣ отъ возлюбленныхъ своихъ» ([2]). Заботливо св. Исаакъ проводитъ своихъ читателей по всему пути къ нравственному совершенству, то устрашая ихъ, то ободряя, то наконецъ изумляя раскрытіемъ таинственнѣйшихъ состояній человѣка въ единеніи съ Богомъ. Просвѣтленный благодатію взоръ его проникаетъ въ самые сокровенные изгибы сердца человѣческаго,—и его трость чертитъ съ поразительною вѣрностію глубоко-назидательную картину нравственной жизни и грѣшника, и праведника, и человѣка, который еще борется съ грѣхомъ за праведность. Впрочемъ черты этой жизни у него разбросаны отдѣльно въ его поучительныхъ Словахъ,— и ихъ нелегко всѣ уловить, свести въ одно цѣлое и обнять однимъ взглядомъ, при простомъ чтеніи. Для этого требуется намѣренное изученіе и обсужденіе

([1]) Стр. 197.
([2]) Тамъ же.

всего, что говоритъ св. отецъ. Облегчимъ же этотъ трудъ для тѣхъ, которые въ одномъ общемъ обзорѣ и связи хотѣли бы видѣть то, что содержится въ его писаніяхъ.

Человѣкъ, учитъ св. Исаакъ, есть разумно-свободное созданіе Божіе, состоящее изъ тѣла и души, или изъ плоти и духа ([1]). Первою стороною своего состава онъ принадлежитъ міру видимому, послѣднею—міру безплотныхъ духовъ, и собою соединяетъ, такъ сказать, оба міра. Отъ этого существа естественно было бы ожидать, чтобы разумный духъ его стремился взять перевѣсъ надъ безсмысленнымъ веществомъ и, при свободѣ своихъ стремленій къ Богу, высочайшему Духу, возвышалъ и освящалъ самое вещество. Но на опытѣ оказывается совершенно противное. Съ паденіемъ прародителей человѣкъ сталъ въ состояніе противуестественное; въ немъ взяла перевѣсъ надъ духомъ плоть,—и онъ можетъ возвратиться въ первобытное состояніе и достигнуть единенія съ Богомъ не иначе, какъ подъ условіемъ вѣры въ Сына Божія, спасшаго родъ человѣческій, собственныхъ тяжкихъ трудовъ и содѣйствія спасительной благодати Св. Духа. Такимъ образомъ въ жизни человѣка, кромѣ двухъ степеней—естественной, на которой человѣкъ, въ цѣлости своихъ двухъ природъ, стремится къ единенію съ Богомъ, и сверхъестественной, на которой онъ входитъ въ это таинственное единеніе, при помощи благодати—явилась еще третья—противуестественная ([2]). Съ другой стороны, слѣдя

([1]) Стр. 14. 17. 96. 308—339 и др.

([2]) Стр. 159. снес. 21—25. 298—301.

за жизнію человѣка, нельзя въ ней не замѣтить, что всѣ ея проявленія отпечатлѣваются троякимъ характеромъ: одни—чисто тѣлесныя, другія чисто духовныя, третьи составляютъ нѣчто среднее и могутъ быть названы душевными. Двѣ природы, непостижимо соединенныя въ единствѣ лица и сознанія человѣка, естественно даютъ о себѣ знать и такими проявленіями, которыя обозначаются нераздѣльно свойствами той и другой. Въ этомъ отношеніи можно даже сказать, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа (¹). И такъ, по ученію св. Исаака, жизнь человѣка имѣетъ три степени: она можетъ быть *плотскою*, *душевною* и *духовною*, или *противу-естественною*, *естественною* и *сверхъестественною*. Эти степени св. отецъ называетъ еще первою, второю и третьею степенью *вѣдѣнія*, замѣчая, что «хотя оно по природѣ своей просто и недѣлимо, но, сообразно съ дѣланіемъ своимъ и относительно къ областямъ мысленнаго и чувственнаго, оно пріобрѣтаетъ измѣненія и дѣленія» (²).

Первая степень вѣдѣнія, состояніе противуестественное, или жизнь плотская, по ученію св. Исаака, отпечатлѣвается характеромъ *сложности*, которымъ отличается плоть, преобладающая въ этомъ случаѣ надъ духомъ человѣка. На этой степени дробятся, мельчаютъ, разсѣяваются всѣ силы души: и умъ, и сердце, и воля.

1. Главная и существенная черта, отличающая дѣятельность ума на первой степени, та, что онъ бываетъ обращенъ *преимущественно* къ множеству и раз-

---

(¹) Стр. 343. снес. 17. 19. 478—479 и 481.
(²) Стр. 145—160. снес. 163. 486—487 и мн. др.

нообразію вещей и явленій видимаго міра,—къ тому, что передаютъ ему внѣшнія чувства [1]. Это направленіе мысли человѣческой къ внѣшнему, видимому міру, это, какъ говоритъ св. Исаакъ, пареніе или круженіе ума, выражается: въ любопытствѣ, съ какимъ человѣкъ любитъ выслушивать и узнавать новости, смотрѣть на собранія, народное стеченіе, волненіе, шумъ, разгулъ, хлопоты и наслажденіе [2],—въ словоохотливости, при которой человѣкъ любитъ пустословить и разглагольствовать и никакъ не можетъ удержаться, чтобы не высказать чего-либо другому о себѣ, о своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ, планахъ, поступкахъ—не только добрыхъ, а даже и о худыхъ [3],—въ броженіи мыслей, когда человѣкъ, не останавливаясь долго ни на чемъ и ни во что не вникая, постоянно перебѣгаетъ своимъ умомъ отъ одного предмета къ другому,— отъ того, что слышалъ, къ тому, что видѣлъ, чувствовалъ, дѣлалъ или узналъ когда-то [4]; — наконецъ въ помыслахъ о долгоденствіи, о тѣлесномъ покоѣ и о томъ, нельзя ли, какъ бы то ни было, имѣть у себя все, что составляетъ счастіе земной жизни, какъ-то:—богатство, удобства жизни, славу и почести, власть распоряжаться начальственно и т. п. [5]. Чѣмъ болѣе такимъ образомъ паритъ и кружится умъ человѣка; тѣмъ болѣе онъ утрачиваетъ своей силы вѣрно судить о вещахъ, тѣмъ болѣе омрачается и спу-

---

(1) Стр. 203. сн. 3 и др.
(2) Стр. 30. сн. 114. 260—261.
(3) Стр. 474. 48.
(4) Стр. 230.
(5) Стр. 154. 278.

тывается въ своихъ понятіяхъ (¹). При множествѣ новыхъ и новыхъ помысловъ, возбуждаемыхъ сношеніемъ съ внѣшнимъ міромъ и заботами о томъ, чтобы благоустроить временную жизнь, онъ не имѣетъ никакой возможности во все надлежащимъ образомъ вникать и все обсуживать. Приращенія, производимыя вещами этого міра (²), становятся для него какъ бы какимъ непрозрачнымъ тѣломъ (³), препятствующимъ видѣть предметы въ ихъ надлежащемъ свѣтѣ и составлять о нихъ вѣрныя понятія.—Но утрачивая свѣтлость и *чистоту взгляда*, умъ человѣка вмѣстѣ съ этимъ впадаетъ въ *односторонность*. Человѣкъ начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на жителя этого только міра и упускаетъ изъ виду, что за предѣлами здѣшней жизни есть другая, вѣчная жизнь,—что есть Богъ-Спаситель, но вмѣстѣ Судія и Мздовоздаятель, — что есть цѣлая область безплотныхъ, невидимыхъ Силъ, имѣющихъ къ человѣку непосредственное отношеніе. Такимъ образомъ вѣдѣніе человѣка становится, какъ выражается св. Исаакъ, *голымъ* вѣдѣніемъ. «Оно, говоритъ св. отецъ, называется голымъ вѣдѣніемъ; потому что исключаетъ всякое божественное попеченіе,—и вотъ его понятіе о себѣ: оно, безъ всякаго сомнѣнія, есть мысленная сила, тайно правящая человѣкомъ, божественная попечительность, назирающая надъ нимъ и совершенно о немъ пекущаяся. Такъ оно судитъ о себѣ потому, что ходитъ въ тмѣ, цѣнитъ достояніе свое по сравненію съ тѣмъ, что на землѣ, и не знаетъ, что есть нѣчто

(¹) Стр. 48. 203. 496. 433. 106.

(²) Стр. 198.

(³) Стр. 223.

лучшее его. Посему не Божію Промыслу приписываетъ оно управленіе міромъ, но все доброе въ человѣкѣ, спасеніе его отъ вредоноснаго для него и естественное остереженіе отъ затруднительнаго и отъ многихъ опасностей, тайно и явно сопровождающихъ естество наше, кажутся ему слѣдствіемъ собственной его рачительности и собственныхъ его способовъ. Оно мечтаетъ, что все бываетъ по его промышленію,—и въ этомъ согласно съ утверждающими, что нѣтъ управленія симъ видимымъ міромъ. Отсюда не допускаетъ оно въ этомъ мірѣ ничего сверхъестественнаго и не можетъ представить себѣ, чтобы текучее естество воды могло удержать на своемъ хребтѣ тѣлесныя стопы, или чтобы сожигающая сила огня могла остаться недѣйственною и т. п. Поэтому во всемъ, что касается до человѣка, оно бываетъ занято придумываніемъ средствъ и ухищреній, чтобы воспользоваться естественными законами для улучшенія его быта или предохраненія его отъ всего вреднаго и опаснаго. Когда же способы его изобрѣтенія окажутся въ какомъ-либо случаѣ недѣйствительными; то не усматривая таинственнаго Промысла, оно обвиняетъ людей и препирается съ тѣми, которые препятствуютъ и противятся ему. Взглядъ его на ближнихъ оскорбителенъ для достоинства человѣка. Для него люди тоже, что вещи, орудія для исполненія его временныхъ цѣлей. Поэтому для него ничего не значитъ хитрить предъ ними и лукавить. Оно разыскиваетъ малые ихъ проступки, вины и немощи, настроиваетъ человѣка учительствовать, прекословить на словахъ» (1).—Но это гор-

(1) стр. 154—155. снес. 149. 150.

дое въ своемъ омраченіи вѣденіе носитъ само въ себѣ начало *непрочности*, шаткости и разрушенія; разумѣемъ сомнѣніе, которое и побуждатъ человѣка всѣхъ и все пересуживать и при которомъ только и возможно отверженіе истинъ, внушаемыхъ Вѣрою. «Опредѣленіе вѣденія, говоритъ св. Исаакъ, то, что оно не имѣетъ власти что-либо дѣлать безъ разысканія и изслѣдованія, а напротивъ того, разыскиваетъ, возможно ли тому быть, о чемъ помышляетъ и чего хочетъ». А это признакъ колебанія въ истинѣ ([1]). Оно уничтожается, когда человѣкъ покоряетъ свой умъ въ послушаніе Вѣры; но съ другой стороны и усиливается по той мѣрѣ, какъ онъ предается паренію мыслей и киченію. Мало по малу въ немъ развивается расположеніе заподозривать все, даже собственное вѣденіе и его способы,—тѣмъ болѣе, что не во всемъ и не во всякое время успѣваетъ вѣденіе: нерѣдко встрѣчаются затруднительныя стеченія и столкновенія обстоятельствъ и многія опасности, въ которыхъ вовсе не могутъ помочь расчеты вѣденія и способы человѣческой мудрости ([2]). Такъ смущается и разсѣявается въ человѣкѣ умъ.

2. Но по той мѣрѣ, какъ предается разсѣянности умъ, разсѣявается и сердце человѣка. «Служеніемъ чувствамъ, говоритъ св. отецъ, разсѣявается сердце, утрачивая услажденіе Богомъ» и человѣческія чувствованія любви къ ближнимъ ([3]). Человѣкъ мало по малу становится холоденъ ко всему, что не входитъ въ тѣсные предѣлы его заботъ о тѣлесномъ покоѣ и на-

---

([1]) Стр. 146—147. сн. 149.

([2]) Стр. 6. сн. 147. 149. 150.

([3]) Стр. 3. сн. 155.

слажденіи удовольствіями здѣшней жизни. Это охлажденіе прежде всего усматривается «въ лѣности къ Божіей службѣ и къ молитвѣ; и, если душа не отпадетъ сперва отъ этого, нѣтъ иного пути къ душевному обольщенію» ([1]). Ктому же, если сердце прежде, во время чтенія слова Божія, молитвы или размышленія о дѣлахъ Божіихъ, приходило въ сокрушеніе и умиленіе, такъ что на лицѣ человѣка появлялись и слезы; то теперь этихъ слезъ не оказывается. «Они умаляются, говоритъ св. Исаакъ, въ той мѣрѣ, въ какой человѣкъ умомъ своимъ приближается къ этому міру. И когда умъ совершенно бываетъ погруженъ въ семъ мірѣ, тогда онъ совершенно лишается этихъ слезъ. И это признакъ, что человѣкъ погребенъ въ страстяхъ» ([2]). Отъ холодности человѣкъ переходитъ къ непріязненному расположенію противъ всѣхъ и всего, и сердце его исполняется укоризны на всякаго человѣка и на всякую вещь, съ чѣмъ бы ни встрѣчался онъ своими помыслами, и на самаго Всевышняго ([3]). Такимъ образомъ сердце его, которое могло бы вмѣстить въ себѣ весь міръ, съуживается до того, что въ немъ остается мѣсто одному самолюбію. Вмѣстѣ съ этимъ оно, подобно уму, утрачиваетъ твердость и устойчивость, предаваясь тревогамъ и смущенію ([4]). Человѣкъ постоянно бросается отъ одного удовольствія къ другому и старается одно смѣнить другимъ; но «за всякимъ удовольствіемъ слѣдуетъ омерзеніе и горечь, какъ не-

---

([1]) Стр. 14.
([2]) Стр. 116.
([3]) Стр. 231.
([4]) Стр. 231. сн. 2. 3. 342.

разлучные его спутники» ([1]). Онъ дорожитъ тѣлеснымъ покоемъ и всѣмъ, что увѣнчиваетъ тѣло въ этомъ видимомъ мірѣ; но всего этого надѣется только отъ собственнаго вѣденія, которое непрочно и въ способахъ котораго не можетъ онъ не сомнѣваться. Поэтому «не можетъ онъ пребыть безъ непрестаннаго попеченія и страха за тѣло, и потому овладѣваютъ имъ малодушіе, печаль, отчаяніе, страхъ отъ бѣсовъ, боязнь людей, молва о разбойникахъ, слухи о смертяхъ, заботливость въ болѣзни, попечительность въ скудости и недостаткѣ потребнаго, страхъ смерти, страхъ страданій и злыхъ звѣрей и все прочее, тому подобное, уподобляющееся морю, въ которомъ ежечасно, день и ночь мятутся и устремляются на пловцовъ волны. Страхъ за тѣло бываетъ въ немъ такъ силенъ, что онъ становится иногда вовсе неспособенъ сдѣлать что-либо честное и достославное и пугается тѣни своей» ([2]). Человѣку нерѣдко приходятъ юродивыя, достойныя смѣха, лучше же сказать, слезъ, и горькія для его самолюбиваго сердца мысли, что имъ пренебрегаютъ и ни во что ставится его честь ([3]). А сколько встрѣчается въ жизни случаевъ, въ которыхъ и дѣйствительно оскорбляется самолюбіе человѣка и онъ испытываетъ неудачи въ своихъ планахъ? Потому-то св. Исаакъ говоритъ: «кто раздражителенъ, кто гнѣвливъ, кто любостяжателенъ, кто чревоугодникъ, кто обращается съ мірянами, кто хочетъ чтобы исполняема была собственная его воля, кто

([1]) Стр. 445.
([2]) Стр. 155. снес. 19. 231.
([3]) Стр. 473.

вспыльчивъ и исполненъ страстей,—всѣ таковые пребываютъ въ такомъ же смятеніи, какъ сражающіеся ночью, и осязаютъ тьму, находясь внѣ области жизни и свѣта (¹).

3. Что касается до воли человѣка; то въ ней мало по малу совершенно растрачивается нравственная сила, и подъ вліяніемъ страстей человѣкъ дѣлается вовсе неспособенъ владѣть ни своими мыслями, ни чувствованіями, ни желаніями. Онъ подчиняется закону необходимости, подобно вещамъ этого міра, по которымъ кружатся и разсѣеваются его помыслы. Какимъ же образомъ онъ доходитъ до этого состоянія?—Исполненіемъ собственныхъ, личныхъ и мелочныхъ, пожеланій и отреченіемъ отъ исполненія обязательной и спасительной для всѣхъ воли Божіей, — иначе говоря,—путемъ *своеволія;* потому что, когда онъ исполняетъ собственное пожеланіе, не покаряясь волѣ Божіей, онъ, очевидно, каждый разъ дѣлаетъ уступку своей власти надъ самимъ собой въ пользу этого пожеланія, и не овладѣваетъ имъ, но, не подчиняя его заповѣди Божіей, самъ покаряется ему. Вотъ какъ на пр. св. отецъ изображаетъ рабство чревоугодника и его нравственное разслабленіе. Что бываетъ слѣдствіемъ чревоугодія? спрашиваетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — и отвѣчаетъ: «отсюда тягость въ головѣ, великое отягощеніе въ тѣлѣ и разслабленіе въ мышцахъ; а отъ сего необходимость не совершать Божію службу, потому что приходятъ лѣность творить на ней земные поклоны, нерадѣніе о поклонахъ обычныхъ, омраченіе и холодность мысли, умъ одебелѣвшій и неспособный

(¹) Стр. 48.

къ разсудительности отъ смятенія и великаго омраченія помысловъ, густой и непроницаемый туманъ, распростертый въ душѣ, сильное уныніе при всякомъ Божіемъ дѣлѣ, а также и при чтеніи, потому что человѣкъ неспособенъ вкушать сладость Божіихъ словесъ,—великая лѣность къ отправленію необходимыхъ дѣлъ, неудержимость ума, скитающагося всюду по землѣ,—большое накопленіе соковъ во всѣхъ членахъ... И бываютъ у него обольстительные помыслы, которые изображаютъ предъ нимъ красоту тѣлесную, и, вызывая на собесѣдованіе съ собою, раздражаютъ и щекотятъ умъ. И человѣкъ, нимало не колеблясь, сочетается съ сими помыслами, останавливаясь на нихъ и вождѣлевая ихъ, по причинѣ омраченія въ немъ разсудка. И это есть то самое, что сказалъ и Пророкъ: вотъ воздаяніе сестрѣ Содомѣ, которая роскошествуя ѣла хлѣбъ въ сытость (Иез. 16, 49). И о семъ-то сказано однимъ изъ великихъ мудрецовъ, что если кто съ великою роскошью станетъ питать тѣло свое, то душу свою подвергнетъ брани; и если придетъ въ себя и приметъ на себя трудъ принудить себя, чтобы овладѣть самимъ собою, то не возможетъ сего по чрезмѣрному разженію тѣлесныхъ движеній» ([1]). Тоже должно сказать и о всѣхъ другихъ страстяхъ—приверженности къ богатству, честолюбіи, желаніи распоряжаться начальственно, желаніи наряжаться и нравиться. Каждая страсть образуетъ собою тѣсный кругъ, за черту котораго человѣкъ выдти не въ силахъ,—тѣмъ болѣе, что и благодать Божія оставляетъ его, попуская ему увлекаться похотями его сердца ([2]). По-

([1]) Стр. 456. 457.

([2]) Стр. 510. 511. снес. 18.

тому-то св. Исаакъ умоляетъ остерегаться собственной свободы, такъ какъ это «невѣжественная свобода, это мать страстей и предшествуетъ лукавому и жестокому рабству» ([1]).

«Вотъ первая степень вѣдѣнія, на которой человѣкъ послѣдуетъ плотской похоти! И мы охуждаемъ это вѣдѣніе, замѣчаетъ св. Исаакъ, и признаемъ оное противнымъ не только вѣрѣ, но и всякому дѣланію добродѣтели» ([2]). На этой степени происходитъ въ человѣкѣ какъ будто разложеніе и омертвеніе всѣхъ силъ его души. Потому св. отецъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «кто привязанъ къ мірскимъ (людямъ), къ міру и къ упокоенію его, кто любитъ бесѣдованіе съ міромъ; тотъ лишается жизни, и мнѣ нечего сказать онемъ; остается только съ воплемъ плакать неутѣшнымъ плачемъ, который сокрушитъ сердца слышащихъ оный» ([3]).

Но Богъ, *не хотяй, смерти грѣшника, а еже обратитися и живу быти ему*, употребляетъ все, чтобы возвратить его къ истинной жизни. Неисповѣдимы Его судьбы, которыми Онъ изводитъ человѣка изъ области мрака и погибели,—и совершаетъ его спасеніе. Но вообще въ обращеніи человѣка Онъ дѣйствуетъ двумя способами—попущеніемъ искушеній или *душевныхъ* или *тѣлесныхъ* ([4]). Въ первомъ случаѣ Онъ дѣйствуетъ непосредственно на душу, попуская, чтобы все зло, какое есть въ человѣкѣ, подъ злымъ вліяніемъ діавола, оказывало въ немъ свою силу и, истомляя душу, побуждало его всмотрѣться въ свое

([1]) Стр. 441. 444.

([2]) Стр. 157.

([3]) Стр. 49.

([4]) Стр. 404—405.

опасное положеніе и одуматься. Въ послѣднемъ случаѣ Богъ дѣйствуетъ на человѣка чрезъ его тѣло— указаніемъ безобразія или казни порока на другихъ людяхъ, или же нарушеніемъ тѣлеснаго покоя самаго человѣка и скорбями тѣлесными, чтобы такимъ образомъ возбудить въ немъ помыслъ объ исходѣ этого естества о жизни будущей и о Томъ, кто живитъ и мертвитъ, низводитъ во адъ и возводитъ. «Къ числу искушеній тѣлесныхъ принадлежатъ: болѣзненные, многосложные, продолжительные, неудобоизлечимые припадки, частыя встрѣчи съ людьми худыми и безбожными. Или человѣкъ впадаетъ въ руки оскорбителей, сердце его вдругъ, всегда безъ причины, приводится въ движеніе страхомъ Божіимъ; часто терпитъ онъ страшныя, сокрушительныя для тѣла паденія со скалъ, съ высокихъ мѣстъ и съ чего-либо подобнаго, наконецъ чувствуетъ оскудѣніе въ томъ, что помогаетъ сердцу божественною силою и упованіемъ вѣры; короче сказать: и ихъ самихъ и близкихъ имъ постигаетъ все, повидимому невозможное и небывалое. Начало сихъ искушеній появляется въ человѣкѣ, когда кто въ собственныхъ глазахъ начинаетъ казаться мудрымъ. И онъ проходитъ всѣ эти бѣдствія, по мѣрѣ усвоенія имъ помысловъ гордости» (1).

Замѣчая въ одномъ мѣстѣ о всецѣломъ паденіи души и всецѣлой ея погибели, св. Исаакъ говоритъ: «кто явно принадлежитъ къ числу таковыхъ, тотъ, когда падетъ, да не забываетъ любви Отца своего; но, если приключится ему впасть и въ многоразличныя прегрѣшенія, да не престаетъ радѣть о добрѣ,

(1) Стр. 472. 475.

да не останавливается въ своемъ теченіи; но и побѣжденный снова да возстаетъ на борьбу съ своими противниками и ежедневно да начинаетъ полагать основаніе разрушенному зданію, до самаго исхода изъ міра сего, имѣя въ устахъ пророческое слово: *не радуйся о мнѣ, противникъ мой, яко падохъ; ибо снова возстану. Аще сяду во тмѣ, Господь озаритъ мя* (Мих. 7, 8)» (¹).

По тому, что сказано о первой степени вѣденія, можно уже отчасти судить и о второй. На этой степени духъ человѣка борется съ плотію и *стремится отъ сложности*, свойственной плоти, *къ простотѣ*, отличающей его самаго. Этотъ характеръ стремленія отъ сложности и разсѣянности къ простотѣ и цѣлости выражается —

1. Въ умѣ—прежде всего мыслію о другой половинѣ бытія и жизни человѣка. Знакъ того, что онъ началъ сознавать себя въ цѣлости и единствѣ своихъ двухъ природъ, изъ которыхъ объ одной—высшей на первой степени забываетъ. «Первая мысль, которая по Божію человѣколюбію входитъ въ человѣка и руководствуетъ душу къ жизни, есть западающая въ душу мысль объ исходѣ сего естества. За симъ помысломъ естественно слѣдуетъ пренебреженіе къ міру; и этимъ начинается въ человѣкѣ всякое доброе движеніе, ведущее къ жизни. Чрезъ этотъ помыслъ какъ бы основаніе какое полагаетъ въ человѣкѣ сопутствующая ему божественная сила, когда восхощетъ обнаружить въ немъ жизнь. И если человѣкъ эту сказанную нами мысль не угаситъ житейскими связями и суесловіемъ, но будетъ возращать ее въ безмолвіи, остановится на

(¹) Стр. 42.—43.

ней созерцаніемъ и займется ею; то она поведетъ человѣка къ глубокому созерцанію, котораго никто не въ состояніи изобразить словомъ. Сатана ненавидитъ сей помыслъ и всѣми своими силами нападаетъ, чтобы истребить его въ человѣкѣ. И еслибы можно было, отдалъ бы ему царство цѣлаго міра, только бы развлеченіемъ изгладить въ умѣ человѣка такой помыслъ... Знаетъ коварный, что если помыслъ сей пребываетъ въ человѣкѣ, то умъ его стоитъ уже не на этой землѣ обольщенія, и козни его къ человѣку не приближаются» (1).

Помыслъ о жизни загробной, свидѣтельствуя о томъ, что человѣкъ сосредоточивается на самомъ себѣ, въ свою очередь побуждаетъ его къ этой сосредоточенности. Человѣкъ начинаетъ углубляться въ самаго себя, останавливая свое вниманіе на томъ, какъ идетъ его внутренняя жизнь и какъ пользуется онъ ею, для приготовленія къ вѣчности, или, по выраженію св. Исаака, начинаетъ «заниматься своимъ вѣденіемъ и житіемъ» (2). Въ этомъ случаѣ всѣ свои мысли, желанія, поступки онъ подвергаетъ самому внимательному наблюденію и строгому суду; во все, что его окружаетъ въ жизни, случается съ нимъ и имѣетъ на него какое-либо вліяніе, заботливо всматривается, вникаетъ, и изъ всего выводитъ для себя нравственные уроки. Онъ постоянно имѣетъ въ виду, что для его души полезно, и что можетъ принести ей вредъ; чтобы однимъ воспользоваться для своего вѣчнаго спасенія, а другаго избѣжать (3). Чѣмъ болѣе такимъ образомъ человѣкъ со-

(1) Стр. 500—501.
(2) Стр. 196. сн. 157.
(3) Стр. 485—486.

средоточивается на самомъ себѣ, тѣмъ болѣе развивается въ немъ *самопознаніе*,—знаніе того, что *для него именно* полезно и что вредно, и насколько онъ усвоилъ себѣ добра и избѣжалъ зла; съ другой стороны тѣмъ болѣе открывается для него необходимости быть внимательнымъ къ самому себѣ, потому что, по мѣрѣ преспѣянія человѣка, признаки его состоянія дѣлаются тонѣе и непримѣтнѣе (¹). И много, много важныхъ вопросовъ предлагаетъ вниманію подвижника св. Исаакъ, на всемъ пути его къ совершенству. «Будь всегда внимателенъ къ себѣ самому, возлюбленный, говоритъ св. отецъ, и разсмотри... начали-ль изнемогать въ тебѣ страсти? Положи примѣту и, входя непрестанно самъ въ себя, смотри: какія страсти, по твоему замѣчанію, изнемогли предъ тобою, какія изъ нихъ пропали и совершенно отступили отъ тебя, и какія изъ нихъ начали умолкать вслѣдствіе душевнаго здравія, а не вслѣдствіе удаленія того, что приводило тебя въ боязнь, и какія научился ты одолѣвать умомъ, а не лишеніемъ ихъ того, что служитъ для нихъ поводомъ? Обрати также вниманіе на то, точно ли видишь, что, среди загноенія язвы твоей, начала наростать живая плоть, т. е. душевный миръ? Какія страсти постепенно и стремительно порываются въ тебѣ и чрезъ какіе промежутки времени? Суть ли это страсти душевныя или тѣлесныя, или сложныя и смѣшанныя? И возбуждаются ли въ памяти темно, какъ немощныя, или съ силою возстаютъ на душу? И притомъ властительски, или татскимъ образомъ? И какъ обращаетъ на нихъ вниманіе владѣющій чувствами царь—умъ? И когда онѣ напрягутъ

(¹) Стр. 232. снес. 432—453.

силы, сражается ли съ ними и приводитъ ихъ въ безсиліе своею крѣпостію, или не обращаетъ на нихъ взора и не ставитъ ихъ ни во что? И какія изъ нихъ изгладились послѣ борьбы, и какія вновь изобразились?... Обрати вниманіе и на сіе. Достаточно ли душевному вѣденію свѣта къ различенію того, или различаетъ оно это во тмѣ, или совершенно лишено такой способности? Точно ли находишь, что помыслъ началъ очищаться? Пареніе мыслей проходитъ ли въ умѣ въ часъ молитвы? Какая страсть смущаетъ умъ, во время приближенія къ молитвѣ? Ощущаешь ли въ себѣ, что сила безмолвія пріосѣнила душу кротостію, тишиною и миромъ, какой сверхъ обычая раждается обыкновенно въ умѣ? Восхищается ли непрестанно умъ, безъ участія воли, къ понятіямъ о безплотномъ, въ объясненіе чего не дозволено входить чувствамъ? Возгарается ли въ немъ внезапно радость, ни съ чѣмъ несравнимымъ услажденіемъ своимъ заставляющая умолкнуть языкъ? Источается ли непрестанно изъ сердца нѣкое удовольствіе и влечетъ ли вседѣло умъ?.. Смотри также, пріобрѣла ли душа силу, которая чувственныя памятованія потребляетъ овладѣвающею сердцемъ надеждою и внутреннія чувства укрѣпляетъ неизъяснимымъ убѣжденіемъ въ несомнѣнности? И сердце безъ попеченія о томъ, чтобы не было плѣнено оно земнымъ, пробуждено ли непрестаннымъ повѣданіемъ и непрерывнымъ сердечнымъ дѣланіемъ со Спасителемъ нашимъ» (1)? Внимательность человѣка къ самому себѣ и самоиспытаніе продолжаются въ немъ до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ въ единую простоту чистоты,

(1) Стр. 233—236.

*

когда вѣденію не оказывается уже необходимости различать добро отъ зла, какъ въ самомъ человѣкѣ, такъ и внѣ его. До какой степени простирается эта трезвенность у ревнителей благочестія, объ этомъ можно судить по одному примѣру, представляемому св. Исаакомъ. «Однажды, говоритъ онъ, нѣкто изъ любомудрыхъ, покачнувщись отъ слабости и ощутивъ это, немедленно сѣлъ, приведя себя въ прямое положеніе; другой, посмотрѣвъ на него, разсмѣялся этому. Но тотъ отвѣчалъ: «не этого убоялся я, а боюсь небреженія; потому что и малая небрежность нерѣдко ведетъ къ большимъ опасностямъ. А тѣмъ, что нарушилъ я порядокъ и вскорѣ исправился, показалъ, что я трезвенъ и не пренебрегаю даже и тѣмъ, что не страшно» ([1]).

Слѣдствіемъ сосредоточенности человѣка въ самомъ себѣ и самопознанія бываетъ съ одной стороны то, что человѣкъ отрѣшается своимъ умомъ отъ круженія по явленіямъ жизни временной. «Чувства цѣломудренныя и собранныя не дозволяютъ душѣ входить въ испытаніе вещей» ([2]). Человѣку бываетъ уже не до того, чтобы подмѣчать слабости ближнихъ, пересуживать ихъ дѣйствія, учительствовать, разглагольствовать, погружаться своимъ умомъ въ суетливыя заботы о здѣшней жизни и предаваться праздному любопытству. Съ другой стороны, чѣмъ болѣе углубляется онъ въ самого себя и чѣмъ болѣе познаетъ себя; тѣмъ болѣе и болѣе развивается въ немъ убѣжденіе въ его недостоинствѣ, въ его немощи умствен-

---

([1]) Стр. 462.
([2]) Стр. 30. сн. 20—21.

ной и нравственной (потому что таковы всѣ мы),— разумѣется, если только при этомъ, не ускользнетъ отъ его вниманія тонкій помыслъ гордыни и не отвлечетъ его отъ самопознанія. Онъ начинаетъ осуждать себя, *смиряться*,—и это смиреніе въ умѣ выражается вообще покореніемъ его въ послушаніе Вѣры ([1]). Человѣкъ уже не дерзаетъ самонадѣянно пускаться въ рѣшеніе вопросовъ жизни, а только, поучаясь въ законѣ Божіемъ, старается уяснить и усвоить себѣ богооткровенныя истины, чтобы по ихъ руководству благоустроить свою жизнь. Онъ начинаетъ вѣровать. Но эта вѣра есть только *вѣра отъ слуха*; такъ какъ, соглашаясь, что все открытое Богомъ—истинно, онъ можетъ при этомъ узнать богооткровенныя истины не иначе, какъ при пособіи внѣшняго руководства,— чтенія слова Божія, наученія отъ тѣхъ, кому оно ввѣрено для храненія, равно подъ условіемъ собственнаго размышленія о своей жизни и жизни міра, при свѣтѣ слова Божія ([2]). Слово Божіе такимъ образомъ становится для него первымъ предметомъ чтенія и изученія,—и съ одной стороны просвѣтляетъ его умъ, связывая при этомъ его помыслы и не позволяя имъ разсѣяваться: потому что «когда они погружаются въ услажденіе постиженіемъ сокровенной въ словесахъ Божіихъ мудрости; тогда человѣкъ, въ какой мѣрѣ извлекаетъ изъ нихъ уясненіе, въ такой же оставляетъ позади себя міръ, забываетъ все, что въ мірѣ,—и всѣ воспоминанія, всѣ дѣйственные образы овеществленія міра изглаждаются въ душѣ, а нерѣдко уничтожается

([1]) Стр. 485—486.

([2]) Стр. 486. 487.

самая потребность обычныхъ помысловъ, посѣщающихъ природу... При этомъ путеводимые благодатію къ просвѣщенію всегда ощущаютъ, что какъ бы умный какой лучь проходитъ по стихамъ писаннаго и отличаетъ уму голыя слова отъ того, что *душевному вѣдѣнію сказано* съ великою мыслію. Даже если умъ плаваетъ на поверхности водъ, т. е. моря божественныхъ Писаній, и не можетъ проникнуть мыслей Писанія до самой глубины и уразумѣть всѣ сокровища, таящіяся въ глубинѣ его; то и того самаго, что умъ занятъ рвеніемъ къ уразумѣнію Писанія, достаточно для него, чтобы единымъ помышленіемъ о досточудномъ крѣпко связать помыслы и воспрепятствовать имъ, какъ сказалъ нѣкто изъ Богоносныхъ, стремиться къ естеству тѣлесному» (¹). Съ другой стороны, проистекая изъ смиренія, изученіе св. Писанія въ свою очередь само смиряетъ умъ человѣка. «Естество души, говоритъ св. Исаакъ, удободвижно и легко: иногда, восторгаясь, вождѣлеваетъ она восходить высоко и дознавать, что превыше ея естества,—и нерѣдко, при чтеніи Писаній и воззрѣніи на вещи, постигаетъ нѣчто; когда же будетъ попущено,—и сравнитъ она себя съ постигнутымъ ею, тогда оказывается, что она въ мѣрѣ смотрѣнія своего является ниже и меньше того, до чего простерлась въ вѣдѣніи, а потому въ помышленіяхъ своихъ облекается въ страхъ и трепетъ,—и въ боязни, какъ бы устыдившись, что отважилась коснуться высшихъ ея духовныхъ предметовъ, спѣшитъ снова возвратиться въ свое ничтожество. По причинѣ страха внушаемаго предметами, находитъ на нее

(¹) Стр. 4. 5. 6.

какая-то боязнь, — и разсудокъ помаваетъ уму души обучаться молчанію и не быть безстыднымъ, чтобъ не погибнуть и не искать превосходящаго ее, не допытываться того, что выше ея» ([1]). И до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не пріиметъ Утѣшителя, т. е. пока не взойдетъ на третью степень вѣденія, чтеніе св. Писанія и вообще изученіе истинъ Вѣры, человѣку необходимо по тому самому, что вѣра его на этой степени, какъ сказано, есть только вѣра отъ слуха,—не больше ([2]).

Когда такимъ образомъ человѣкъ отъ вѣденія перейдетъ къ вѣрѣ ([3]) и искренно отъ всей души станетъ признавать, что есть Богъ, спасающій его своею благодатію подъ условіемъ вѣрности словесамъ Его заповѣдей; тогда сама благодать начинаетъ укрѣплять его вѣру, открывая ему свою силу въ различныхъ вспоможеніяхъ. «Сперва открываетъ въ этомъ явномъ, касающемся до тѣла, и оказываетъ ему помощь промышленіемъ о тѣлѣ, чтобы въ этомъ всего болѣе могъ онъ чувствовать силу Божія Промысла. И уразумѣвая явное, увѣряется онъ и въ сокровенномъ, какъ и свойственно младенчеству его мыслей и житію. Ибо какъ уготовляется потребное для него, когда онъ о томъ и не заботился? Многіе удары приближающіеся къ нему, часто исполненные опасностей, проходятъ мимо, когда человѣкъ о нихъ и не помышлялъ, между тѣмъ благодать неощутимо и весьма чудесно отражаетъ отъ него это и хранитъ его, какъ питающая чадъ своихъ птица, которая распростираетъ надъ ними крылья свои, чтобы не испытали онѣ отъ чего-либо вреда.

([1]) Стр. 347. 348.
([2]) Стр. 382—383.
([3]) Стр. 486.

Такъ нерѣдко иной, не зная, идетъ путемъ, гдѣ есть дикій звѣрь, или убійца, или что-нибудь подобное,— и вотъ Промыслъ Божій спасаетъ его отъ такого вреда: или пока не пройдетъ мимо хищный звѣрь, чѣмъ-нибудь замедлитъ шествіе путника, или встрѣчается ему кто-нибудь и заставляетъ уклониться отъ пути. И еще: иногда лукавый змѣй лежитъ на пути незамѣтно; но Богъ, не хотя предать человѣка такому искушенію, дѣлаетъ, что змѣй начинаетъ вдругъ шипѣть и трогаться съ мѣста или ползти впереди путника,—и тотъ, видя это, остерегается и спасается отъ змѣя. И еще: случается нерѣдко, что падаетъ домъ или стѣна или камень, съ шумомъ подвигшись съ своего мѣста, а тамъ сидѣли иные, — и Богъ человѣколюбно повелѣваетъ Ангелу удержать и остановить въ паденіи мѣсто это, пока не встанутъ сидѣвшіе, или пока чѣмъ-нибудь не отведетъ ихъ, и никого не останется на мѣстѣ; и едва отойдутъ они, немедленно попускаетъ упасть. А если и случится, что иной будетъ застигнутъ,—дѣлаетъ, что не терпитъ онъ никакого вреда. Благодать такимъ образомъ даетъ ему видѣть очами своими, какъ близка была къ нему погибель и какъ остался онъ невредимымъ. Такъ обучаетъ его и въ разсужденіи сокровеннаго, открываетъ предъ нимъ хитросплетенія мыслей и помысловъ трудныхъ и непостижимыхъ. И легко сыскивается человѣкомъ значеніе ихъ, взаимная между ними связь и прелесть ихъ, и къ которому изъ сихъ помысловъ прилѣпленъ человѣкъ, какъ они раждаются одинъ отъ другаго и губятъ душу. И благодать посрамляетъ предъ нимъ злокозненность демоновъ и убѣжище помысловъ ихъ, влагая въ него смыслъ уразумѣвать будущее; въ простотѣ его

возсіяваетъ сокровенный свѣтъ, чтобы вполнѣ ощущать силу понятій въ тонкихъ помыслахъ и какъ бы перстомъ указуетъ ему, что потерпѣлъ бы онъ, если бы не дозналъ того. И тогда раждается у него отсюда та мысль, что всякую вещь, малую и великую, должно ему въ молитвѣ испрашивать себѣ у Создателя своего» [1].

Такимъ образомъ вѣденіе человѣка на второй степени отъ *разсѣянности переходитъ къ собранности*. Человѣкъ пріобрѣтаетъ полный и всесторонній взглядъ на себя и на жизнь, потому что начинаетъ сознавать себя въ цѣлости своихъ двухъ природъ, тѣлесной и духовной, и за предѣломъ временной жизни начинаетъ постоянно имѣть въ виду жизнь другую, которая неизбѣжно будетъ исполнена для него или вѣчныхъ мученій, или вѣчнаго блаженства. Но цѣлости и простоты въ этомъ вѣденіи нѣтъ и не можетъ быть. Сосредоточиваясь на самомъ человѣкѣ и находясь, такъ сказать, на рубежѣ міра видимаго и духовнаго, оно неизбѣжно двоится; во-первыхъ потому, что въ человѣкѣ оно встрѣчается съ зломъ, отъ котораго онъ хочетъ очиститься, и съ добромъ, въ которомъ преуспѣваетъ,—съ его грѣхами и добродѣтелями,—съ его усиліями о пріобрѣтеніи чистоты и съ содѣйствіемъ благодати Божій,—съ его заблужденіями и истинами, пріобрѣтаемыми собственнымъ его трудомъ, при свѣтѣ слова Божія;—во-вторыхъ потому, что къ его представленіямъ всего невидимаго, духовнаго, божественнаго необходимо примѣшиваются образы и подобія, заимствованныя изъ міра видимаго,—и вещи духовныя оно мо-

---

[1] Стр. 269—270. сн. 425.

жетъ созерцать не непосредственно, а только въ понятіяхъ, при посредствѣ умственныхъ соображеній и догадокъ ([1]). Поэтому вѣденіе это св. Исаакъ и называетъ только *душевнымъ* ([2]).

2. Что же происходитъ съ сердцемъ человѣка? Оно также мало по малу собирается, отрѣшаясь отъ пристрастія къ временнымъ благамъ и отъ исключительной привязанности къ чему бы то ни было въ этомъ мірѣ, съ другой стороны пробуждаясь для ощущенія наслажденій жизни вѣчной. Это происходитъ такимъ образомъ. Какъ скоро западетъ въ душу помыслъ объ исходѣ этого естества, въ тоже время въ сердцѣ пробуждается любовь къ жизни вѣчной, которая на первой степени бываетъ заглушена впечатлѣніями внѣшняго міра. Очевидно, при этомъ любовь къ жизни становится полною, а не одностороннею, какова она на первой степени, когда человѣкъ дорожитъ одною здѣшнею жизнію, забывая о будущей. Вмѣстѣ съ этимъ является въ сердцѣ съ одной стороны страхъ за душу и опасеніе за ея вѣчную судьбу, съ другой жажда благъ, *яже уготова Богъ любящимъ Его*. Это-потому, что, вслѣдствіе помысла объ исходѣ этого естества сосредоточивая вниманіе на самомъ себѣ, человѣкъ приходитъ къ сознанію своего недостоинства предъ Богомъ и къ вѣрѣ въ будущую жизнь, въ наказанія и награды, ожидающія всякаго человѣка въ вѣчности, смотря по его дѣламъ ([3]). Страхъ Божій и жажда благъ будущихъ, появившись такимъ образомъ

([1]) Стр. 158. снес. 159. 224. 327—328. 330. 384. 478—479. 485—486.

([2]) Стр. 196. сн. 6. 266—267.

([3]) Стр. 205. сн. 500. 31. 486.

въ сердцѣ человѣка, становятся главными побужденіями всей его дѣятельности и съ одной стороны не позволяютъ ему привязываться къ благамъ и наслажденіямъ временнымъ, съ другой раждаютъ мужество и терпѣніе въ скорбяхъ этой жизни ради праведности, за которою слѣдуютъ вѣчныя награды. «Когда умножилась въ человѣкѣ благодать, говоритъ св. Исаакъ, тогда по желанію праведности страхъ смертный дѣлается для него малоуважителенъ, и много причинъ находитъ онъ въ душѣ своей, по которымъ ради страха Божія должно ему терпѣть скорбь. Все, что повидимому вредитъ тѣлу и внезапно дѣйствуетъ на природу, а слѣдовательно приводитъ ее въ страданіе, ни во что вмѣняется въ очахъ его въ сравненіи съ тѣмъ, чего онъ ожидаетъ въ будущемъ. И когда на страхъ за тѣло приникаетъ страхъ за душу, тогда страхъ тѣлесный изнемогаетъ предъ страхомъ душевнымъ, какъ воскъ отъ силы пожигающаго его огня» (1). Страхъ за душу и чаяніе обѣтованныхъ благъ продолжаются во все время собранности ума, о которой мы сказали, и пока пребываютъ въ сердцѣ человѣка, оно не можетъ быть «безъ сокрушенія и молитвы къ Богу объ оставленіи прошедшаго и безъ болѣзнованія о храненіи будущаго», словомъ—безъ *покаянія* (2). Въ этомъ сокрушеніи о грѣхахъ и томительной заботѣ объ исполненіи заповѣдей Божіихъ, можно сказать, и сосредоточивается вся жизнь сердца на второй степени. Потому какъ скоро человѣкъ вступаетъ на эту степень, — о томъ немедленно даютъ знать слезы сокру-

---

(1) Стр. 462. 3. 19—20.
(2) Стр. 247.

шенія о грѣхахъ. Это впрочемъ «слезы сожигающія: онѣ изсушаютъ и сожигаютъ тѣло; а нерѣдко и самое владычественное въ душѣ, во время изліянія этихъ слезъ, ощущаетъ отъ нихъ вредъ» ([1]). Но по той мѣрѣ, какъ человѣкъ въ покаяніи простирается впередъ и заботу о спасеніи выражаетъ въ перенесеніи скорбей, которыя неизбѣжны, при совершеніи подвиговъ благочестія,—въ его сердцѣ распространяется миръ совѣсти. Она начинаетъ свидѣтельствовать, что человѣкъ не нерадитъ ни о чемъ, къ чему обязанъ по мѣрѣ силъ своихъ ([2]). Отсюда съ одной стороны является надежда на Бога и упованіе, что Господь не мученіями и наказаніями, а наградами и блаженствомъ воздастъ въ будущей жизни за вѣрность Его волѣ ([3]). Съ другой—въ отрѣшающемся отъ пристрастія къ благамъ этого міра и свободномъ отъ угрызеній совѣсти сердцѣ, благодать Божія начинаетъ отъ времени до времени открывать источникъ духовнаго услажденія и радованія. Такимъ образомъ ланиты подвижника начинаютъ покрываться уже не слезами сожигающими, но сладостными слезами умиленія:—то когда онъ бываетъ занятъ богомысліемъ, то во время чтенія св. Писанія, то при молитвенномъ собесѣдованіи ([4]). Утѣшеніе слезъ, надобно прибавить, на второй степени бываетъ не иначе, какъ съ промежутками. «Бываетъ также (разумѣется—съ великими подвижниками, которые ведутъ скорбную жизнь), что человѣкъ преклонилъ колѣна въ молитвѣ, и руки его воздѣты къ небесамъ, лице устрем-

([1]) Стр. 116.
([2]) Стр. 463.
([3]) Тамъ же.
([4]) Стр. 418. сн. 115—116. 170—171.

лено на крестъ Христовъ, всѣ помышленія свои собираетъ онъ во едино въ молитвѣ къ Богу и, въ то время, какъ молится со слезами и умиленіемъ, въ тотъ самый часъ воскипаетъ въ сердцѣ его источникъ, изливающій услажденіе: члены его разслабѣваютъ, очи закрываются, лице поникаетъ къ землѣ и помышленія его измѣняются, такъ что не можетъ онъ сдѣлать поклона отъ радости, возбуждающейся въ цѣломъ тѣлѣ его» ([1]). Кромѣ того «нерѣдко по ночамъ, когда человѣкъ находится между сномъ и пробужденіемъ, какбы спя и не спя, бодрствуя и не бодрствуя, а многократно и во время подѣлія, во все тѣло неощутительно входитъ какое-то услажденіе и радованіе,—и плотской языкъ не можетъ выразить этого, почитая все земное прахомъ и тщетою. И когда найдетъ на человѣка это услажденіе, біющееся въ цѣломъ его составѣ; тогда думаетъ онъ въ тотъ часъ, что и царство небесное не иное что есть, какъ это же самое» ([2]). Такія состоянія повременнаго радованія служатъ признакомъ того, что сердце стало уже близко къ очищенію и простотѣ.

Такова жизнь сердца на второй степени. Страхъ Божій и жажда благъ будущихъ, или вообще любовь къ жизни вѣчной связываетъ его и собираетъ, отрѣшая отъ исключительной привязанности къ чему бы то ни было въ этомъ мірѣ и дѣлая его способнымъ ощущать наслажденія высшія, духовныя. Но при этой собранности сердца, простоты и цѣлости ему также не достаетъ, какъ и уму; потому что въ

([1]) Стр. 354.
([2]) Стр. 236.

немъ встрѣчаются совершенно противоположныя чувствованія: — скорби, неизбѣжной при отрѣшеніи отъ пристрастія къ благамъ временнымъ, и отрады, слѣдующей за каждою скорбію ради Бога,—опасенія за вѣчную судьбу и надежды на спасеніе. Простота уже послѣдуетъ за полнымъ очищеніемъ сердца, отъ всѣхъ исключительныхъ привязанностей въ этомъ мірѣ или, что тоже, страстей. Но «иное чистота сердца, и иное чистота ума; потому что умъ есть одно изъ душевныхъ чувствъ, а сердце обнимаетъ въ себѣ и держитъ въ своей власти внутреннія чувства. Оно есть корень. Но если корень святъ, то и вѣтви святы; т. е. если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и всѣ чувства. Если умъ приложитъ стараніе къ чтенію божественныхъ Писаній, или потрудится нѣсколько въ постахъ, въ бдѣніяхъ, въ безмолвіяхъ; то забудетъ прежнее свое житіе и достигнетъ чистоты, какъ скоро удалится отъ сквернаго поведенія. Однакоже не будетъ имѣть постоянной чистоты; потому что скоро онъ очищается, но скоро и оскверняется. Сердце же достигаетъ чистоты многими скорбями, лишеніями, удаленіемъ отъ общенія со всѣмъ, что въ мірѣ мірскаго, и умерщвленіемъ себя для всего этого. Если же достигло оно чистоты; то чистота его не сквернится чѣмъ-либо малымъ, не боится великихъ и явныхъ браней,—разумѣю брани страшныя,—потому что пріобрѣло себѣ крѣпкій желудокъ, который можетъ скоро переваривать всякую пищу, несваримую въ людяхъ немощныхъ» (¹).

3. Вмѣстѣ съ умомъ и сердцемъ достигаетъ со-

(¹) Стр. 29—30.

бранности и воля. Какимъ образомъ? На первой степени,—мы видѣли,—человѣкъ рѣшительно растрачиваетъ свою нравственную силу своимъ своеволіемъ, при которомъ онъ, не стѣсняясь никакимъ закономъ, слѣдуетъ похотямъ своего сердца и, если останавливается въ удовлетвореніи имъ, то изъ одного страха за свое временное благополучіе. Какъ же скоро онъ вступаетъ на вторую степень; то, боясь уже за свою душу и дорожа своею вѣчною судьбою, онъ рѣшается оставить своеволіе и свою волю подчинить волѣ Божіей. Но это возможно для него не иначе, какъ при упражненіи своей воли въ исполненіи того, чего хочетъ Богъ и чего требуетъ въ своихъ заповѣдяхъ (1). Не пріобрѣлъ онъ еще любви къ Богу; поэтому ему необходимо упражняться въ томъ, что ведетъ его къ этой любви; напр. въ молитвѣ, «вслѣдствіе которой снискиваются причины любить Бога» (2). Не любитъ еще онъ и ближнихъ; поэтому необходимо для него творить милостыню, принуждать себя къ перенесенію обидъ, къ пожертвованію своихъ частныхъ выгодъ пользѣ общей, и не только пользоваться каждымъ случаемъ, вызывающимъ его на доброе дѣло для своихъ собратій, но и изыскивать эти случаи (3). Не отрѣшился еще онъ отъ пристрастія къ здѣшней жизни; поэтому для него необходимо терпѣніе въ скорбяхъ, посылаемыхъ ему Промысломъ въ этой жизни, или и свободное лишеніе себя удобствъ жизни, тѣлеснаго покоя (4). Такимъ образомъ жизнь человѣка

(1) Стр. 157. сн. 298—301.

(2) Стр. 204—205.

(3) Стр. 309. сн. 340—342. 350—351.

(4) Стр. 14—15.

на второй степени, представляетъ собою не что иное, какъ рядъ добрыхъ дѣлъ и подвиговъ добродѣтели, при совершеніи которыхъ человѣкъ, изъ повиновенія закону Божію, каждый разъ отказываетъ себѣ въ томъ, чего хочетъ, и принуждаетъ себя къ тому, чего, при его пристрастіи къ этой жизни, ему не хотѣлось бы, кратко сказать—*борется съ самимъ собою.* Потому-то вѣденіе человѣка на второй степени св. Исаакъ обыкновенно и называетъ *вѣденіемъ дѣлъ* и состояніе этой степени *дѣятельностію* (1). Въ этихъ-то попыткахъ и подвигахъ самоотреченія и самопринужденія, въ этой-то борьбѣ человѣка съ самимъ собою и вырабатывается его нравственная сила, поколику, при каждомъ подвигѣ, онъ становится господиномъ своего желанія,—овладѣваетъ имъ. Чѣмъ далѣе такимъ образомъ простирается онъ въ исполненіи заповѣдей Божіихъ и чѣмъ продолжительнѣе упражняется въ совершеніи добрыхъ дѣлъ; тѣмъ нравственно мужественнѣе становится, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ могущества сдерживать свои стремленія и развивать только тѣ изъ нихъ, которыя согласны съ волею Божіею, а прочія подавлять (2). А эта сдержанность человѣка и есть не что иное, какъ собранность воли; хотя простоты очевидно здѣсь нѣтъ, по тому самому, что здѣсь происходитъ борьба противоположныхъ стремленій плоти и духа, помысловъ десныхъ и шуихъ,—и человѣкъ то падаетъ, то возстаетъ, то побѣждается, то одерживаетъ побѣду.—Явный признакъ сдержанности воли—сдержанность устъ. Разрѣшеніе

(1) Стр. 158. снес. 14. 15. 16. 308. 152—153 и др.
(2) Стр. 510—511.

языка для бесѣды не только праздной, но иногда даже и для благочестивой, служитъ признакомъ большаго или меньшаго ослабленія нравственной силы и въ свою очередь производитъ это ослабленіе. «Въ тотъ день, въ который поговорю съ кѣмъ-нибудь, говорилъ одинъ старецъ св. Исааку, не возможно для меня сохранить правило поста, по обычаю моему; но принужденъ бываю разрѣшить постъ» (¹).

Борьба человѣка, по двоякости его природы, бываетъ двоякая: внѣшняя и внутренняя, тѣлесная и душевная (²). Первая выражается въ добродѣтеляхъ *тѣлесныхъ*, каковы: постъ, бдѣніе, служба, лишеніе удобствъ жизни, благотворенія. Онѣ называются тѣлесными потому, что совершаются явными дѣйствіями, которыми человѣкъ очищается отъ плотской нечистоты, или которыми свое тѣло употребляетъ соотвѣтственно его назначенію (³). Борьба же внутренняя выражается, въ дѣйствіяхъ ума и сердца, неослабно продолжаемыхъ, съ заботливою мыслію о судѣ или правдѣ Божіей и о судахъ Божіихъ, въ сердечной молитвѣ, размышленіи о Промыслѣ Божіемъ и охраненіи себя отъ страстей и помысловъ тонкихъ, чтобы не встрѣчалось ничего страстнаго въ области сокровенной и духовной» (⁴). Трудна для человѣка и борьба внѣшняя, но не сравненно труднѣе борьба внутренняя,—и ее испытываютъ только великіе и строгіе подвижники благочестія, проводящіе жизнь въ безмолвіи и уединеніи, а люди, въ мірѣ и обществѣ содѣвающіе

(¹) Стр. 175. снес. 54. 45—46.
(²) Стр. 352. сн. 447. 452. 107.
(³) Стр. 477—478. сн. 322. 308—309.
(⁴) Стр. 478.

свое спасеніе, ея не знаютъ и не въ силахъ въ ней устоять. Только «одержавшіе побѣду въ брани внѣшней, говоритъ Св. Исаакъ, имѣютъ смѣлость не бояться самой внутренней брани,—и ничто не побуждаетъ ихъ къ опасенію; не безпокоятся они о брани, угрожающей имъ спереди и сзади, —разумѣю брань, воздвигаемую на душу чувствами и нерадѣніемъ, напр. слухомъ, языкомъ, или когда даемъ и беремъ. Все это, входя въ душу, производитъ ослѣпленіе. И, при наступленіи внѣшняго смятенія, не можетъ она быть внимательною къ себѣ въ воздвигаемой на нее тайной брани и возстающихъ внутри ея побѣждать тишиною. А когда человѣкъ затворитъ врата городскія, т. е. чувства; тогда ратуетъ внутри и не боится злоумышляющихъ внѣ города» (¹). Это потому, что съ заключеніемъ внѣшнихъ чувствъ посредствомъ безмолвія и отрѣшенія отъ дѣлъ житейскихъ, со всею силою возбуждаются внутреннія движенія ума и сердца, какъ добрыя такъ и злыя: возстаетъ умъ противъ ума, душа противъ души, духъ противъ духа (²). Св. Исаакъ не скрываетъ всей тяжести борьбы человѣка и его трудовъ къ достиженію совершенства. Нѣтъ,—по его словамъ, жизнь по заповѣдямъ Божіимъ есть жизнь многотрудная, путь къ единой простотѣ чистоты, путь крестный, орошаемый кровію тѣхъ, которые по нему шествуютъ,—притомъ путь единственный и общій для всѣхъ. Если же нѣкоторые и достигаютъ чистоты безъ страданій; то это есть исключеніе изъ общаго правила, это Господни суды,—и просить у Бога чистоты и свободы, безъ дѣланія заповѣдей и борьбы, было бы

(¹) Стр. 352.
(²) Стр. 117. сн. 234.

крайнимъ неразуміемъ ([1]). Однакожъ, какъ ни тяжела для человѣка борьба со страстями за чистоту; но она имѣетъ для себя облегченіе, кромѣ мира совѣсти, повременнаго услажденія и радованія и содѣйствія благодати Божіей, — въ ревности, которая возбуждается въ душѣ сама собою при каждомъ добромъ стремленіи, появляющемся въ ней,—въ этомъ жарѣ, который болѣе или менѣе проникаетъ сердце каждый разъ, когда западаетъ въ душу добрая мысль. «За всякою мыслію добраго желанія, въ началѣ его движенія, говоритъ св. отецъ, послѣдуетъ нѣкая ревность, горячностію своею уподобляющаяся огненнымъ углямъ, и она ограждаетъ эту мысль и не допускаетъ, чтобы приблизилось къ ней какое-либо сопротивленіе, препятствіе и преграда... Она отъ времени до времени движетъ, возбуждаетъ, распаляетъ и укрѣпляетъ человѣка—пренебрегать плотію въ скорбяхъ и въ страшныхъ срѣтающихъ его искушеніяхъ, непрестанно предавать свою душу на смерть и идти во срѣтеніе отступнической силѣ ради совершенія того дѣла, котораго сильно возжелала душа... Эта сила ревности двумя способами пробуждается и укрѣпляется: или страхомъ за то благо, которое человѣкъ пріобрѣлъ или надѣется пріобрѣсть,—или возрастаніемъ въ душѣ вожделѣнія добродѣтели. Первый же поводъ къ охлажденію ея—уменьшеніе этого самаго вожделѣнія. А второй поводъ, когда войдетъ въ душу какой-то самый тонкій помыслъ самоувѣренности и отважности, и человѣкъ начнетъ думать, что нѣтъ ему причины бояться чего-либо для своей добродѣтели» ([2]).

([1]) Стр. 299—300. сн. 7.
([2]) Стр. 177—180.

Но «какъ прежде всѣхъ страстей самолюбіе, такъ прежде всѣхъ добродѣтелей пренебреженіе тѣлеснымъ покоемъ» (¹). Равнымъ образомъ упражненіе въ добродѣтеляхъ, какія—въ обществѣ, предшествуетъ высшимъ добродѣтелямъ отшельническимъ, которыя уже переводятъ человѣка къ духовному созерцанію третьей степени. «Блаженный Василій и блаженный Григорій, о которыхъ сказалъ ты, что были любителями пустыни, столпами и свѣтомъ Церкви и восхваляли безмолвіе,—пишетъ св. Исаакъ въ посланіи къ св. Сѵмеону чудотворцу,—пришли въ безмолвіе не прежде упражненія въ дѣланіи заповѣдей, но жили сперва въ мірѣ и хранили заповѣди, какія должно было хранить живущимъ въ обществѣ; а потомъ уже пришли въ душевную чистоту и сподобились духовнаго созерцанія. Дѣйствительно, я увѣренъ, что, когда жили они въ городахъ, то принимали странниковъ, посѣщали больныхъ, одѣвали нагихъ, умывали ноги трудящихся и, если кто *поялъ ихъ поприще едино, шли съ нимъ два* (Мѳ. 5, 41). И когда сохранили заповѣди, потребныя въ жизни общественной, и умъ ихъ началъ ощущать первоначальную непоколебимость и таинственныя созерцанія; тогда поспѣшили они выдти и въ пустынное безмолвіе, — и съ сего времени пребывали съ внутреннимъ своимъ человѣкомъ, почему сдѣлались умозрителями и пребыли въ духовномъ созерцаніи, пока не призваны были благодатію содѣлаться пастырями Христовой Церкви» (²). Вступивъ въ жизнь отшельническую и иноческую, разсудительный подвижникъ начинаетъ свое

(¹) Стр. 278.
(²) Стр. 301—302.

дѣло постомъ; а послѣ него содѣйствуетъ подвигу ночное бдѣніе, потому что тѣло постящееся не терпитъ того, чтобы цѣлую ночь проспать въ постелѣ, притомъ отъ поста раждается вождельніе собесѣдованія съ Богомъ ([1]). Отсюда уже онъ переходитъ къ высшимъ и высшимъ подвигамъ.

Живетъ ли человѣкъ въ мірѣ или въ уединеніи, онъ свои подвиги совершаетъ не одинъ и не независимо отъ вліянія міра невидимаго, духовнаго, какъ это отчасти видно уже изъ того, что сказано выше. Съ одной стороны діаволъ съ своими клевретами употребляетъ всѣ мѣры, чтобы отклонить человѣка отъ дѣла спасенія. Съ другой—Богъ и его святые Ангелы поддерживаютъ человѣка въ его борьбѣ съ самимъ собой и врагомъ спасенія и обучаютъ искусству выходить побѣдителемъ изъ этой борьбы. Діаволъ впрочемъ не могъ бы имѣть на человѣка злаго вліянія, если бы ему не попускалъ этого самъ Богъ, для упражненія человѣка въ добродѣтеляхъ и для испытанія его усердія къ подвигамъ ради Бога ([2]). Вотъ что говоритъ св. Исаакъ о брани діавола съ человѣкомъ, имѣя впрочемъ въ виду главнымъ образомъ вступающаго въ тяжкій подвигъ жизни подвижнической, монашеской. «У сопротивника нашего діавола, говоритъ онъ, древній обычай—со вступающимъ въ этотъ подвигъ хитро разнообразитъ борьбу, примѣняясь къ состоянію каждаго» ([3]). Приспособительно къ мѣрѣ преспѣянія человѣка, эта борьба имѣетъ четыре

([1]) Стр. 110. 111. сн. 454.
([2]) Стр. 394.
([3]) Стр. 392.

вида. Къ первому св. отецъ относитъ борьбу діавола съ тѣми, которые съ сомнѣніемъ и холодностію вступаютъ въ подвигъ Господень. Съ самаго же начала онъ нападаетъ на нихъ со всею силою «и возставляетъ твердыя и сильныя искушенія, чтобы съ перваго подвига объяла ихъ боязнь, путь ихъ показался жестокимъ и неудобопроходимымъ и сказали они: если начало пути такъ тяжело и трудно; то можетъ ли кто до самаго конца его выдержать многія предстоящія на немъ нападенія? И съ этого времени не могутъ уже они снова возставать или идти впередъ и даже видѣть что-либо иное отъ недающей покоя заботы о семъ,—и діаволъ не долго ведетъ съ ними свою жестокую брань» (¹). Что же касается до тѣхъ, которые мужественны, ни во что вмѣняютъ смерть и исходятъ на дѣло съ великою ревностію,—на встрѣчу тѣмъ не вдругъ выходитъ діаволъ и долго не показывается; потому что знаетъ, что всякое начало брани бываетъ горячѣе, и ревностные воители не легко побѣждаются, при томъ же боится окружающей ихъ божественной силы. Онъ въ этомъ случаѣ выжидаетъ, пока ихъ ревность охладится со временемъ и сами отъ себя начнутъ они изобрѣтать то, что служитъ къ ихъ одолѣнію. Какъ же скоро замѣтитъ, что они нѣсколько охладѣли и уклонились отъ первыхъ помысловъ, — немедленно приступаетъ къ нимъ и старается довести ихъ до гибели различнымъ образомъ. Или начинаетъ внушать, чтобы они дали себѣ послабленіе сперва въ чемъ-либо незначительномъ, а потомъ доводитъ мало по малу и до совершеннаго разслабле-

(¹) Стр. 393.

нія. «Такъ сначала усиливается сдѣлать, чтобы оставлена была непрестанная молитва; а потомъ внушаетъ пренебреженіе къ установленнымъ временамъ молитвы и правила, совершаемаго тѣлесно. Вначалѣ посѣеваетъ помыслъ вкусить прежде времени какую-нибудь малость пищи и что-нибудь самое незначительное и ничтожное; а, по нарушеніи воздержанія въ этомъ, человѣкъ поползается въ неумѣренность и распутство. Сначала маловажнымъ представляется въ его глазахъ посмотрѣть на наготу своего тѣла или на другую какую красоту членовъ своихъ, когда снимаетъ съ себя одежды или когда выходитъ для тѣлесной потребности или къ водѣ, и разслабитъ чувства свои, или смѣло положитъ руку подъ одежды свои и начнетъ осязать тѣло свое; а потомъ уже возникаетъ въ немъ и прочее одно за другимъ, производя въ душѣ гибельное опустошеніе». Или же діаволъ старается возбудить въ подвижникѣ неумѣренную ревность, внушая ему повидимому добрыя желанія подвиговъ, которыя однакожъ не по его силамъ. Въ этомъ случаѣ подвижникъ подвергается двоякой опасности, если не обратится съ молитвою къ Богу о помощи и вразумленіи. Либо онъ предастся мечтательности о подвигахъ высшихъ и, не дѣлая ихъ, упуститъ и то, что могъ бы сдѣлать, либо, принявъ на себя подвигъ не по силамъ, предастся наконецъ малодушію и отчаянію. Наконецъ діаволъ употребляетъ въ дѣло *мечтанія*, отъ которыхъ содрагается природа человѣческая; т. е. является подвижнику въ различныхъ ужасающихъ образахъ, чтобы тѣмъ поколебать въ немъ упованіе на Бога и ввергнуть его въ отчаяніе. Это

второй видъ діавольской брани (¹). Когда же человѣкъ, при содѣйствіи благодати Божіей, выдержитъ эту брань, и врагъ увидитъ, что «внѣшнія чувства не побѣждаются видимыми вещами и слышимыми гласами и помыслы не разслабѣваютъ отъ его ласкательствъ и обольщеній; тогда этотъ обманщикъ желаетъ отъискать какой-либо способъ отдалить отъ человѣка помогающаго ему Ангела, лучше же сказать, ослѣпить умъ человѣка, возбудивъ въ немъ помыслы гордыни. И иногда разсуждаетъ онъ, что побѣдилъ врага случайно; а иногда—что побѣдилъ по безсилію врага (умалчиваю о другихъ способахъ и хульныхъ помыслахъ, отъ одного воспоминанія которыхъ душа приходитъ въ страхъ); иногда же врагъ изводитъ на среду прелесть свою, подъ видомъ откровеній отъ Бога, и въ сновидѣніяхъ показываетъ что-либо человѣку, а также во время бодрствованія преобразуется въ свѣтлаго Ангела и дѣлаетъ все, чтобы мало по малу, хотя нѣсколько, привести человѣка въ согласіе съ собою» (²). Если же разсудительный убережетъ помыслы свои памятованіемъ о Содѣйствующемъ ему; тогда врагъ употребляетъ еще одно, и самое сильное средство на погибель человѣка. Въ чемъ же состоитъ оно?—«Угнетать человѣка и искушать естественными его нуждами. Умъ человѣка ослѣпляется часто видѣніемъ и приближеніемъ къ нему вещей чувственныхъ и, когда сближается съ ними, безъ труда побѣждается въ этой борьбѣ. Врагъ мечтательно показываетъ ему женскую красоту въ непристойныхъ видахъ, привлекая

(¹) Стр. 395—398. сн. 460. 461. 181. 167. 361. 346.
(²) Стр. 398—399.

вниманіе то убранствомъ одеждъ, то вольностію обращенія, то тѣлесною наготою. Часто также дѣлалъ онъ, что подвижникъ начиналъ мечтательно видѣть золото и драгоцѣнныя вещи. Врагъ знаетъ, что побѣда подвижника и одолѣніе его и сокровище и защита, и все заключается въ помыслѣ его,—и онъ падаетъ, какъ только помыслъ его подвигнется съ мѣста и своимъ произволеніемъ онъ на одно мгновеніе покажетъ свое согласіе съ обольщеніемъ врага, какъ и случалось это со многими изъ святыхъ при мечтательномъ представленіи красоты женской. Если же приближались они къ міру на одно или на два поприща или на разстояніе дневнаго пути; то врагъ и дѣйствительно приводилъ къ нимъ женщинъ». Сказавъ объ этомъ послѣднемъ, самомъ опасномъ видѣ и способѣ діавольской брани, св. Исаакъ въ страхѣ обращается къ Богу и говоритъ: «но Ты, Господи, Господи, вѣдущій немощь нашу, не введи насъ въ таковыя искушенія, изъ которыхъ даже сильные и болѣе искусные едва исходятъ побѣдителями» (¹)! Всматриваясь въ то, что говоритъ св. Исаакъ о борьбѣ тѣлесной и душевной, мы не можемъ не замѣтить, что первые два вида и способа діавольской брани имѣютъ мѣсто въ борьбѣ тѣлесной, а послѣдніе два въ борьбѣ душевной.

Попуская діаволу искушать человѣка и укрѣпляя его въ борьбѣ съ этимъ врагомъ, учитъ св. Исаакъ, благодать Божія и сама упражняетъ подвижника въ его стремленіи къ совершенству искушеніями (²). Но какъ сама наводитъ искушенія, такъ и діаволу попу-

---

(¹) Стр. 400—404. снес. 381. 382.
(²) Стр. 473. 408—409.

скаетъ искушать человѣка не прежде, чѣмъ утвердитъ его въ упованіи на своего Создателя и Спасителя ([1]). «Не приходитъ искушеніе, если душа не пріиметъ сперва втайнѣ величія паче мѣры своей и Духа благодати, пріятаго ею прежде. И хотя это дѣйствительно такъ, т. е. благодать прежде искушенія; однако же ощущеніе искушеній, для испытанія свободы, непремѣнно предшествуетъ ощущенію благодати. *Благодать предъускоряетъ въ умѣ, но замедляетъ въ ощущеніи*» ([2]). То-есть, — при совершеніи каждаго подвига и при каждомъ искушеніи, благодать внушаетъ и уясняетъ человѣку мысль о необходимости бороться съ искушеніемъ и преодолѣвать его, въ надеждѣ на Бога; но при этомъ всегда предоставляетъ человѣка сначала самому себѣ, его собственнымъ усиліямъ и томленію его души, пока онъ не воззоветъ къ Богу отъ всего сердца о помощи и утѣшеніи, сознавъ собственное безсиліе. Помощь и утѣшеніе благодать сообщаетъ человѣку обыкновенно невидимо; потому что видимое содѣйствіе Божіе необходимо для человѣка только тогда, когда онъ терпитъ великія искушенія и великія скорби, напр. мученія за Христа или страданія жизни отшельнической, въ которой человѣкъ лишается всякой помощи и утѣшенія отъ людей. Въ этомъ случаѣ Богъ уже и явственно открываетъ себя угодникамъ своимъ, сообщая имъ *видѣнія* или же *откровенія*, или посылая къ нимъ видимо святыхъ Ангеловъ. «Какъ они, оставивъ земное, возлюбили небесное, говоритъ св. Исаакъ объ отшельникахъ; то и сами святые Ангелы не скрывали за это

([1]) Стр. 270.
([2]) Стр. 472.

отъ нихъ зрака своего и исполняли всякое желаніе ихъ. По временамъ они являлись имъ, научая, какъ надлежитъ имъ жить; а иногда объясняли то, въ чемъ недоумѣвали они; иногда сами святые вопрошали ихъ, о чемъ надлежало; иногда Ангелы наставляли на путь тѣхъ изъ нихъ, которые заблуждались; иногда избавляли тѣхъ, которые впадали въ искушенія; иногда, при внезапной бѣдѣ и угрожающей опасности, исхищали ихъ отъ этого, спасая напримѣръ отъ змѣя, или отъ камня, или отъ куска дерева, или отъ верженія камня; иногда, ёсли врагъ явно нападалъ на святыхъ, являлись видимымъ образомъ и говорили, что посланы на помощь къ нимъ, и придавали имъ смѣлость, отважность и отраду; а въ иное время совершали чрезъ нихъ исцѣленія, иногда же исцѣляли самихъ святыхъ, подвергшихся какимъ-либо страданіямъ; иногда тѣламъ ихъ, изнемогшимъ отъ неяденія, прикосновеніемъ руки или словами сообщали сверхъестественную силу и укрѣпляли ихъ; иногда же приносили имъ пищу, хлѣбъ и даже овощи или какія-либо другія съ хлѣбомъ вкушаемыя снѣди; а нѣкоторымъ изъ нихъ объявляли время, а инымъ и образъ ихъ преставленія. И должно ли перечислять многое, чѣмъ доказывается любовь къ намъ святыхъ Ангеловъ и всевозможное попеченіе ихъ о праведныхъ» ([1])? Но если человѣкъ какимъ-либо образомъ забудетъ, что дѣло спасенія вмѣстѣ съ нимъ совершаетъ и благодать Божія, что даже добрая мысль не западаетъ въ сердце его, если она не отъ благодати, — и начнетъ чѣмъ-либо хвалиться; въ такомъ случаѣ сила благодати тотчасъ оставляетъ его и попу-

---

([1]) Стр. 359—362. свес. 117—119.

скаетъ ему въ этомъ самомъ пасть, чтобы смирить его гордость ([1]). Такъ: «горделивому попускается впадать въ хулу, превозносящемуся дѣятельною добродѣтелію попускается впадать въ блудъ, а превозносящемуся своею мудростію попускается впадать въ тайныя сѣти невѣденія» ([2]).

Какъ бы высоко ни стоялъ человѣкъ на второй степени, эта степень есть только *внѣшняя*,—и онъ совершаетъ дѣло свое только *во внѣшнемъ человѣкѣ*, *а внутренній остается еще безплоденъ* ([3]). Онъ вѣруетъ, но эта вѣра только отъ слуха; надѣется, но не имѣетъ еще несомнѣнности упованія; развиваетъ въ себѣ любовь къ Богу, но еще боится Бога; исполняетъ волю Божію, но эта воля еще не сдѣлалась его собственною; онъ дѣлаетъ добро для своихъ ближнихъ, но еще различаетъ между ними *своихъ* и *чужихъ*, близкихъ и далекихъ; испытываетъ, но еще не знаетъ себя; трудится надъ тѣмъ, чтобы достигнуть области простоты, но еще не достигъ ея; *дѣйствуетъ*, но еще не *созерцаетъ*,—и его дѣятельность есть не болѣе, какъ тѣло, которое требуетъ еще оживотворенія дыханіемъ жизни ([4]).

О томъ, что настало время этому оживотворенію, даютъ знать слѣдующіе признаки: «сердце у подвижника благочестія горитъ и какъ огнемъ распаляется день и ночь; а потому цѣлый міръ онъ вмѣняетъ за уметы и пепелъ, не желаетъ даже пищи отъ сладости новыхъ пламенѣющихъ помысловъ. Внезапно у него начинаютъ литься слезы и примѣшиваться ко всякому

([1]) Стр. 359.
([2]) Стр. 489. 343.
([3]) Стр. 417—418.
([4]) Стр. 418. сн. 16—17.

дѣлу, т. е. во время чтенія, молитвы, размышленія, когда онъ принимаетъ пищу и питіе,—знакъ, что общая всѣхъ мать, благодать, вожделѣваетъ таинственно произвесть божественный образъ на свѣтъ будущаго вѣка. Тогда умъ начинаетъ возбуждаться чѣмъ-то тамошнимъ, подобно дыханію, какое младенецъ привлекаетъ въ себя, находясь еще внутри членовъ, въ которыхъ обыкновенно питается. И поелику не терпитъ того, что для него еще необычно; то начинаетъ вдругъ издавать вопль, смѣшанный съ сладостію меда. И въ какой мѣрѣ развивается внутренній человѣкъ, въ такой же бываетъ и приращеніе слезъ. Такимъ образомъ слезы положены какъ бы какимъ предѣломъ между тѣлеснымъ и духовнымъ, между состояніемъ страстнымъ и чистотою. Но этотъ описанный мною чинъ слезъ, говоритъ св. Исаакъ, не тотъ, какой съ промежутками бываетъ у безмолвствующихъ; потому что и у всякаго пребывающаго въ безмолвіи съ Богомъ, бываетъ по временамъ это утѣшеніе. Я говорю не о семъ чинѣ слезъ, а о томъ, какой у плачущаго непрерывно день и ночь. Въ этомъ случаѣ очи его уподобляются водному источнику до двухъ и болѣе лѣтъ, а потомъ приходитъ онъ въ умиреніе помысловъ; по умиреніи же помысловъ, сколько вмѣщаетъ отчасти естество, входитъ въ тотъ покой, о которомъ сказалъ св. Павелъ (Евр. 4, 3). И по семъ мирномъ упокоеніи, умъ начинаетъ созерцать тайны. Тогда уже Духъ Св. начинаетъ ему открывать небесное, и вселяется въ немъ Богъ и воскрешаетъ въ немъ плодъ Духа, и оттого, нѣсколько неясно и какъ бы гадательно, человѣкъ ощущаетъ въ себѣ то измѣненіе, которое пріиметъ внутреннее естество при обновленіи всяческихъ. Но по-

слушай еще, что скажу я тебѣ и чему научился изъ нелживыхъ устъ. Когда входишь въ умиреніе помысловъ, тогда отъемлется у тебя множество слезъ и потомъ приходятъ къ тебѣ слезы въ мѣру и въ надлежащее время. Это есть самая точная истина; короче сказать, такъ вѣруетъ вся Церковь» [1].

Что же происходитъ съ человѣкомъ, когда онъ въ своемъ нравственномъ развитіи вступаетъ наконецъ на третью степень вѣденія? Онъ достигаетъ совершенства и входитъ въ тѣснѣйшее единеніе съ Богомъ, такъ что къ нему вполнѣ можно отнести слова Апостола: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Духъ человѣка получаетъ полное господство надъ плотію, и свою печать — *цѣлости и простоты* полагаетъ на всю его жизнь.

1. Во-первыхъ, въ умѣ человѣка открывается *цѣлостное созерцаніе*. Это созерцаніе съ одной стороны объемлетъ собою все, но такъ, что *въ немъ*, по выраженію св. Исаака, *ничто не отдѣляется одно отъ другаго инаковостію образа*, а все единый Христосъ [2]. Человѣкъ пріобрѣтаетъ непрестанное памятованіе о Богѣ и непрестанную молитву. «Она не прекращается въ немъ потому, что самъ Духъ, вселившись въ человѣка, молится всегда. Тогда и въ сонномъ и въ бодрственномъ состояніи человѣка молитва не пресѣкается въ его душѣ; но ѣстъ ли, пьетъ ли, дѣлаетъ ли что, даже и въ глубокомъ снѣ, безъ труда изливаются сердцемъ благоуханія и испаренія молитвы. Тогда молитва не отлучается отъ него ни на минуту, и онъ хотя безмолв-

---

[1] Стр. 418—419. снес. 115. 222. 230. 347. 384—385. 498.
[2] Стр. 321.

ствуетъ по внѣшности, однако же втайнѣ въ тоже время совершаетъ Божію службу. И справедливо, молчаніе чистыхъ одинъ изъ Христоносныхъ мужей называетъ молитвою, потому что помыслы ихъ суть божественныя движенія, а движенія чистаго сердца и ума суть кроткіе гласы, которыми они сокровенно воспѣваютъ Сокровеннаго» (1). Такимъ образомъ помыслъ о Богѣ, постоянно будучи присущъ уму человѣка—естественно и безъ принужденія, связываетъ собою всѣ движенія его ума и сердца, такъ что *всѣ* они становятся *одинаково чистыми*, святыми и божественными. Человѣкъ *вездѣ и во всемъ* видитъ Бога. Отсюда онъ не отличаетъ собственной самодѣятельности отъ содѣйствія Божія. По его мысли, Богъ дѣйствуетъ имъ и въ немъ *и еже хотѣти, и еже дѣяти* (2). Потому-то далѣе—онъ уже не занимается самоиспытаніемъ и разборомъ своихъ помысловъ и поступковъ (3). Если прежде наблюдалъ за скромностію во всѣхъ членахъ; то теперь забываетъ придавать своимъ членамъ видъ благочинія (4). Если прежде высчитывалъ каждый глотокъ пищи, чтобы не дозволить себѣ неумѣренности; то теперь вовсе не обращаетъ вниманія на то, ѣстъ ли онъ или не ѣстъ. «Авва Сисой, расказываетъ св. Исаакъ, пришелъ въ эту мѣру такъ, что спрашивалъ ученика: ѣлъ я, или не ѣлъ» (5)? Такой человѣкъ «уже не заботится о себѣ, но связуется изумленіемъ и молчаніемъ, и не имѣетъ возможности снова возвратиться къ способамъ своего вѣденія и употребить

(1) Стр. 128—129.
(2) Стр. 146.
(3) Стр. 146.
(4) Стр. 510.
(5) Стр. 120.

ихъ въ дѣло, чтобы иначе, при ихъ противленіи, не лишиться Божія промышленія, которое втайнѣ неусыпно назираетъ надъ душею, печется о ней и непрестанно преслѣдуетъ ее всѣми способами. Онъ не доходитъ уже до такого безстыдства, чтобы снова испрашивать у Бога въ молитвахъ: «дай мнѣ это», или «возьми у меня то»; но когда приступаетъ къ молитвѣ, онъ не смѣетъ и не знаетъ даже, о чемъ молиться, а только молчитъ всѣми своими помышленіями, ожидая одной милости и того изволенія, какое изыдетъ о немъ отъ лица достопокланяемаго Величія, когда преклоняетъ лице свое на землю и внутреннее зрѣніе сердца его вознесено къ превознесеннымъ вратамъ во святое святыхъ, гдѣ Тотъ, коего селеніе—мракъ, предъ кѣмъ смѣжаются очи Серафимовъ, чья добродѣтель побуждаетъ легіоны къ ихъ ликостоянію, на всѣ чины ихъ изливая молчаніе. И осмѣливается только такъ говорить: «по волѣ твоей, Господи, да будетъ со мною» (¹)! Мало того. «Ему хотѣлось бы, если можно, отъ самаго себя погрузиться внутри себя, войти въ безмолвіе и вселиться въ немъ, всецѣло оставивъ всѣ свои прежнія мысли и чувствованія, содѣлаться чѣмъ-то, какъ бы несуществующимъ въ твари, не пришедшимъ еще въ бытіе, вовсе незнаемымъ даже самой душѣ своей» (²). Правда, «онъ видѣніемъ души своей ежечасно увеселяется и дивится красотѣ своей, которая, дѣйствительно, во сто кратъ блистательнѣе свѣтлости солнечной»; но въ этомъ случаѣ онъ созерцаетъ красоту своей души не какъ *свою*, а какъ красоту твари *Божіей*, доброй зѣло (³).

(¹) Стр. 146. сн. 263.

(²) Стр. 260.

(³) Стр. 48. 47.

Кратко сказать, онъ *смиряется*. Но это смиреніе не то, что на второй степени. Тамъ человѣкъ *старается* смиряться, смиряется *по расчету*; такъ какъ видитъ для себя пользу смиренія и вредъ гордости, какая кроется въ немъ: здѣсь смиряется *по простотѣ, естественно* и безъ принужденія,—потому что вовсе не обращаетъ на себя вниманія и не занимается разборомъ того, что онъ дѣлаетъ, будучи совершенно убѣжденъ, что все въ немъ совершаетъ Богъ, предъ которымъ онъ ничто. Потому-то св. Исаакъ говоритъ: «того, кто смиренномудръ, при воспоминаніи грѣхопаденій и проступковъ, и памятуетъ оныя, пока не сокрушится его сердце и умъ его, при воспоминаніи о нихъ, не низойдетъ съ высоты горделивыхъ помысловъ, мы не назовемъ смиренномудрымъ, хотя и сіе похвально; потому, что есть еще въ немъ горделивый помыслъ и не пріобрѣлъ онъ смиренія, а *ухищренно* приближаетъ его къ себѣ. Совершенно смиренномудръ тотъ, кто не имѣетъ нужды *мудрованіемъ своимъ изобрѣтать причины* къ смиренномудрію; но во всемъ этомъ совершенно и естественно пріобрѣлъ смиреніе безъ труда, какъ человѣкъ, который пріялъ въ себя нѣкое дарованіе великое и превышающее всю тварь и природу, но который на себя смотритъ, какъ на грѣшника, на человѣка ничего незначущаго и презрѣннаго въ собственныхъ глазахъ» (¹). Отъ себя обращаясь къ ближнимъ, онъ не различаетъ между ними злыхъ и добрыхъ,—для него *всѣ* хороши, какъ твари Божіи, и никто не представляется ему нечистымъ и оскверненнымъ. Такимъ образомъ исполняется само собою и слово Апостола, по которому мы

(¹) Стр. 290.

должны всѣхъ равно отъ искренняго сердца *честію большихъ себе творить* (Фил. 3, 3), и слово Пророка, что *доброе око не узритъ зла* (Авв. 1, 13) (¹). Потому-то такой человѣкъ, когда другіе его оскорбляютъ и обижаютъ, бываетъ отъ всей души убѣжденъ, что такъ и должно быть; не возмущается, не говоритъ ничего въ свою защиту, но принимаетъ клевету, какъ истину; не старается увѣрять другихъ, что онъ оклеветанъ, но искренно проситъ прощенія (²). Съ другой стороны, по той же самой причинѣ, такой человѣкъ ни предъ кѣмъ не унизится; такъ какъ для него всѣ равны, всѣ созданія Божіи,—о человѣкоугодіи здѣсь не можетъ быть и помину (³). Обращаясь къ видимой природѣ, онъ не отличаетъ въ ней законовъ естественныхъ отъ сверхъестественныхъ. Для него *все* въ ней *дѣла Божіи*, совершающіяся по законамъ божественнымъ, каковы бы они ни были. Чрезъ это онъ становится выше естественныхъ способовъ самосохраненія и употребленія вещей видимаго міра. Онъ не боится ничего разрушительнаго для естества, какъ не боится Бога, который положилъ законы для естества и котораго постоянно созерцаетъ своимъ умомъ. Эта вѣра, при которой онъ видитъ во всемъ дѣйствіе Бога, «укрѣпляетъ его душевныя чувства,—и онъ ощущаетъ при этомъ, что какъ будто нѣчто невидимое убѣждаетъ его не внимать видѣнію вещей страшныхъ и невыносимыхъ для чувствъ». Потому онъ, когда нужно идетъ въ огонь или ходитъ по водамъ, не колеблясь въ помыслѣ опасеніемъ сгорѣть или потонуть.

(¹) Стр. 119—120.
(²) Стр. 341. 377—378.
(³) Стр. 198.

«Онъ дѣлается свободенъ и самовластенъ и, какъ сынъ Божій, распоряжается всякимъ тварнымъ естествомъ. Нерѣдко онъ можетъ все производить и изъ несущаго» (¹). Далѣе,—простота созерцанія выражается и въ томъ, что при немъ *не бываетъ ничего, что отдѣляло бы его отъ его предметовъ*, — не бываетъ необходимости въ изслѣдованіяхъ, умственныхъ соображеніяхъ и умозаключеніяхъ, вопросахъ, чувственныхъ образахъ. «Какъ внѣшнія чувства не вслѣдствіе обученія и вопросовъ ощущаютъ соприкосновенныя съ ними вещи и естества, но каждое чувство естественно, а не съ помощію вопросовъ, ощущаетъ встрѣчающуюся ему вещь (потому что нѣтъ ученія посредствующаго между ощущаемымъ и ощущающимъ: слѣпому сколько ни говори о славѣ солнца и луны, о сонмѣ звѣздъ, о блескѣ драгоцѣнныхъ вещей, — онъ и пріемлетъ и судитъ и представляетъ красоту, какую имѣютъ очи, только по названію): такъ подобнымъ образомъ представляй себѣ и о созерцаніи духовномъ. Ибо умъ прозирающій въ сокровенныя тайны духа, если онъ въ своемъ естественномъ здравіи, вполнѣ созерцаетъ славу Христову и не спрашиваетъ и не учится, но наслаждается тайнами новаго міра, превыше свободы воли, соразмѣрно горячности вѣры и надежды на Христа» (²). Такой человѣкъ не имѣетъ нужды усвоять себѣ истинъ Вѣры размышленіемъ, соображеніями ума или чтеніемъ слова Божія; такъ какъ стоитъ въ самой области познанія истины. Въ его сердцѣ вмѣсто закона Писаній укоренены заповѣди Духа, и учится онъ не самъ собою или

(¹) Стр. 266. сн. 147—152.

(²) Стр. 320. сн. 267.

у посторонних учителей, но у самаго Духа, который открываетъ ему сокровенное ([1]). Поэтому его умъ въ своемъ созерцаніи, только переносится со всею свободою отъ одного предмета въ другому, приходя отъ созерцанія въ изумленіе ([2]). Не нуждается онъ, какъ замѣчено, и въ чувственныхъ образахъ. «Въ какой мѣрѣ тѣло освобождается отъ вещественныхъ узъ, въ такой освобождается и умъ. И въ какой мѣрѣ умъ освобождается отъ узъ попеченій, въ такой просвѣтляется; а въ какой просвѣтляется, въ такой же утончается и возвышается надъ понятіями вѣка сего, носящаго образы дебелости. И тогда умъ научается созерцать въ Богѣ, подобно Ему, а не какъ видимъ мы» ([3]). Въ немъ открываются «два духовныя ока, соотвѣтственно двумъ тѣлеснымъ, — и онъ однимъ окомъ видитъ тайны Божіей славы, сокровенныя въ естествахъ, т. е. силу, премудрость Божію и совѣчное промышленіе о насъ, видитъ взаимное отношеніе между тварями» ([4]), не входя въ наблюденія надъ ихъ жизнію и не дѣлая соображеній, выводовъ, а непосредственно. Отъ этого просвѣтленнаго благодатію взора не скрываются ни души человѣческія, ни безплотныя природы духовъ. «Представлю тебѣ доказательство, говоритъ св. Исаакъ, при истинности свидѣтельствующаго, ясное, — разумѣю блаженнаго Аѳанасія в., который въ сочиненіи объ Антоніѣ великомъ говоритъ: «великій Антоній, стоя однажды на молитвѣ, увидѣлъ чью-то душу, возносимую съ великою честію,

---

([1]) Стр. 382—383.

([2]) Стр. 123—128.

([3]) Стр. 203. см. 384. 431. 478—479 и др.

([4]) Стр. 482. см. 323.

и ублажилъ сподобившагося такой славы; блаженный же сей былъ Аммунъ изъ Нитріи, а та гора, на которой жилъ св. Антоній, отстояла отъ Нитріи на тридцать дней пути. Этимъ примѣромъ доказано, что душевныя природы видятъ одна другую, хотя и удалены одна отъ другой, и что не препятствуютъ имъ видѣть другъ друга разстояніе и тѣлесныя чувства». «Души, замѣчаетъ еще св. отецъ, пока осквернены и омрачены, не могутъ видѣть ни другъ друга, ни себя самихъ; а если очистятся и возвратятся въ древнее состояніе, въ какомъ созданы; то ясно будутъ видѣть три чина — чинъ низшій ихъ (демоновъ), чинъ высшій (Ангеловъ), и другъ друга въ своемъ чинѣ. И не потому, что измѣнятся въ тѣлесный видъ, увидятъ тогда Ангеловъ ли то, или демоновъ, или другъ друга; напротивъ узрятъ въ самомъ естествѣ и въ духовномъ чинѣ. А если скажешь, что невозможно быть видиму демону или Ангелу, если не измѣнятся они, не примутъ на себя видимаго образа; то сіе будетъ значить, что видитъ уже не душа, а тѣло. Но въ такомъ случаѣ какая нужда въ очищеніи» (¹)? «Другимъ же окомъ человѣкъ созерцаетъ славу святаго естества Божія, когда благоволитъ Богъ ввести его въ духовныя таинства и въ умѣ его отверзть дверь вѣры» (²). Это состояніе особенное; выше его для человѣка нѣтъ, — и потому на немъ мы остановимся послѣ, а теперь замѣтимъ нѣкоторыя черты, которыми св. отецъ точнѣе опредѣляетъ вообще созерцаніе третьей степени. Это созерцаніе онъ называетъ *вѣдѣніемъ духовнымъ* по причинѣ его простоты,

---

(¹) Стр. 84—87. снес. 89—94.

(²) Стр. 482. сн. 323.

и говоритъ, что «пока человѣкъ не отречется отъ *вѣденія душевнаго* и отъ всякихъ изворотовъ, тонкостей и многосложныхъ его способовъ (т. е. соображеній и изслѣдованій ума, посредствомъ которыхъ онъ обыкновенно отъискиваетъ истину) и не поставитъ себя въ младенческій образъ мыслей; до тѣхъ поръ онъ не можетъ, хотя мало приблизиться къ вѣденію духовному». «Разуму нужно освободиться отъ помысловъ многихъ (отъ анализа разсудочнаго) и придти въ единую простоту чистоты, чтобы ощущать духовное вѣденіе» ([1]). «Въ этомъ ощущеніи, говоритъ еще св. отецъ, раждается иная вѣра, не противная вѣрѣ отъ слуха, но утверждающая ту вѣру,—*вѣра созерцательная,* которая поглощаетъ вѣденіе душевное и раждаетъ оное снова, такъ что всецѣло становится оно духомъ» ([2]). Это значитъ, что, какъ скоро человѣкъ достигнетъ простоты созерцанія, онъ уже не прибѣгаетъ къ обыкновеннымъ способамъ познанія истины; между тѣмъ знаетъ непосредственно все и гораздо больше того, до чего могъ бы дойти при своихъ умственныхъ соображеніяхъ и вѣрѣ отъ слуха. До такой-то высоты достигаетъ умъ человѣка и его вѣденіе на третьей степени!

2. Вмѣстѣ съ умомъ возвышается до простоты и сердце. Въ немъ возгарается *всецѣлая любовь къ Богу,* при которой оно получаетъ безпредѣльную широту и начинаетъ *любить всѣхъ и все, не раздѣляясь ни между чѣмъ* и не привязываясь ни къ чему исключительно. Эта цѣлостная любовь бываетъ «порожденіемъ вѣденія истины и духовнаго созерцанія» ([3]). Потому-то

([1]) Стр. 266. снес. 31 и др.

([2]) Стр. 487. сн. 159. 161. 162—163 и др.

([3]) Стр. 94.

се. Исаак называетъ ее въ другомъ мѣстѣ «первоначальнымъ созерцаніемъ Святыя Троицы» ([1]). Вотъ какъ описываетъ онъ это состояніе сердца. «Любовь къ Богу, говоритъ онъ, естественно горяча и, когда нападаетъ на кого безъ мѣры, дѣлаетъ душу ту восторженною. Поэтому сердце ощутившаго любовь сію не можетъ вмѣщать и выносить ее, но, по мѣрѣ качества нашедщей на него любви, усматривается въ немъ необычайное измѣненіе. И вотъ ощутительные признаки сей любви: лице у человѣка дѣлается огненнымъ и радостнымъ, и тѣло его согрѣвается. Отступаютъ отъ него страхъ и стыдъ и дѣлается онъ какбы восторженнымъ. Сила, собирающая во едино умъ, бѣжитъ отъ него и бываетъ онъ какбы изумленнымъ. Страшную смерть почитаетъ онъ радостію, созерцаніе ума его никакъ не допускаетъ какого-либо пресѣченія въ помышленіи о небесномъ. И въ уединеніи, незримый никѣмъ, бесѣдуетъ, какбы кто съ нимъ присутствовалъ. Вѣденіе его и видѣніе естественное преходятъ,—и не ощущаетъ онъ чувственнымъ образомъ движенія, возбуждаемаго въ немъ предметами; потому что хотя и дѣлаетъ что, но совершенно того не чувствуетъ, такъ какъ умъ его паритъ въ созерцаніи и мысль его всегда какбы бесѣдуетъ съ кѣмъ другимъ. Этимъ духовнымъ упоеніемъ упоевались нѣкогда Апостолы, мученики, подвижники» ([2]). Отъ упоенія любовію къ Богу «сердце человѣка возгарается о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всѣхъ вообще тваряхъ (безъ различія—о разумныхъ и

([1]) Стр. 327.
([2]) Стр. 449.

неразумныхъ, злыхъ и добрыхъ). При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, оно умиляется, и человѣкъ не можетъ вынести или слышать или видѣть какого-либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію. А потому и о безсловесныхъ, и врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились и были они помилованы; а также и о естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ его сердцѣ до уподобленія въ семъ Богу. Такой человѣкъ, если десятикратно въ день будетъ преданъ на сожженіе за любовь къ людямъ, не удовлетворяется тѣмъ, какъ Моисей говорилъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги, въ нюже вписалъ еси* (Исх. 32, 32),—и какъ говоритъ блаженный Павелъ: *молилбыхся азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей* (Рим. 9, 3.); и еще: *нынѣ радуюся* въ скорбѣхъ *о васъ*, язычникахъ (Колос. 1, 29). Разсказываютъ также объ Аввѣ Агаѳонѣ, будто бы онъ сказалъ: «желалъ бы я найти прокаженнаго и взять у него тѣло его, а ему отдать свое» (¹). Такою любовію «поглощается и тѣлесный человѣкъ, боящійся закланія, и душевный, боящійся суда Божія»,—остается же, такъ сказать, одинъ духовный, который, будучи наполненъ несказаемымъ блаженствомъ любви и созерцанія, пріобрѣтаетъ несомнѣнность упованія, т. е. опытно удостовѣряется въ существованіи неизреченныхъ благъ, которыя уготовалъ Богъ и ему и

(¹) Стр. 253—257.

всѣмъ, любящимъ своего Создателя (1). Поэтому во всякое время пребываетъ онъ въ покоѣ. «Если бы небо прильпнуло къ землѣ, онъ и тогда не ужаснулся бы» (2). Нужно ли говорить, что въ этомъ состояніи никакая страсть не можетъ нарушить душевный миръ и возмутить тишину сердца? «Сердце, которое въ полнотѣ пріяло въ себя ощущеніе духовнаго и созерцаніе будущаго вѣка, таково же бываетъ въ сознаніи своемъ къ памятованію страстей, каковъ человѣкъ, насытившійся дорогою пищею, къ иной несходной съ тою, предложенной ему, пищѣ, т. е. вовсе не обращаетъ на нее вниманія не потому только, что она сама по себѣ гнусна и отвратительна, но и потому, что человѣкъ насытился первою лучшею пищею» (3). «Разсказываютъ, говоритъ св. Исаакъ въ другомъ мѣстѣ, о птицѣ, называемой сирена, что всякій, слыша сладкозвучіе ея голоса, такъ плѣняется, что, идя за нею по пустынѣ, отъ сладости пѣнія забываетъ самую жизнь свою, падаетъ и умираетъ. Симъ изображается то, что бываетъ и съ душею. Когда ощущается ею небесная сладость; тогда отъ сладкозвучія словесъ Божіихъ, переданныхъ чувствомъ уму, душа всецѣло устремляется во слѣдъ этой сладости, такъ что забываетъ свою тѣлесную жизнь,—и тѣло лишается пожеланій своихъ, а душа возносится изъ этой жизни къ Богу» (4). Такимъ образомъ и сердце достигаетъ цѣлости и простоты: въ немъ является полное и живое сочувствіе ко всему существующему и ни къ

(1) Стр. 196. снес. 477—478.

(2) Стр. 262.

(3) Стр. 199—200.

(4) Стр. 493—494.

чему исключительно, и въ тоже время цѣлостный миръ, не возмущаемый противоположными ощущеніями, такъ какъ въ жизни сердца духовной сосредоточиваются ощущенія и жизни плотской и душевной, въ совершенномъ ей подчиненіи.

3. Между тѣмъ и воля на второй степени пріобрѣтаетъ *цѣлостное, простое настроеніе къ добру.* И вопервыхъ, къ этому настроенію не примѣшивается уже расположеній и стремленій злыхъ; такъ какъ человѣкъ вступаетъ въ область безстрастія и чистоты. «Вслѣдствіе многихъ и различныхъ добродѣтелей, явныхъ и сокровенныхъ, имъ пріобрѣтенныхъ, страсти изнемогли въ немъ и не легко могутъ возстать на душу,—и умъ не имѣетъ нужды непрестанно быть въ разсужденіи ихъ внимательнымъ; потому что во всякое время исполненъ мыслей, какія съ сознаніемъ возбуждаются въ разумѣ помышленіемъ и бесѣдою о превосходнѣйшихъ нравахъ. И какъ скоро начинаютъ возбуждаться страсти, умъ внезапно восхищается отъ сближенія съ ними какимъ-то уразумѣніемъ, проникшимъ въ умъ,—и страсти, какъ сказалъ блаженный Маркъ, остаются въ немъ какбы праздными. Остаются онѣ бездѣйственны не потому, что нѣтъ уже страстныхъ приражений, но потому, что пріемлющее ихъ сердце мертво для нихъ и живетъ чѣмъ-то инымъ,—не потому, что успокоился онъ вслѣдствіе храненія разсудительности и дѣлъ, но потому, что въ умѣ его нѣтъ ни отъ чего тревоги,—не потому, что онъ сдерживаетъ себя и борется, но потому, что душа его наполнена желаніемъ чудныхъ духовныхъ созерцаній» (¹).

(¹) Стр. 199. снес. 259.

Такое состояніе воли естественно исключаетъ всякую борьбу, всякій трудъ и утомленіе, въ чемъ бы то ни было. Человѣкъ дѣлается нечувствителенъ къ скорбямъ и во все продолженіе своего шествія думаетъ, что совершаетъ его какбы по воздуху, а не человѣческими идетъ стопами (¹). На это св. Исаакъ представляетъ и подтвержденіе въ слѣдующихъ словахъ одного св. подвижника о самомъ себѣ: «когда захочу стать для совершенія службы Божіей, сказалъ однажды тотъ, могу еще совершить одну *славу*; а что до остальнаго, если буду стоять три дня, въ изумленіи пребываю съ Богомъ,—и нимало не чувствую труда» (²). Далѣе,—такое настроеніе къ добру и святости исключаетъ примѣсь всякихъ внѣшнихъ побужденій, имѣя одно побужденіе внутреннее—любовь къ добру и святости. На второй степени человѣкъ исполняетъ заповѣди Божіи и совершаетъ добрыя дѣла потому, что имѣетъ въ виду собственное спасеніе и эти заповѣди. Дѣлаетъ правду потому, что ожидаетъ за нее вѣчнаго блаженства, или боится вѣчныхъ мученій за неправду. Вступая же на третью степень онъ творитъ правду единственно потому, что «любовь къ правдѣ снѣдаетъ его сердце». Для него *законъ уже не лежитъ* и ему нѣтъ нужды имѣть въ виду внѣшнія заповѣди Божіи; потому что имѣетъ онъ заповѣди внутреннія, духовныя, вполнѣ согласныя съ первыми, и дѣлаетъ добро *просто*—для одного добра (³). Потому-то св. Исаакъ и выражается, что «храненіе заповѣдей

(¹) Стр. 257—258. ср. 153 и др.

(²) Стр. 174—175.

(³) Стр. 301. ср. 325—326. 383.

ниже духовной любви» ([1]). Мало того. Цѣлостно настроенная къ добру, нравственная сила человѣка, въ каждой его добродѣтели дѣйствуетъ вся всецѣло, «безъ расточенія», такъ какъ «чистота весьма проста и ровна» ([2]). Поэтому когда такой человѣкъ приступаетъ къ совершенію какой-либо добродѣтели; то не ее одну совершаетъ, но вдругъ и всецѣло совершаетъ въ совокупности всѣ добродѣтели. Это—нравственный исполинъ, который свое шествіе совершаетъ не обыкновеннымъ путемъ, какъ всѣ прочіе, чрезъ длинный рядъ частныхъ добрыхъ дѣлъ мало по малу возвышающіеся до цѣльнаго настроенія къ добру, но избираетъ для себя стези краткія ([3]). Наконецъ, эта простая, всецѣло проникнутая любовію къ добру, воля выражаетъ себя и въ дѣйствіяхъ простыхъ, несложныхъ, цѣльныхъ. Ея дѣланіе не есть *дѣятельность*, но *созерцаніе*,—«не дѣла, но совершенный покой и утѣшеніе, и словеса въ сердцѣ, и оно совершается *въ понятіяхъ души*», или, иначе говоря, состоитъ въ чистыхъ движеніяхъ чистой и безстрастной души ([4]). Каждое движеніе этой воли, какъ чистое и святое, есть уже такимъ образомъ добродѣтель, имѣющая притомъ значеніе не частнаго добраго поступка, но цѣлой добродѣтели, не *вида*, а *рода*, не явленія, а сущности; такъ какъ оно съ одной стороны бываетъ плодомъ цѣлаго ряда добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ на второй степени, съ другой заключаетъ въ своемъ существѣ все разнообразіе дѣлъ, опредѣля-

---

([1]) Стр. 398.

([2]) Стр. 258—259. сн. 30.

([3]) Стр. 258.

([4]) Стр. 153. сн. 7. 16—17.

емыхъ внѣшними вызовами и обстоятельствами ([1]). Понятно, что такія добродѣтели не ограничиваются и не могутъ быть ограничиваемы тѣми условіями, въ какихъ совершаются частныя, *сложныя* дѣла степени второй. Для совершенія ихъ, нѣтъ нужды ни въ опредѣленномъ времени, ни въ опредѣленномъ мѣстѣ, нѣтъ необходимости и въ пособіи внѣшнихъ чувствъ ([2]). Тамъ человѣкъ не можетъ вдругъ перейти отъ одной добродѣтели къ другой, миновавъ посредствующія, но долженъ постепенно возвышаться отъ легчайшихъ къ труднѣйшимъ; здѣсь же онъ свободно и во всякое время можетъ переходить отъ одного чистаго движенія души къ другому, какому бы то ни было,—можетъ переходить непосредственно, «стезями самыми краткими» ([3]). Тамъ онъ не можетъ развить въ себѣ любви Богу, если не будетъ упражняться въ соблюденіи молитвенныхъ правилъ въ опредѣленныя времена и въ опредѣленныхъ мѣстахъ; здѣсь и безъ соблюденія этихъ правилъ любитъ Бога,—и хотя становится на холитву, воздавая тѣмъ честь ей, но «не имѣетъ нужды ни въ образѣ продолжительной молитвы, ни въ стояніи, ни въ чинѣ продолжительной службы», потому что имѣетъ непрестанное памятованіе о Богѣ и непрестаннную молитву ([4]). Тамъ человѣкъ развиваетъ въ себѣ любовь къ ближнимъ благотворительностію,—и, если ея нѣтъ, явный знакъ, что онъ уклоняется отъ заповѣди Божіей, повелѣвающей любить ближняго; здѣсь его душа постоянно проникнута любовію

([1]) Стр. 258.
([2]) Стр. 258—259. сн. 164.
([3]) Стр. 258. сн. 468—469. 205.
([4]) Стр. 128—130. сн. 204.

ко всѣмъ независимо отъ благотвореній и, если эта любовь не выражается въ дѣлахъ, то значитъ—нѣтъ къ тому возможности или внѣшней, когда человѣкъ уединеніемъ отдѣленъ отъ своихъ собратій, или внутренней, когда онъ всецѣло погруженъ мыслію въ Богѣ (1).

Такое-то дивное измѣненіе происходитъ съ человѣкомъ, когда онъ по ступенямъ дѣятельности входитъ наконецъ въ созерцаніе, гдѣ «его пріемлетъ въ себя міръ новый, несложный» (2)!

Но какъ жизнь человѣка на второй степени—жизнь дѣятельная имѣетъ предѣломъ чистоту сердца; такъ жизнь созерцательная духовную молитву—высшее состояніе, до котораго только человѣкъ можетъ достигнуть (3). Св. отцы, замѣчаетъ св. Исаакъ, различнымъ образомъ называютъ это состояніе: иногда—путемъ, иногда—вѣдѣніемъ, иногда—умнымъ видѣніемъ, иногда—высшимъ видѣніемъ, иногда—удивленіемъ Богу; потому что «точное значеніе именованій установляется для предметовъ здѣшнихъ, а для предметовъ будущаго вѣка нѣтъ подлиннаго и истиннаго названія, есть же о нихъ одно *простое вѣдѣніе*, которое выше всякаго наименованія и всякаго составного начала, образа, цвѣта, очертанія и всѣхъ слагаемыхъ именъ» (4). Но по большой части это состояніе они означаютъ именемъ *духовной молитвы*. «Наименованіе *молитвы* дается потому, что умъ путеводится къ оному блаженству отъ молитвы, и потому что мо-

---

(1) Стр. 308—309.
(2) Стр. 319.
(3) Стр. 75.
(4) Стр. 78. сн. 84. 479.

литва бываетъ причиною его, какъ показываютъ отеческія писанія» ([1]). Что же касается до названія этого рода молитвы *духовною*, то оно вполнѣ соотвѣтствуетъ предмету, который имъ обозначается; такъ какъ въ духовной молитвѣ жизнь человѣка достигаетъ самой высшей степени простоты и духовности, до которой могутъ возвышаться очень немногіе. «Какъ изъ многихъ тысячь едва находится одинъ, исполнившій заповѣди и все законное съ малымъ недостаткомъ и достигшій душевной чистоты; такъ изъ тысячи найдется развѣ одинъ, при великой осторожности, сподобившійся достигнуть чистой молитвы ([2]), расторгнуть этотъ предѣлъ и пріять оное таинство: потому что чистой молитвы никакъ не могли сподобиться многіе, сподобились же весьма рѣдкіе; а достигшій того таинства, которое уже за сею молитвою, едва по благодати Божіей находится изъ рода въ родъ» ([3]).

Посмотримъ же, какъ св. Исаакъ изображаетъ это сверхъестественное благодатное состояніе. По его словамъ, человѣкъ переходитъ къ нему отъ молитвы

([1]) Стр. 80—83.

([2]) «Молитва, говоритъ св. Исаакъ, есть моленіе и попеченіе о чемъ-либо и вожделѣніе чего-либо, какъ-то: избавленія отъ здѣшнихъ или будущихъ искушеній, или вожделѣніе наслѣдія отцевъ, притомъ моленіе, которымъ человѣкъ пріобрѣтаетъ себѣ помощь отъ Бога. Сими движеніями и ограничиваются движенія молитвенныя. А чистота и нечистота молитвы зависятъ отъ слѣдующаго: какъ скоро въ то самое время, какъ умъ пріуготовляется принести одно изъ сказанныхъ нами движеній своихъ, примѣшивается къ нему какая-либо посторонняя мысль или безпокойство о чемъ-нибудь, тогда молитва сія не называется чистою; потому что не отъ чистыхъ животныхъ принесъ умъ на жертвенникъ Господень, т. е. на сердце—этотъ духовный Божій жертвенникъ» (77).

([3]) Стр. 77.

чрезъ двѣ ея степени. Это молитвенное услажденіе и молитвенное созерцаніе. «Послѣднее въ такой мѣрѣ выше перваго, въ какой совершенный человѣкъ выше несовершеннаго отрока. Иногда стихи дѣлаются сладостными въ устахъ и стихословіе одного стиха въ молитвѣ неисчетно продолжается, не дозволяя переходить къ другому,—и молящійся не знаетъ насыщенія. Иногда же отъ молитвы раждается нѣкое созерцаніе и прерываетъ устную молитву,—и молящійся въ созерцаніи изумѣваетъ, цѣпенѣя тѣломъ. Но и здѣсь еще есть мѣра и различеніе дарованій (сознаніе того, о чемъ молится человѣкъ и что созерцаетъ), и это еще молитва; потому что умъ не преступилъ туда, гдѣ нѣтъ уже молитвы» ([1]). Что же происходитъ съ человѣкомъ, какъ скоро преступитъ онъ этотъ предѣлъ? Наступаетъ уже духовное созерцаніе и высшее видѣніе. «Здѣсь уже да умолкнутъ всякія уста и всякій языкъ; да умолкнетъ и сердце, этотъ распорядитель помысловъ,—и умъ этотъ правитель чувствъ,—и мысль, эта быстропарящая и безстыдная птица, и да прекратится всякое ихъ ухищреніе. Здѣсь да остановятся ищущіе; потому что пришелъ Домовладыка» ([2]). Вошедши въ эту сокровенную клѣть, человѣкъ оказывается не имѣющимъ» ни молитвы, ни движенія, ни плача, ни власти, ни свободы, ни прошенія, ни вожделѣнія, ни услажденія чѣмъ-либо изъ уповаемаго въ сей жизни или въ будущемъ вѣкѣ. Излишнимъ для него становятся и чувства тѣлесныя, и силы душевныя; потому что его душа по непостижимому

([1]) Стр. 74.
([2]) Стр. 75.

единству содѣлывается подобною Божеству и въ своихъ движеніяхъ озаряется лучемъ высшаго свѣта. Забываетъ онъ и самаго себя, и все здѣшнее, и не имѣетъ въ себѣ движенія ни къ чему. Посему нѣкто съ увѣренностію осмѣливается сказать, что свобода воли путеводитъ и приводитъ въ движеніе посредствомъ чувствъ всякую совершаемую добродѣтель и всякій чинъ молитвы, въ тѣлѣ ли то, или въ мысли,— и даже самый умъ, этого царя страстей. Когда же управленіе и смотрѣніе Духа возгосподствуетъ надъ умомъ, этимъ правителемъ чувствъ и помысловъ; тогда отъемлется у приpоры свобода и умъ путеводится, а не путеводитъ. И гдѣ тогда будетъ молитва, когда природа не въ силахъ имѣть надъ собою власти, но иною силою путеводится, сама не знаетъ куда, и не можетъ совершать движеній мысли, въ чемъ бы ей хотѣлось, но овладѣвается въ этотъ часъ плѣнившею ее силою и не чувствуетъ, гдѣ путеводится ею? Тог а человѣкъ не будетъ имѣть и хотѣнія; даже, по свидѣтельству Писанія, не знаетъ, въ тѣлѣ ли онъ, или кромѣ тѣла (2 Кор. 12, 2). И будетъ ли уже молитва въ томъ, кто столько плѣненъ и не сознаетъ самъ себя? Поэтому было бы дерзостію утверждать, что можетъ человѣкъ молиться духовною молитвою, когда захочетъ. И св. Павелъ говоритъ, что восхищеніемъ восхищенъ былъ, а не произвольно возшелъ умомъ своимъ въ созерцаніи до третьяго небеси. Написалъ, что видѣлъ созерцанія; сказалъ, что слышалъ глаголы, но какія были словеса или образы созерцаній, того не могъ написать. Ибо когда духомъ откровеній видѣлъ это на своемъ мѣстѣ, тогда не пріялъ заповѣди изречь это не на своемъ мѣстѣ. А еслибы и за-

хотѣлъ изречь, то не могъ бы; потому что видѣлъ это не тѣлесными чувствами. Что умъ пріемлетъ тѣлесными чувствами, то ими же можетъ опять и изъяснить въ области тѣлесной: а что ощутительно созерцаетъ, или слышитъ, или чувствуетъ внутри себя въ области духовной, того, когда возвращается къ тѣлу, неспособенъ пересказать, а только воспоминаетъ, что видѣлъ это; но какъ видѣлъ, не умѣетъ повѣдать ясно» (¹).

Состояніе человѣка на третьей степени, какъ его описываетъ св. Исаакъ, въ заключеніе прояснимъ примѣромъ, который св. отецъ представляетъ изъ жизни одного св. подвижника. «Въ ту ночь, которую стою до утра, говорилъ тотъ о себѣ, засыпаю съ псалмопѣніемъ; а по пробужденіи отъ сна, въ день этотъ бываю какбы человѣкомъ, непринадлежащимъ къ этому міру; никакіе земные помыслы не приходятъ мнѣ на сердце, и не имѣю нужды въ опредѣленныхъ правилахъ, но цѣлый этотъ день бываю въ изумленіи. Такъ въ одинъ день хотѣлъ я принять пищу, по прошествіи передъ тѣмъ четырехъ дней, въ которые ничего не вкушалъ. И когда сталъ я на вечернюю службу, чтобы послѣ оной вкусить, и стоялъ на дворѣ келліи моей, между тѣмъ какъ солнце было еще высоко,—началъ службу, только въ продолженіе первой *славы* совершалъ оную съ сознаніемъ, а послѣ того пребывалъ въ ней, не зная, гдѣ я, и оставался въ семъ положеніи, пока не взошло опять солнце въ слѣдующій день и не согрѣло лица моего. И тогда уже, какъ солнце начало сильно безпокоить меня и жечь мнѣ лице, возвратился ко

(¹) Стр. 75—84. снес. 129. 383 и др.

мнѣ умъ мой, и вотъ увидѣлъ я, что насталъ уже другой день, и возблагодарилъ Бога, размышляя, сколько благодать Его преизливается на человѣка и какого величія сподобляетъ Онъ идущихъ въ слѣдъ Его» (¹).

«Вотъ три способа вѣдѣнія, съ которыми сопряжено все теченіе человѣка въ тѣлѣ, въ душѣ и въ духѣ! Съ того времени, какъ начинаетъ человѣкъ различать зло отъ добра и пока не изыдетъ онъ изъ міра сего, вѣдѣніе души его пребываетъ въ сихъ трехъ мѣрахъ. И полноту всякой неправды и нечестія, и полноту правды, и то, чтобы коснуться глубины всѣхъ таинъ духа, производитъ единое вѣдѣніе въ сказанныхъ трехъ мѣрахъ, и въ немъ заключено всякое движеніе, когда восходитъ онъ или нисходитъ въ добрѣ, или во злѣ, или въ среднемъ между добромъ и зломъ. Первая степень вѣдѣнія охлаждаетъ душу для дѣлъ шествія къ Богу. Вторая согрѣваетъ душу для скораго теченія къ тому, что на степени вѣры. Третья же степень есть упокоенія отъ дѣланія (что есть образъ будущаго состоянія) въ единомъ упражненіи ума, наслаждающагося тайнами будущаго. Но какъ естество не можетъ еще совершенно возвыситься надъ состояніемъ омертвенія и тяготою плоти и усовершиться въ ономъ духовномъ вѣдѣніи, которое выше другаго уклоняющагося вѣдѣнія; то и вѣдѣніе это не въ состояніи и послужить къ совершенству, не имѣющему недостатка, и быть въ мірѣ мертвости и совершенно оставить естество плоти. Но пока человѣкъ живетъ во плоти, остается онъ въ переходномъ состояніи отъ одного къ другому. То вдругъ душа его, какъ

(¹) Стр. 176.

убогій и нищій, начинаетъ совершать служеніе свое на второй средней степени добродѣтели, какая вложена въ естество, и можетъ быть произведена при помощи естества тѣлеснаго; то пребываетъ, подобно пріявшимъ Духа сыноположенія, въ таинствѣ свободы, наслаждается духовною благодатію, по достоинству Дающаго оную; то снова возвращается ко смиренію дѣлъ» и даже падаетъ, но снова и возстаетъ. «И сіе-то св. Макарій, говоритъ св. Исаакъ, съ великою предусмотрительностію и рачительностію, явственно написалъ на память и въ наставленіе братіямъ, чтобы, во время измѣненія въ противное, не впадали они въ отчаяніе; потому что и съ стоящими на степени чистоты, какъ съ воздухомъ охлажденіе, не рѣдко приключаются паденія, между тѣмъ какъ нѣтъ въ нихъ нерадѣнія или послабленія себѣ. Измѣненія, говоритъ, въ каждомъ бываютъ, какъ въ воздухѣ. Выразумѣй же это слово: *въ каждомъ;* потому что естество одно,—и, чтобы ты не подумалъ, будто бы онъ сказалъ это о низшихъ и худшихъ, совершенные же свободные отъ измѣненія и неуклонно стоятъ на одной степени, безъ страстныхъ помысловъ, какъ утверждаютъ евхиты,—сказалъ поэтому: *въ каждомъ*». Самъ Богъ хочетъ измѣненія, чтобы человѣкъ яснѣе могъ видѣть и то, до какой степени онъ можетъ унижаться при своемъ немощномъ и способномъ къ уклоненію отъ правды естествѣ, и то, до какой высоты онъ можетъ досязать, какъ скоро ему содѣйствуетъ Божія благодать. Устоять при измѣненіи дѣло не человѣка, а благодати Божіей; отъ него требуется только ревностная борьба и, въ случаѣ паденія, искреннее желаніе возстать (¹).

(¹) Стр. 159—160. снес. 239—244.

«Сіе, говоритъ св. Исаакъ въ одномъ изъ своихъ Словъ, на память себѣ и всякому, читающему это сочиненіе, написалъ я, какъ заимствовалъ изъ Писаній, изъ повѣданнаго правдивыми устами, а немалое и изъ собственнаго опыта, чтобы то послужило мнѣ въ помощь по молитвамъ тѣхъ, кому будетъ на пользу, потому что употребилъ я на это немалый трудъ» (¹).

(¹) Стр. 419.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Думаю,—нѣтъ нужды объяснять вамъ, братіе, что знаменуетъ настоящее священнодѣйствіе. — Извѣстно вамъ, что, когда, послѣ страданій ночи и мученій дня, Господь въ часъ девятый предалъ духъ свой Богу Отцу, всѣ оставили Его, и воины, пришедшіе перебить голени распятымъ, никого уже не нашли на Голгоѳѣ, вокругъ креста Господня. Всѣ разошлись готовиться къ Пасхѣ,—и ненарушимъ былъ покой божественнаго Страдальца. Подвигнутые вѣрою и любовію, Іосифъ съ Никодимомъ приходятъ воздать Господу должное чествованіе, снимаютъ пречистое тѣло Его со креста, обвиваютъ плащаницами, покрываютъ благовонными мастьми, — по царски, во исполненіе пророчества: *и будетъ покой Его честь* (Исаіи 11, 10). Вотъ что воспоминается въ сей часъ!—Какая умилительная картина! Іосифъ съ Никодимомъ и нѣкоторыя жены въ благоговѣйномъ молчаніи, съ сердцемъ, преисполненнымъ скорби, обстоятъ приготовленное къ погребенію тѣло Господа, среди окружающей ихъ тишины. Пріидите же, бр., подражая имъ, обступимъ предлежащій намъ ликъ Господа, изъязвленнаго и умученнаго, углубимся въ сіи язвы размышленіемъ, и будемъ внимать, что вѣщаетъ къ намъ сія кровь, вопіющая паче крове Авеля?

Немногоглаголиво вѣщаніе ея! Господь еще прежде совмѣстилъ его все — въ одномъ изреченіи: *образъ дахъ вамъ. Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. 15, 13; 14, 6). Се вамъ истинный путь — путь страданій и скорбей! Се вамъ истинный животъ—животъ въ крестѣ и распятіи. *Аще въ суровѣ древѣ сіе творятъ, въ сусѣ что будетъ* (Лук. 23, 31)? Если Я, Господь и Богъ вашъ такъ стражду ради васъ, какъ обойтись безъ болѣзней и скорбей вамъ, ради васъ же самихъ? *Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою мене ради и евангелія, той спасетъ ю* (Марк. 8, 35).

Такъ, бр., сколько необходимо было для нашего спасенія пострадать Господу, столько же и намъ, для полученія сего спасенія, необходимо спострадать Господу, пріобщиться Христовымъ страстемъ, Христови сораспяться (1 Петр. 4, 13; Гал. 2, 19. 20). Вникните въ силу словъ сихъ: пріобщиться Христовымъ страстемъ, Христови сораспяться! Мы уже страждемъ, уже распинаемся, уже подъ крестомъ, который возлагается на насъ въ самомъ рожденіи и тяготѣетъ надъ нами до самой смерти. Но одинъ, самъ по себѣ, крестъ сей есть убійственный крестъ казни; а пріобщаемый ко кресту Господню, онъ становится спасительнымъ игомъ, дающимъ животъ. Вотъ тайна жизни и спасенія! И вотъ къ чему призываетъ насъ нынѣ предлежащій намъ Господь: пріобщитеся страстемъ моимъ, сораспнитесь Мнѣ!

Спросите: какъ это сдѣлать?—Отвѣтъ не затруднителенъ. Обратитесь къ исторіи страданій Господа, и на самомъ крестномъ пути увидите истинныхъ общниковъ скорбей Его, истинныхъ причастниковъ Его

креста и распятія! Тамъ *жены*, раздираясь сердцемъ, плачутъ и рыдаютъ; далѣе *Симонъ* Киринеянинъ несетъ самый крестъ Господа до Голгоѳы; на Голгоѳѣ *благоразумный разбойникъ* распинается вмѣстѣ съ Господомъ, — и свое распятіе по винѣ вѣрою обращаетъ въ распятіе оправдательное, въ спасительное сораспятіе Господу. Вотъ намъ символы пріобщенія страстемъ Господнимъ, символы участія въ Его страданіяхъ и распятіи. Видны тамъ и другіе участники въ крестной смерти Господней: судьи, мучители, распинатели, хульники; но отъ такого участія да избавитъ насъ Господь, ибо въ семъ не оправданіе и животъ, а осужденіе и смерть. И таковыми мы бываемъ, когда забываемъ Господа, предаемся безпечности и поблажаемъ страстямъ. Но, бр., въ дни сіи, въ часъ сей, предъ лицемъ умученнаго ради насъ Господа, поревнуемъ явить себя причастниками Его креста во спасеніе, а не въ пагубу.

Итакъ, пойдемъ вслѣдъ женъ, сболѣзнующихъ и состраждущихъ Господу. Пройдемъ всю цѣпь страданій Господа, отъ возмущенія духа Его на тайной вечери до преданія сего духа Отцу на Голгоѳѣ. Внидемъ съ Нимъ въ садъ геѳсиманскій и потомимся Его молитвеннымъ томленіемъ. Проведемъ съ Нимъ ночь, сію мрачнѣйшую ночь, — въ домѣ Анны и Каіафы. Воспріимемъ въ чувство все море Его страданій отъ утра до часа девятаго, въ преторіи Пилата, по стогнамъ града, на пути крестномъ, на Голгоѳѣ — въ минуты распинанія и по распятіи. Не мысленно только прослѣдимъ все сіе, но въ самое сердце воспріимемъ весь крестный подвигъ Господа, на себя перенесемъ Его страданія, возболѣзнуемъ Его болѣзнями, доведемъ себя до того, чтобъ чувствовать, что какбы намъ самимъ наносятся раны, нашъ слухъ раздирается хулою,

наше сердце уязвляется остротою мученій. Когда, такимъ образомъ, напечатлѣемъ мы страданія Господа не въ умѣ только и сердцѣ, но какбы и въ самомъ тѣлѣ; тогда будетъ въ насъ истинное соскорбѣніе, споболѣніе, спостраданіе Господу,—по примѣру женъ, болѣзновавшихъ при видѣ страждущаго Господа, плакавшихъ и рыдавшихъ.

Однакожъ останавливаться на семъ одномъ не должно. Надобно итти далѣе. — И жены раздирались сердцемъ, а что услышали?—*Себе плачитеся* (Лук. 23, 28). И вотъ что еще нужно намъ прибавить къ сердечному о страждущемъ Господѣ болѣзнованію: восплакать о себѣ! Въ какомъ же это смыслѣ восплакать? Въ томъ, что сіи язвы суть дѣло рукъ нашихъ, что въ сихъ мукахъ и въ сей смерти виновны именно мы. Наши неправыя мысли и планы, наше легкомысліе, а иногда вольномысліе сплетали сей вѣнецъ терновый; невѣрность нашего сердца Богу и наши всестороннія пристрастія прободали сіи ребра, наши неправды и блужденія по распутіямъ грѣха пронзали гвоздями сіи руки и ноги, наше плотоугодіе всевозможное покрывало ранами сіи плещи и все тѣло.

Какъ ни страннымъ представляется такое обвиненіе, какъ ни далека отъ него, къ сожалѣнію, наша совѣсть, какъ ни готово наше сердце отрицать его отъ себя; но оно истинно. Ибо есть ли у насъ грѣхи? Премногое множество. Кто же покрываетъ насъ отъ стрѣлъ правды и гнѣва Божія? Сіи страсти Господни. Къ кому обращаемся мы съ молитвою о помилованіи? Къ Господу распятому. Ради чего дается намъ разрѣшеніе въ грѣхахъ? Ради крестной смерти. Слѣдовательно, всѣ наши грѣхи были здѣсь на семъ крестѣ, всѣ увеличивали тяжесть его, уязвляли Господа. Кто же послѣ

сего обезвинить себя въ Его страданіяхъ и смерти? Мы и сами исповѣдуемъ это, хотя безъ ясной мысли и точнаго чувства,—всякой разъ, какъ поемъ: *распятаго же за ны... и страдавша и погребенна*,—всякой разъ, какъ слышимъ: *той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ за беззаконія наша* (Исаіи 53, 5). За наши—за чужіе развѣ? Нѣтъ,—за наши, именно за тѣ, которые каждый изъ насъ сознаетъ теперь за собою. И вотъ что именно надобно приложить намъ къ болѣзнямъ сердца нашего о страждущемъ Господѣ:—болѣзнь, что грѣхами своими мы увеличивали тяжесть страданій Его; надобно здѣсь предъ лицемъ Господа съ сокрушеніемъ исповѣдать каждому изъ насъ: въ этихъ язвахъ, Господи, есть и моя часть.

Не бойтесь тяжести вины! Въ этомъ самоосужденіи источникъ и оправданія. Присвоеніемъ себѣ виновности въ страданіяхъ Господа, присвояется и оправдательная сила ихъ. Потому въ ту самую минуту, какъ мы въ сердцѣ изречемъ: и мы виновны, Господи, въ сихъ страданіяхъ твоихъ,—на небѣ изречется намъ прощеніе и разрѣшеніе. Только не забудемъ приложить къ сему и еще одно нужное слово, именно: *виновны — не будемъ*. Не будемъ болѣе оскорблять тебя, Господи, грѣхами своими, уязвлять неправдами, второе распинать беззаконіями. Сердце будемъ хранить вѣрнымъ Тебѣ единому, главу станемъ украшать богомысліемъ и благомысліемъ, рукъ не простремъ къ хищенію и обидѣ, ногамъ не попустимъ блуждать по распутіямъ порока, плоти не дадимъ поблажки въ ея требованіяхъ чувственныхъ наслажденій, всѣхъ себя принесемъ въ жертву Тебѣ единому, за насъ пожершемуся. Иначе что будетъ пользы—языкомъ говорить: виновны, виновны, а дѣлами наносить раны Господу и распинать Его!

Вотъ дочего доводитъ насъ примѣръ женъ! Онѣ, смотря на Господа страждущаго, раздирались сердцемъ и плакали. Хорошо и намъ сострадать сердцемъ Господу страждущему; но не полно. Женамъ въ то время извинительно было ограничиться одною скорбію и плачемъ, хотя и онѣ тогдаже получили должное напоминаніе. А намъ это совсѣмъ неизвинительно; потому что предъ нами открыты уже всѣ пути оправданія. Намъ надобно пройти нѣсколько далѣе съ болѣзнующимъ сердцемъ—дойти до сокрушительнаго осужденія себя въ сихъ самыхъ страданіяхъ, и заключить рѣшительнымъ намѣреніемъ — не оскорблять и не распинать болѣе Господа грѣхами своими. И вотъ — это первый способъ пріобщенія Христовымъ страстемъ, сораспятія Ему!

Когда же благословитъ насъ Господь положить твердое намѣреніе не грѣшить, и идти неуклонно путемъ правды; тогда мы вступимъ въ чинъ Симона, — понесемъ крестъ Господень на себѣ, воспріимемъ благое иго Его, тяжелое и легкое. И тутъ откроется намъ второй способъ пріобщенія Христовымъ страстемъ и сораспятія Господу, — терпѣніе въ обязательныхъ для насъ добрыхъ дѣлахъ и терпѣніе сопряженныхъ съ ними скорбей и лишеній. Когда подумаешь о семъ способѣ, не можешь не изумиться, съ какою попечительностію заботится Господь о томъ, чтобъ какъ можно вѣрнѣе, какъ можно неизбѣжнѣе содѣлать насъ общниками своего креста и своихъ страстей! Онъ окружилъ насъ крестами со всѣхъ сторонъ, разложилъ ихъ на всѣхъ путяхъ нашей жизни; такъ что мы и шага не можемъ сдѣлать безъ того, чтобъ не встрѣтиться съ ними. Намъ остается только надлежащимъ образомъ воспользоваться ими, чтобъ содѣлаться общниками и

креста Господня. Въ самомъ дѣлѣ, осмотримся, бр.! Каждый изъ насъ связанъ своимъ кругомъ обязанностей,—то къ Церкви, то къ предержащей власти, то къ обществу, а иной сверхъ того и къ семейству. Исполненіе сихъ обязанностей есть кругъ добрыхъ дѣлъ, Господомъ отъ насъ требуемыхъ. Но исполненіе добросовѣстное требуетъ отъ насъ труда и терпѣнія, — чтобъ не начать только хорошо, но и продолжать и довести до конца совершеннаго. Сколько терпѣнія нужно родителямъ, чтобъ воспитать дѣтей, какъ должно, — судьѣ, чтобъ праведно вести дѣла судныя, — служащимъ, чтобы служить добросовѣстно, — начальствующимъ, чтобъ начальствовать по Богу. Равно для служащихъ Церкви и приходящихъ въ нее, для учащихъ и учащихся, для воиновъ и военачальниковъ, для слугъ и господъ, для продающихъ и купующихъ, для всякаго вообще званія и состоянія неизбѣжна своя мѣра труда и терпѣнія, чтобъ вести обязательныя для нихъ дѣла соотвѣтственно намѣренію и повелѣнію Господню. А къ этому сколько сверхъ того прививается непріятностей, оскорбленій, препятствій, недоразумѣній, неудачь, потерь, ошибокъ и паденій:—на что все требуется снова свое терпѣніе. Вотъ сіе-то терпѣніе въ трудахъ и скорбяхъ, неизбѣжныхъ при исполненіи обязательныхъ для насъ дѣлъ, и есть второй способъ пріобщенія къ страстемъ Господнимъ, — способъ спасительнаго сораспятія Ему. Не всегда однакожъ; но когда?—Когда сознаемъ, что нашъ долгъ, что кругъ нашихъ обязанностей есть благое иго Христово, есть крестъ, Господомъ на насъ наложенный,—когда всѣ наши дѣла и каждое дѣло въ отдѣльности будемъ вести въ той мысли, что это есть несеніе креста Господня,—когда всѣ притомъ труды и скорби будемъ пе-

реносить благодушно ради Господа, за насъ пострадавшаго. Только терпѣніемъ въ такомъ духѣ труды и скорби наши пріобщатся къ скорбямъ и страданіямъ Господа и послужатъ намъ въ сораспятіе съ Нимъ. А безъ сего они будутъ только измождать, истощать и изнурять насъ, нисколько не содѣйствуя спасенію души нашей,—и развѣ только временную какую, и то ненадежную доставляя выгоду.

И такъ, не чести ради, или выгодъ, не за тѣмъ, чтобъ стяжать имя или достигнуть довольства, ревнуй исправно вести дѣла свои, а ради Господа распятаго; Его ради начинай каждое дѣло, памятію о крестѣ Его воодушевляйся въ совершеніи его, и оконченное все относи къ славѣ Божіей,—и будешь всегдашнимъ причастникомъ креста Господня. Когда благовѣстъ зоветъ на Богослуженіе, понудь себя пойти въ церковь Божію, гдѣ есть и Голгоѳа, помня, что Господь подъ крестомъ шелъ на лобное мѣсто. Когда рѣшаешь судное дѣло, не пожалѣй труда разобрать все, чтобъ рѣшить дѣло право, помня, что кривымъ судомъ осужденъ Господь на смерть. Когда продаешь, потщись назначить правую мѣру и цѣну, помня, какъ сама Правда была продана за ничто корыстолюбіемъ Іуды. Равно: если ослабѣваетъ кто подъ тяжестію обязательныхъ для него дѣлъ, обратись къ распятому Господу, до конца доведшему дѣло нашего спасенія, и скажи: столько терпѣлъ Господь ради меня; мнѣ ли не потерпѣть сего небольшаго труда? Когда мы настроимъ себя такимъ образомъ, тогда всякое наше дѣло будетъ вводить насъ въ страданіе съ Господомъ, въ общеніе страстей Его, въ сораспятіе съ Нимъ,—и какъ поминутно у насъ есть какія-нибудь дѣла, то поминутно и будемъ общниками креста его. И вотъ

что значитъ слово Господа: *въ терпѣній вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19.): спасайте души ваши добросовѣстнымъ во славу Мою веденіемъ обязательныхъ для васъ дѣлъ; пусть говоритъ въ себѣ каждый изъ васъ: иду симъ путемъ лежащаго на мнѣ долга, и благодушно терплю все, встрѣчаемое на семъ пути ради Господа, за меня пострадавшаго и умершаго. *А еже живу, вѣрою живу Сына Божія возлюбившаго мене, и предавшаго себѣ по мнѣ* (Гал. 2, 20).

Въ этомъ второй способъ пріобщенія Христовымъ страстемъ,—способъ болѣе пріискренній, нежели первый, однакожъ еще не окончательный. Онъ уже приведетъ насъ къ самому существенному пріобщенію страстемъ Господнимъ, по чину благоразумнаго разбойника,—къ пріискреннѣйшему сораспятію съ Нимъ, чрезъ распинаніе сердца, всегда на зло насъ научающаго и всякое доброе дѣло наше готоваго осквернить и сгубить исходящими изъ него страстными помыслами.

Въ самомъ дѣлѣ, братія, внѣшній ли только крестъ принесемъ Господу? Внѣшнимъ ли только прикосновеніемъ ко кресту Его ограничимся? Нѣтъ. Недовольно до Голгоѳы только донести крестъ; надобно самимъ вознестись на него, самимъ быть на немъ распятыми. *Иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), учитъ Апостолъ. *Сыне даждь ми сердце*, говоритъ Господь. Въ сердцѣ же что у насъ? Гордость, тщеславіе, корыстолюбіе, ненависть, зависть, гнѣвъ, сластолюбіе, похоть и всякая злая вещь (Мат. 15, 19; Кол. 3, 5). Такое ли сердце давать Господу? Это настоящій разбойникъ. Надобно распять его; надобно внести крестъ внутрь сердца, и на немъ пригвоздить сего гнѣздящагося тамъ разбойни-

ка, пригвоздить по винѣ, и вѣрою въ Господа обратить сіе казнительное распятіе въ спасительное сораспятіе Христово. Какъ? Гнѣвъ пришелъ,—погаси его: похоть возбудилась, — умертви ее; корыстолюбіе влечетъ,—отсѣки его; зависть искушаетъ,—подави ее; осужденіе наущаетъ,—не внимай ему; тщеславіе прививается,—отжени его. Осѣкая, такимъ образомъ, всякій помыслъ худой, всякую страсть злую, мы будемъ поражать свое сердце болѣзнію, наносить ему раны, уязвлять и распинать его. Ради чего? Ради Господа. Вотъ и сораспятіе Господу. Но эта брань внутренняя потребуетъ потомъ особенныхъ подвиговъ самоумерщвленія, потребуетъ поста, бдѣнія, труда молитвеннаго, вниманія себѣ, отреченія отъ своей воли, сыновняго подчиненія другому. Приложимъ и это, зная, что только изъ того и другаго, т. е. изъ подвиговъ и внутренней брани, взаимно перекрещивающихся, слагается внутренній, спасительный для насъ крестъ, на коемъ достойно совершается сораспятіе Господу и подается живое общеніе страстемъ Его. Сего-то самораспятія собственно и ждетъ отъ насъ Господь. Его-то ради Онъ и въ міръ пришелъ, его ради страдалъ, его ради вольныя страсти, распятіе и смерть претерпѣлъ:—*отложити намъ по первому житію ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины.* Блаженна душа, которая съ Апостоломъ Павломъ можетъ сказать: *Христови сраспяхся. Живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 19. 20).

Въ этомъ третій способъ сораспятія Господу, окончательный. Въ первомъ способѣ полагается только начало сему сораспятію, во второмъ оно дѣятельно подготовляется, въ третьемъ совершается самымъ дѣломъ,

Вотъ къ чему обязываетъ насъ нынѣ Господь, когда призываетъ: пріобщитесь страстемъ моимъ, сораспнитесь Мнѣ. Дадимъ же, братія, и мы достойный сего призыванія отвѣтъ! Стань теперь каждый предъ лицемъ Господа изъязвленнаго и умученнаго, и, смотря на сію главу, терніемъ израненную, скажи: напечатлѣннымъ въ умѣ и сердцѣ ношу образъ страданій твоихъ, Господи, и болѣзную ими; сознаю свою виновность въ сихъ самыхъ страданіяхъ и полагаю твердое намѣреніе не уязвлять Тебя болѣе грѣхами моими и не распинать Тебя ими. Лобызая сіи ноги съ язвами гвоздинными, положи завѣтъ съ Господомъ: съ терпѣніемъ неуклонно буду идти путемъ долга и добрыхъ дѣлъ, Тобою отъ меня требуемыхъ, не смотря ни на какіе труды и непріятности съ тѣмъ сопряженныя; воодушевляясь крестнымъ подвигомъ твоимъ и все обращая въ славу твою. Благодушно буду нести сей крестъ, Тобою на меня возложенный, и бодренно тещи съ нимъ въ слѣдъ Тебя. Цѣлуя сіи перси, копіемъ прободенныя, дай слово Господу: отнынѣ стану у входа сердца моего, и буду нещадно поражать всякое возникающее въ немъ неправое движеніе, буду распинать свое сердце, не смотря ни на какую болѣзнь его, ни на какое его томленіе. Только тогда наше настоящее священнодѣйствіе будетъ имѣть смыслъ не противный Богу и не безполезный для насъ, только тогда мы сдѣлаемъ то, чего хощетъ отъ насъ Господь, заповѣдавъ Церкви предлагать взору и чествованію вѣрующихъ ликъ свой въ такомъ крайнемъ уничиженіи, съ такими ужасающими знаками своихъ мукъ и страданій. А безъ того наше поклоненіе не будетъ ли нѣкоторымъ образомъ походить на глумленіе тѣхъ, кои,

ходя вокругъ креста, кричали: *уа! разоряяй церковь!.. спаси себе и наю.*

Возревнуемъ о семъ, братіе,—и возревнуемъ столько, сколько дорого для каждаго собственное его спасеніе. Ибо слышите, что говоритъ Господь? *Будите во мнѣ и Азъ въ васъ. Якоже розга не можетъ плода творити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, тако и вы, аще во мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоан. 15, 4—6). Понятна сила притчи сей! Мы мертвы; намъ надобно привиться къ Господу и отъ Него воспріять жизнь. Господь есть единственное древо жизни посредѣ земли. Но сіе древо есть древо крестное—Господь умученный, изъязвленный, распятый. Какъ привиться къ Нему безъ сострадания, безъ сораспятія Ему?! Итакъ, жаждетъ ли кто вкусить жизни отъ Господа,—возжадай прежде скорбей, страданій и распинаній ради Его! Способы подъ руками, образцы предъ очами. Избирай, какой хочешь, только спостражди Господу, сораспнись Ему. Или болѣзнуй о Немъ сердцемъ съ женами, или неси крестъ Его съ Симономъ, или сораспинайся съ Нимъ съ разбойникомъ. Это единственные обороты ножа садовничнаго, которыми вертоградарь отрѣзываетъ дикую вѣтвь, надрѣзываетъ плодовое дерево, и всаждаетъ въ него чуждую жизни вѣтвь. Это нити, коими привязывается сей прививокъ къ живому дереву, и вмѣстѣ масть цѣлебная, коею заживляется болѣзненная рана привитія. Иныхъ способовъ привитія къ древу животному нѣтъ; нѣтъ безъ нихъ и оживленія и спасенія. За чѣмъ же оставлять ихъ, если искренно ищемъ жизни и спасенія? Затрудняешься? Начни съ легчайшаго, начни съ размышленія о страданіяхъ Господа. Можетъ быть, они умягчатъ

сердце и родятъ болѣзнь о страждущемъ Спасителѣ; а отъ сей недалекъ уже переходъ къ сокрушительному осужденію себя въ грѣхахъ своихъ, уязвлявшихъ Господа, и къ рѣшительному намѣренію не распинать Его болѣе грѣхами своими. Затѣмъ первый шагъ на пути правды будетъ уже несеніемъ креста Господня; послѣ нѣсколькихъ опытовъ добросовѣстнаго исполненія долга откроется коварство сердца,—и само введетъ насъ въ брань со страстьми и похотьми. Вотъ и весь нашъ крестный путь! Какъ все просто и легко!

А между тѣмъ у насъ всегда подъ руками есть столько средствъ и побужденій къ тому, чтобы вести сіе дѣло, сколько можно успѣшнѣе! Господь распятый преднаписывается намъ повсюду. Съ первымъ пробужденіемъ отъ сна, мы полагаемъ на себѣ крестное знаменіе, каждый поклонъ совершается съ тѣмъ же знаменіемъ, взглянемъ на икону, тамъ рѣдко не видимъ креста, — на церкви крестъ, въ церкви повсюду кресты, въ дняхъ недѣли—среда и пятокъ, въ часахъ дня 1, 3, 6, 9 возвѣщаютъ намъ страданія Господа. Такъ преднаписывается намъ Господь распятый! Много ли стоитъ труда провесть при семъ мысль нашу немного далѣе,—возболѣть о Господѣ, осудить себя и дать слово: не буду? Какъ бы цѣлебно прилагались къ намъ страсти Господни, еслибы всякій взоръ на крестъ, всякое знаменіе крестное сопровождались такими поворотами сердца и воли?! Что касается до дѣлъ нашихъ,—разумѣю дѣла обязательныя для насъ долгомъ, а не дѣла, требуемыя обычаями міра, кои не суть Божіи,—что касается до дѣлъ, то хотимъ или не хотимъ, мы должны же вести ихъ и ведемъ. Много ли стоитъ при семъ отогнать лѣность, приложить добросовѣстность, освятить благо-

намѣренностію, посвятить все Господу распятому и подкрѣплять себя силою креста Господня? Какое богатство благъ духовныхъ подавалось бы намъ тогда поминутно отъ всещедраго Бога!—А сердце наше со страстьми далеко ли отъ насъ, и таково ли оно, чтобъ можно было не замѣтить его злокозненности? Сколько мы терпимъ отъ страстей,—и этимъ не просятся ли онѣ сами, чтобъ ихъ распинать! А много ли стоитъ войти внутрь и сказать имъ: умолкни? Ссылаемся на немощь и безсиліе. Но, братіе, Господь близъ. Не въ немощи причина, а въ нехотѣніи отказать себѣ. И отъ поблажки губимъ себя ядомъ страстей, и губимъ часто дѣла свои, стоившія долгаго труда и терпѣнія; ибо дѣло по страсти уже есть погибшее дѣло для вѣчности.

Такъ все вокругъ насъ и располагаетъ и способствуетъ къ тому, чтобъ войти въ сострадание и сораспятіе съ Господомъ. Непостижимо, что заставляетъ насъ уклоняться и отказываться отъ того! Неужели же думаетъ кто все дѣло своего спасенія возложить на одного Господа, а самъ и перстомъ не хочетъ коснуться сей тяжести? Пусть спасаетъ одинъ, какъ хочетъ. Спаси Себе и наю. Ахъ, бр., у Господа столько любви къ намъ, что Онъ и это готовъ бы сдѣлать для насъ, еслибъ могла быть отъ того какая польза для насъ. Но нельзя. Скорбми подобаетъ внити въ царствіе. Узкій путь только вводитъ въ животъ. Посмотрите на Апостоловъ: они мертвость Господа всегда на тѣлѣ своемъ носили. Почему?—Потому что нельзя иначе и животу Іисусову явиться въ мертвеннѣй плоти нашей (2 Кор. 4, 10. 11). Посмотрите на мучениковъ: они всѣ поютъ: Тебе женише мой, люблю и Тебе ищущи страдальчествую.... для чего?—да и живу

съ Тобою. И всѣ святые за что вошли въ царствіе?— За то, что убѣлились въ крови, и крови Агнчей. Къ кому же мы хотимъ принадлежать безъ ранъ въ сердцѣ, безъ капли крови на тѣлѣ?—Господь все устроилъ для спасительнаго пріобщенія насъ своимъ страстемъ. Насадилъ посредѣ земли древо крестное, и отъ него провелъ какбы нити къ каждому изъ насъ,— это показанные нами способы,—чтобъ ими привлекать насъ къ нему, прививать и оживотворять. Но отказываясь отъ сораспятія Господу, мы безпечно отрѣзываемъ сіи нити, говоря какбы Господу: отойди отъ насъ, путей твоихъ вѣдѣти не хощемъ. Что же бываетъ съ нами? Тоже, что съ малою ладьею, которая, пока прикрѣплена къ большому кораблю, не боится волнъ; а оторвавшись отъ него, гибнетъ въ пучинѣ морской. И вотъ что мы!!—Ахъ, бр., теперь пока еще незамѣтны слѣды сего отреченія отъ креста и отъ сораспятія Господу. Но будетъ время, когда сей крестъ взятъ будетъ отъ земли и явится уже не какъ облегчитель и оживотворитель, а какъ обличитель. Что тогда будетъ? Тогда дивное нѣчто совершится предъ очами нашими. Всѣ крестоносцы будутъ привлечены симъ крестомъ, какъ малыя частицы желѣза большимъ магнитомъ, и вознесены отъ земли на небо. А что будетъ съ отречниками отъ креста?!! Господь да избавитъ насъ отъ сей участи, горькой и неисправимой! И избавитъ. Но когда?—Когда ради Христа, пострадавшаго за насъ плотію, и мы въ туже мысль вооружимся (1 Петр. 4, 10). Еже буди всѣмъ намъ благодатію Господа нашего Іисуса Христа, насъ ради крестъ и смерть претерпѣвшаго. Аминь.

РЯЗАНСКІЕ ІЕРАРХИ.

(Окончаніе).

5. *Іосифъ* епископъ рязанскій извѣстенъ по послѣсловію къ кормчей книгѣ 1284 г. Здѣсь читаемъ: «Не презрѣлъ Богъ церковь во владѣніи нашемъ, такъ говоритъ супруга кн. мученика Романа, кн. Анастасія,— не оставилъ вдовствующею, безъ епископа и безъ ученія св. отцевъ. Благодаримъ за то Бога и преосвященнаго митрополита Максима. Онъ исполнилъ желаніе, давъ избраннаго Богомъ пастыря и учителя словеснаго стада православной Вѣры, отца нашего по духу, священнаго епископа Іосифа для богоспасаемой области рязанской. Господство наше благодаритъ и твое, Іосифъ, преподобіе за то, что могъ ты получить сіе священное писаніе отъ славнаго Кіева, котораго мы отрасль.—Я, епископъ Іосифъ, испросивъ отъ митрополита предсѣдательство (протоѳронство), переписалъ на вразумленіе себѣ и просвѣщеніе вѣрныхъ слушателей, для покоя святопочившихъ рязанскихъ князей и преосвященныхъ епископовъ» (14). Очевидно, что Іосифъ,

(14) Розенкампфъ о кормчей стр. 61.

рязанскій инокъ, посвященъ былъ въ епископа рязанскаго въ 1284 г. Безъ сомнѣнія, тогда же м. Максимъ опредѣлилъ границы между рязанскою и сарайскою епархіями и сказалъ въ грамотѣ своей, что южный край по великую Ворону принадлежитъ къ рязанской епархіи, о чемъ говорятъ потомъ м. Ѳеогностъ и Алексій.

6. *Стефанъ*, которому дана была грамота к. Михаиломъ Ярославичемъ. Въ 1303 г. кн. Михаилъ утвердилъ «святымъ мученикамъ и отцу своему владыкѣ Степану» землю «по мучиновскій предѣлъ» и по р. Тыю съ селами — Владычнимъ, Столпинскимъ и Лучинскимъ, съ правомъ суда и съ правомъ ловить бобровъ въ р. Пронѣ и озерахъ. «Закемъ купля первыхъ владыкъ, а уѣздъ дали дѣди и прадѣди. Князь Михаило стоялъ на Тыѣ, а владыка Степанъ тутъ же князя потчивалъ» (15).

7. *Савва* (16).

8. *Григорій*, по лѣтописи участвовалъ въ 1325 г. въ погребеніи москов. князя Георгія Даниловича (17).

9. *Кириллъ*.—Ему митр. Ѳеогностъ далъ грамоту на завѣдываніе мѣстами по великую Ворону. «Благословеніе Ѳеогноста митрополита всей Руси, такъ пи-

(15) Воздвижен. Ист. ряз. Іер. 51. Рязан. достоп. §. 72. Тамъ и здѣсь поставленъ 1403 г. Но въ началѣ 15 в. не было ни кн. Михаила, ни кн. Ярослава; а напротивъ извѣстенъ кн. Ярославъ ум. 1299 г. и кн. Александръ Михаиловичъ ум. 1340 г. см. ниже прим. 23.

(16) У Іеронима Савва послѣ Григорія, но этого быть не могло.

(17) «Погребоша его митр. Петръ и архіеп. Моисей и рязан. епископъ Григорій.» Въ спискѣ Никон. Лѣт. и въ Хронографѣ прежде Григорія упоминается Василій, но это ошибка. Въ Синодикѣ нѣтъ его.

салъ первосвятитель, дѣтямъ моимъ, баскакамъ, сотникамъ, игуменамъ, священникамъ и всѣмъ христіянамъ Червленаго Яру и всѣмъ городамъ по великую Ворону... Знайте, дѣти: уже много разъ были переговоры и мятежъ между двумя владыками, рязанскимъ и сарайскимъ, о томъ краѣ. Я послалъ было къ вамъ игумена своего, чтобы разсмотрѣлъ по правдѣ, чей тотъ край. И по свидѣтельству того игумена, я далъ было грамоту сарайскому епископу Аѳанасію. Нынѣ же прибылъ ко мнѣ рязанскій епископъ съ своимъ клиромъ, и принесъ мнѣ грамату брата моего митрополита Максима и другую грамату брата моего митроп. Петра: рѣшено о рязанскомъ владыкѣ, велѣно ему завѣдывать всѣмъ тѣмъ краемъ по великую Ворону. Показалъ мнѣ и третью грамату сарайскаго владыки Софоніи о томъ, какъ отказался онъ отъ того края, чтобы не вступаться ему болѣе, такъ какъ тотъ край не сарайскій, а рязанскій. И я нынѣ, видѣвъ все это, разсудилъ по граматамъ братій моихъ митрополитовъ владѣть тѣмъ краемъ по великую Ворону рязанскому владыкѣ... И далъ я рязанскому владыкѣ Кириллу правую граммату» (18).—Такъ какъ сарайскій епископъ Софоній далъ на бумагѣ обязательство не вступаться въ край поворонскій при ростовскомъ епископѣ Антоніѣ и митр. Ѳеогностѣ, а Антоній былъ ростовскимъ епископомъ 1328—1335 г.; то Кириллъ былъ рязанскимъ епископомъ вѣроятно съ 1334 г. (19). Что же

(18) Ист. Ак. 1. № 1.

(19) Такъ показано и въ Ист. Іер. 1. 130. Списокъ Софоніевой граматы — у Воздвиженскаго стр. 23. По граматамъ Ѳеогноста и Софонія, Аѳанасій сарайскій лишенъ каѳедры въ 1334 г., и на его мѣсто возведенъ Софонія съ обязательствомъ о Червленномъ Ярѣ.

касается до Червленаго Яра, то какъ по граматамъ о немъ, такъ и по другимъ памятникамъ ([20]) Червленый Яръ-южная сторона рязанской епархіи, край между р. Червленымъ Яромъ и берегомъ Хопра, носившимъ также имя Червленаго Яра или, точнѣе, все степное пространство между р. Воронежемъ, Дономъ, Хопромъ и Вороной. Здѣсь и по граматамъ и по лѣтописямъ ([21]) даже при Татарахъ были еще города, караулы по Хопру, съ сотниками, иначе сторóжи, или казаки рязанскіе, отчичи донскихъ, жили христіане, священники, діаконы, бояре, а вмѣстѣ съ тѣмъ баскаки.

10. *Георгій* еписк. ([22]) извѣстенъ по граматѣ. Въ 1340 г. кн. Александръ Михайловичь (1340 г.) далъ «св. мученикамъ Борису и Глѣбу и отцу своему владыкѣ Георгію село Остромирское, съ правомъ суда,

---

«Владыка Аѳанасій покаженъ», говоритъ и Алексіева грамата. Потому въ Ист. Іер. 1, 234 и въ Сарат. губ. Вѣдом. 1844 г. № 35 порядокъ и время сарайскихъ епископовъ показаны невѣрно. Послѣ сего очевидно и то, что грамата м. Ѳеогноста на Червленный Яръ писана именно въ 1334 г., такъ что колеблемость издателей ея (Прим. 1. къ 1 т. Акт. ист.) неумѣстна.

([20]) Въ Рязан. достоп. сказка козловскаго священника: «Червленый де Яръ усть Воронежѣ рѣки верстъ съ тридцать на низъ, а жильцы когда на томъ бывали ль, того онъ не вѣдаетъ.... А другой де червленый Яръ на р. Хопрѣ усть р. Савалы, а впала Савала ниже Вороны, отъ воронежскаго устья верстъ со ста». Хожденіе Пимена: «тожъ минухомъ (послѣ Тихой Сосны) и Червленый Яръ рѣку и Битюгъ р. и Похоръ (Хоперъ)». Никон. л. IV, 161.

([21]) по Лѣтоп. въ 1148 г. «города Червленаго Яру и на велицѣй Воронѣ». Никон. л. II, 105. Въ 1400 г. «въ предѣлѣхъ Червленого Яру и въ короулѣхъ возлѣ Хоперъ у Дону» князья избили множество Татаръ. Никон. л. IV, 298. По актамъ XV и XVI в. по Дону города Тешевъ, Братиловъ, Романцевъ, Данковъ.

([22]) По Синодику Кириллъ прежде Григорія, а Георгія вовсе нѣтъ, То и другое—ошибка.

съ полями и пожнями» въ память своего дѣда кн. Ярослава, бабы княгини Θеодоры и матери княгини Евдокіи ([23]).

11. Св. *Василій* посвященъ въ 1354 году ([24]). Въ сказаніи «о градѣ Муромѣ и о епископьи его» ([25]) читаемъ: «Нѣколикое время бысть во градѣ Муромѣ епископъ праведенъ, именемъ Василій; сего добляго житія не терпя врагъ, нача нань споны творити». По другому извѣстію ([26]), спустя много лѣтъ послѣ благов. кн. муромскаго Петра, прибылъ въ запустѣвшій Муромъ кн. Георгій Ярославичь, поставилъ себѣ дворы и тоже сдѣлали бояре его и купцы; князь возобновилъ древній храмъ Благовѣщенія и другой — св. мучен. Бориса и Глѣба, поставилъ у церкви мучениковъ домъ для епископа и призвалъ на каѳедру епископа Василія, человѣка праведнаго и благочестиваго. По тому и другому извѣстію, противъ праведнаго Святителя возстали съ подозрѣніями въ нечистой жизни его. Отъ того только, что видали въ его кельѣ дѣвушку, чернь и знать, безъ всякаго изслѣдованія и сношенія съ митрополитомъ, потребовали, чтобы Василій немедленно оставилъ Муромъ. «Возсташа на святаго владыку, говоритъ еще иной памятникъ ([27]) и

([23]) Списокъ грам. въ Рязан. достоп. сл. Рязан. вѣдом. 1853 г. № 43.

([24]) Никон. л. III. 205. 206.

([25]) Сказаніе въ ркп. 17 в. Моск. Дух. Акад. Оно же у Царскаго № 397. По языку оно принадлежитъ XV в. или началу XVI.

([26]) «Сказаніе о обновленіи града Мурома и о св. Василіѣ епископѣ муромскомъ», слѣдующее за житіемъ св. кн. Константина, — у Румянцева № 364 и въ Прологѣ мая 21.

([27]) Просьба Муромцевъ къ архіеп. Мисаилу (1652—1655 г.)—у Воздвиженскаго стр. 104.

поругашася ему, ни святительства его убояшася, ни благолѣпія честныхъ его сѣдинъ устыдѣшася и спасенаго его ученія отвергошася, и изъ града Мурома изгнаша». Древняя повѣсть говоритъ: «пріидоша къ епископу въ домъ тоя ради вины изгонити изъ епископьи. Епископъ же пріимъ икону Превѣчнаго, написана Младенца, и Богородицы, на ню же имѣяше надежду о всяцѣмъ спасеньи своемъ, пойде изъ епископьи и провожаху его до р. Оки». По другому сказанію, праведникъ увѣрялъ народъ въ своей невинности, но его не слушали и хотѣли даже убить. Тогда сказалъ онъ: отцы и братья! Дайте мнѣ время до утра. Затѣмъ молился онъ онъ со слезами во всю ночь въ храмѣ мучениковъ, съ наступленіемъ дня совершилъ литургію и взялъ съ собою ту святую икону, которую принесъ съ собою просвѣтитель Мурома св. князь Константинъ. «И хотяху, продолжаетъ древняя повѣсть, дати ему отплыти судно мало. Святый же, стоя на брезѣ, снемъ манатью и простре на воду и вступи на ню, нося Божій и Богородичный образъ. И абіе духомъ бурнымъ несенъ бысть съ образомъ противу струямъ, отнюдуже рѣка течетъ. Повѣдаху же, яко бысть се въ 3 часу дни и того же дни въ 9 часъ Божіимъ неизрѣченнымъ повелѣніемъ приплы на манатьи своей вверхъ въ мѣсто, еже нынѣ зовомо старая Рязань (28). Князь же рязанскій Олегъ

(28) Древній стольный городъ рязанскихъ князей называется городомъ «старою Рязанью» въ граматахъ съ XV в. (Собр. грам. I. № 127. 144) а также въ книгѣ большаго чертежа; а въ 1679 г. уже «село старая Рязань». Грам. Пискарева № 45. Страусъ въ 1669 г. писалъ о Рязани: «развалины, тутъ находящіяся, показывали, что когда-то Рязань была большимъ городомъ». Недавно открыли здѣсь гробницы князей и разные слѣды княжескаго быта, какъ и основаніе

срѣте со кресты. Ту бо тогда пребываху князи рязанстіи. Чудесная же та икона, юже епископъ принесе, и донынѣ въ Рязани есть. Онъ бо вѣрою упова на ню (Богородицу), сія же милостію удиви, хотя явити безъ порока раба своего». По лѣтописямъ кн. Юрій Ярославичь возобновилъ Муромъ въ 1351 г. послѣ того, какъ дважды (1281 и 1288 г.) опустошенъ онъ былъ Татарами. Возобновителю Мурома естественно было пожелать, чтобы каѳедра епископа была поставлена въ его новомъ городѣ, тѣмъ болѣе, что это былъ городъ, освященный пребываніемъ св. к. Глѣба, и городъ старшаго изъ княжествъ рязанскихъ; да и новая Рязань такъ была опустошена предъ тѣмъ, что рязанскій кн. Ярославъ (Димитрій) Александровичь жилъ (1343 г.) въ Ростиславлѣ, маломъ городкѣ на Окѣ, близъ Каширы. Между тѣмъ и въ Муромѣ блаж. Василій, по возвращеніи своемъ изъ Москвы, послѣ хиротоніи, уже не могъ застать добраго кн. Юрія: тотъ въ 1354 г. изгнанъ былъ кн. Ѳеодоромъ Глѣбовичемъ и хотя домогался возвратить себѣ Муромъ, но умеръ въ темницѣ. Волненія сильныя происходили тогда въ Муромѣ (29) и они, конечно, были въ связи съ печальною судьбою блаж. святителя. У кн. Олега Ивановича блаж. Василій нашелъ самый радушный пріемъ. Онъ пользовался уваженіемъ и князей рязанскихъ и первосвятителя Россіи. Святитель Алексій писалъ о немъ на Червленый Яръ: «благословеніе Алексія митрополита всей Россіи всѣмъ христіянамъ,

---

борисоглѣбскаго собора. *Калайдовича* письма объ изслѣдов. въ Рязан. губ. М. 1824 г. Ж. М. просв. 1849 г. ч. 63. отд. VI, 357. 358.

(29) Собр. л. VII, 243. 244. Никон. л. III, 87. 178. 180. 193. 194. Карам. 4, пр. 182. 335. 370. 378.

находящимся въ краю Червленаго Яра, по карауламъ возлѣ Хопра, до Дона, священникамъ, діаконамъ, сотникамъ и боярамъ... Вы, какъ показываетъ время, не слушаете словъ ученія моего, исполняете волю плоти и дѣла темныя... О краѣ по великой Воронѣ возлѣ Хопра до Дона, положено опредѣленіе Соборомъ.... Посылаю къ вамъ рязанскаго владыку Василія съ граматою моею. Поминайте его и давайте ему церковную подать по обычаю» (30). Кн. Олегъ въ жалованной граматѣ своей Ольгову монастырю писалъ: «милосердіемъ Божіимъ, молитвою отца моего князя великаго Ивана Александровича и благословеніемъ Василія епископа рязанскаго и муромскаго, я князь великій» и пр. (31) Кн. Олегъ пожаловалъ уважаемому святителю нѣсколько селъ съ богатыми угодьями и съ правомъ суда, а пронскій князь Владиміръ Димитріевичь далъ мѣсто на Дону съ бобровыми гонами (32).—Блаженный святитель не долго управлялъ рязанскою паствою. Онъ, какъ видно, созрѣлъ въ жизни духовной и до поступленія на каѳедру. Блаженная кончина его послѣдовала 3 Іюля 1360 г. (33).—Надгробная над-

(30) Ист. ак. I. № 3. Издатели граматы (прим. 2 къ 1 т.) напрасно отвергаютъ, что кн. Олегъ въ иночествѣ былъ Іоною, а въ крещеніи Іаковомъ. О первомъ говоритъ у Воздвиженскаго стр. 50 грамата Олега, а о второмъ Апостолъ Іаковъ, изображенный на граматѣ Ольгову монастырю. Ист. ак. I, 3.

(31) Ист. ак. I. № 2. Объ отцѣ кн. Олега см. Иловайскаго Ист. рязан. княжества стр. 306—311. М. 1858 г.

(32) Кн. Олегомъ даны блаж. Василію мѣсто на р. Кикинѣ, у с. Селезнева, «первыхъ владыкъ купля», Воинское, Засѣчье, Хмелево. Рязан. достоп. Воздвиженскаго. Іер. 49. 50. Иловайскаго Ист. стр. 257. 285.

(33) Никон. л. IV, 62. Карам. 5. пр. 55. Ркп. святцы: «святый Василій епископъ рязанскій, чудотворецъ, — преставися въ л. 6800

пись говоритъ о немъ: «перенесены мощи иже во святыхъ, отца нашего Василія, епископа рязанскаго и муромскаго, чудотворца, изъ стараго острога, отъ церкви св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, въ новопостроенную соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, преосвященнымъ Ѳеодоритомъ, архіепископомъ рязанскимъ и муромскимъ, въ л. 1606 г. Іюля 10 д.» ([34]) имя св. Василія епископа рязанскаго издавна поминается въ числѣ святыхъ во всѣхъ церквахъ рязанской епархіи ([35]). Указомъ свят. Синода 1810 г. установлено праздновать Апр. 12 чудотворной муромской иконѣ Богоматери, прославившей невинность святителя Василія; а его память кромѣ того празднуется Іюля 10 и Мая 21 ч. ([36]).

12. Преемникомъ св. Василія былъ *Аѳанасій*, посвященный въ 1360 г. ([37]).

13. Потомъ послѣ *Вассіяна* былъ 14 *Ѳеоктистъ*, упоминаемый въ 1385 г. при немъ пр. Сергій радонежскій приходилъ въ Рязань мирить к. Олега съ в. к.

іюля въ 3 д.». Здѣсь показаніе о годѣ кончины не полное: не показаны десятки и единицы. Надлежало сказать: «преставися въ л. 6868», и тогда это согласно будетъ съ лѣтописями. У Муравьева (май стр. 334—338) то св. Василій поставленъ въ епископа по желанію князя Юрія Ярославича (ум. 1355 г.), то онъ преставился въ 1292 г. Современность св. Василія епископа кн. Юрію и кн. Олегу поставляютъ внѣ всякаго сомнѣнія, что св. Василій епископъ жилъ и почилъ въ срединѣ XIV в.

([34]) Лѣтопись въ первый разъ написана была въ 1715 г. Воздвиженскаго Іер. 15—22. 65. Переславль состоялъ изъ двухъ крѣпостей—изъ города и острога. См. пр. 5. 51. 65. 78.

([35]) Воздвиженскаго Іер. 22.

([36]) Слава Богоматери III, 2. стр. 93—94.

([37]) Троицк. л. подъ 1376 г. Никон. л. III, 206. По синодику и Іерониму прежде Ѳеоктиста Вассіянъ. Воздвиж. Іер. 31.

Димитріемъ и останавливался на первую ночь въ троицкомъ монастырѣ ([38]).

15. *Θеогностъ*, посвященный въ 1387 г., въ слѣдующемъ году былъ при посвященіи новгор. архіеп. Іоанна ([39]). Ему кн. Олегъ подарилъ два села ([40]).

16. *Іеремія* Грекъ, по лѣтописи пришелъ съ м. Кипріаномъ и въ 1389 г. опредѣленъ правителемъ рязанской епархіи; въ томъ же году встрѣчалъ онъ митр. Пимена у гор. Перевитска и провожалъ до Дона. Въ 1390 г. встрѣчалъ митр. Кипріана въ Москвѣ и съ нимъ въ слѣдующемъ году былъ па тверскомъ соборѣ, а въ 1391 г. былъ въ Новгородѣ ([41]).

17. *Θеогностъ 2* посвященъ въ 1393 г. и въ слѣдующемъ году былъ при посвященіи ростов. епископа ([42]). Ему дано кн. Олегомъ село Санское съ бортневымъ лѣсомъ на острову; «а звѣрь на томъ острову— лоси и лисицы и въ рекѣ бобры» ([43]). Скончался въ 1408 г. на покоѣ.

18. *Евфросинъ 2* былъ въ 1401 г. на Соборѣ, осудившемъ Іоанна архіеп. новгородскаго и Савву епископа луцкаго ([44]).

19. *Сергій Азаковъ*, по житію пр. Кирилла, архимандритъ симоновскій, не вовсѣмъ внимательный къ

([38]) Разанск. достоп. § 71 и списокъ Іеронима.

([39]) Никон. л. подъ 1387 г. Троицк. подъ 1388 г.

([40]) Рязан. достоп. § 71. Воздвиж. Іер. стр. 50. «Кн. Олегъ Ив. придалъ въ домъ владыцѣ Θеогносту село свое Старое да и Козлово съ бортнымъ ухожьимъ лѣта 1387».

([41]) Никон. л. IV, 193—196. Татищевъ IV, 329.

([42]) Карам. 5, пр. 254.

([43]) Воздвиж. Іер. 50.

([44]) Никон. л. IV, 301.

себѣ, посвященъ при к. Θеодорѣ Ольговичѣ въ 1423 г. (45).

20. Св. *Іона* 1431—1448 г. уже въ Мартѣ 1433 г. онъ писалъ: «благословеніе Іоны епископа, нареченнаго въ святѣйшую митрополію русскую—въ печерскій монастырь» (46). Потомъ в. к. Василій писалъ въ Константинополь: «понудихомъ итти къ вамъ Іону епископа рязанскаго, мужа суща духовна и въ добродѣтельномъ житіи отъ младенства многа лѣта поживша, дабы намъ поставили на митрополію» (47). Это было по смерти м. Герасима (ум. 1435 г.). Но блаж. Іонѣ сказали тогда въ Константинополѣ: «ты не успѣ пріити къ намъ, а мы другаго на ту святѣйшую митрополію поставили,-Исидоръ уже на Руси митрополитомъ. Паки пойди на свой столъ, на резанскую епископью. А что̀ воля Божія о Сидорѣ промыслитъ, или смертью скончается, или иначее о немъ что ся станетъ, и ты Іона, епископъ резанскій, готовъ благословенъ на той великій престолъ кіевскій» (48). Блаженный Святитель усердно занимался дѣлами званія въ рязанской паствѣ; онъ ревностно просвѣщалъ языческую Мордву свѣтомъ евангельскимъ и многія тамо невѣрныя, къ Богу обративъ, крести», говоритъ житіе его. Блаж. Пастырю приходилось скорбѣть за рязанскую паству свою. При немъ (1444 г.) царевичь Мустафа ограбилъ волости рязанскія; застигнутый жестокою зимою у Рязани, погибъ онъ съ ордою своею отъ войска московскаго. Но и это не надолго порадовало: спустя нѣсколько мѣся-

(45) Никон. л. 8. 12—15. Рязан. достоп.

(46) Ист. ак. I, 70.

(47) Ист. ак. I, 73.

(48) Ист. ак. I, 83.

цевъ Татары золотой Орды мстили за царевича опустошеніемъ рязанской украйны ([49]).

21. *Евфросинъ 3 Звѣнецъ* въ 1458 г. былъ на Соборѣ ([50]), а въ 1461 г. погребалъ св. Іону и былъ при поставленіи новаго митрополита Θеодосія, ум. 1462 г. ([51]).

22. *Давидъ*, казначей св. Іоны, посвященный въ 1462 г. присутствовалъ (1465 г.) при поставленіи Филиппа въ митрополита ([52]). По одному акту «тягался *бояринъ епископа* Давида, Θеодоръ, съ бояриномъ Васильемъ въ томъ, что Василій побилъ владычни бобры въ р. Пронѣ, а тѣ бобры издревлѣ приданы борисоглѣбской церкви,—придалъ ихъ Олегъ Ивановичь владыкѣ Василью. О томъ былъ судъ еще при владыкѣ Сергіѣ. Бояре, посмотрѣвъ въ старинныя граматы, жалованныя князьями Ярославомъ, братомъ его Θеодоромъ, сыномъ Михаиломъ Ярославичемъ и Олегомъ Ивановичемъ, владыку Сергія и боярина его оправдали.... К. Василій Ивановичь Θеодора, боярина отца своего владыки Давида оправилъ, а Василья обвинилъ и указалъ вѣдати владыцѣ по тому уѣзду земли по старинѣ» ([53]).

23. *Θеодосій*, посвященный 2 Декабря 1471 г. изъ архимандрита чудовскаго ([54]), въ 1472 г. былъ при перенесеніи мощей св. Петра, а въ 1473 г. погребалъ м. Филиппа и посвящалъ Геронтія въ митрополита ([55]).

([49]) Иловайскаго Ист. 225—226. Ист. русск. Ц. III, 13.

([50]) Русск. Времен. 2, 79.

([51]) Ист. русск. Ц. III, 27.

([52]) Ак. Э. I, 161. Никон. л. V, 289. VI, 3.

([53]) Рязан. достоп. § 85.

([54]) Никон. л. VI, 35.

([55]) Русск. Врем. 2, 79. Никон. л. VI, 54. 62.

24. *Симеонъ*, духовникъ митр. Геронтія, хиротонисанъ въ 1481 г.; былъ (въ 1483 г.) при посвященіи архіеп. Сергія ([36]). При немъ построенъ златоустовскій храмъ въ рязанскомъ Кремлѣ. Грамата данная сему храму, весьма замѣчательна. Вотъ она: «Марта 7 великій князь Иванъ Васильевичь (рязанскій), третной великой области приказалъ боярину своему Буренину построить въ своемъ городѣ Переяславлѣ храмъ Ангела своего Іоанна Златоустаго! Онъ велѣлъ надѣлить его мѣстными образами, деисусами, ризами, книгами, колоколомъ, и всѣми церковными принадлежностями. Да окола храма отвесть землю *для кладбища*, съ трехъ сторонъ по пяти сажень, а съ улицы три сажени; отдалъ *озеро Карасево*, что по лѣвую сторону, да на улицѣ въ концѣ ряда *богадѣльню*. Тому же храму опредѣлилъ подъ дворъ землю, поперекъ до городовой стѣны, а въ длину на 23 сажени до конца улицы и до двора архидіяконскаго священника; по другую сторону живетъ стольникъ великаго князя Иванъ Башминовъ. Жалованья опредѣлено священнику 30 рублей да ржи и овса по 30 четвертей, діякону 15 рублей да ржи и овса 15 четвертей. Епископу не брать съ нихъ *дани* и никому нѣтъ до нихъ дѣла; мостовъ имъ не мостить, города и крѣпости не строитъ. Къ приходу Златоуста принадлежатъ всѣ серебренники и пищальники... На молебнахъ по воскреснымъ днямъ у Бориса и Глѣба степенныя мѣста назначены такъ: подъ соборными на правой сторонѣ станетъ священникъ златоустовской, а ниже его священникъ *Николы стараго*. Старый же Никола стоитъ на берегу *Быстраго озера*;

([36]) Ник. л. VI, 116. 117.

это озеро святое; и Карасево озеро святое служитъ къ исцѣленію очей» ([57]). При епископѣ Симеонѣ въ 1487 г. «близъ села Ѳедотьева», что на Окѣ, ниже старой Рязани, явилась икона Богоматери и тогда же принесена была въ рязанскій соборъ ([58]). Въ 1485 г. Симеонъ былъ на Соборѣ въ Москвѣ, а въ 1486 г. участвовалъ при заключеніи договора между рязанскими князьями братьями—Ѳеодоромъ и Иваномъ. Этотъ договоръ замѣчателенъ и потому, что въ немъ объясняется отношеніе свѣтской власти къ духовной. «Что касается до того, говоритъ грамата, что въ нашей отчинѣ домъ великихъ мучениковъ Бориса и Глѣба и отца нашего владыки Симеона, также волости, села, бортныя земли и воды: то мнѣ князю не вступаться во владычни волости, села, земли бортныя и воды. Владычные люди знаютъ дань княжескую, ямскую повинность и строеніе города; судъ княжій надъ владычными людьми въ душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ. Судъ между моими и владычными людьми общій: судъ между владычными людьми — владычній. Мнѣ князю не вступаться въ монастырскія села, земли бортныя и воды, какія есть въ моей отчинѣ. Монастыри разбираютъ своихъ людей сами, ихъ и приставъ за ихъ людьми» ([59]). Въ 1491 г. Симеонъ присутстовалъ на Соборѣ противъ Жидовствующихъ, а въ 1496 г. былъ при посвященіи Симона въ митрополита ([60]).

25. *Протасій,* посвященный въ 1496 г. участво-

([57]) Воздвижен. Іер. 39—40.

([58]) Граматы Пискарева № 48. Воздвиж. Іер. стр. 52—56.

([59]) Собр. грам. I, 325. Ист. ак. I, 139.

([60]) Никон. л. VI, 126. 143. 144. Ист. русск. Ц. III, 79.

валъ (1499 г.) въ вѣнчаніи кн. Димитрія Иваночича (61). Замѣчательна мѣстная грамата 1498 г. о каѳедральной землѣ: «Апрѣля 6 по приказанію кн. Ѳеодора Васильевича бояринъ его Матвей Денисьевичь отмежевалъ землю, луга и болота св. мучен. Бориса и Глѣба городецкаго владыкѣ Пратасію отъ княжой земли дорогумильской, что противъ *Дѣднова*, отъ р. Оки къ Волкову болоту и къ *рубежу любуцкому*. На межевании были *бояре владычные*. Грамату писалъ дьякъ князя Ѳеодора Семенъ Ивановъ сынъ Барановъ» (62). Въ 1503 г. Протасій былъ на Соборѣ, запретившемъ вдовымъ попамъ священнодѣйствовать (63); въ 1509 г. былъ на Соборахъ объ Іосифѣ и новгор. архіеп. Сераніонѣ, а въ 1516 г. отказался отъ управленія епархіею (64).

26. *Сергій 2*, архимандритъ андрониковскій, посвященъ въ 1517 г. (65). Въ граматѣ 1520 г. видимъ «владычняго боярскаго сына» (66). Въ томъ же 1520 г. рязанскій князь Иванъ Ивановичь лишился правъ владѣтельнаго князя. Рязанскій владыка приводитъ Рязань къ присягѣ на подданство в. князю московскому, и въ слѣдующемъ году пришлось ему видѣть печальныя послѣдствія невѣрности нѣкоторыхъ своей клятвѣ (67).

27. *Іона 2*, посвященный въ 1522 г., не разъ участвовалъ въ клятвенныхъ записяхъ бояръ и князей и

(61) Карамз. 6. пр. 629. Древн. Вивліоѳ. XIV, 207.
(62) Рязан. достоп. Воздвиж. Іер. 291.
(63) Никон. л. VI, 190. Ак. Э. I, 487.
(64) Карамз. 7, пр. 370. Ист. ак. I, 530.
(65) Карамз. 7, пр. 383.
(66) Грамата Пискарева № 13.
(67) Ист. ак. I, 188, 189. Иловайскаго Ист. 227—233.

въ 1535 г. перелагалъ мощи св. Петра въ новую раку ([68]). «Въ л. 7050 (1542) билъ челомъ Гос. царю Ивану Вас. Іона владыка рязанскій, что въ его епископіи, въ муромской, въ большой и малой, Мещерѣ многія церкви отъ татарской войны запустѣли; а которыхъ церквей игумены, попы и дьяконы и пономари и проскурницы и ихъ дѣти остались, намѣсницы государевы муромскіе и слатомскіе и его тіуны и прикащики и волостели мещерскіе тѣхъ оставшихся судятъ во всемъ и церкви ихъ отъ того пустѣютъ. Государь по челобитью епископа рязанскаго указалъ духовныхъ людей и дѣтей ихъ, которые по церковнымъ землямъ живутъ, не судить опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ, а вѣдаетъ ихъ и судитъ владыка Іона или его десятильникъ» ([69]). Грамата замѣчательная! а) Она указываетъ на значеніе тогдашняго свѣтскаго суда для народа. б) Показываетъ предѣлы рязанской епархіи. в) Она же говоритъ о двухъ Мещерахъ, но ту и другую включаетъ въ муромское княжество. Далѣе извѣстно, что Іона рязанскій епископъ присутствовалъ на Соборѣ 1547 г., установившемъ празднованіе святымъ русской Церкви ([70]). При немъ каѳедра перенесена была изъ борисоглѣбскаго собора въ Кремль и, такъ какъ на мѣсто владѣтельнаго рязанскаго князя Рязанью сталъ владѣть (съ 1520 г.) в. князь московскій ([71]),—домъ князей рязанскихъ отданъ для пребыванія въ немъ владыки; блаж. Іона

([68]) Никон. л. VI, 228. VII, 120. Собр. грам. I, 424. 425. 439.

([69]) Рязан. достоп. § 15. Воздвижен. Іер. 45.

([70]) Карамз. 9. пр. 87. Ак. Э. I, 203. Въ актахъ ошибочно напечатано: «Іосифомъ» вмѣсто: Іоною.

([71]) *Иловайскаго* Ист. рязан. княжества стр. 231—234. М. 1858.

построилъ на новомъ дворѣ своемъ каменный храмъ усѣкновенія главы Предтечевой и онъ же построилъ нѣсколько другихъ храмовъ. По переписи 1568 г. «въ гор. Переславлѣ дворъ владыченъ, а на дворѣ церковь каменна усѣкновенье Ивана Предтечи поставилъ владыка Іона; двѣ палаты каменны; во владычнѣ слободѣ церковь Бориса и Глѣба поставленье Іоны владыки, да восемь келей нищихъ, а въ нихъ живутъ старцы и бѣльцы; да въ той же слободѣ церковь каменна Никола чудотворецъ недодѣлана, придѣлъ воскресеніе Христово, что нынѣ приходская церковь, по просторѣчію Никола долгошея» ([72]).

28. *Михаилъ*, архимандритъ чудовскій, хиротонисанъ въ 1548 г. ум. 1560 г. ([73]).

29. *Кассіянъ* былъ на Соборѣ 1551 г. Въ томъ же году, послѣ того, какъ посланные митрополитомъ священникъ и діаконъ освятили въ новомъ городѣ Шацкѣ церковь воскресенія Христова и другую во имя кн. Бориса и Глѣба «владыка рязанскій Кассіянъ писалъ къ митрополиту и царю, что тотъ городъ сталъ въ епископіи рязанской, въ мещерскомъ уздѣ, у шацкихъ воротъ, а по обѣ стороны города того пришла епископія рязанская. Да и правая грамота на то мѣсто есть у него Θеогноста митрополита на Червленый Яръ до большой Вороны рѣки. Потому по правиламъ св. Отецъ ему было епископу Касьяну посылать въ тотъ городъ своихъ священниковъ и антиминсамъ было быти тамъ его же. И по граматѣ Касьяна о всемъ томъ въ правилахъ св. Отецъ посмотрѣли. А священныя правила:

([72]) Воздвиж. Іер. 43—45. 292. Сличи ниже прим. 85.

([73]) Карамз. 7, пр. 426.

вселен. 4 Собора 17 и вселен. 6, 38, въ толкованіяхъ повелѣваютъ таковые новые города имѣти подъ собою тоя области епископу, подъ нимъ же быти повелѣніемъ церевымъ написаны будутъ. И государь тотъ новый городъ у шацкихъ воротъ придалъ къ рязанской епископьи. И по цареву жалованью митрополитъ повелѣлъ Касьяну епископу тотъ новый городъ во всемъ имѣть въ своей епископьи и управлять и разсуждать во всемъ по правиламъ св. Апостолъ и св. Отецъ и по его благословенью» ([74]). Отселѣ видимъ, что значеніе Θеогностовой граматы простирали и на край ценскій. Видимъ и то, что малая Мешера обнимала не только слатомскій, но и шацкій край,—и здѣсь былъ мещерскій уѣздъ. Въ 1554 г. Кассіянъ участвовалъ въ дѣяніяхъ собора, судившаго слушателей Башкина; но тогда же разбитъ былъ параличемъ ([75]).

30. *Гурій*, игуменъ Сергіевой Лавры, посвященный въ 1554 г. Въ 1563 г. по распоряженію царя освящалъ храмъ въ муромскомъ благовѣщенскомъ монастырѣ ([76]) и скоро послѣ того скончался.

31. *Филоѳей* съ 1563 г., былъ на Соборѣ 1564 г. о бѣломъ клобукѣ и въ томъ же году своими увѣщаніями содѣйствовалъ побѣдѣ Рязанцевъ надъ крымскимъ ханомъ, осаждавшимъ Рязань ([77]). Въ 1565 г.

([74]) Рязан. достоп. § 116. О построеніи Шацка Никон. л. VII, 207.

([75]) Ист. русск. Ц. III, 88. Ак. Э. I, 250.

([76]) Никон. л. VII, 214. Карамз. 9, 153. Въ Исторіи Іерар. послѣ Гурія Акакій, Гурій 2, Леонидъ 1, Филоѳей. Но по лѣтописямъ очевидно, что послѣ Гурія былъ Филоѳей, а Акакія и Леонида 1 не было на рязан. каѳедрѣ.

([77]) Ист. Ак. I, 332. Карамз. 9, 40.

въ числѣ пословъ отправлялся онъ въ Александровскую слободу упрашивать Іоанна грознаго возвратиться въ Москву. Въ слѣдующемъ году былъ при поставленіи св. Филиппа въ митрополита. Въ 1568 г. участвовалъ въ низведеніи его съ каѳедры, а въ слѣдующемъ году и самъ лишенъ каѳедры ([78]).

32. *Сергій* 3 въ 1570 г. возвратилъ въ вѣденіе рязанскаго епископа г. Данковъ, который присвоялъ себѣ коломенскій епископъ. Сергій въ подкрѣпленіе правъ рязан. епископа писалъ: «бывшій въ л. 7071 (1563) епископъ рязанскій Филоѳей соборную церковь и съ придѣлы въ Данковѣ велѣлъ освятить», выдавъ отъ себя антиминсы; при томъ представлены были списки съ грамотъ кн. Олега Ивановича и Василія Дмитріевича и списки съ грамотъ митрополитовъ Максима, Ѳеогноста и Алексія. «Государь, смотрѣвъ грамоты, велѣлъ въ томъ гор. Данковѣ церковнымъ сооруженьемъ владѣти и вѣдати поповъ, дьяконовъ и весь причетъ церковный епископамъ рязанскимъ» ([79]). Въ 1572 г. Сергій присутствовалъ на Соборѣ при избраніи полоцкаго епископа Антонія въ митрополита ([80]).

33. *Леонидъ* изъ игуменовъ волоколамскаго монастыря ([81]), въ 1575 г. получившій по указу царя дворовое мѣсто въ г. Ряжскѣ для пребыванія своихъ десятильниковъ ([82]) въ 1581 г., былъ на Соборѣ, запретившемъ духовенству пріобрѣтать вотчины, а въ 1583 г. жаловался царю на то, что ростовскій архіепископъ не хотѣлъ

([78]) Карамз. 9, 44. пр. 177. 197. 205.

([79]) Рязан. достоп. § 121. Воздвиж. Іер. 292—294.

([80]) Ак. Э. I, 330. Карамз. 9, 115.

([81]) Юрид. ак. 147—176.

([82]) Рязан. достоп. § 123.

сидѣть съ нимъ за столомъ царскимъ, какъ съ Іосифляниномъ ([83]).

Архіепископы:

34. *Митрофанъ* въ 1584 г. посвященъ въ епископа, а въ 1589 г. при учрежденіи патріаршества получилъ для себя и своихъ преемниковъ санъ архіепископа ([84]). Онъ началъ строить великолѣпный успенскій соборъ ([85]). Въ 1598 г. дали ему выписку на имѣнія, но въ томъ же году въ граматѣ объ избраніи царя сказано: «рязанскаго архіепископа имя не написано, понеже въ то время на Рязани не бысть архіепископа» ([86]).

35. *Варлаамъ*, онъ же *Ѳеодосій Вятко*, присутствовалъ на Соборѣ 1598 г. объ избраніи Годунова на царство и потомъ въ 1599 былъ при вѣнчаніи его, а въ Августѣ 1600 г. по царскому указу получилъ подворье въ Коломнѣ; ум. 1601 г. ([87]).

([83]) Ак. Э. I, 372. Ист. ак. I, 410. У Воздвиж. стр. 288, какъ и въ Ист. Іер. ошибки.

([84]) Ист. русск. Ц. IV, 16, 18.

([85]) Рязан. достоп. § 127. 129. Воздвиж. Іер. 57 — 59. Въ выпискѣ сказано: «въ гор. Переяславлѣ рязанскомъ дворъ архіепископа, каменная церковь кн. Владиміра и такая же усѣкновеніе главы Предтечевой, предъ воротами соборная церковь успенія Богородицы каменная, строитъ ее архіеп. Митрофанъ... Въ Острогѣ за глѣбовскими воротами, на борисоглѣбской улицѣ, по дорогѣ отъ города къ Острогу на право слобода архіепископа и въ ней деревянныя церкви Срѣтеніе (Владимірской иконы) Пречистой и м. Анастасіи, строеніе прежнихъ владыкъ. На посадѣ за Острогомъ слобода архіепископа и въ ней каменная церковь Бориса и Глѣба и теплая трехъ Святителей, построенная прежними владыками; здѣсь же каменная церковь Николая чудотворца и деревянная теплая Козмы и Даміяна, строенныя прежними владыками».

([86]) Древн. Вивліоѳ. VII, 16.

([87]) Ак. Э. 2, 41. Рязан. достоп. § 129. Въ хронографѣ Румянцева

36. *Игнатій* Грекъ, бывшій кипрскій архіепископъ, въ 1603 г. опредѣленъ на рязанскую каѳедру и, по низложеніи Іова, по волѣ Лже-Димитрія названъ патріархомъ.

37. *Ѳеодоритъ* посвященъ въ 1605 г. п. Гермогеномъ. Въ слѣдующемъ году былъ при вѣнчаніи царя Василія Шуйскаго и въ томъ же перенесъ мощи святителя Василія рязанскаго въ успенскій соборъ ([88]). Въ 1611 г. приказалъ онъ препроводить списокъ съ Ѳедотьевской иконы въ с. Ѳедотьево, а причтъ Ѳедотьева освободилъ граматою отъ церковныхъ сборовъ ([89]). Въ 1613 г. былъ въ числѣ пословъ, приглашавшихъ Михаила Ѳеодоровича на царство ([90]).

38. *Іосифъ* хиротонисанъ въ 1617 г. Въ слѣдующемъ году Іюля 30 напала на Рязань шайка Черкасовъ, убили въ острогѣ священниковъ и много людей, но были прогнаны и въ тотъ же день совершенъ былъ крестный ходъ съ Ѳедотьевскою иконою вокругъ города. Въ 1619 г. Іосифъ встрѣчалъ Филарета и участвовалъ въ посвященіи его въ патріарха ([91]).

39. *Антоній*, рукоположенный въ 1619 г., въ 1622 г. далъ наказъ объ управленіи архіерейскими вотчинами. Въ 1627 г. писалъ онъ къ царю, что «въ гор. Каширѣ было старинное мѣсто рязанскаго архіепископа», но послѣ разгрома польскаго въ 1618 г. занято дворянами. Государь велѣлъ возвратить мѣсто

№ 461 послѣ Митрофана Ѳеодосій Вятко и сказано: «сей бысть первый архіепископъ Рязани». Но нѣтъ Варлаама.

([88]) Ак. Э. 2, 106. Воздвижен. Іер. 19. 20. 64. 65. Объ Игнатіѣ Ак. Ист. II, 72. III, 68.

([89]) Воздвижен. 52. 53.

([90]) Воздвижен. 66. 67. Ак. Э. 2, 4.

([91]) Воздвижен. Іер. 68—69.

архіепископу Антонію ([92]). Слѣдовательно Кашира съ давняго времени была въ вѣденіи рязанскаго архипастыря. Въ 1634 г. Антоній былъ на Соборѣ о пополненіи оскудѣвшей царской казны ([93]) и скончался въ 1637 г.

40. *Моисей*, бывшій благовѣщенскій протоіерей, потомъ старецъ Сергіевой Лавры, посвященъ въ 1638 г. ([94]). Когда по царскому указу 1636 г. построены были г. Тамбовъ и Козловъ и п. Іоасафъ причислилъ ихъ къ своей епархіи,—сперва Антоній, потомъ Моисей жаловались на то царю, «Государь, разсмотрѣвъ прежнія граматы митрополитовъ Θеогноста, Алексія и другихъ велѣлъ завѣдывать тѣми городами рязанскимъ архіепископамъ» ([95]). Моисей былъ при поставленіи (1642 г.) патріарха Іосифа ([96]).—Онъ отличался глубокимъ благочестіемъ: посѣщалъ для богомолья монастыри своей епархіи и разъ путешествовалъ въ Сергіеву обитель, часто ходилъ въ городскія церкви, гдѣ или служилъ литургію или приказывалъ пѣть молебенъ, платя за то деньги, не рѣдко отправлялся въ домъ убогихъ, бывшій у троицкаго монастыря и отпѣвалъ умершихъ. При немъ устроилось нѣсколько новыхъ обителей ([97]) въ томъ числѣ троицкій муромскій монастырь ([98]). Въ 1648 г. построенъ былъ на Дону новый городъ Коротоякъ и въ томъ же году жители писали архіепископу Моисею, что многіе изъ

([92]) Рязан. достоп. § 146.
([93]) Ак. Э. 2, 369.
([94]) Воздвижен. 74—81.
([95]) Рязан. достоп. § 121. 151. 170.
([96]) Древн. Вивліоѳ. II, 245—256.
([97]) Воздвижен. Іер. 81—85.
([98]) Владим. губ. вѣдом. 1850 г. № 12.

нихъ померли отъ внезапной смерти; архіепископъ поспѣшилъ оказать имъ пособіе ([99]). Блаж. Моисей скончался въ 1651 г. въ Рязани, но тѣло его, по его завѣщанію, перевезено въ Сергіеву обитель и похоронено въ успенскомъ соборѣ.

41. *Мисаилъ* изъ іеромонаховъ новгор. деревяницкаго монастыря, по одобренію Никона хиротонисанъ въ 1651 г. ([100]). Пастырь апостольскаго духа. Въ самомъ началѣ правленія своего разослалъ онъ грамату къ паствѣ своей съ пастырскими наставленіями.

«Благословеніе великаго господина преосвященнаго Мисаила архіепископа рязанскаго и муромскаго, въ Шацкъ, чернѣева николаевскаго монастыря игумену Моисею и всѣмъ игуменамъ, соборнымъ, городскимъ, посадскимъ и уѣзднымъ священникамъ и дьяконамъ шацкой и кадомской десятинъ нашей архіепископіи. Изволеніемъ Божіимъ, молитвами Пречистой Богородицы и святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, Государь благочестивый и христолюбивый, царь всей Россіи, самодержецъ Алексій Михаиловичь по избранію великаго господина и отца нашего свят. патріарха московскаго и всей Россіи Іосифа и преосвященныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ и всего священнаго Собора, указалъ мнѣ быть архіепископомъ Переславля и всей рязанской архіепископіи. Когда придетъ къ вамъ эта наша грамата: то вы игумены и священники шацкой и кадомской де-

---

([99]) Рязан. достоп. § 164. 182.

([100]) Воздвижен. Іер. 83. 86. Въ Ист. Іер. послѣ Моисея Давидъ 2; но его не было, — Мисаилъ въ граматѣ своей говоритъ о Моисеѣ предшественникѣ своемъ.

сятинъ помолитесь о долголѣтномъ здравіи Государя царя нашего.... Да и насъ не забывайте въ молитвахъ вашихъ, поминайте по прежнему.

Игумены, дѣти смиренія нашего, не держите у себя по монастырямъ, въ погребахъ, ледникахъ, кельяхъ ни вина, ни пива, ни медовъ хмѣльныхъ и брагъ. Прикажите строго въ вотчинахъ монастырскихъ служителямъ и крестьянамъ, чтобы они не курили вина къ праздникамъ, не варили пьянаго пива и браги и не готовили хмѣльныхъ медовъ. Если въ монастырѣ или монастырской вотчинѣ найдено будетъ хмѣльное питье: вино, пиво, брага, медъ; то по указу Государя, по граматѣ, какая прислана къ бывшему архіепископу Моисею, брату нашему, приказали мы взыскивать пени съ игуменовъ и братіи и съ монастырскихъ крестьянъ. И вы соборные, городскіе, посадскіе и уѣздные священники и діаконы, также не держите въ домахъ своихъ вина и пива, браги и всякаго хмѣльнаго питья. Не ходите и по кабакамъ, не пейте и въ другихъ мѣстахъ. Церкви не должны оставаться у васъ безъ пѣнія никогда. Учите своихъ дѣтей духовныхъ страху Божію и запрещайте ходить въ кабаки, равно и въ домахъ держать хмѣльное. Если какіе попы, дьяконы, дьячки церковные, не послушавъ нашего приказанія, станутъ упиваться и церкви Божіи будутъ оставаться безъ пѣнія; то вы игумены приказывайте брать такихъ и сажать для смиренія на нашемъ дворѣ въ цѣпь на шесть недѣль; спустя шесть недѣль освобождайте не иначе, какъ за крѣпкими поруками въ томъ, что впередъ не станутъ пить хмѣльнаго, и въ церквахъ Божіихъ будутъ читать и пѣть единогласно. Если же какіе священники, діаконы, дьячки и послѣ

смиренія будутъ пить хмѣльное и упиваться, а въ церквахъ Божіихъ читать и пѣть не единогласно; то такихъ удаляйте, кого же изъ священниковъ, діяконовъ, дьячковъ удалите отъ прихода, о томъ доносите намъ письменно, — и мы по своему усмотрѣнію назначимъ къ тѣмъ церквамъ людей добрыхъ, трезвыхъ и учительныхъ. Если по вашему нерадѣнію священники, діяконы, дьячки станутъ пьянствовать и вы по нашему указу не будете смирять и удалять отъ службы и церкви, а мы узнаемъ о томъ или откроется впослѣдствіи; то за ослушаніе и пренебреженіе къ власти, Богомъ данной намъ, отлучимъ васъ отъ священства навсегда и согласно съ указомъ Государя отправимъ и васъ и тѣхъ священниковъ, діяконовъ и дьячковъ въ дальніе монастыри подъ крѣпкой надзоръ.

Извѣстно намъ стало, что въ Шацкѣ и Кадомѣ и ихъ уѣздахъ православные съ женами и дѣтьми лѣтъ по 30, 40 и 50 не постятся въ большіе посты, не исповѣдываются у священниковъ и не причащаются. Вы священники отдайте строгій приказъ по приходамъ, чтобы впередъ православные христіяне съ женами и дѣтьми благословлялись у васъ духовныхъ отцовъ своихъ поститься, исповѣдываться и причащаться. Преподавъ строгое вразумленіе по правиламъ св. Апостоловъ и св. отцевъ, причащайте ихъ животворящаго тѣла и крови Господней. Если кто окажется недостойнымъ св. причастія, приказывайте говѣть въ иные посты, дабы удостоиться причащенія, если приведетъ Богъ. Если кто изъ православныхъ по нерадѣнію и лѣности не будетъ поститься, исповѣдываться и причащаться,—о такихъ пишите къ намъ въ Переславль рязанскій, съ показаніемъ именъ ихъ, а

мы напишемъ о нихъ къ Государю царю, по правиламъ и уложенію святительскому.

Объявите о государевыхъ дворцовыхъ селахъ, въ чорныхъ волостяхъ, въ вотчинахъ и помѣстьяхъ бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, дѣтей дворянскихъ и боярскихъ, въ вотчинахъ монастырскихъ,—старостамъ, цѣловальникамъ и крестьянамъ: когда доведется имъ посылать къ намъ ставленниковъ взрослыхъ въ священники людей 30 лѣтъ, въ дьяконы 25 лѣтъ; то были бы это люди добрые, благочинные, обученные граматѣ, а не люди задорные и спорливые, не пьяницы и не ярыжники. Просьбы съ выборомъ присылали бы засвидѣтельствованныя рукою священниковъ и волостныхъ людей; тогда мы по своему усмотрѣнію будемъ поставлять ихъ въ священники. Ставленниковъ молодыхъ, воровъ и бражниковъ не должны присылать къ намъ.

Объявите всѣмъ въ шацкой и кадомской десятинахъ, чтобы впредъ праздники между Рождествомъ Христовымъ и Крещеніемъ, Рождество Іоанна Предтечи, Петровъ день проводили безъ вражіей мечты и игръ, не ставили бы качелей и релей и не творили бы смутъ въ мірѣ.

Объявите въ Шацкѣ и Кадомѣ, посадскимъ и уѣзднымъ жителямъ: если хотятъ они откупать кабаки, то на 1652 г. не брали бы на откупъ кабаковъ въ Шацкѣ и Кадомѣ и ихъ уѣздахъ для ничистой своей корысти и не дѣлали бы тѣмъ смуты между христіанами. Пусть живутъ всѣ православные по заповѣдямъ Господнимъ и ходятъ въ св. храмы каждый день во время пѣнія. Если кто не послушаетъ насъ, откупитъ кабаки и заведетъ игры, — о томъ доносите намъ въ

Переславль рязанской и мы запретимъ пущать такихъ въ церковь и ходить къ нимъ въ домъ со святынею и если умрутъ не дозволимъ хоронить ихъ у св. церквей.

Скажите всѣмъ священникамъ и діаконамъ шацкой и кадомской десятинъ, чтобы пріѣзжали сами въ Переславль съ ставленными граматами для свидѣтельствованія граматъ нами, а не присылали бы ихъ съ сторонними священниками и дьяконами; также привезли бы съ собою данныя записи на всѣ годы, по которымъ значатся уплаченными подати при братѣ нашемъ архіепископѣ Моисеѣ.

Объявите всѣмъ дьячкамъ и пономарямъ, чтобы впередъ не носили зипуновъ съ ожерельями, а носили бы, если возможно для кого, однорядочки или сермяжки черныя или сѣрыя, а по нуждѣ бѣлыя, но зипуновъ отнюдь не носили бы.

Грамату нашу прочесть по монастырямъ и соборнымъ церквамъ не одинъ разъ, а въ нѣсколько воскресныхъ дней, чтобы распоряженіе наше извѣстно было вамъ игуменамъ, всѣмъ соборнымъ, городскимъ и посадскимъ священникамъ, діаконамъ, всему причту церковному, равно и мірскимъ людямъ всякаго чина.

Да объявите во всей нашей рязанской архіепископіи и въ михайловскомъ уѣздѣ, чтобы вдовые попы и діяконы постригались въ иноческій чинъ, а въ мірѣ не жили бы, на соблазнъ міра. Если какіе вдовые священники и діяконы сняли съ себя скуфьи и женились на другихъ женахъ; то вы не входите къ нимъ въ домъ ни съ какою святынею, не пущайте ихъ въ церковь Божію и не принимайте отъ нихъ въ церковь никакого приношенія. Такихъ разстригъ-поповъ и дьяконовъ, которые не станутъ слушать нашего указа,

отдавать на поруки и съ поручными высылать къ намъ въ Переславль рязанскій» ([101]).

Такъ поучалъ ревностный архипастырь!

Уже въ іюнѣ 1651 г. посылалъ онъ іеромонаха Артемія окрестить нѣсколько человѣкъ Мордвы въ Березово, присудъ с. Конобѣева. Но отъ дѣлъ проповѣди св. Вѣры на время отвлеченъ онъ былъ другими дѣлами. Въ 1652 г. былъ онъ на Соборѣ въ Москвѣ. Въ томъ же году стрѣльцы и козаки новаго города Усманы, построеннаго въ 1645 г., писали ему, что Татары увели у нихъ много людей, у мужей женъ и у женъ мужей,—и Мисаилъ просилъ письменно патріарха разрѣшить оставшимся вступить въ браки. Въ томъ же году доносилъ п. Никону, что прибыли подъ власть Государя крещенные Черкесы, въ числѣ 170 семей, и поселились въ 8 верстахъ отъ Воронежа, въ борщевскомъ стану ([102]). Въ 1653 г. занятъ онъ былъ построеніемъ каменнаго архіерейскаго дома и былъ въ Москвѣ ([103]). Послѣ того началось высокое апостольское служеніе его для невѣрныхъ.

Въ 1654 г. въ слѣдствіе просьбы своей, блаж. Мисаилъ снабженъ былъ царскою и патріаршею граматами для проповѣдыванія св. Вѣры и отправился съ нѣсколькими священниками, въ сопровожденіи думнаго дьяка Звѣрева, проповѣдывать Вѣру Мордвѣ въ уѣздахъ шацкомъ, кадомскомъ и тамбовскомъ. Онъ переѣзжалъ изъ поселенія въ поселеніе, оглашая дикарей св. проповѣдію. Онъ былъ въ дворцовомъ государевомъ селѣ Конобѣевѣ и въ деревняхъ Устьѣ и

([101]) Грамата нап. у Воздвижен. стр. 87—96.
([102]) Рязан. достоп. § 182. 164. Ак. Э. IV. 77.
([103]) Воздвижен. Іер. 116. 117.

Янбирной. Подвигъ его былъ не безуспѣшенъ: окрещено было до 316 человѣкъ. Потомъ дано было знать, чтобы жители с. Березова, и деревень Агламазова, Ракова и Ерневой явились для слушанія проповѣди и крещенія въ с. Конобѣево. Но язычники не явились. Святитель отправился самъ къ нимъ. Но Мордвины, въ числѣ 200 человѣкъ, вышли съ кольями, рогатинами, луками, стрѣлами и топорами. На всѣ увѣщанія святителя отвѣчали они одно, что послали къ Государю челобитчиковъ и, если Государь велитъ креститься, противиться не станутъ. Святитель отправилъ отъ себя донесеніе къ Государю. Онъ убѣждалъ Государя не довѣрять просьбѣ Мордвы. Отговорки язычниковъ, писалъ онъ, не заслуживаютъ вниманія. Они отклоняютъ отъ себя крещеніе тѣмъ, что ходятъ въ дальнія мѣста на Хоперъ для звѣриной ловли, ѣдятъ звѣриное мясо, и жены ихъ не знаютъ русскаго языка. Послѣднее не правда: жены и дѣти ихъ, живя между Русскими, говорятъ порусски. На Хоперъ ходятъ и Русскіе; но питаются рыбою, почему можетъ соблюдать правила Церкви о пищѣ и Мордва.—Отправивъ донесеніе, архипастырь отправился въ верхоценскія волости, въ тамбовскій уѣздъ, откуда приходили къ нему съ извѣстіемъ, что верхоценская Мордва желаетъ быть въ православной вѣрѣ. Путешествія святителя были благоплодны. Святитель самъ писалъ къ патріарху: «Я, богомолецъ вашъ, по вашему указу, ѣздилъ и милостію Божіею и пречистой Богородицы, при молитвѣ Святыхъ, въ шацкомъ и тамбовскомъ уѣздахъ моего вѣдомства *окрестилъ четыре тысячи двѣсти человѣкъ*».

Въ 1655 г. блаженный архипастырь лично являл-

ся въ Москву къ царю и патріарху съ донесеніями о состояніи епархіи. По докладѣ царю и патріарху, вытребовалъ онъ тогда въ Москву къ суду вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, произвольно снявшихъ съ себя санъ и вновь женившихся. Тогда же, пламенѣя апостольскою ревностію, снова просилъ онъ благословенія у патріарха отправиться на проповѣдь въ Касимовъ Шацкъ и Кадомъ; а у царя испрашивалъ необходимыхъ пособій для успѣшнаго совершенія апостольскаго дѣла. «Въ шацкомъ уѣздѣ, доносилъ онъ письменно, еще остается некрещенной Мордвы болѣе 2000 человѣкъ, а въ кадомскомъ до 4200 человѣкъ». Въ февр. 1656 г. отправился онъ на апостольскій подвигъ. Но язычники, при всѣхъ увѣщаніяхъ, не хотѣли креститься, Мисаилъ донесъ царю. Государь прислалъ грамату и думнаго дворянина Матюшкина. Святитель самъ отправился съ дворяниномъ. Мордва и Татары опять съ угрозами возстали на святителя, хотя прежде говорили, что не станутъ противиться царской волѣ. Пославъ донесеніе Государю, святитель въ ожиданіи отвѣта жилъ четыре недѣли въ Березовѣ. Царь, пославъ Алтунова дворянина, писалъ къ святителю, чтобы для безопасности взялъ нужное число служивыхъ государевыхъ людей и приводилъ упорныхъ къ крещенію. Мисаилъ такъ и поступилъ. Мордвины, собравшись въ числѣ 500 человѣкъ въ мордовской деревнѣ Ядбирной, ожидали съ оружіемъ въ рукахъ проповѣдника Вѣры. Неустрашимый архипастырь, одѣвшись въ святительскую мантію, отправился объявить Мордвѣ царскую волю. Мордва и Татары, выскочивъ изъ срубовъ, гдѣ скрывались, пустили въ него и спутниковъ стрѣлы изъ луковъ. Государевы служивые люди обратились въ

бѣгство. Мисаилъ едва спасенъ былъ отъ удара копьемъ, отведеннаго усерднымъ боярскимъ сыномъ Болдохинымъ. Святитель не хотѣлъ бѣжать и началъ увѣщавать волнующихся. Но едва успѣлъ онъ сказать нѣсколько словъ, какъ пущенная стрѣла пронзила лѣвую руку его и прошла въ сердце. Вѣрный Болдохинъ, съ опасностію для себя, поспѣшилъ сохранить святителя отъ поруганія, которому готовы были предать его. Онъ то вступалъ въ бой съ неистовыми, предоставляя тѣмъ возможность святителю удаляться отъ нихъ, то одною рукою поддерживалъ ослабѣвшаго, а другою отражалъ нападавшихъ. Наконецъ явились домовые люди святителя и прогнали злодѣевъ. Святитель, прострѣленный во вторникъ на страстной недѣлѣ, страдалъ 11 дней и въ четвертокъ пасхальной недѣли предалъ Господу духъ свой. По желанію его, погребенъ онъ былъ близъ Черніева монастыря, у церкви св. Мины въ лѣсу. Въ слѣдующемъ году, по волѣ патріарха и царя, перенесли тѣло его въ рязанскій архангельскій соборъ, гдѣ доселѣ цѣла прострѣленная и орошенная кровію мантія его. Въ томъ же году священникъ с. Кошкова окрестилъ 684 человка Мордвы своего прихода, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ с. Конобѣева по дѣлу о смерти святителя. По дѣлу видно, что простодушная Мордва доведена была до бунта и злодѣянія фанатиками магометанства Татарами ([104]).

МИТРОПОЛИТЫ:

42. *Иларіонъ* посвященъ въ архіепископа въ 1657 г. Въ 1659 г. священникъ с. Дѣвицы (нынѣ Новодѣ-

---

([104]) Грамата Пискарева, Спб. 1854. Воздвиж. Іер. 119 — 120. Рязанск. вѣдом. 1854 г. № 27 и 28.

вицка) доносилъ архіепископу Иларіону, что Татары, ворвавшись въ храмъ Арханг. Михаила, сняли съ престола индитію, и архіепископъ, выдавъ антимин съ велѣлъ освятить храмъ ([105]). Надобно жалѣть, что Иларіонъ въ отношеніи къ блаж. патріарху Никону поступалъ неприлично и вступалъ въ связь противъ Никона съ такимъ жалкимъ человѣкомъ, каковъ былъ Паисій Лигаридъ. Впрочемъ онъ показалъ много ревности противъ раскола. Въ 1667 г. восточные патріархи почтили Иларіона и его преемниковъ саномъ митрополита съ правомъ служить въ своей епархіи въ саккосѣ, «за труды, какъ сказано въ граматѣ, какіе положилъ онъ на Соборахъ противъ раскола». П. Макарій пожаловалъ свой саккосъ, а п. Паисій (1669 г.) далъ мантію и посохъ александрійскаго патріаршаго престола ([106]). По епархіи рязанской извѣстно одно очень полезное распоряженіе Иларіона; въ 1669 г. приказалъ онъ жившихъ по мірскимъ домамъ г. Михайлова черницъ собрать въ высоцкій монастырь, а старцевъ высоцкаго монастыря перевесть въ новый монастырь рождества Богородицы. Предъ смертію своею (ум. 1674 г.) написалъ онъ обширное духовное завѣщаніе ([107]).

43. *Іосифъ*, новоспасскій архимандритъ, хиротонисанъ въ 1674 г. Въ томъ же году на Соборѣ положено: «рязанской митрополіи каширскому уѣзду со всѣ-

---

([105]) Рязанск. достоп. § 246.

([106]) Воздвиж. Іер. 130—132. Дополн. къ акт. ист. VI, 491. 493. По дѣяніямъ Соборовъ 1666—1667 г. видно, что былъ на всѣхъ дѣяніяхъ. Дополн. къ акт. VI, 443. 444. 448. 452. 456 — 458. 475. 478. Объ отношеніяхъ къ Никону Ист. Ак. V, 477. Ист. рус. Ц. 4, 46. 47.

([107]) Завѣщаніе изд. у Воздвиженскаго стр. 136—150.

ми церквами, по писцовымъ книгамъ, быти въ коломенской епархіи, потому что градъ Кашира въ коломенской области; а вмѣсто каширскаго уѣзду отдѣлить изъ коломенской епархіи города Епифань да Гремячей съ уѣзды, по писцовымъ книгамъ, въ рязанскую епархію для того, что епифанскій уѣздъ смеженъ съ рязанскимъ». Тогда же изъ рязанской епархіи отдѣлено въ патріаршую область 25 церквей малой Мещеры и въ коломенскую епархію г. Веневъ; въ замѣнъ того изъ патріаршей области отдѣлено къ кадомскому уѣзду 7 церквей да въ муромскомъ у. 5 церквей; изъ коломенской поступилъ съ уѣздомъ г. Богородицкъ, построенный въ 1662 г. (108). Въ 1675 г. Іосифъ присутствовалъ на Соборѣ о церковныхъ одеждахъ. Въ слѣдующемъ году патріархъ поручалъ ему составить опредѣленіе о коломенскомъ епископѣ Іосифѣ, чему повиненъ онъ за слова, оскорбительныя для царя и патріарха, и за жестокое наказаніе нѣкоторыхъ лицъ? Митрополитъ подалъ такой отзывъ: церковныя правила лишаютъ таковыхъ сана (109). Здѣсь дѣло касалось, конечно, новаго раздѣленія епархій. Въ 1679 г. Іосифъ всенародно въ церкви обличалъ изступленнаго раскольника монаха Михаила и упорнаго отправилъ въ Москву. Въ 1680 г. предписывалъ онъ паствѣ говѣть въ успенскій постъ, а въ 1681 г. совершать крестные ходы по случаю засухи (110).

Окладныя книги его времени (1679 г.) показываютъ намъ подробно, какія мѣста входили тогда въ

(108) Рязанск. достоп. § 246. Ак. Э. 4. № 204.
(109) Рязанск. достоп. § 249. Воздвижен. Іер. 151—155.
(110) Воздвижен. Іер. 156—168.

составъ рязанской епархіи. По нимъ въ составѣ рязанской епархіи были: а, вся нынѣшняя рязанская епархія, за исключеніемъ нѣскольких селъ егорьевскаго уѣзда; б, уѣзды муромскій и меленковскій съ частями судогодскаго, вязниковскаго и городецкаго; в, всѣ уѣзды нынѣшней тамбовской губерніи,— Кирсановъ тогда с. Пурсовко, Моршанскъ — с. Морша; г, часть горбатовскаго у., смежная съ муромскимъ, и часть ардатовскаго, смежная съ темниковскимъ; д, части уѣздовъ краснослободскаго, норовчатскаго, керенскаго, чембарскаго, пограничныя съ тамбовскою губерніею; е, части уѣздовъ сердобскаго, петровскаго и балашовскаго пограничныя съ губерніями тамбовской и саратовской; ж, уѣзды новохоперскій, павловскій, бобровскій, съ частями землянскаго, нижнедѣвицкаго и задонскаго; з, елецкій у. орловской губ. и епифанскій у., части ефремовскаго, богородицкаго, веневскаго и каширскаго ([111]).

44. *Павелъ моравскій* сперва коломенскій архіепископъ, потомъ суздальскій, а съ 1682 г. рязанскій митрополитъ. Еще въ 1667 г. положено было отдѣлить отъ обширной рязанской епархіи двѣ новыя епархіи—тамбовскую и воронежскую. Въ 1682 г. это приведено было въ исполненіе: для тамбовской епархіи отдѣлены: Тамбовъ, Козловъ и Добрый, а скоро потомъ еще Борисоглѣбскъ и Петровскъ; въ составъ же воронежской епархіи назначены: Воронежъ, Елецкъ, Костенскій, Орловъ, Урывай, Коротоянь и Землянскъ ([112]).

([111]) Рязанск. вѣдом. 1855 г. № 24.

([112]) Рязанск. достоп. § 274. Ист. Іер. I, 33. Дополн. къ акт. VI, 493.

Павелъ былъ однимъ изъ лучшихъ архипастырей рязанской епархіи и, къ ея сожалѣнію, не долго управлялъ ею (1686 г.). Вотъ превосходная пастырская грамата его!

«Въ нынѣшнемъ 191 (1683 г.) въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числѣхъ, посѣщающимъ намъ церкви Божіи ввѣренныя намъ отъ Христа паствы въ городѣхъ и селѣхъ и усмотряющимъ всякаго благолѣпія церковнаго и обрядовъ, усмотрихомъ во градѣ Переславлѣ рязанскомъ и въ рязанскихъ предѣлѣхъ, въ монастырѣхъ и селѣхъ во святыхъ Божіихъ церквахъ у архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ и діяконовъ божественную службу и всякіе церковные обряды и благолѣпіе не согласны съ соборною и апостольскою Церковію и съ новоизданными московскаго государства печатными книгами и съ соборнымъ Служебникомъ, иже учиненъ во 183 (1675) г. повелѣніемъ благочестивѣйшаго Государя и вел. господина отца нашего свят. Іоакима патріарха. Сего ради благословеніемъ Господа Бога наша мѣрность о ввѣренной намъ паствѣ душъ христіанскихъ и о исправленіи церковныхъ благочинныхъ дѣлъ и согласіи во священнослуженіи, яко единодушно едиными усты славится Богъ и да не будутъ, по слову св. Павла, раздоры, но въ той же мысли да будутъ утверждены всѣ и въ томъ же страхѣ, тщаніе превельне полагаемъ и васъ сыновъ своихъ о исправленіи тѣхъ церковныхъ дѣлъ и о наученьи душъ христіянскихъ поучаемъ и ученіе о тѣхъ церковныхъ дѣлахъ предлагаемъ.

По спасительномъ и преславномъ воскресеніи, Христосъ Спаситель нашъ вручи попеченіе паствы своихъ овецъ верховному Апостоловъ Петру и рече ему: паси

овцы моя. Умножившейся же паствѣ, по реченному: жатва многа, дѣлателей же мало, не довляху сами св. Апостоли пасти словесное Христово стадо.—Прохождаху грады и веси, учаще и проповѣдающе евангеліе Божіе, рукополагагу вмѣсто себе по градамъ и весемъ епископы и пресвитеры, во еже пасти имъ стадо Христово, вѣрныя христіяны, яко же свидѣтельствуетъ св. Лука въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, сице пиша: призвавъ Павелъ отъ Ефеса въ Мелитъ пресвитеры церковныя, рече имъ: внимайте себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ святый постави епископы пасти церковь Господа Бога, юже снабдѣ своею кровію. И Титу ученику своему блаженный Павелъ повелѣ по всѣмъ градомъ устроити пресвитеры, сильны сущія утѣшати во здравомъ ученіи и противящіяся обличати. По семъ преемницы Апостоловъ святыхъ, священніи архіереи, видяще врученное имъ стадо Христово множащееся и не могуще наипаче за множество сами паствити, рукополагаху по градамъ и весемъ іереи, да помогаютъ имъ въ паствѣ и попеченіе о пасомыхъ да имутъ, о недоумѣваемыхъ же да вопрошаютъ своя архіереи и кромѣ воли ихъ ничтоже да творятъ, повелѣваемыхъ отъ нихъ во всемъ да послушаютъ. Доиде убо и до насъ другъ друга пріимательне великій оный чинъ архіерейства и попеченіе о паствѣ Христова стада ввѣрися. Пріемше же чинъ священнослуженія архіерейства и сами не могуще вся грады и веси нашея епархіи за множество устно научити, васъ архимандритовъ и игуменовъ ради тѣхъ церковныхъ благолѣпныхъ устроеній посылаемъ и малымъ симъ начертаніемъ пишемъ... Данною намъ властію отъ пресвятаго и животворящаго Духа, яко пастыреначальникъ,

заповѣдуемъ вамъ и молимъ отъ имени Господа нашего Іисуса Христа во еже вамъ во церквахъ Божіихъ всякое благочиніе церковное досмотрѣти, елико гдѣ за невѣденіемъ или за какимъ невѣжествомъ въ седми тайнахъ церковныхъ обрящется дѣемое не по преданію и уставу церковному, исправити. Да кійждо іерей со всякимъ тщаніемъ прилѣжитъ дѣлу Христову и да сохранитъ чинъ священства беззазорнымъ своимъ жительствомъ, къ сему же и чинъ церковный да блюдетъ благолѣпно и немятежно, по преданію св. отецъ еже пѣти благовременно и единогласно; паче же тщатися божественную литургію совершати во всякомъ устроеніи тѣла и души, въ постѣ, трезвости и говенствѣ. Такоже со всякимъ блюденіемъ творити крещеніе, мѵропомазаніе и елеосвященіе. Въ божественной литургіи ума намѣреніе твердо имѣти. Ума же намѣреніе сіе есть, егда глаголетъ словеса сія: пріимите, ядите и пійте отъ нея вси, да имать умъ свой весь собранъ во оны словеса, еже бы преложитися хлѣбу въ тѣло Христово и вину въ кровь Христову. Се есть, еже глаголетъ во время оно, сія и мыслитъ, а не иная. Блюди, о іерее, аще во оно время умъ твой будетъ неподвимимъ, истинно божественную службу совершити. Ащежъ въ то время уста твоя глаголютъ она словеса, умъ же твой иная мыслитъ, вѣждь, яко смертно, сирѣчь непрощено согрѣшаеши.

Въ таинствѣ брака блюсти, аще женихъ не меньше пятнадцати, невѣстажъ двенадцати лѣтъ и аще обоихъ изволеніе ихъ не нуждное есть на сожитіе: таковыхъ подобаетъ обручати и вѣнчати. Къ семужъ о семъ благоговѣйнымъ іереемъ заповѣдуемъ, да кійждо васъ въ своемъ приходѣ приходскимъ людемъ

заповѣсть, чтобы они вѣнечныя памяти имѣли до вѣнчанія свадебъ недѣли за двѣ и за три и къ вамъ приносили; а вамъ о тѣхъ свадьбахъ въ воскресные и праздничные дни послѣ литургіи приходскихъ людей вопрошати, якоже напечатано въ правильной книгѣ о чинѣ брака, чтобы они ни въ родствѣ, ни въ свойствѣ, ни въ крестномъ братствѣ не были. Аще ли единъ изъ нихъ женихъ или невѣста меньше лѣта вышереченнаго или не хочетъ единъ изъ нихъ сопрящися или обрящутся въ родствѣ или въ сватовствѣ или въ крестномъ братствѣ, таковыхъ не подобаетъ обручати, ниже вѣнчати отнюдь. Прежде вѣнчанія долженствуетъ исповѣдати ихъ и тако вѣнчати по утру до полудне, позже же того, паче же ночью, отнюдь не подобаетъ быти вѣнчанію. Усмотрѣхомъ отъ многихъ въ васъ случившееся то и отъ того страдавшихъ, овыхъ священниковъ церковныя службы отлученныхъ, овыхъ многими пенями отягченныхъ, жениховъ же и невѣстъ по церковнымъ правиламъ сожитія брачнаго разлученныхъ и градскими муками томленныхъ. О третіемъ бракѣ вамъ разсмотрѣти: егда не будетъ отъ таковыхъ браковъ, въ кіихъ чада, по 40 лѣтѣхъ, третію пояти жену изволшихъ; понеже аще чада не будутъ, не прощенъ есть бракъ и благословляти безъ нашего вопрошенія да не дерзаете. Четвертый же бракъ ниже да именуется.

Въ таинствѣ покаянія добре и опасно разсматряйте кающихся совѣсть и плоды покаянія; недостойнымъ же не подобаетъ тѣло и кровь Христову преподати страха ради человѣческаго или сана величества стыдяся или мзду нѣкую получивъ, да не вѣчную себѣ и онѣмъ геенну исходатайствуете; аще же истин-

но, съ сокрушеніемъ сердца каются и плоды покаянія творятъ, да пріобщаются. Болящихъ же исповѣдати, причастити и елеосвященіе совершити не мозите никогдаже облѣнитися, и дабы ни единъ, малъ и великъ, не отшелъ свѣта сего безъ покаянія и безъ причащенія тѣла и крови Христовы, веліе о семъ попеченіе имѣйте.

Къ семужъ пасите добре врученное вамъ стадо на злацѣ живопитательномъ ученія.—Должни есте вы проповѣдати людемъ слово Божіе. На сіе бо дѣло и учинени есте, по реченному: вы есте соль земли и свѣтъ міра. Тѣмъ же, чада моя любезная, прочитайте божественная писанія людемъ въ слухи по вся воскресныя дни и праздники Господни по литургіи со вниманіемъ, избирающе истинная разумѣнія отъ божественнаго писанія,—научайте собраній церковныхъ не отлучатися, и имѣти въ сердцѣ страхъ Божій и любовь къ Богу и другъ къ другу, удалятися же отъ пьянства, блуда, грабленія, ненависти и прочихъ злобъ, приходити по часту на исповѣданіе грѣховъ и милостынею грѣхи очищати.—Нужду имате учити симъ люди, сущая подъ вами, по св. Апостолу, глаголющему: нужда мнѣ належитъ благовѣствовати, горе же, аще не благовѣствую. Священный Златоустъ глаголетъ: начальство ввѣренное имѣяй, аще не проповѣдуетъ людемъ подобающая, повиненъ есть, тѣмъ же вразумляемъ и учимъ, аще досаждаютъ, аще и біютъ. Не точію словомъ подобаетъ учити, но и дѣлы, елика сила тщатися путь спасенія показати, по реченному св. Ап. Петромъ: пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею и по Бозѣ. Образи бывайте стаду. Аще будетъ ваше тща-

ніе о семъ и послушавъ васъ кто обратится отъ пути лукаваго,—услышите благаго Владыку глаголюща: благій рабе и вѣрный, вниди въ радость Господа Бога твоего. Да никтоже ми глаголетъ лѣнивыхъ извѣтъ, яко аще и учимъ, никтоже послушаетъ насъ. Глаголю вамъ: аще и никтоже будетъ послушаяй васъ, не преставайте засвидѣтельствовати и мзду имѣти будете, по реченному Златоустомъ: не престану глаголя, дондеже вси услышатъ, аще и не вси, поне единъ, аще и ни единъ, азъ мзду совершенну имамъ.... Азъ убо возвѣстихъ вамъ, елика могохъ, и аще послушаете мене, добре сотворите и мзду пріимете. Аще не послушаете мене и не начнете радѣти о словѣ ученія, васъ самѣхъ свидѣтелей представляю, яко чистъ азъ отъ крове всѣхъ васъ. Не обинухся сказати вамъ волю Божію, вы жъ за нерадѣніе и преслушаніе здѣ лишеніе священства понесете, по правилу Апостолъ 36: аще который пресвитеръ не восхощетъ паствити Христова стада, научити сущихъ подъ нимъ людей, да отлучится, пребываяй же въ таковѣй лѣности да извержется. Шестаго вселенскаго собора правило 19 гласитъ: пресвитеръ церковный на всякъ день паче жъ во всякую недѣлю да учитъ небеснымъ велѣніямъ и да сказуетъ не отъ себе, но яко же божественніи отцы достигоша...

Прочее же, чада моя любезная, кійждо васъ да внимаетъ себѣ, да пасетъ паству свою. Азъ вамъ аще и вкратцѣ, возвѣстихъ, елика могохъ. Вы же имате о ввѣренной вамъ паствѣ воздати слово въ день судный и каковъ кто Владыцѣ своему прикупъ принесетъ, такову и мзду пріиметъ. Буди вамъ къ Владыцѣ рещи дерзновенно: Господи! Се азъ и дѣти, яже еси ми

далъ, и съ ними получити неизреченная благая, обѣщанная намъ благодатію Духа Святаго, иже избра и освяти насъ въ дѣло пресвитерства. Тому подобаетъ слава со безначальнымъ Отцемъ и единороднымъ Сыномъ нынѣ и въ дни вѣчные. Аминь» ([114]).

45. *Аврамій*, архимандритъ андрониковскаго монастыря, хиротонисанъ въ Янв. 1687 г. Онъ принималъ царя Петра въ Рязани и въ 1697 г. послалъ 1000 четвертей ржи и 1000 четвертей овса для войска. Въ 1699 г. по царскому указу г. Усмань, Бѣлоколодскъ и Демикинъ причислены къ воронежской епархіи на томъ основаніи, что «рязанская митрополія не скудна». Въ 1700 г. Аврамій по прошенію уволенъ на покой въ моск. знаменскій монастырь ([115]).

46. *Стефанъ Яворскій*, игуменъ кіевониколаевскій, хиротонисанъ въ 1700 г. Указомъ 15 Мая 1701 г. города закрытой тамбовской епархіи возвращены въ вѣденіе рязанскаго архипастыря; но по смерти Стефана поступили въ составъ воронежской епархіи ([116]). Съ 1701 г. Стефанъ мѣстоблюститель патріаршій почти все время управленія рязанскою паствою жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ; ум. 1722 г.

Епископы и архіепископы:

47. *Сильвестръ Волынскій*, тверскій архіепископъ, въ 1722 г. переведенъ въ Рязань съ званіемъ епископа и сказано: «быть рязанской епархіи епископіей»,

---

([113]) Воздвиженск. Іер. 171—181.

([114]) Воздвиженск. стр. 190—194. 294—296.

([115]) Рязан. достоп. § 343.

по Сильвестру служить въ саккосѣ; въ 1726 г. переведенъ въ Казань ([116]).

48. *Гавріилъ Бужинскій* скончался въ Москвѣ, 1731 г.

49. *Лаврентій Горка* переведенъ въ Рязань изъ Устюга, а въ 1733 г., какъ сказано въ указѣ, за нѣкія продерзости переведенъ въ вятскую епархію. Онъ былъ совѣстливый, благотворительный, нелицепріятный, но горячій и вспыльчивый, хотя не надолго, почему и возбуждалъ противъ себя жалобы, которыхъ не малое число доведено до Синода.

50. *Алексій Титовъ*, архіепископъ вятскій, въ 1733 г. переведенъ въ Рязань епископомъ, въ 1735 г. онъ долженъ былъ выслушать выговоръ Синода въ храмѣ за то, что Рязанцы просили Государыню удостоить его, какъ добраго пастыря, новгородской каѳедры, на мѣсто больнаго Ѳеофана. Не разъ получалъ онъ подтвержденіе—устроить семинарію. Достигнувъ глубокой старости, написалъ умилительное духовное завѣщаніе; ум. 1750 г. ([117]).

51. *Димитрій Сѣченовъ*, опредѣленный въ 1752 г., ревностно занимался усовершеніемъ образованія въ семинаріи. Въ 1757 г. возведенъ въ санъ новгородскаго архіепископа.

52. *Палладій* посвященъ въ 1758 г., усердный проповѣдникъ слова Божія. При немъ въ 1764 г. Муромъ поступилъ въ составъ владимірской епархіи, а Зарайскъ, Епифань и Богородицкъ отданы коломен-

---

([116]) Географ. словарь V, 489.

([117]) Завѣщаніе у Воздвижен. стр. 252—257. О прочемъ—также стр. 240—257.

скому архипастырю. Въ 1778 г. Палладій уволенъ на покой въ нижегор. печерскій мон., гдѣ былъ архимандритомъ.

53. *Симонъ Лаговъ,* дѣятельный и просвѣщенный іерархъ возвысившій образованіе въ семинаріи, ревностный проповѣдникъ слова Божія. Въ 1792 г. возведенъ въ санъ архіепископа. При немъ въ 1799 г. Шацкъ съ Кадомомъ и Елатьмою отчисленъ къ тамбовской епархіи, а Зарайскъ возвращенъ въ рязанскую.

54. *Амвросій Яковлевъ—Орлинъ,* ум. 1809 г.

55. *Ѳеофилактъ Русановъ*, съ 1817 г. экзархъ Грузіи.

56. *Сергій Крыловъ* ум. 1825 г.

57. *Филаретъ Амфитеатровъ* 1825—1828 г.

58. *Григорій Постниковъ* 1828—1831 г.

59. *Евгеній Казанцевъ* 1831—1837 г.

60. *Гавріилъ Городковъ* 1837—1858 г.

61. *Смарагдъ Крыжановскій* съ 1858 г.

О БУДУЩЕМЪ ВОСКРЕСЕНІИ НАШЕГО ТѢЛА.

Мы *чаемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка*, и эту вѣру исповѣдуемъ ежедневно; ее громогласно, вслухъ всего міра, проповѣдуетъ святая Церковь; ее незыблемо утверждаетъ въ насъ слово Божіе. Оно возвѣщаетъ намъ не только безсмертіе нашей души, но и воскресеніе къ новой, вѣчной жизни нашего тѣла, и учитъ, что какъ духовная часть нашего существа переживетъ это грубое тѣло, которое составляетъ для нея какъ-бы *земную храмину* (2 Кор. 5, 1), и будетъ продолжать свое бытіе и за предѣлами гроба, такъ и наша тѣлесная природа, самое это грубое тѣло, послѣ того какъ оно будетъ сокрыто въ землѣ, подобно посѣянному зерну, нѣкогда возродится и явится для жизни въ другомъ мірѣ. Тогда оно во многихъ отношеніяхъ будетъ отлично отъ нашего нынѣшняго тѣла; но вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ то самое тѣло, съ которымъ теперь соединена душа наша, въ которомъ теперь она живетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ, радуется, или страдаетъ, идетъ путемъ добродѣтели, или претыкается и падаетъ на пути грѣха. Какъ колосъ выростаетъ изъ зерна, брошеннаго въ землю и въ ней умершаго и истлѣвшаго, такъ, по словамъ Апостола

Павла, и наше тѣло возстанетъ послѣ смерти (1 Кор. 15, 36—44). Оно уже не будетъ тогда подвергаться никакой слабости, никакой болѣзни и никакимъ страданіямъ; въ немъ уже не будетъ никакихъ началъ разрушенія; дряхлость и старость никогда не коснутся его; недоступное смерти и тлѣнію, вѣчно юное, въ неувядающей красотѣ и силѣ, оно будетъ гораздо совершеннѣе того тѣла, какое имѣли въ раю наши прародители, будетъ во всемъ подобно тѣлу нашего божественнаго Спасителя, воскресшаго изъ мертвыхъ, то-есть, будетъ духовнымъ, безсмертнымъ и прославленнымъ.

Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, хотя онъ въ раскрытіи многихъ истинъ божественнаго Откровенія уступаетъ Завѣту Новому, ученіе о воскресеніи нашего тѣла изложено почти съ такою же ясностію, съ какою оно излагается въ самомъ Евангеліи. Іовъ сидитъ на гноищѣ, покрытый вретищемъ и пепломъ; его тѣло все поражено и источено язвою, и кажется болѣе трупомъ, чѣмъ живымъ тѣломъ человѣка; между-тѣмъ этотъ полуумершій страдалецъ, съ чувствомъ живой вѣры, тѣмъ болѣе достойной удивленія, что она представляла совершенную противоположность съ его ужаснымъ положеніемъ, взываетъ: *вѣмъ, яко присносущенъ есть, иже имать искупити мя, и на земли воскресити кожу мою, терпящую сія*; и я увижу, продолжаетъ онъ, моего Бога въ моемъ тѣлѣ; увижу Его я самъ, а не другой; я буду видѣть Его моими собственными очами (Іов. 19, 25—27). Исаія, пораженный мыслію о всемогущей силѣ Владыки неба и земли, держащаго въ своей десницѣ жизнь и смерть, съ твердою увѣренностію восклицаетъ: *воскреснутъ мертвіи, и востанутъ,*

иже во гробѣхъ; потомъ онъ дѣлаетъ, исполненное силы и величія, обращеніе къ самимъ мертвецамъ: возстаньте отъ своего сна и благословляйте Бога, живущіе въ персти (Иса. 26, 19). Іезекіиль видѣлъ поразительный образъ всеобщаго воскресенія мертвыхъ въ послѣдній день; предъ его взорами открылось обширное поле, покрытое сухими человѣческими костями; тамъ не было никакихъ признаковъ жизни; повсюду царствовала мертвая тишина, не слышно было никакого шума, не замѣтно было ни малѣйшаго движенія. Но вотъ, по повелѣнію Господа, въ мертвой пустынѣ, какъ голосъ трубы, раздается живое пророческое слово: *Кости сухія, слышите слово Господне: се глаголетъ Адонаі Господь костемъ симъ: се Азъ введу въ васъ духъ животенъ, и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоть, и простру по вамъ кожу, и дамъ духъ мой въ васъ, и оживете, и увѣсте, яко Азъ есмь Господь.* И вдругъ—*бысть гласъ, и се трусъ, и совокупляхуся кости, кость къ кости, каяждо къ составу своему. И видѣхъ*, говоритъ Пророкъ, *и се быша имъ жилы, и плоть растяше, и восхождаше, и протяжеся имъ кожа верху. И внидѣ въ ня духъ жизни, и ожиша и сташа на ногахъ своихъ, соборъ многъ зѣло* (Іезек. 37, 4—8. 10).

Еще многочисленѣе, очевиднѣе и убѣдительнѣе свидѣтельства о будущемъ воскресеніи нашего тѣла, представляемыя Новымъ Завѣтомъ. *Аминь, аминь, глаголю вамъ*, говоритъ самъ Начальникъ и Податель жизни, *яко грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 25), и чтобы эту таинственную истину нашего воскресенія, предложенную съ такою силою и твердостію увѣренія Тѣмъ, кто самъ есть *аминь* (Апок. 3, 14),

есть *истина* (Іоан. 14, 6), еще болѣе утвердить и глубже напечатлѣть въ нашей душѣ, Спаситель повторяетъ: *грядетъ часъ, въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіи благая, въ воскрешеніе живота: а сотворшіи злая, въ воскрешеніе суда* (5, 28. 29). Кто же эти мертвые, почивающіе въ гробахъ? Ужели наши души? Нѣтъ; по ученію слова Божія, разлучившись съ тѣломъ, онѣ или восходятъ въ селенія праведныхъ, или низвергаются въ жилище осужденныхъ, смотря по тому, выходятъ ли изъ этого міра съ залогомъ спасенія, или состоятъ подъ бременемъ грѣха и осужденія. Что же покоится въ могилѣ и ожидаетъ воскресенія?—Наше тѣло, нашъ прахъ, который возродится и оживетъ, по всемогущему гласу Сына Божія, вновь соединится съ душою и, вмѣстѣ съ нею, изыдетъ или *въ воскрешеніе живота*, или *въ воскрешеніе суда*.— Апостолъ Павелъ съ особенною ясностію и подробностію излагаетъ истину воскресенія мертвыхъ. По его словамъ, такъ же неизбѣжно всѣ мы должны воскреснуть, какъ неизбѣжно должны умереть: *якоже о Адамѣ вси умираютъ, такожде о Христѣ вси живутъ* (1 Кор. 15, 22); вотъ двѣ истины, совершенно равносильныя; сомнѣваться въ нашемъ воскресеніи такъ же невозможно, какъ невозможно сомнѣваться въ томъ, что мы должны подвергнуться смерти. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Апостолъ говоритъ: Іисусъ Христосъ *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы его* (3, 21). Здѣсь говорится, очевидно, не о безсмертіи души, такъ какъ она духовна, и потому не можетъ подлежать разрушенію и не имѣетъ нужды въ преобразованіи своего существа, но—о

воскресеніи тѣла человѣческаго, говорится о *тѣлѣ смиренія нашего*, которое нѣкогда будетъ сообразно *тѣлу славы* Христовой; его части, подвергшіяся разложенію и разрушенію, будутъ возсоединены и возсозданы, и весь составъ его, истлѣвшій въ могилѣ, будетъ возобновленъ и возстановленъ,—что и называетъ Апостолъ преобразованіемъ. Мы желаемъ знать, въ какомъ порядкѣ произойдетъ преобразованіе нашего тѣла: Апостолъ указываетъ намъ эту послѣдовательность; *кійждо*, говоритъ онъ, *востанетъ во своемъ чину: начатокъ Христосъ, потомъ же Христу вѣровавшіи въ пришествіи его* (1 Кор. 15, 23). Мы недоумѣваемъ, какъ произойдетъ это воскресеніе; невѣріе предлагаетъ вопросы: *Како востанутъ мертвіи? Коимъ же тѣломъ пріидутъ* (тамъ же, ст. 35),—Апостолъ такъ разрѣшаетъ наше недоумѣніе: *безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ. Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло* (ст. 36—38). Мы хотимъ знать, каково будетъ наше тѣло по воскресеніи: и это объясняетъ намъ Апостолъ, противополагая тѣло имѣющее воскреснуть тѣлу умирающему: *сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи: сѣется не въ честь, востаетъ въ славѣ: сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ: сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное* (ст. 42—44); *подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе* (ст. 53). Мы желали бы наконецъ, чтобы еще яснѣе, еще ближе къ нашему уразумѣнію, въ образѣ, въ примѣрѣ было представлено, какими свойствами будетъ надѣлено это новое тѣ-

ло; Апостолъ, чтобы не оставить намъ ничего болѣе желать касательно этого предмета, указываетъ на прославленное тѣло нашего Спасителя, воскресшаго изъ мертвыхъ: *якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго* (ст. 49), *иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы его*; т. е., наше тѣло по воскресеніи будетъ подобно прославленному тѣлу Искупителя, будетъ какбы возсоздано по образу Его пречистаго и нетлѣннаго тѣла.

Излагая истину воскресенія въ такихъ ясныхъ и положительныхъ чертахъ, евангельское ученіе укрѣпляетъ нашу вѣру въ нее самыми событіями, указываетъ на примѣры воскресенія мертвыхъ, которые оно представляетъ намъ, какъ предвѣстіе нашего общаго воскресенія. Сынъ Божій, низшедши на землю, явилъ намъ въ себѣ начальника жизни, побѣдителя смерти, избавителя отъ всѣхъ нашихъ бѣдствій. *Азъ есмь воскрешеніе и животъ* (Іоан. 11, 25), сказалъ Онъ о Себѣ, и свои слова засвидѣтельствовалъ дѣлами. Вотъ онъ входитъ въ Наинъ, въ то время, когда изъ этого города выступало погребальное шествіе. Несли гробъ единственнаго сына бѣдной вдовы, которая оплакивала въ умершемъ потерю послѣдней опоры, какая оставалась ей въ жизни. Отъ нея и вокругъ нея раздавались рыданія и вопли. Спаситель останавливаетъ это печальное шествіе, наклоняется надъ гробомъ, произноситъ надъ мертвымъ одно слово, одно изъ тѣхъ словъ, которыя, какъ глаголы всемогущаго Бога, суть воскресеніе и жизнь, и возвращаетъ матери ея сына. Онъ приходитъ въ Капернаумъ; къ нему приступаетъ начальникъ синагоги, Іаиръ, падаетъ къ ногамъ боже-

ственнаго Чудотворца и умоляетъ возвратить здоровье малолѣтной его дочери, которая составляла предметъ всей заботливости нѣжно любившихъ ее, отца и матери, и была повержена въ предсмертную болѣзнь. Вотъ она уже умерла, и во всемъ домѣ воцарилось глубокое сѣтованіе. Но какъ вдругъ все перемѣнилось съ появленіемъ туда Сына Божія! Слезы горести замѣняются слезами радости и благодарности; по слову Іисуса Христа, *воста дѣвица, и хождаше* (Мар. 5, 42) предъ изумленными, едва вѣрящими своему счастію, родителями. А что сказать о гробѣ Лазаря? Тамъ самое тлѣніе исчезло при видѣ Побѣдителя смерти. Что сказать о другихъ событіяхъ, когда, для доказательства всемогущей силы и власти надъ смертію Іисуса Христа, уже умершаго на Крестѣ, *земля потрясеся, и каменіе распадеся, и гроби отверзошася, и многа тѣлеса святыхъ восташа*,—что сказать объ этихъ умершихъ и воскресшихъ, которые, *по воскресеніи его, внидоша во святый градъ* (Матѳ. 27, 51—53), какбы для того, чтобы привѣтствовать Начальника жизни? Не очевидно ли, что, оживотворяя мертвыхъ во время своей земной жизни, Іисусъ Христосъ предъизобразилъ то, что Онъ совершитъ во второе свое пришествіе, и что воскресеніе Лазаря, дочери Іаира, сына наинской вдовы и другихъ умершихъ, служитъ несомнѣннымъ залогомъ и нашего всеобщаго воскресенія въ послѣдній день міра? Тотъ, кто возвращалъ жизнь мертвымъ тогда, когда былъ *обложенъ немощами* нашей природы и находился въ состояніи уничиженія, не воззоветъ ли насъ своимъ всемогущимъ словомъ къ жизни и безсмертію, когда пріидетъ во всей силѣ своего царства, въ полной славѣ и божественномъ величіи?

Но могъ ли бы нашъ Спаситель быть для насъ воскресеніемъ и животомъ, могъ ли бы Онъ имѣть такую власть надъ смертію, чтобы изъ самыхъ челюстей ея исхищать ея добычу, и могли ли бы мы питать твердую увѣренность, что нѣкогда, по Его слову, выйдемъ изъ гробовъ, если бы самъ Онъ, благоволившій пострадать за насъ и подвергнуться смерти, не восторжествовалъ надъ нею въ своемъ собственномъ Лицѣ, не сокрушилъ ея силу и не воскресъ, какъ первенецъ умершихъ? Наше воскресеніе возможно только при дѣйствительности воскресенія Христова. Христосъ воскресъ—и мы воскреснемъ: вотъ двѣ истины, соединенныя между собою такъ тѣсно и неразрывно, что одна безъ другой быть не можетъ. *Аще Христосъ не воста*, учитъ Апостолъ Павелъ, *суетна вѣра ваша* (1 Кор. 15, 17), суетно поэтому чаяніе и нашего собственнаго воскресенія; мы еще остаемся *въ грѣхахъ* нашихъ (тамъ же), и, какъ грѣшники, не оправданные предъ Богомъ, должны ожидать вѣчной смерти, а не воскресенія и жизни. *Аще же мертвіи не востаютъ*, и если мы не воскреснемъ, *то ни Христосъ воста* (ст. 16). Но Спаситель нашъ, *иже преданъ бысть за прегрѣшенія наша, воста за оправданіе наше* (Рим. 4, 25), воскресъ, чтобы оправдать насъ предъ Богомъ, оправдать и предъ нами самими вѣру и надежду, какую мы на Него возлагаемъ. Послѣ своихъ страданій, смерти и погребенія, Онъ является среди своихъ учениковъ, показываетъ имъ руки и ноги свои, даже дозволяетъ осязать Себя, вкушаетъ предъ ними пищу, чтобы увѣрить ихъ, что Онъ не духъ, не имѣющій плоти и костей, не призракъ, представляющійся ихъ воображенію, но дѣйствительное, живое лицо; Апостолы ясно видятъ и узнаютъ

Его, говорятъ съ Нимъ, слушаютъ Его; у Него тѣже черты лица, тотъже голосъ, тоже тѣло, только прославленное. И такъ, во-истину воскресъ Христосъ; истинно и несомнѣнно, что и мы, вѣрующіе въ Него, воскреснемъ для вѣчной жизни; потому-что Онъ Глава, а мы члены Его таинственнаго тѣла — Церкви. Глава возстала изъ гроба, и всѣ члены будутъ воздвигнуты изъ праха и тлѣнія. Предвѣчный Сынъ Отца небеснаго не могъ быть удержанъ во гробѣ; Онъ расторгъ узы смерти и со славою вознесся на небо: теперь уже не могутъ оставаться узниками смерти и тѣ, которые, чрезъ вѣру въ Его заслуги, сдѣлались чадами Отца небеснаго, наслѣдниками Божіими и сонаслѣдниками Христовыми. Они также восторжествуютъ надъ смертію силою Его всемогущества, и гдѣ—Онъ, тамъ будутъ и они. Эту всерадостную истину благовѣствуетъ самъ Спаситель, говоря ученикамъ своимъ: *яко азъ живу, и вы живы будете* (Іоан. 14, 19), и *идѣже есмь азъ, и вы будете* (ст. 3).

Если воскресеніе Христа Спасителя составляетъ твердѣйшій и непоклебимый оплотъ нашей увѣренности въ томъ, что и мы нѣкогда воскреснемъ Его божественною силою: то вмѣстѣ съ тѣмъ наше воскресеніе должно служить незыблемымъ утвержденіемъ той истины, что Онъ искупилъ насъ и возстановилъ отъ паденія во всей полнотѣ нашего существа. Еслибы не было воскресенія мертвыхъ, то и наше искупленіе, для котораго потребовалась такая безконечно высокая цѣна, не было бы полнымъ и совершеннымъ. Грѣхъ, введенный въ міръ ослушаніемъ нашихъ прародителей, былъ равно губителенъ и для нашей души, и для тѣла. Онъ нанесъ смерть душѣ, удаливъ ее отъ Бога, источника жизни и блаженства; онъ умерщвляетъ и наше тѣло,

котораго смерть и разрушеніе, со всѣми предшествующими имъ и приводящими къ нимъ трудами, болѣзнями и страданіями, составляютъ *оброцы грѣха* (Рим. 6, 23). И потому если Сынъ Божій возстановилъ падшаго человѣка, то возстановилъ его и по душѣ, и по тѣлу. Онъ искупилъ и спасъ наши души, принесши самаго Себя въ умилостивительную жертву Богу Отцу; Онъ искупилъ и спасъ наши тѣла, потому-что воскреситъ ихъ и воздвигнетъ изъ праха могилы. Спасеніе нашихъ душъ отъ вѣчной смерти Онъ совершаетъ теперь, оправдывая ихъ предъ Богомъ силою своихъ заслугъ и оживотворяя благодатію Святаго Духа; спасеніе же тѣлъ отъ смерти совершитъ, когда воззоветъ ихъ изъ гробовъ, при кончинѣ міра, въ день суда. И пока не откроется эта послѣдняя *велія благочестія тайна* въ дѣлѣ нашего избавленія, до тѣхъ поръ и домостроительство Божіе о нашемъ спасеніи не будетъ еще оконченнымъ; до тѣхъ поръ и Сыну Божію предстоитъ совершать свое царственное дѣло укрощенія и попранія всѣхъ враговъ нашего спасенія. *Подобаетъ бо ему царствовати*, говоритъ Апостолъ, *дондеже положитъ вся враги подъ ногама своима: послѣдній же врагъ испразднится смерть* (1 Кор. 15, 25. 26). Этотъ врагъ будетъ истребленъ въ послѣдній день, когда Спаситель нашъ представитъ насъ Отцу своему во всей цѣлости нашего существа, вполнѣ воздвигнутыхъ отъ паденія, освобожденныхъ отъ узъ грѣха, избавленныхъ отъ смерти и тлѣнія, возстановленныхъ въ славѣ. И когда это *тлѣнное* тѣло, которое, по опредѣленію правды Божіей, и теперь еще остается тлѣннымъ, хотя мы уже и возрождены духомъ, *облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе* тѣло, которое, и послѣ искупле-

нія нашего, подвергается смерти, какъ естественному и справедливому возмездію за грѣхъ, *облечется въ безсмертіе*; тогда избранные Божіи, съ полнымъ торжествомъ побѣдителей и съ радостію чадъ Божіихъ, водворившихся въ домѣ Отца своего, воскликнутъ: *пожерта бысть смерть побѣдою* (1 Кор. 15, 54),— смерть души ея жизнію съ Богомъ, смерть тѣла его воскресеніемъ изъ мертвыхъ.

Но хотя воскресеніе тѣла человѣческаго составляетъ тайну, которую мы постигаемъ только вѣрою и которую открыло намъ только слово Божіе; хотя мудрость человѣческая никогда не могла преподать намъ эту непостижимую для нея истину въ такомъ положительномъ и ясномъ видѣ, въ какомъ она излагается въ ученіи христіанскомъ, и, можно даже сказать, никогда не осмѣливалась рѣшительно и съ полнымъ убѣжденіемъ утверждать, чтобы наше тѣло было предназначено къ другой жизни за предѣлами гроба и разрушенія: однакожъ мысль о воскресеніи человѣка не только не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго естественному разуму, но напротивъ, такъ согласна съ его хотя тайными, но самыми глубокими и настоятельными требованіями, что онъ и ищетъ и находитъ для себя нѣкоторое подтвержденіе ея въ многочисленныхъ явленіяхъ, происходящихъ въ видимой природѣ. Здѣсь многія существа на извѣстное время исчезаютъ изъ ряда живыхъ твореній, и потомъ, сбросивъ съ себя грубую оболочку, въ которой они были заключены, являются въ новомъ, лучшемъ видѣ, облекаются въ тѣло, болѣе легкое и красивое, получаютъ цвѣта, болѣе живые и яркіе, и весело порхаютъ въ воздухѣ, рѣзвясь при солнечномъ свѣтѣ. Такія измѣненія, еже-

годно происходящія предъ нашими глазами въ жизни самыхъ незначительныхъ твореній, неизбѣжно приводятъ насъ къ слѣдующему заключенію: если Богъ совершаетъ такое чудное дѣйствіе своей животворящей силы надъ насѣкомымъ, ползающимъ по травѣ; то не благоугодно ли Ему будетъ сдѣлать тоже самое и для человѣка, который составляетъ на землѣ прекраснѣйшее дѣло рукъ Его? Что постоянно повторяется съ посѣяннымъ зерномъ, которое, по словамъ Спасителя, *аще падъ на земли, не умретъ, то едино пребываетъ; аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. 12, 24), то самое не повторится ли и съ человѣкомъ, который носитъ въ себѣ образъ и подобіе безсмертнаго Бога? На это естественное доказательство будущаго возрожденія нашего тѣла прямо указываетъ Апостолъ Павелъ, называя *безумнымъ* того, кто въ умершемъ и оживающемъ зернѣ не видитъ образа нашего воскресенія и осмѣливается питать въ себѣ сомнѣніе касательно этой существенной истины христіанскаго ученія (1 Кор. 15, 36).

Обращая внимательный взоръ на составъ человѣческой природы, естественный разумъ никакъ не можетъ признать необходимымъ, чтобы душа человѣческая, разлучаясь съ тѣломъ въ минуту его смерти, должна была навсегда съ нимъ разстаться. Хотя тѣлесная часть существа человѣческаго во всѣхъ отношеніяхъ гораздо ниже безсмертной души; но она при всемъ томъ принадлежитъ къ существу человѣка и, соединенная самымъ тѣснымъ союзомъ съ душею, составляетъ вмѣстѣ съ нею одно цѣлое, одного человѣка. Съ тѣломъ соединяется безсмертная душа; въ тѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣломъ она живетъ, вь тѣлѣ мужаетъ и развивается; посредствомъ тѣлесныхъ органовъ передаетъ

другимъ свои мысли и желанія; посредствомъ ихъ же принимаетъ впечатлѣнія отъ міра внѣшняго. Безъ тѣла наша душа не сознаетъ и не знаетъ себя,—не знаетъ, чтобы она безъ него была когда-нибудь; безъ тѣла она не дѣйствуетъ и знаетъ, что безъ него никогда не дѣйствовала; точно также и другіе не могутъ видѣть, не могутъ знать и понимать ее безъ этого естественнаго посредника между нею и видимымъ міромъ; однимъ словомъ, тѣло даетъ душѣ многоразличныя средства къ ея выраженію и даже сообщаетъ ей тотъ, или другой образъ дѣятельности. Но еслибы, въ противность христіанскому ученію, душа человѣка одна навсегда продолжала свое существованіе за гробомъ и навсегда лишилась этого естественнаго орудія своей дѣятельности; въ такомъ случаѣ не весь человѣкъ былъ бы безсмертенъ, а только одна часть его существа. Легко понять, какъ многаго тогда не доставало бы человѣку для полнаго и совершеннаго его бытія. По этому-то какъ скоро естественный разумъ доходитъ до твердаго убѣжденія въ безсмертіи человѣка; то уже по самой необходимости онъ долженъ допустить, что безсмертіе составляетъ удѣлъ всего человѣка, и что его душа только на время слагаетъ съ себя свою земную оболочку, въ которую нѣкогда, въ день, извѣстный только одному Богу, она опять должна будетъ облечься, чтобы въ ней и съ него продолжать свое безсмертное бытіе.

Идя еще далѣе путемъ естественныхъ соображеній, освѣщаемыхъ свѣтомъ евангельскаго ученія, мы находимъ, что воскресеніе нашего тѣла не только сообразно съ требованіями разума, но и совершенно необходимо по неизмѣнному, святому закону правды

Божіей, который требуетъ, чтобы наше тѣло наравнѣ съ душою участвовало въ наказаніяхъ, или наградахъ, ожидающихъ насъ въ жизни будущей. Правда, что наша душа имѣетъ всѣ права власти надъ тѣломъ, которое есть не болѣе, какъ ея рабъ, и потому грѣхи этого раба должны быть поставлены въ вину главнымъ образомъ его господину; но съ другой стороны справедливо и то, что наше тѣло, какъ оно ни подчинено душѣ, не находится однакожъ въ такой зависимости отъ ней, чтобы оно могло быть совершенно свободнымъ отъ всякой отвѣтственности, падающей на душу. Притомъ тѣло должно понести наказаніе даже и въ томъ случаѣ, если оно только сочувствуетъ злу и оказываетъ готовность совершать его, и такимъ образомъ принимаетъ въ немъ участіе. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, на человѣка, преданнаго грѣху, и мы увидимъ, какъ онъ искажаетъ и дѣлаетъ орудіями грѣха всѣ дарованныя ему силы не только души, но и тѣла. Даръ слова, данный ему для прославленія имени Божія и для назиданія другихъ людей, онъ дѣлаетъ зловоннымъ сосудомъ праздныхъ и нечистыхъ рѣчей; зрѣніе, которое, по намѣренію Творца, назначено для того, чтобы человѣкъ созерцалъ дѣла высочайшей премудрости, благости и всемогущества и удивлялся имъ, онъ съ похотію устремляетъ на тварь; руки, которыя должны быть посвящены на молитвенное воздѣяніе и полезные труды, онъ дѣлаетъ орудіемъ неправды и хищенія; всю вообще дѣятельность, которою Богъ надѣлилъ человѣка для его собственнаго блага и для блага его ближнихъ, онъ обращаетъ только на то, чтобы удовлетворять требованіямъ своихъ страстей и предаваться суетнымъ удовольствіямъ; все въ немъ потеряло свою

цѣль, все уклонилось отъ своего предназначенія, все помрачено и предано грѣховному растлѣнію. Ужелижъ здравый разумъ можетъ допустить, чтобы это злоупотребленіе языка, эта *похоть очесъ* и *похоть* всей *плоти*, чтобы вся эта нечистота, истекающая изъ поврежденія нашей чувственной природы, вся жизнь суетная и безнравственная—не получили нѣкогда достойнаго и праведнаго возмездія; потомучто естественныя наказанія, которыя и въ этомъ мірѣ неизбѣжно слѣдуютъ за беззаконною жизнію и которыя и здѣсь равно падаютъ и на душу и на тѣло человѣка, далеко еще не соотвѣтствуютъ всей тяжести его грѣховъ и составляютъ не болѣе, какъ задатокъ и предвѣстіе его будущихъ мученій?

Въ противоположность этой жизни, растлѣнной грѣхомъ, посмотримъ на жизнь человѣка праведнаго, жизнь истиннаго христіанина, какою она должна быть, по ученію слова Божія. Будучи вѣренъ своему высокому призванію, христіанинъ отвергается самаго себя и идетъ вслѣдъ за своимъ Искупителемъ; онъ *представляетъ уды своя оружія правды Богови* (Рим. 6, 13), порабощаетъ свое тѣло духу, умерщвляетъ плоть свою со страстьми и похотьми, *сраспинается Христу* (Гал. 2, 19) и *спогребается ему* (Рим. 6, 4). Возможно ли, чтобы его тѣло, которое носитъ на себѣ *язвы Господа Іисуса* (Гал. 6, 17) и составляетъ *храмъ Духа святаго* (1 Кор. 6, 19), которое искуплено и очищено отъ скверны грѣховной страданіями и смертію Сына Божія и освящено Его благодатію, которое питается пречистымъ тѣломъ и пречистою кровію Іисуса Христа, и соединено съ Нимъ такъ, что его члены суть *удове Христовы* (1 Кор. 6, 15),—чтобы такое тѣло навсегда

было поглощено могилою и предано совершенному истлѣнію и разрушенію? Участвуя въ страданіяхъ и смерти Спасителя, ужели оно не будетъ участвовать и въ Его воскресеніи и славѣ? *Аще сообразни быхомъ*, говоритъ Апостолъ, *подобію смерти его, то и воскресенія будемъ* (Рим. 6, 5), *и аще умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ яко и живы будемъ съ нимъ* (тамже ст. 8). *Источника безсмертія вкушая*, ужели оно не предназначено къ вѣчной жизни?—*Ядый мою плоть, и піяй мою кровь*, говоритъ Спаситель, *иматъ животъ вѣчный, и азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. 6, 54). Вмѣстѣ съ душою, *подвигомъ добрымъ подвизаясь*, ужели оно не должно, вмѣстѣ съ нею же, нѣкогда получить *вѣнецъ правды*?—Истинно непререкаемо слово Апостола Павла, что *всѣмъ*, и грѣшникамъ и праведникамъ, *всѣмъ явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ*, и явиться не съ одною душою, но и съ тѣломъ; почему же съ тѣломъ?—*да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10).

Такимъ образомъ и слово Божіе, и естественный разумъ, и многія явленія видимой природы, все вселяетъ въ нашу душу твердую и ничѣмъ неотразимую увѣренность въ томъ, что настанетъ время, когда наше тѣло, умершее и истлѣвшее, оживетъ, возродится и явится въ новомъ, благолѣпнѣйшемъ видѣ.

Какъ глубоко и прекрасно, какъ отрадно и живительно для нашей души евангельское ученіе о воскресеніи нашего тѣла! Сколько въ немъ отрады и утѣшенія для человѣка, существа слабаго, подверженнаго, въ продолженіе своей земной жизни, различнымъ страданіямъ и лишеніямъ! Какъ возвышаетъ

нашъ духъ и какъ укрѣпляетъ его въ подвигахъ терпѣнія та увѣренность, что и душа наша и тѣло перейдутъ въ другой, лучшій міръ, *идљже нљсть болљзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная*, что ни одна часть нашего существа не уничтожится и мы воскреснемъ во всей цѣлости нашего бытія! Когда вѣрующій въ Сына Божія, для спасенія своей души, изнуряетъ свою плоть, обуздывая и умерщвляя грѣховныя ея наклонности, и когда онъ чувствуетъ, какъ это бренное тѣло дряхлѣетъ и изнемогаетъ подъ бременемъ трудовъ, недуговъ и страданій, съ какою отрадою онъ можетъ сказать самому себѣ: эти грубые, тяжелые и немощные члены нѣкогда преобразятся и сдѣлаются членами тѣла прославленнаго, подобно тѣлу воскресшаго Спасителя; это тѣло, оскверненное грѣхомъ, которое такъ часто, противъ моего желанія, влекло меня на путь беззаконія, нѣкогда возродится и, обновленное, очищенное, украшенное и благолѣпное, будетъ вѣрно и охотно служить душѣ, а не властвовать надъ нею, будетъ исполнять ея благія желанія, подобно Ангеламъ, исполняющимъ повелѣнія Божія, и, вмѣстѣ съ нею, славословить Господа! Особенно же съ какою отрадою, при видѣ кончины людей, дорогихъ нашему сердцу, съ какимъ утѣшеніемъ, при одрѣ ихъ предсмертныхъ страданій, мы можемъ сказать: эти глаза, которые скоро закроются и на которыхъ уже разстилается мрачный покровъ смерти, глаза, бывшіе прежде зеркаломъ, въ которыхъ ясно отражались мысли и чувствованія этой души, искупленной непорочною кровію Сына Божія, нѣкогда откроются для созерцанія лучезарнаго свѣта Христова; это чело, которое уже покрывается могильною мрач-

ностію, будетъ украшено неувядающимъ вѣнцомъ славы; эти уста, которыя теперь уже охладѣваютъ и произносятъ только несвязныя слова, вновь оживятся со всею красотою и будутъ возвѣщать славу Искупителя; все это тѣло, которое чрезъ нѣсколько минутъ будетъ безобразнымъ, тлѣющимъ трупомъ, по гласу Сына Божія, возстанетъ изъ могилы прекраснымъ, чистымъ и славнымъ, какъ тѣло самаго Спасителя! О, съ какою радостію люди снова тогда увидятся! Они соединятся навсегда, узнаютъ одинъ другаго, поймутъ другъ друга, полюбятъ любовію чистою, неизмѣнною и никогда неохладѣвающею, будутъ вмѣстѣ блаженствовать и радоваться радостію нескончаемою. Какое во всемъ этомъ сладостное утѣшеніе для души христіанской! И вотъ первый урокъ, который Апостолы въ своихъ посланіяхъ извлекаютъ изъ ученія о воскресеніи нашего тѣла, и который въособенности Апостолъ Павелъ преподаетъ вѣрующимъ. Такъ, напомнивъ Өессалоникійцамъ о второмъ пришествіи Спасителя и о всеобщемъ воскресеніи, онъ заключаетъ свое наставленіе такими словами: *тѣмже утѣшайте другъ друга въ словесѣхъ сихъ* (1 Сол. 4, 18).

Далѣе,—это ученіе сколько утѣшительно для сердца, столькоже благотворно для нашего нравственнаго преуспѣянія; потому что оно служитъ для насъ однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій хранить себя отъ грѣха и освящать и свою душу, и тѣло. Можемъ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, питать сладостную надежду на воскресеніе изъ мертвыхъ, и въ тоже время не *очищать себя отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святыню въ страсѣ Божіи* (2 Кор. 7, 1)? Вѣра въ будущую жизнь необходимо должна сопровождаться

достойнымъ приготовленіемъ къ этой жизни. Кто искренно и глубоко убѣжденъ въ безсмертіи своей души и въ будущемъ воскресеніи своего тѣла, тотъ дорожитъ своею душой, дорожитъ и тѣломъ, дѣлая изъ него *жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. 12, 1), прославляя Бога и въ тѣлѣ и въ душѣ (Кор. 6, 12) и устрояя изъ всего себя *храмъ духовенъ* (Петр. 2, 5); тотъ смотритъ на землю, какъ на мѣсто странствованія, и, не останавливаясь на распутіяхъ міра, не прилѣпляясь ни къ чему земному, спѣшно и бодро идетъ въ страну обѣтованія и свои взоры и мысли и чувства устремляетъ къ небесному отечеству. Чтобы воскреснуть тѣломъ для вѣчнаго блаженства и славы на небесахъ, мы должны на землѣ воскреснуть душою для жизни святой и богоугодной; чтобы жить со Христомъ, мы должны съ Нимъ умереть и воскреснуть. *Аще убо воскреснусте со Христомъ,* говоритъ Апостолъ Павелъ, *вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя: горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3, 1 2). Поэтому мы необходимо должны отвергнуть все, что только составляетъ въ насъ человѣка плотскаго, все земное, все, что мы оставимъ на землѣ; потомучто никакая суетная привязанность, никакая страсть, никакая нечистота не можетъ оставаться въ тѣлѣ возрожденномъ и прославленномъ, и мы не должны думать, что мы можемъ отсюда перенести съ собою на небо что-нибудь такое, что въ нашей жизни, въ нашихъ дѣйствіяхъ и въ самыхъ тайныхъ расположеніяхъ мы обязаны, по ученію слова Божія, распять и умертвить. Такимъ образомъ освященіе души и тѣла—вотъ что должно быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ нашей надеж-

ды на воскресеніе, если мы, по словамъ Апостола, *вѣмы, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворену, вѣчну на небесѣхъ. Ибо о семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе,... да пожерто будетъ мертвенное животомъ* (2 Кор. 5, 1. 2. 4).

Но если для вѣрующаго ученіе о воскресеніи такъ утѣшительно и благотворно, то для человѣка, преданнаго міру, оно безотрадно и ужасно. И онъ также долженъ воскреснуть; потому-что слово Божіе возвѣщаетъ воскресеніе не только праведнымъ, но и грѣшникамъ, не только вѣрующимъ, но и невѣрнымъ: *вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда*. Так. обр. люди беззаконные воскреснутъ не для оправданія и жизни, а для осужденія и вѣчной смерти, не для лицезрѣнія Бога, источника жизни и блаженства, а для удаленія отъ Него на нескончаемые вѣки, для достойнаго наказанія и по душѣ и по тѣлу за свою преданность міру, невѣріе и непокорность закону Божію, для низверженія *во тьму кромѣшнюю*, гдѣ будетъ *плачь и скрежетъ зубомъ* (Матѳ. 25, 30). Думаемъ ли мы объ этомъ? Понимаемъ ли, что значитъ вѣчное отчужденіе отъ Бога, нескончаемое мученіе безъ малѣйшей отрады, безъ всякой надежды, безъ всякаго облегченія?... Почему же мы не оставляемъ своихъ земныхъ идоловъ, не отказываемся отъ суетности, не прекращаемъ нашей возмутительной вражды къ Богу и не хотимъ повергнуться предъ Спасителемъ, чтобы получить отъ Него *толикое спасеніе* (Евр. 2, 3)? Почему не обращаемся къ Нему теперь, когда еще есть

средство избавиться отъ страшной участи осужденныхъ, когда на краю той ужасной бездны, о которой одна мысль повергаетъ насъ въ трепетъ, Богъ изрекаетъ намъ слова милости и прощенія, простираетъ къ намъ свою десницу и предлагаетъ вмѣсто смерти жизнь вѣчную, вмѣсто осужденія помилованіе, вмѣсто ада небо,—предлагаетъ всѣ дары своего неизреченнаго милосердія и непостижимой любви, запечатлѣнной кровію Единороднаго Сына своего?

Востани, спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освятитъ тя Христосъ (Ефес. 5, 14). Возбуди въ себѣ живую вѣру въ ту благую и спасительную вѣсть, которая всѣмъ искупленнымъ смертію Сына Божія даровала жизнь вмѣсто смерти и плачъ ихъ преложила на радость. Вѣруя и уповая,—вѣруя въ побѣдительную силу Искупителя, поправшаго враговъ нашего спасенія,—уповая на богатство Его благодати, открывшей намъ врата вѣчной жизни, ты безтрепетно будешь взирать на могилу, ежечасно готовую раскрыться, чтобы заключить тебя въ своихъ нѣдрахъ, и, на краю ея съ твердостію духа, съ радостію сердца, съ любовію и благодарностію къ нашему милосердому Спасителю, воскликнешь: *пожерта бысть смерть побѣдою: гдѣ ти, смерте, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда? Богу же благодареніе, давшему намъ побѣду Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (1 Кор. 15, 54—55. 57)!

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НЕВѢРІИ НАШИХЪ ДНЕЙ.

Аще знаменій и чудесъ не видите, не имате вѣровати (Іоан. 4, 48).

Если смотрѣть вокругъ себя на то, какъ истины св. Вѣры нашей подвергаются все большимъ и большимъ искаженіямъ, какъ одни сомнѣваются въ божественномъ Откровеніи, другіе гласно даже отвергаютъ его; если взглянуть на то, какъ ядъ невѣрія проникаетъ во всѣ слои общества, распространяясь дальше и дальше, то невольно можетъ придти на мысль: не лучше ли было бы если бы всеблагій Богъ еще и теперь, какъ нѣкогда при первомъ насажденіи Церкви, противодѣйствовалъ этому невѣрію чудотвореніями? Какъ оживилась бы вѣра во многихъ охладѣвшихъ къ ней душахъ, если бы люди снова увидѣли чудеса и знаменія, сопровождавшія апостольскую дѣятельность первыхъ провозвѣстниковъ Евангелія,—исцѣленіе болѣзней, воскресеніе мертвыхъ и т. дал.! Почему же Господь не дѣйствуетъ нынѣ видимыми дарами своего животворящаго Духа, не смотря на ежедневно усиливающееся невѣріе? На этотъ вопросъ, который можетъ возникнуть въ душахъ многихъ, мы отвѣтимъ, говоря, что чудеса для невѣрующихъ настоящаго времени ни необходимы, ни даже полезны.

1. Въ св. Церкви нашей чудеса собственно никогда не прекращались и донынѣ не прекращаются; мы и нынѣ встрѣчаемъ около себя чудесное исцѣленіе неизлечимыхъ болѣзней чрезъ чудотворныя иконы (*), нетлѣніе св. мощей и другіе видимые дары божественной благодати; но эти дары сдѣлались уже давно гораздо болѣе рѣдкими, чѣмъ во времена первобытной Церкви, когда Христіанству нужно было путемъ чудесъ доставить входъ въ очерствѣлыя сердца Іудеевъ и язычниковъ. Пока святая вѣра наша была, подобно нѣжному растенію, только что насажденному и не укоренившемуся,—еще Господь обильно орошалъ ее благодатными водами видимыхъ чудесъ, подобно заботливому садовнику, который часто поливаетъ молодое, еще не окрѣпшее деревцо, но потомъ прекращаетъ это поливаніе, коль скоро дерево, укрѣпившись, въ немъ болѣе не нуждается. Такъ точно и чудеса нынѣ сдѣлались рѣдкими, не будучи болѣе необходимыми для насажденія Вѣры, такъ какъ истины евангельскія провозвѣщены уже во всемъ мірѣ и Христіанство прочно укоренилось на землѣ.

Но какъ? Не представится ли тѣмъ не менѣе многимъ, что видимые дары Св. Духа и теперь необходимы, для противодѣйствія усиливающемуся невѣрію, для возвращенія во лоно Церкви заблудшихъ овецъ и для утвержденія слабыхъ въ вѣрѣ? Если теперь такая значительная часть людей, даже изъ именующихъ себя христіанами, шествуетъ въ глубокомъ мракѣ ересей и заблужденій; то не нужно ли Госпо-

(*) Смотр. напр. Дух. Бесѣда, 1859 г. № 2, стр. 60 «повѣствованіе о чудесномъ исцѣленіи одной купеческой жены предъ чудотворною иконою Святителя Христова Николая».

ду вновь возбудить чудодѣйственную силу Церкви своей во всемъ ея блескѣ, дабы заблудшіе, увидѣвъ свѣтъ сей, снова возвратились къ познанію истины? Нѣтъ, скажемъ, нѣтъ въ этомъ никакой необходимости; нѣтъ нужды ни въ какихъ новыхъ чудесахъ для того, чтобы невѣрующіе и неправовѣрующіе нашихъ дней могли убѣдиться въ божественной истинности Христіанства вообще и въ частности св. православной нашей Церкви; они, и безъ видимыхъ даровъ Св. Духа, могутъ найти вполнѣ достаточныя доказательства на то, что св. Вѣра наша есть Откровеніе Божіе и св. Церковь наша учрежденіе божественное. Мало того,—нѣтъ даже недостатка и въ чудесахъ, истинная Вѣра и Церковь окружены ими; лишь бы только невѣрующіе открыли очи ума и сердца своего, они увидѣли бы благодатныя дѣйствія, которыя не могутъ быть объясняемы путемъ естественнымъ, и которыя потому гласно предъ всѣмъ свѣтомъ могутъ засвидѣтельствовать истинность нашей Вѣры.

Въ самомъ дѣлѣ св. Вѣра наша сама есть чудо или видимый даръ Св. Духа какъ по своему распространенію, такъ и по своему существованію въ теченіе болѣе 18-ти вѣковъ, такъ наконецъ по вліянію своему на человѣчество. Кому не извѣстна, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, исторія перваго распространенія Христіанства! Какъ двѣнадцать неученыхъ рыбарей изъ презрѣннѣйшей области презрѣнной Палестины вышли ко всѣмъ народамъ, какъ они проповѣдывали Вѣру, тайны которой столько же непостижимы для человѣческаго разума, сколько заповѣди ея противны похоти испорченнаго сердца, и какъ при всемъ томъ тысячи и тысячи изъ Іудеевъ и язычниковъ принимали эту Вѣру; какъ число обращенныхъ,

не смотря на тягчайшія гоненія, постоянно возрастало, пока наконецъ, спустя не болѣе трехъ столѣтій, міръ изъ языческаго сдѣлался христіанскимъ! Такъ совершилось введеніе Христіанства, и кто можетъ объяснить это явленіе естественнымъ образомъ, кто не увидитъ въ немъ чуда, кто, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, не воскликнетъ: *отъ Господа бысть сіе, и есть дивно во очесѣхъ нашихъ* (Пс. 117, 23). Не человѣческій умъ, и не земныя средства, но одна Премудрость и сила Божія могли доставить такой Вѣрѣ входъ въ сердца людей. Вотъ невѣрующіе, вотъ вамъ чудо неопровержимое, слѣдствія котораго еще и теперь предъ вами!

Укажу вамъ и другое чудо: посмотрите на православную Церковь, учрежденную Господомъ для сохраненія и сообщенія людямъ Его ученія и животворящей благодати. Самъ Основатель ея сказалъ, что врата адова, конечно, будутъ бороться съ нею, и никогда ея не одолѣютъ (Матѳ. 16, 18); и вотъ длинный рядъ болѣе 18-ти вѣковъ показываетъ намъ, какъ это двойное пророчество исполняется. Ни одно изъ дѣлъ Божіихъ не выносило такой непрерывной, упорной и многообразной войны съ адомъ, какъ св. православная наша Церковь; силою и хитростію, преслѣдованіемъ ея членовъ, отнятіемъ у нихъ имущества, ересями и расколами, язвительными насмѣшками невѣрія и хитросплетенными возраженіями ложно направленныхъ наукъ,—всѣми средствами адъ усиливался смутить и уничтожить нашу Церковь; онъ пробуждалъ противъ Православія нашего и страсти человѣческія,—гордость, чувственность, корысть и властолюбіе. Часто адъ уже думалъ достигать своей цѣли, часто казалось уже, что Церковь должна уступить неистовству

многочисленныхъ и сильныхъ враговъ своихъ. Что же мы между тѣмъ видимъ? Подпала ли православная Церковь ударамъ своихъ враговъ? Нѣтъ, чѣмъ настоятельнѣе была нужда, тѣмъ ближе всегда была помощь Божія; чѣмъ сильнѣе Церковь была угнетаема, тѣмъ выше поднималась она въ новомъ блескѣ и съ новыми силами; она устояла во всѣхъ опасностяхъ, вышла побѣдительницею изъ борьбы, пережила многихъ враговъ своихъ,—врата адова не одолѣли ея. Это ли не чудо? Это ли не видимый и для всякаго очевидный даръ св. Духа? Кто не узнаетъ въ сохраненіи православной Церкви даръ премудрости и разума Божія? И такъ, вотъ второе чудо, стоящее предъ очами всѣхъ и громко свидѣтельствующее о божественности нашей Вѣры, св. православной нашей Церкви.

И такихъ чудесъ въ свидѣтельство божественной истинности нашей Вѣры можно бы привести нѣсколько; мы ограничимся еще только указаніемъ на то нравственное преобразованіе человѣческаго рода, которое произведено св. нашею Вѣрою. Какое чудо можетъ сравниться съ тѣмъ, что эта Вѣра привела погруженный въ глубочайшее нравственное паденіе міръ къ познанію своихъ грѣховъ, къ покаянію, исправленію и къ дотолѣ невѣдомой чистотѣ нравовъ? Если нынѣ напримѣръ какому-либо пастырю Церкви удается обратить ожесточеннаго грѣшника или безстыднаго вольнодумца, то всякій удивляется и готовъ называть это чудомъ; даже міръ не рѣшается приписать такое дѣло слабымъ силамъ частнаго человѣка. Но если такимъ образомъ даже обращеніе частнаго, заблудшаго христіанина кажется намъ чудеснымъ; то что же сказать о томъ, когда цѣлый міръ идолопоклонниковъ обращается къ Христіанству и изъ без-

нравственныхъ, жестоковыйныхъ, лживыхъ и гордыхъ язычниковъ дѣлается—смиренными, цѣломудренными, кроткими, миролюбивыми и правдивыми христіанами! Какую истинно божественную силу должна имѣть Вѣра, производящая подобныя преобразованія!

Да, невѣрующій! эту чудотворную силу Христіанства ты и самъ можешь испытывать на себѣ; ты можешь собственнымъ опытомъ убѣдиться въ томъ, имѣетъ ли это ученіе значеніе божественной истины или простаго человѣческаго ученія. Рѣшись только, хоть на время, добросовѣстно слѣдовать христіанскимъ предписаніямъ, и въ точности устроить жизнь свою по его заповѣдямъ,—и ты увидишь самъ, отъ Бога ли это ученіе, или нѣтъ. Христосъ самъ указалъ на исполненіе своихъ заповѣдей, какъ на пробный камень для познанія божественности Его ученія. Онъ говоритъ: *Аще кто хощетъ волю его* (Отца Моего) *творити*, *разумѣетъ о ученіи*, *кое отъ Бога есть*, *или азъ отъ себе глаголю* (Іоан. 7, 17), т. е. каждый, кто вѣрно слѣдуетъ моему ученію, убѣдится самъ въ его божественности. Пусть теперь всякій невѣрующій нашего времени скажетъ намъ, дѣлалъ ли онъ подобное испытаніе, слѣдовалъ ли онъ въ точности когда-либо ученію Христову? Нѣтъ, навѣрно можно сказать, что никто изъ невѣрующихъ и вольнодумцевъ этого не дѣлалъ, и даже не попытался дѣлать, находя подобное испытаніе для себя неудобнымъ. Но какъ же они послѣ этого дерзаютъ отрицать божественность этой Вѣры, или для убѣжденія своего требовать чудесъ, говоря: аще знаменій и чудесъ не видимъ, не имамы вѣровати! Много другихъ доказательствъ имѣютъ они предъ очами, нѣтъ даже недостатка и въ чудесахъ, какъ мы сейчасъ показа-

ли; а потому не нужно имъ и не заслуживаютъ они никакихъ другихъ чудесъ. Для просвѣщенія невѣрующихъ,—для язычниковъ,—Господь по милосердію своему творилъ чудеса; ибо они шествовали во тьмѣ невѣрія не столько по собственной винѣ, сколько потому, что они родились въ языческомъ мірѣ и воспитаны были въ идолопоклонствѣ. Напротивъ наши вольнодумцы и невѣрующіе большею частію отпали отъ Вѣры по собственному гибельному произволу и намѣренно закрываютъ очи свои, дабы не видѣть свидѣтельствъ, ясно выражающихъ истинность св. Вѣры нашей; поэтому Богъ для обращенія ихъ не употребляетъ никакихъ новыхъ чудесъ. Но мало того,—не будучи необходимы въ настоящее время, чудеса были бы нынѣ для невѣрующихъ даже безполезны и недѣйственны.

2. У многочисленныхъ, встрѣчающихся между христіанами, вольнодумцевъ и невѣрующихъ причина невѣрія большею частію скрывается не въ головѣ, а въ сердцѣ,—не въ умѣ, а въ волѣ; они отрицаютъ христіанскія истины не столько потому, какъ они говорятъ, что умъ ихъ не можетъ постигнуть эти истины, сколько напротивъ потому, что развращенная воля ихъ желаетъ, чтобъ эти истины не были истинами въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ открыты Богомъ и исповѣдуются Его св. Церковію. Мы имѣемъ здѣсь въ виду особенно тѣ страшныя истины, которыя не могутъ не колебать даже величайшаго грѣшника, если онъ только не совершенно уже ожесточенъ, и не могутъ не производить въ немъ спасительнаго страха. И такъ, какъ же поступить тому, кто хочетъ грѣшить безъ страха, безъ угрызеній совѣсти и безъ сердечнаго трепета? Если онъ въ состояніи довести себя до сомнѣнія въ тѣхъ истинахъ, которыя касаются загроб-

ной жизни, вѣчнаго осужденія грѣшниковъ и страшныхъ адскихъ мученій; то онъ этимъ сдѣлаетъ шагъ, который навѣрно заглушитъ въ немъ голосъ совѣсти и непріятное для него чувство страха. Этимъ путемъ большинство невѣрующихъ доходитъ до жалкаго своего состоянія; они, какъ говоритъ Апостолъ, *отринули благую совѣсть*, и тѣмъ *отъ вѣры отпадоша* (1 Тим. 1, 19). Сколько между ними найдется такихъ, которые прежде *плѣняли разумъ* свой *въ послушаніе вѣры* (2 Кор. 10, 5), и нѣкогда не сомнѣвались въ томъ, что открыто Богомъ и преподано св. Церковью; но долго ли питали они въ себѣ эту Вѣру? До тѣхъ лишь поръ, пока они еще оставались послушными заповѣдямъ Божіимъ. Коль же скоро они начали сбрасывать съ себя благое иго Христово, коль скоро они вкусили отъ ядовитыхъ плодовъ гибельной свободы и прикоснулись устами къ чашѣ грѣха и беззаконія,— они восхотѣли вмѣстѣ съ тѣмъ простираться дальше по избранному ими пути безъ страха наказаній и внутреннихъ угрызеній. Но для этого имъ нужно было прежде всего подвергнуть сомнѣнію и затѣмъ совершенно отвергнуть то, что можетъ сдѣлать грѣховныя наслажденія страшными страхомъ вѣчныхъ наказаній; и вотъ начинаютъ они говорить о вѣчности какъ о чемъ-то слишкомъ отдаленномъ или невѣдомомъ, чтобы изъ-за нея безпокоиться или ограничить свои страсти; «никто не возвращался изъ загробной жизни и не давалъ намъ объ ней никакихъ положительныхъ свѣденій»,—говорятъ они, стараясь заглушить въ себѣ послѣдніе остатки вѣры. Таковы мысли и рѣчи этихъ невѣрующихъ; они сначала хотятъ сами видѣть, чтобы за тѣмъ уже вѣровать; почти необходимо, чтобъ Богъ самъ для каждаго изъ нихъ подтвердилъ свое

Откровеніе особымъ, видимымъ чудомъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ преступно подобное требованіе; но можно даже прямо сказать, что эти люди и тогда не увѣровали бы, когда Богъ дѣйствительно совершилъ бы какое-либо чудо предъ очами ихъ. Не нашла ли бы воля, ожесточенная произвольнымъ невѣріемъ, достаточно поводовъ къ тому, чтобъ и въ этомъ случаѣ противиться, отрицать дѣйствительность совершившагося чуда и доказательную его силу?

Еще во время земной жизни нашего Спасителя мы видимъ примѣры подобнаго ослѣпленія и ожесточенія. Сколько несомнѣнныхъ чудесъ совершалъ Господь предъ очами всѣхъ! Онъ даровалъ слѣпымъ зрѣніе, глухимъ слухъ, нѣмымъ даръ слова; Онъ возвращалъ больнымъ здравіе и мертвымъ жизнь. Между тѣмъ увѣровали ли въ Него книжники и фарисеи? Нѣтъ; *Учителю*, говорили они, *хощемъ отъ тебе знаменіе видѣти* (Матѳ. 12, 38). Какъ? Знаменія, чудеса хотите вы видѣть? Идите же только и посмотрите на больныхъ, исцѣленныхъ Іисусомъ; идите и спросите прокаженныхъ, мгновенно очищенныхъ Имъ; идите въ домъ Іаира и взгляните на дочь его, воскрешенную Іисусомъ изъ мертвыхъ. Ужели вамъ мало этихъ чудесъ, чтобъ увѣровать въ великаго Чудотворца? Да, эти чудеса не убѣдили ихъ, они требовали отъ Господа *знаменія съ небесе* (Марк. 8, 11), не довѣряя дѣйствительности всѣхъ прочихъ чудесъ Господнихъ. Но когда затѣмъ при крестной смерти Спасителя потребованное ими знаменіе съ небесе дѣйствительно явилось въ видѣ чрезвычайнаго солнечнаго затмѣнія и глубокаго мрака среди дня; то увѣровали ли они? Нѣтъ,— и это знаменіе съ небесе, равно какъ послѣдовавшее за нимъ величайшее изъ всѣхъ чудесъ — воскресеніе

Господне, остались тщетными и безплодными для ожесточенныхъ въ невѣріи своемъ книжниковъ и фарисеевъ.

Кому не извѣстно повѣствованіе о евангельскомъ богачѣ и бѣдномъ Лазарѣ? Богачъ, находясь уже среди адскихъ мученій, обратился очами къ той блаженной обители, гдѣ бѣдный Лазарь почилъ на лонѣ Авраамовомъ. Онъ знаетъ, что для него самаго нѣтъ болѣе надежды на искупленіе; но онъ вспомнилъ, что пять братьевъ его на землѣ еще продолжаютъ вести туже разсѣянную жизнь, которая была виною собственной его погибели. Онъ не хочетъ имѣть ихъ соучастниками своихъ мученій и потому проситъ Авраама обратить ихъ на путь спасенія. Онъ думаетъ, что чудесное явленіе мертвеца привело бы ихъ къ лучшему образу жизни. Пошли, взываетъ онъ, блаженнаго Лазаря къ нимъ, чтобы онъ увѣщевалъ ихъ и далъ имъ знать, что происходитъ здѣсь, за гробомъ; тогда они навѣрно покаются и избѣгнутъ тѣхъ мученій, которымъ я безвозвратно подвергся. Но что на это отвѣчаетъ Авраамъ? *Не имутъ вѣры* (Лук. 16, 31); *имутъ Моисеа и пророки*; если они не вѣруютъ въ законъ, данный Богомъ чрезъ Моисея, если они не внимали увѣщаніямъ Пророковъ, то они, безъ сомнѣнія, не увѣруютъ и тогда, когда бы даже мертвый воскресъ и явился имъ. Если они среди ожесточенія своего дерзаютъ отвергать божественное Откровеніе, запечатлѣнное столь многочисленными знаменіями и чудесами; то они найдутъ поводъ и къ тому, чтобы отвергнуть подобное явленіе. Они скажутъ: «это призракъ, дѣйствіе разгоряченнаго воображенія и обманъ глазъ». И если бы они даже устрашились на нѣсколько времени, то этотъ страхъ однако кончился

бы съ концомъ совершившагося предъ очами ихъ чуда. *Не имутъ вѣры.*

Такъ точно было бы и нынѣ. Люди, дерзающіе отвергнуть слово Божіе и св. истины божественнаго нашего ученія, потому что эти истины не согласуются съ злыми страстями ихъ,—такъ глубоко уже погрязли въ пагубномъ невѣріи, что они способны отрицать и то, что они видятъ своими очами или слышатъ своими ушами, если это послѣднее несогласно съ ихъ несчастнымъ настроеніемъ. Еслибъ Богъ, для обращенія ихъ, дѣйствительно совершилъ чудо; то возгорѣлись ли бы въ нихъ вѣра въ ученіе Христа Спасителя и намѣреніе исполнять Его заповѣди? Не думаю; чудеса были бы для нихъ также безполезны, какъ для тѣхъ, которые въ Египтѣ видѣли чудеса Моисея, и однако не позволяли Израильтянамъ отправиться въ путь,—также безполезны, какъ для тѣхъ, которые во времена земной жизни Спасителя не только видѣли чудеса Его безъ вѣры, но даже назвали ихъ дѣломъ веельзевула, князя бѣсовскаго,—также безполезны, какъ нѣкогда для ожесточенныхъ жителей Содома, которые видѣли ясныя предзнаменованія близкаго суда Божія, и однако не обращали на нихъ вниманія. Уже Господь рѣшилъ погубить городъ Содомлянъ; нѣкоторые изъ нихъ, зятья праведнаго Лота, могли бы избѣгнуть общей погибели; они слышали слово Господне: *Господь погубляетъ градъ сей* (Быт. 19, 14); они знали о совершившемся предъ дверями Лотова дома чудѣ, о пораженіи слѣпотою буйныхъ Содомлянъ; Лотъ предлагалъ имъ выдти съ нимъ изъ осужденнаго на погибель города: но они осмѣяли его, считали предсказанія его безумствомъ и угрозы его несбыточными; они не вѣрили ему, и увѣровали уже тогда, когда они уви-

дѣли падающій на Содомъ жупелъ и огнь отъ Господа съ небеси и когда уже спасеніе было для нихъ невозможно.

Увы, чтобы и наши невѣрующіе не были приведены къ Вѣрѣ подобнымъ, но еще болѣе ужаснымъ образомъ, тогда т. е., когда адскій огонь обойметъ ихъ,—тотъ огонь, въ которомъ они начнутъ вѣровать вмѣстѣ съ падшими духами, но для того лишь, чтобы этою вынужденною вѣрою еще увеличилось ихъ отчаяніе, вѣчный плачь и трепетъ ихъ. И бѣси вѣруютъ (ибо они видятъ и чувствуютъ то, во что вѣруютъ), но вмѣстѣ трепещутъ (Іак. 2, 19). Они вѣруютъ, что Богъ есть Господь правосудный, который безъ лицезрѣнія отвергаетъ грѣшника отъ лица своего такъ, какъ Онъ отринулъ отъ Себя ихъ, принадлежавшихъ нѣкогда къ разряду высшихъ его тварей. Они вѣруютъ, что Богъ есть Господь вѣчно неизмѣнный, который навсегда отвергаетъ и осуждаетъ нераскаянныхъ грѣшниковъ, для которыхъ послѣ смерти уже нѣтъ болѣе мѣста покаянію. Они вѣруютъ, что Богъ непреложенъ во всѣхъ судахъ своихъ, и что Онъ на всю вѣчность закрываетъ врата адова за осужденными людьми и падшими ангелами. Вотъ во что вѣруютъ бѣсы,— и трепещутъ; эта вѣра есть для нихъ не побужденіе къ покаянію, но неисчерпаемый источникъ самаго ужаснаго отчаянія, самаго страшнаго богохульства и вѣчно продолжающагося трепета. Бѣсы вѣруютъ, ибо они видятъ и чувствуютъ то, во что вѣруютъ, — и трепещутъ. Вы же, невѣрующіе, не хотите вѣрить безъ знаменій и чудесъ; остерегитесь, чтобы не пришлось вамъ увѣровать уже тамъ, гдѣ вы увидите страшное чудо праведнаго суда и наказанія Божія, ибо тогда вѣра ваша будетъ безплодна, и трепетъ вашъ безконеченъ.

КАНОНЪ (*)

ПРЕПОДОБНЫМЪ И БОГОНОСНЫМЪ ОТЦЕМЪ НАШИМЪ АНТОНІЮ И ѲЕОДОСІЮ КІЕВОПЕЧЕРСКИМЪ.

ТВОРЕНІЕ ДИМИТРІА МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКАГО НА МОЛЕНІЕ УСТЮЖАНИНА ІОАННА ѲЕОДОРОВА ПРОТОДЬЯКОНОВА 1704 ГОДА.

Тропарь, гласъ 3:

Двоицу начальныхъ россійскихъ свѣтилъ почтимъ: Антонія Богомъ посланнаго, и Ѳеодосія Богомъ даро-

(*) Этотъ канонъ присланъ въ редакцію Хр. Чтенія при слѣдующемъ отношеніи вологодскаго епархіальнаго Комитета для церковно-историческаго и статистическаго описанія вологодской епархіи:

«Препровождая при семъ канонъ преподобнымъ Антонію и Ѳеодосію, кіевопечерскимъ чудотворцамъ, твореніе св. Димитрія митрополита ростовскаго, вологодскій епархіальный Комитетъ имѣетъ честь изъяснить слѣдующее: это произведеніе знаменитаго святителя и витіи нашей Церкви доселѣ было неизвѣстно нашимъ ученымъ изыскателямъ древностей русскихъ; въ Словарѣ историческомъ митрополита Евгенія о писателяхъ духовнаго чина, при исчисленіи твореній святителя Димитрія, объ немъ не упоминается. Подлинникъ его, писанный уставомъ, хранится какъ рѣдкость при великоустюжской градской вознесенской церкви, въ которую онъ посланъ самимъ святителемъ Димитріемъ по слѣдующему случаю. При означенной вознесенской церкви, холодный, каменный, отдѣльнымъ зданіемъ построенный храмъ имѣетъ престолъ во имя Антонія и Ѳеодосія кіевопечерскихъ. Строителемъ этого храма въ началѣ 18 столѣтія былъ богатый граж-

ваннаго, тіи бо первіи, равноангельнымъ въ Россіи житіемъ просіявше отъ горъ кіевскихъ, освѣтиша отечествія нашего вся концы, и путь къ небеси правый многимъ показаша, и, первоотцы инокомъ бывше, лики спасаемыхъ Богови приведоша, и нынѣ, предстояще въ вышнихъ немерцаемому Божества свѣту, молятся о душахъ нашихъ.

Богородиченъ по гласу.

Канонъ, гласъ 8:

Пѣснь 1. Ирмосъ:

Воду прошедъ:

Воды мірскаго мятежа, аки Моvсей съ Аарономъ чермное море, преподобный Антоній съ Ѳеодосіемъ блаженнымъ немокренно преидоста и, безъ вреда при-

---

давинъ г. Устюга и прихожанинъ вознесенской церкви, Иванъ Ѳедоровъ Протодьяконовъ. Окончивъ въ 1703 году строеніе храма, благочестивый строитель просилъ святителя Димитрія ростовскаго написать особый канонъ преподобнымъ Антонію и Ѳеодосію кіевопечерскимъ въ новосозданномъ храмѣ, ихъ имени посвященномъ. Вслѣдствіе этого прошенія и былъ присланъ въ Устюгъ св. Димитріемъ означенный канонъ,—нарочно ли тогда составленный, или заранѣе сочиненный, неизвѣстно».

«Такъ какъ всякое произведеніе знаменитыхъ, а тѣмъ болѣе благодатію Божіею явно ознаменованныхъ писателей достойно всякаго вниманія и сохраненія въ потомствѣ: то въ видахъ сего сохраненія, вологодскій епархіальный Комитетъ, съ соизволенія Его Преосвященства преосвященнѣйшаго Христофора, епископа вологодскаго и устюжскаго, препровождая означенный канонъ въ редакцію Христіанскаго Чтенія, имѣетъ цѣлію помѣщеніе его на страницахъ сего изданія, если это признано будетъ нужнымъ, полезнымъ и достойнымъ памяти великаго святителя».

Членъ епархіальнаго церковно-историко-статистическаго Комитета: Спасокаменскій Архимандритъ *Діонисій*.

Ученый Секретарь *Николай Суворовъ*.

станища небеснаго достигше, радостно возгласиста: избавителю и Богу нашему поимъ.

Волнами житейскими влаяйся азъ окаянный и, да непогрязну фараонитски въ глубинѣ золъ, боясь, къ вамъ вопію, о отцы преподобніи: избавителю и Богу нашему о мнѣ помолитеся. *Слава:*

Водами слезъ твоихъ фараона мысленнаго потопилъ еси, Антоніе; во умерщвленномъ же тѣлеси, аки въ тумпанѣ, побѣдная воспѣлъ еси, Ѳеодосіе; оба же о насъ моленіе избавителю и Богу нашему принесите. *И нынѣ:*

Воды страстей моихъ изсуши, рождшая незаходимое солнце Христа, и на сухъ путь безстрастія настави мя, добрая путеводительнице, да благодарственная избавителю Богу нашему, и Тебѣ, воспою во вѣки.

Пѣснь 3. Ирмосъ:

Небеснаго круга:

Небесное житіе въ пещерахъ земныхъ показасте, отцы преподобніи, оутверждающеся же въ любви Божіей, желаемаго горняго края достигосте, и зрѣти сподобистеся единаго Человѣколюбца.

На небесный кругъ востеклъ еси, святе Антоніе; къ небеснымъ обителемъ преставился еси, преподобне Ѳеодосіе: тамо оба мольбу о насъ грѣшныхъ принесите къ единому Человѣколюбцу. *Слава:*

Небесныхъ благъ лишився азъ окаянный, къ вамъ притекаю, о небесніи граждане: да не въ конецъ отчужденъ буду части спасаемыхъ, оумолите о мнѣ единаго Человѣколюбца. *И нынѣ:*

Небесъ пространнѣйшая Богородительнице, Невмѣстимаго вмѣстившая въ пречистыхъ ложеснахъ тво-

ихъ, сподоби мя грѣшнаго получити мѣсто въ селеніяхъ праведныхъ и съ тѣми наслаждатися лицезрѣнія единаго рожденнаго отъ Тебе Человѣколюбца.

Сѣдаленъ, гласъ 2:

Моленіе твое теплое, Антоніе преблаженне, огнь съ небеси сведе, на мѣсто, идѣже нынѣ основася богородична церковь; твоя же прилѣжная мольба, богоносе Ѳеодосіе, на тоже мѣсто благодать Божію образомъ дуги отъ ветхія церкви преведе; оба бысте чудотворцы, оба велиціи Того угодники, оба тепліи къ Богу молебники (*): и нынѣ молитвами вашими попалите хврастіе грѣховъ нашихъ, и благодати Божіей пріобщите ны, и отъ бѣдъ избавляйте насъ, вскорѣ предстательствующе.

Слава и нынѣ: Моленіе теплое:

Пѣснь 4. Ирмосъ:

Услышахъ, Господи:

Услышахъ гласъ Господень въ Аѳонѣ, къ игумену глаголющь: посли ми Антонія въ Россію, яко тамо его требую, и пріиде Антоній въ новопросвѣщенную страну повелѣніемъ Господа своего, и прослави Того Божество.

Услышавъ Ѳеодосій гласъ Христа, во евангеліи глаголюща: грядите по Мнѣ и возмите иго мое на себе, абіе вся яко оуметы вмѣнивъ, во слѣдъ его пойде и прослави Того Божество. *Слава*:

Услышавше равноангельное двою тою отцу въ пещерахъ пребываніе, мнози стекошася къ нима подражати постническихъ подвиговъ и, образомъ добро-

(*) Должно переставить слова такъ: «оба тепліи къ Богу молебники, оба велицін Того угодники».

дѣтельнаго ею житія наставлшеся оугождати Богу, прославиша Того Божество. *И нынѣ*:

Услыши, Владычице, стенаніе и мольбы христоименитыхъ людей, призри на озлобленіе и горесть оутѣсняемыхъ отвсюду, виждь слезы и рыданія сущихъ въ бѣдахъ и скорбехъ, и оумилосердися на рабы твоя, да Тя Богородицу прославляемъ.

Пѣснь 5. Ирмосъ:

Просвѣти насъ:

Просвѣтишася, яко небеса двѣма свѣтилами, горы кіевскія двома начальнѣйшими отцы преподобными: Антоніемъ аки солнцемъ, Ѳеодосіемъ аки луною, и свѣтъ святыни ихъ во тмѣ пещерной свѣтяшеся, и тма не объятъ ихъ; людіе же, на свѣтъ добрыхъ дѣлъ ею взирающе, прославляху Отца небеснаго.

Просвѣтися вся Россіа лучами чудесъ ваю, сынове немерцающаго свѣта, отцы преподобніи, аще и подъ спудомъ пещернымъ скрыстеся; творимая бо вами богоугожденія въ тайнѣ показа та Богъ явѣ, и прослави прославляющихъ Его. *Слава*:

Просвѣщаетеся нынѣ, аки солнце, во царствіи небесномъ, о богоблаженніи: просвѣтите омраченную мою душу и на свѣтлую заповѣдей Божіихъ стезю наставите мя. *И нынѣ*:

Просвѣти лице твое на рабы твоя, Христе свѣте истинный, и, отгнавъ тму прегрѣшеній нашихъ, свѣта присносущнаго общники сотвори ны, ради рождшія Тя и преподобныхъ твоихъ, Человѣколюбче.

Пѣснь 6. Ирмосъ:

Молитву пролію:

Молитву изліялъ еси ко Господу, преподобне Антоніе, да будетъ по всей земли роса, на мѣстѣ же

имѣвшея быти церкве суша: и паки по всей земли суша, на мѣстѣ же святѣмъ роса, и услышанъ былъ еси вскорѣ; молю, и о мнѣ помолися, да влаги моя изсушитъ страстныя, изсохшее же сердце мое росою благодати да оросить и отъ тли да возведетъ мя Богъ мой.

Молитвами твоими, преподобне Ѳеодосіе, обитель твоя во оскудѣніяхъ наполняшеся земныхъ благъ: душѣ моей скудной, не имущей добрыхъ дѣлъ, исходатайствуй спасительная благая, и отъ тли да возведетъ мя Богъ мой. *Слава*:

Молитвами преподобныхъ твоихъ угодниковъ, Антоніа и Ѳеодосія печерскихъ, изліявшихъ предъ Тобою сердца своя и молящихся къ Тебѣ о всемъ мірѣ выну, отъ тли, Боже мой, возведи мя. *И нынѣ*:

Молитву мою по Господѣ Бозѣ къ Тебѣ, госпоже Богородице, проливаю, и возвѣщаю моя душевныя печали; яко злыми моими дѣлы въ погибель влекомый есмь, и не исправляюся; грѣховнымъ оружіемъ уязвляемый есмь, и не чувствую; китъ преисподняго ада пожрети мя хощетъ, и не бѣжу отъ него: обаче къ твоему милосердію вопію: отъ тли, Владычице моя, возведи мя.

Кондакъ, гласъ 2:

Твердыя столпы благочестія, недвижимая иноческихъ законоположеній основанія и необоримыя стѣны россійскія восхвалимъ: Антоніа, возлюблшаго Бога, и Ѳеодосіа, возлюбленна Богомъ; труды бо онѣхъ и постническія подвиги пріятъ паче всякаго всеплодія единъ во святыхъ Прославляемый.

Икосъ:

Кое похваленіе принесемъ двоицѣ великихъ угод-

никовъ Божіихъ: Антонію, обрѣтшему благодать предъ Господемъ, Ѳеодосію, сподоблшемуся благодати отъ Господа, обѣма же послужившима богоблагодатнѣй пречистой Дѣвѣ? Яко же бо древле два Херувими славы бяху стояще у кіота завѣта; сице кіоту одушевленному, Божіей Матери, сіи два отцы преподобніи предстояста выну, хваляще воплощшагося отъ Нея Бога, и нынѣ предстоятъ съ Херувими престолу неприступныя славы, аможе предста царица одесную, крилами же непрестанныхъ своихъ моленій осѣняютъ Россію, и умилостивляемый ими бываетъ съ Богородицею Христосъ Богъ, единъ во святыхъ прославляемый.

Пѣснь 7. Ирмосъ:

От Іудеи дошедше отроцы:

От горы Аѳонскія блаженный Антоній въ Россію пришедъ и, да будетъ на мѣстѣ семъ святыя горы благословеніе, рекъ, пояше: отецъ нашихъ Боже, благословенъ еси.

Отъ дому родителю преподобный Ѳеодосій къ Іерусалиму тещи желая, на горы кіевскія пріиде, и сотвори я своею святынею, яко Сіона; трудами же своима распространивъ обитель, яко Іерусалима, пояше: отецъ нашихъ Боже благословенъ еси. *Слава*:

Отъ мірскихъ любосластныхъ страстей, аки отъ вавилонскаго пламени, неопални соблюдшеся отцы святіи, нынѣ въ Церкви торжествующихъ съ радостію вопіютъ: Единый въ Троицы Боже отецъ нашихъ, благословенъ еси. *И нынѣ*:

Отъ Христа Бога посылахуся на проповѣдь два два, аможе самъ идти хотяше; пречистая же Дѣва Богородица, хотящи сама новопросвѣщенныя люди

россійскія посѣтити и сотворити Себѣ посредѣ ихъ селеніе, посла въ Россію, аки апостольскую двоицу, сія два избранныя рабы своя, Антоніа и Ѳеодосіа, поющыя: воплощенный отъ Дѣвы Христе Боже, со Отцемъ и Духомъ, благословенъ еси.

Пѣснь 8. Ирмосъ:

Царя небеснаго:

Царя небеснаго въ ангельскомъ чину прославити хотя, пещеру житіемъ твоимъ равноангельнымъ содѣлалъ еси, аки небо, Антоніе святе, и, земныхъ ангеловъ ликъ собравъ, глаголалъ еси къ нимъ: Егоже поютъ на небеси вои ангельстіи, того мы на земли хвалимъ и превозносимъ выну.

Царю небесному ввоинитися хотя, желѣзомъ прековался еси, аки воинскимъ поясомъ препоясуяся, Ѳеодосіе терпѣливодушне, и подвизался еси, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ, дондеже, міра и плоть одолѣвъ, врага діавола побѣдилъ еси, торжественно хваля и превознося укрѣпшаго тя Господа. *Слава*:

Царю небесному съ вои ангельскими нынѣ на небеси предстояще, не забудите насъ притекающихъ къ вамъ, о отцы преблаженніи, да и мы сподобимся съ вами въ будущей жизни хвалити и превозносити Христа во вѣки. *И нынѣ*:

Царя небеснаго рождшая Богоневѣсто Владычице, сподоби ны части праведныхъ, да съ ними купно восхвалимъ рождшагося отъ Тебе Владыку и прославимъ во вѣки.

Пѣснь 9. Ирмосъ:

Воистинну Богородицу:

Воистинну мертвы показастеся мірови, прежде погребенія въ пещеры нѣдра земная, аки во гробъ, всел-

шеся, но Богови живы бѣсте, богомысленными вашими умы къ небеси паряще и со безплотными лики Того, и купно Рождшую Его, величающе.

Воистинну житіе ваше ангельско бысть; во плоти бо суще, нерадисте о плоти, но, аки плѣнника, ту умерщвленьми смиривше, покористе духови, и безплотныхъ подражасте, неусыпно Господа и госпожу Богородицу величающе. *Слава*:

Воистинну наслѣдницы царствія небеснаго сотвористеся, земная наслѣдія презрѣвше, и, отчуждившеся суетнаго міра, присвоистеся Богови и, разрѣшшеся союзовъ плоти, со Христомъ нынѣ жительствуете, со безплотными лики Тому и препорочнѣй Того Матери предстояще и о насъ молящеся. *И нынѣ*:

Воистинну Тобою человѣческій родъ получи спасеніе, о пренепорочная Дѣво Маріе; Ты бо соединила еси съ человѣкомъ Бога, въ пречистой твоей утробѣ воплотивши неизреченное Отчее Слово. Ты и насъ грѣшныхъ, удалившихся отъ Господа, паки къ Господу приближи, и примири, и присоедини Ему, да со безплотными лики, купно и съ тѣми, иже во плоти ангельски пожиша, и Тебе и родшагося отъ Тебе Христа Владыку, величаемъ во вѣки.

Достойно есть:

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ РУССКОЙ ВЪ ПЕРІОДЪ МОНГОЛЬСКІЙ.

(СТАТЬЯ ПРЕОСВЯЩЕННАГО МАКАРІЯ, ЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКАГО И АХТЫРСКАГО).

Не одни бѣдствія и скорби испытывала Церковь русская въ тяжкій періодъ монгольскій,—она видѣла тогда и много милостей Божіихъ, много радостныхъ событій. Къ числу такихъ событій принадлежали: явленіе великихъ святителей, каковы—св Петръ, св. Алексій, св. Кипріанъ, св. Фотій; явленіе великихъ подвижниковъ—преп. Сергія Радонежскаго, преп. Кирилла Бѣлоезерскаго, преп. Димитрія Прилуцкаго и подобныхъ; явленіе благочестивыхъ князей, ревнителей и защитниковъ Вѣры—св. Александра Невскаго, Іоанна Даниловича Калиты, Димитрія Донскаго и другихъ Къ числу такихъ же событій надобно отнести и тогдашніе успѣхи нашей Церкви въ дѣлѣ распространенія евангельской проповѣди. Успѣхи эти тѣмъ болѣе были радостны. что они касались *на Востокѣ* самихъ поработителей нашихъ—Монголовъ, *на Западѣ*—другихъ нашихъ сильныхъ и упорныхъ враговъ—Литовцевъ, наконецъ *на Сѣверѣ*—дикихъ жителей Перми, которые хотя издавна платили дань Нов-

городу, а потомъ Москвѣ, но смотрѣли непріязненно на русское владычество и не питали къ Русскимъ никакого сочувствія.

I.

Монголы, въ началѣ своего владычества надъ Россіею, были еще язычниками и отличались вѣротерпимостію; потому что основнымъ правиломъ ихъ жизни служила Яса или «книга запретовъ», содержавшая въ себѣ узаконенія великаго Чингисхана и строго предписывавшая эту вѣротерпимость и одинаковое уваженіе ко всѣмъ религіямъ. Преемники Чингиса, при своемъ вступленіи на престолъ, давали клятву въ точности слѣдовать Ясѣ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, лишиться престола. И очень естественно, если они вездѣ, гдѣ ни господствовали, покровительствовали всѣмъ религіямъ, дозволяли каждому изъ своихъ подданныхъ и покоренныхъ народовъ держаться своей вѣры и свободно отправлять свое богослуженіе, сами даже соблюдали обряды и присутствовали при священнодѣйствіяхъ христіанъ разныхъ исповѣданій, магометанъ, буддистовъ и другихъ язычниковъ (¹). Въ частности о Гаюкѣ, первомъ императорѣ Монголовъ, послѣ покоренія ими нашего отечества, извѣстно, что онъ имѣлъ при себѣ христіанскихъ священнослужителей и давалъ имъ содержаніе, и что предъ большимъ шатромъ его всегда стояла христіанская

(¹) Все это обстоятельно раскрыто у г. *Григорьева*: «о достовѣрности ханскихъ ярлыковъ», стр. 33—50. *Плано-Карпини*, бывшій у Монголовъ въ 1246 г., также свидѣтельствуетъ: «они не принуждаютъ никого къ отступленію отъ своей вѣры или закона» (Собр. путешествій къ Татарамъ, стр. 87, издан. *Языков*. С. П. Б. 1825).

часовня, въ которой они свободно звонили къ часамъ и совершали службы по обрядамъ греческой Церкви. Точно также и о Мангу-ханѣ (1251—1259) повѣствуютъ, что онъ «при дверяхъ главнаго дворца своего имѣлъ церковь, гдѣ священники христіанскіе отиравляли свое богослуженіе безъ всякой помѣхи» (²). Неудивительно, если, покоривъ себѣ и Русскихъ, ханы монгольскіе не только не стѣсняли ихъ вѣры, напротивъ охраняли ее и въ своихъ ярлыкахъ русскому духовенству, данныхъ въ защиту его правъ, выражались, что «кто будетъ хулить вѣру Русскихъ, или ругаться надъ нею, тотъ ни чѣмъ не извинится, а умретъ злою смертію» (³).

Одно только, по видимому, противорѣчило этой вѣротерпимости,—именно то, что ханы заставляли нѣкоторыхъ русскихъ князей, когда послѣдніе являлись къ нимъ, исполнять обряды монгольской вѣры—проходить чрезъ огонь и покланяться кусту и солнцу. Но, по своимъ понятіямъ о вѣротерпимости, ханы не могли считать этого стѣсненіемъ для чьей-либо вѣры. Какъ сами они, держась вѣры своего народа, въ тоже время оказывали уваженіе и прочимъ вѣрамъ, присутствовали иногда при богослуженіи христіанскомъ и даже цѣловали Евангеліе; такъ могли думать, что и русскіе князья, ни мало не отрекаясь отъ своей вѣры, могутъ выразить уваженіе къ вѣрѣ, содержимой ханомъ, чрезъ выполненіе ея обрядовъ,—хотя, по понятіямъ христіанскимъ, поклоненіе ложнымъ богамъ

(²) О Гаюкѣ—*Плано—Карпини* въ Собр. путеш. къ Татар. стр 41—43. О Мангу—Ханѣ—*Стеф. Орпеліанъ* въ Memoires sur l'Armenie Сенъ Мартена, vol. II, p. 135.

(³) *Григорьев.* о достов. ханск. ярлык. стр. 125.

есть уже измѣна Богу истинному, и христіанинъ долженъ скорѣе потерпѣть смерть за вѣру свою, нежели выполнить обряды богослуженія языческаго, какъ и поступили черниговскій князь Михаилъ и бояринъ его Өеодоръ, справедливо причисленные Церковію къ лику св. мучениковъ ([4]). Упоминаетъ еще исторія объ одномъ отступникѣ отъ христіанской Вѣры—Даманѣ, жителѣ путивльскомъ, который и отсѣкъ въ Ордѣ голову князю черниговскому Михаилу; но Даманъ могъ измѣнить православію и принять вѣру Монголовъ, не по принужденію, а добровольно по какимъ-либо расчетамъ ([5]). Что же касается до раззоренія и разграбленія церквей и монастырей, до поруганія всякой святыни, до жестокостей и звѣрства противъ христіанъ, какимъ предавались Монголы въ военное время и при наказаніи провинившихся князей и цѣлыхъ областей; то все это оправдывалось ихъ понятіями о войнѣ, было согласно съ законами Чингисхана и ни мало не противорѣчило ихъ вѣротерпимости въ мирное время.

Со временъ хана Узбека (1313 г.) господствующею религіею Монголовъ сдѣлалась магометанская, хотя она извѣстна была между ними и прежде, и даже одинъ изъ хановъ—Берге (съ 1257 г.) былъ магометаниномъ. Но ханы не переставали держаться въ

([4]) Напримѣръ, преемникъ Мангу—хана, Хубилай, по свидѣтельству Марка Паоло (кн. II, гл. 11), призывалъ христіанъ къ себѣ въ ихъ большіе праздники и съ благоговѣніемъ цѣловалъ Евангеліе, приказавъ прежде окадить его. О св. мученикѣ Михаилѣ Черниговскомъ и его бояринѣ Өеодорѣ — въ П. Собр. р. лѣт. I, 201; II, 181. 185 и др.

([5]) П. Собр. р. лѣт. II, 181. V, 185.

своихъ дѣйствіяхъ древнихъ узаконеній Чингиса и обычаевъ своихъ предковъ, а потому не измѣняли своей вѣротерпимости по отношенію къ подвластнымъ ихъ народамъ (⁶): Берге дозволилъ Русскимъ открыть свою христіанскую епархію въ самой его столицѣ и свободно отправлять свое богослуженіе. Узбекъ не возбранилъ родной сестрѣ своей Кончакѣ сдѣлаться христіанкою, чтобы выдти въ замужество за московскаго князя Георгія Даниловича, и вообще покровительствовалъ христіанамъ и христіанской Вѣрѣ. Преемникъ Узбековъ Джанибекъ, по случаю тяжкой болѣзни жены своей Тайдулы, даже обращался къ нашему святителю Алексію, прося его молитвъ объ исцѣленіи болящей. Ярлыки ханскіе, по прежнему, продолжали получать наши іерархи (⁷). Сохранилось извѣстіе, будто въ 1327 г. близкій родственникъ Узбека Щелканъ, пришедши посломъ въ Тверь со множествомъ Татаръ, началъ совершать здѣсь разныя насилія и намѣревался умертвить тверскаго князя Александра, чтобы сѣсть на его престолѣ, а другихъ татарскихъ князей посадить въ другихъ городахъ и обращать русскихъ къ магометанской (бесерменской) вѣрѣ, за что и подвергся нападенію со стороны Александра, и погибъ лютою смертію (⁸). Но точно ли

(⁶) Ник. лѣт. III, 108; *Карамз.* IV. примѣч. 215; *Абулгази* Hist. Mongolorum et Tartar., ed. Casani 1828, p. 97—98. Въ послѣдней книгѣ о ханѣ Узбекѣ сказано, что онъ «обратилъ къ исламу народъ свой и землю свою.... и правилъ по закону отцевъ и дѣдовъ своихъ».

(⁷) П. Собр. р. лѣт. I, 204; Ник. лѣт. III, 108. 112. 179. 208; Ст. кн. 1, 454. О содѣйствіи Узбека распространенію Христіанства— *Raynaldi* Annales Ecclesiast. ad ann. 1338, n. 74. 75.

(⁸) П. Собр. р. лѣт. III, 74; IV, 50. 51. 185; Ник. III, 1.7.

Щелканъ имѣлъ намѣреніе совращать Русскихъ? Не придумано ли оно у насъ съ цѣлію сильнѣе возбудить народъ противъ притѣснителя и его злыхъ замысловъ? Во всякомъ случаѣ намѣреніе это только и осталось намѣреніемъ. Равнымъ образомъ въ Словѣ о житіи Димитрія Іоанновича Донскаго замѣчено о Мамаѣ, будто онъ, собираясь на Россію войною, говорилъ: «возму землю русскую, и церкви христіанскія разорю, и вѣру ихъ на свою преложу и велю имъ покланяться своему Магомету» (9). Но и этому намѣренію, какъ извѣстно, если оно существовало, не суждено было исполниться. Единственный примѣръ обращенія Русскихъ къ исламизму, еще во дни хана Берге,—обращенія произвольнаго, а вовсе не по принужденію, — представляетъ собою монахъ—преступникъ Изосима, человѣкъ совершенно нетрезвой и позорной жизни, который, сдѣлавшись магометаниномъ и пользуясь покровительствомъ ханскаго посла Кутлубія, своего единовѣрца, позволялъ себѣ въ Ярославлѣ досаждать Христіанамъ и ругаться св. кресту и св. церквамъ, но вскорѣ былъ убитъ взволновавшимися жителями и отданъ на снѣденіе псамъ и вранамъ (1262 г.) (10).

При такой вѣротерпимости Монголовъ, въ особенности монгольскихъ хановъ, какъ во время ихъ язычества, такъ и по принятіи ими исламизма, неудивительно, если Русскіе, не смотря на всю тяжесть монгольскаго ига, осмѣливались возвѣщать св. Вѣру Христову своимъ поработителямъ и иногда имѣли у-

(9) П. Собр. р. лѣт. IV, 330.

(10) Также I. 204; V, 190; VI, 163.

спѣхъ, а нерѣдко и сами Монголы приходили въ Россію и просили себѣ крещенія.

Римскіе послы, бывшіе у Монголовъ въ 1246 и 1253 годахъ, видѣли при дворѣ монгольскихъ императоровъ Русскихъ духовныхъ и Русскихъ проповѣдниковъ въ Монголіи ([11]). Но о послѣдствіяхъ ихъ проповѣди ничего неизвѣстно. Съ открытія епархіи въ самомъ Сараѣ (1261 г.), св. Вѣра уже несомнѣнно пріобрѣтала себѣ послѣдователей между Татарами. Сарскій епископъ Ѳеогностъ въ своихъ вопросахъ, предложенныхъ на константинопольскомъ Соборѣ (1301 г.), ясно упоминаетъ о Татарахъ, изъявлявшихъ желаніе креститься, и выражаетъ мысль, что это случалось иногда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было найти воды для погруженія крещаемаго ([12]). Отсюда можемъ заключать, что въ составъ сарайской епархіи входили не одни Русскіе и Греки, проживавшіе въ ханской столицѣ, но и Монголы, принимавшіе св. Вѣру и жившіе въ другихъ мѣстахъ этой епархіи. Въ частности извѣстно нѣсколько случаевъ обращенія къ Христіанству лицъ даже изъ ханскихъ и княжескихъ фамилій, равно какъ ханскихъ вельможъ, мурзъ и другихъ Монголовъ.

Первый и самый трогательный примѣръ обращенія къ св. Вѣрѣ изъ лицъ ханскихъ фамилій представляетъ собою св. Петръ, царевичь ордынскій ([13]). Онъ

([11]) *Плано-Карпини*—Собран. путеш. къ Татарамъ, 41—43. 134—135; *Рубруквисъ*—Voyage p. 48. 76, изд. Бержерона.

([12]) Вотъ слова Ѳеогноста: «приходящимъ отъ Татаръ и хотящимъ креститися, и не будетъ велика сосуда, въ чемъ погружатися ему, или въ рѣкѣ, или въ озерѣ, токмо погрузить какъ бы»? *Карамз.* IV. примѣч. 181.

([13]) Списки житія его въ Сборн. новгор. соф. библ. № 503, л. 333 и Сборн. моей библ. № 8.

былъ родный племянникъ хана Берки или Берге (1257—1266), и постоянно находился при немъ. Однажды, когда къ хану прибылъ ([14]) ходатайствовать о своей епархіи ростовскій епископъ Кириллъ и, по желанію его, разсказывалъ о просвѣщеніи Ростова св. Леонтіемъ, о чудесахъ, совершающихся отъ мощей его, и вмѣстѣ предлагалъ разныя христіанскія поученія, этотъ отрокъ или юноша, слышавшій всѣ слова святителя, глубоко умилился душою и прослезился. И началъ онъ, уединяясь въ поле, размышлять о суетности боговъ монгольскихъ и искать Бога истиннаго ([15]). Когда вскорѣ за тѣмъ Кириллъ снова пріѣхалъ въ Орду, по приглашенію Берки для уврачеванія сына его, котораго, дѣйствительно, и изцѣлилъ своими молитвами; тогда племянникъ хановъ рѣшился тайно убѣжать отъ своей матери (отецъ его прежде умеръ) и отъ своихъ родныхъ, и вмѣстѣ съ Кирилломъ прибылъ въ Ростовъ. Здѣсь благолѣпіе соборнаго храма, стройность христіанскаго богослуженія еще болѣе воспламенили царевича, и онъ немедленно просилъ себѣ крещенія у епископа. Но владыка, опасаясь, чтобы бѣжавшаго юношу не стали отыскивать, совѣтовалъ ему подождать, и чрезъ нѣсколько времени крестилъ его, назвавъ именемъ Петра ([16]). По смерти

([14]) Годъ прибытія не показанъ въ означенныхъ спискахъ.

([15]) «Нѣкто отрокъ, сынъ брата царева унъ сый, предстоя предъ царемъ всегда, слыша поученія святаго владыки Кирилла, и умилися душею и прослезися, и изходя на поле единъ, и размышляя въ себѣ, како вѣруютъ цари наши солнцу и мѣсяцу и звѣздамъ и огневи, и кто се есть истинный Богъ» (Сборн. моей библ. № 8).

([16]) «Владыка же почте его, и повелѣ ждати; бѣ бо размышляя о исканіи отрока, и по малѣ времени царю Беркѣ умершу, а ордѣ мятущуся, а исканья отроку не бысть, и крести отрока свя-

Кирилла (1261 г.) царевичъ Петръ, съ благословенія новаго ростовскаго епископа Игнатія, создалъ церковь и монастырь, во имя св. Апостоловъ Петра и Павла, при озерѣ Неро, вступилъ въ бракъ съ дочерью одного ордынскаго вельможи, жившаго въ Ростовѣ, имѣлъ дѣтей и скончался въ глубокой старости гораздо послѣ епископа Игнатія (ум. 1288 г.), угодивъ Богу своею добродѣтельною жизнію. Тѣло св. царевича упокоилось въ созданной имъ обители (17).

Въ послѣдствіи времени приняли св. Вѣру: а) князь Беклемишъ, сынъ князя Бахмета, пришедшаго въ 1298 году изъ Большой Орды въ Мещеру, овладѣвшаго ею и сдѣлавшагося родоначальникомъ князей Мещерскихъ. Беклемишъ крестился въ Мещерѣ со множествомъ другихъ Татаръ, получилъ имя Михаила и построилъ церковь во имя преображенія Господня; б) царевичъ Берка, который пріѣхалъ въ 1301 г. изъ Большой Орды къ князю Іоанну Даниловичу Калитѣ и принялъ крещеніе въ Москвѣ отъ митрополита Петра съ именемъ Іоанникія, родоначальникъ Аничковыхъ; в) царевичъ Аредичъ, неизвѣстно въ какомъ году крестив-

---

тый владыка, и нарече имя ему Петръ, и во ученіи Господни пребываше въ церкви у владыки, и преставися святый владыка Кириллъ» (тамже). Тутъ допущена ошибка, будто Берге умеръ прежде епископа ростовскаго Кирилла, тогда какъ послѣдній скончался въ 1261 г., а первый въ 1266 г. (Ник. лѣт. III, 41. 45).

(17) «Князь же поя ему отъ великихъ вельможъ невѣсту, бѣша бо тогда въ Ростовѣ ордынскій вельможа; владыка же вѣнча Петра и устрои ему церковь во имя св. Апостолъ» (Сборн. моей библ. № 8). «И мирна лѣта многа живша, преставися Петръ въ глубоцѣй старости, ко Господу отыде, егоже возлюби, и положиша его у св. Апостолъ Петра и Павла у его спалища» (тамже). Въ этомъ спискѣ не сказано, чтобы Петръ постригся предъ кончиною въ монашество.

шійся,—родоначальникъ Белеутовыхъ; г) князь Четъ, пришедшій изъ Орды въ 1330 г. къ великому князю Іоанну Даниловичу Калитѣ и названный въ крещеніи Захаріемъ, родоначальникъ Сабуровыхъ и Годуновыхъ; д) царевичъ Серкизъ, выѣхавшій изъ Большой Орды къ великому князю Димитрію Донскому и крестившійся вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Андреемъ,—родоначальникъ Старковыхъ; е) внукъ царя Мамая, князь Олекса, который прибылъ къ вел. князю литовскому Витовту (1392—1430), принялъ крещеніе въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иваномъ, отъ самого митрополита названъ Александромъ и сдѣлался родоначальникомъ князей Глинскихъ. Кромѣ того извѣстны подъ христіанскими именами два сына хана Кульпы, убитые вмѣстѣ съ нимъ въ 1358 году ([18]).

Дочери ханскія и княжескія принимали христіанство по случаю вступленія въ брачные союзы съ нашими князьями. Такова была дочь хана Менгу-Темира, вышедшая за ярославскаго князя Ѳеодора, когда онъ былъ уже и смоленскимъ (съ 1279 г.). Не смотря на то, что, по требованію князя, и сама невѣста и родители ея изъявляли полное согласіе, чтобы она крестилась, признано было однакожъ необходимымъ испросить разрѣшеніе и благословеніе на бракъ у цареградскаго патріарха. И когда епископъ сарскій Ѳеогностъ,

---

([18]) О Беклемишѣ—см. Родословн. книг., напеч. въ Временникѣ Моск. Истор. Общ. X, 73; также Росс. родословн. Сборн. кн. *Долгорукова* кн. IV, пр. 17. О Беркѣ и Аредичѣ — Ник. лѣт. VII, 314. О Четѣ, Серкизѣ и Олексѣ — Родосл. книг. во Временникѣ X, 93. 84. 123. 137. 162. 195, 256. О сынахъ Кульпы, изъ которыхъ одинъ назывался Михаиломъ, а другой—Иваномъ,—Ник. лѣт. III, 212; *Карамз.* IV, примѣч. 391.

ходившій (въ 1279 г.) посломъ отъ Мангу-Темира и нашего митрополита къ императору и патріарху, возвратился съ благопріятнымъ отвѣтомъ; невѣста приняла св. крещеніе съ именемъ Анны, сдѣлалась супругою Өеодора, а чрезъ нѣсколько лѣтъ жизни вмѣстѣ съ мужемъ своимъ въ Ордѣ при домѣ родительскомъ, переселившись въ Ярославъ, построила здѣсь церковь во имя Архангела Михаила и другія церкви, украсила св. икону Богоматери, часто посѣщала и надѣляла обитель св. Спаса, любила читать божественныя книги и вообще заботилась болѣе всего о жизни благочестивой (19). Точно также крестилась сестра хана Узбека, по имени Кончака, вышедшая (ок. 1317 г.) въ замужество за вел. князя московскаго Юрія Даниловича и названная въ христіанствѣ Агаөіею (20). Нѣтъ сомнѣнія, что и супруги прочихъ нашихъ князей, женившихся въ Ордѣ на тамошнихъ княжнахъ, были христіанки (21).

Изъ числа другихъ Татаръ, знатныхъ и незнатныхъ, принявшихъ въ России св. вѣру, извѣстны: а) дѣдъ преп. Пафнутія Боровскаго, въ св. крещеніи Мартинъ, бывшій баскакомъ въ Боровскѣ еще во дни Батыя (22); б) Буга, въ св. крещеніи Іоаннъ, бывшій

(19) Свѣдѣнія заимствованы изъ житія св. Өеодора Ростиславича смоленскаго, напеч. въ Степ. кн. I, 392—397. Въ спискѣ этого житія, по Сборн. моей библ. № 14, л. 8, о посольствѣ еп. Өеогноста въ Царьградъ не говорится; но дѣйствительность посольства засвидѣтельствована лѣтописями (П. Собр. р. лѣт. VII, 174; Ник. лѣт. 68; *Карамз.* IV, прим. 181).

(20) Ник. лѣт. III, 112.

(21) П. Собр. р. лѣт. I, 228; Ник. лѣт. III, 37: *Карамз.* IV, примѣч. 209.

(22) Въ житіи преп. Пафнутія, написанномъ Вассіаномъ, архіепископомъ ростовскимъ, повѣствуется: «И повелѣваху православія

баскакомъ въ Устюгѣ. Узнавъ, что жители (1262 г.) хотятъ его умертвить, онъ объявилъ намѣреніе креститься и, дѣйствительно крестившись, своими добродѣтелями вскорѣ пріобрѣлъ себѣ всеобщую любовь и построилъ на Сокольей горѣ церковь св. Іоанна Предтечи ([23]). в) Татаринъ Кочевъ, пришедшій къ вел. князю Димитрію Іоанновичу Донскому, въ крещеніи Онисифоръ, родоначальникъ Поливановыхъ; г) мурза, пришедшій къ тому же князю изъ Большой Орды, въ крещеніи Спиридонъ, родоначальникъ Строгановыхъ; д) Олбуга, бывшій посломъ у того же князя и крестившійся, родоначальникъ Мячковыхъ; в) мурза Салахмиръ, въ крещеніи Іоаннъ, прибывшій къ рязанскому князю Олегу и женившійся на сестрѣ его Анастасіи; ж) татаринъ Кичибей, въ крещеніи Селиванъ, прибывшій къ рязанскому князю Θеодору Ольговичу, родоначальникъ Кичибеевыхъ; 3) трое знатныхъ мурзъ— Бахтый, Хидырь и Маматъ, которые крещены были (въ 1393 г.) торжественно самимъ митрополитомъ Кипріаномъ, въ присутствіи великаго князя и двора, въ рѣкѣ Москвѣ, и названы именами св. трехъ отроковъ— Ананіи, Азаріи и Мисаила ([24]).

держателе благочестивымъ агарянскаго безбожія начальниковъ, аще не приступятъ къ благочестивѣй вѣрѣ, сихъ повелѣваху смерти предавати, отъ нихъ же единъ бѣ дѣдъ блаженнаго Пафнотія: изволи благочестія сѣмена пріяти и, банею божественнаго крещенія породився отъ воды и Духа, Мартинъ нареченъ бысть, и тако живяше во всякомъ благочестіи. Отецъ же святаго родися отъ сего Мартина благочестнѣ и во святѣмъ крещеніи Іоаннъ бѣ имя тому». (Сборн. моей библ. № 100.

([23]) *Карамз.* IV, 88 и примѣч. 106.

([24]) О Спиридонѣ, родонач. Строгановыхъ—*Карамз.* IX, 375 и примѣч. 651. О Бахтыѣ, Хидырѣ и Маматѣ—П. Собр. р. лѣт. V, 244;

Могли, конечно, быть и другіе случаи обращенія Татаръ къ православной Вѣрѣ, незамѣченные лѣтописями. Но нельзя не сознаться, что вообще число этихъ случаевъ, судя по времени, въ продолженіе котораго Татары господствовали надъ Россіею, было весьма не велико. Да и обращались почти одни отдѣльныя лица, и притомъ лишь тѣ, которыя переселялись на жительство въ Россію.

II.

Гораздо болѣе успѣховъ имѣла св. Вѣра въ Литвѣ, особенно между князьями. Со временъ Миндовга до Ягайлы большая часть литовскихъ князей исповѣдывали православіе ([26]). Правда, нѣкоторые принимали его не по убѣжденію, а по какимъ-либо видамъ, и потому иногда перекрещивались въ латинство, или даже возвращались къ язычеству и дѣлались гонителями христіанъ. За то другіе князья были истинно преданы православной Церкви и заботились о распространеніи ея въ народѣ, и въ семействахъ княжескихъ вообще господствующею вѣрою являлась православная. Это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ брачныхъ союзовъ литовскихъ князей съ нашими князьями.

Въ 1246 г. Миндовгъ, великій князь литовскій, принялъ «Вѣру христіанскую отъ Востока, со многими своими бояры». Это, впрочемъ, принятіе, если и признать его достовѣрнымъ, не было искреннее; потому что чрезъ шесть лѣтъ въ 1252 г. Миндовгъ крестился

Ник. лѣт. IV, 198. О всѣхъ прочихъ — Родословн. книг. во Временникѣ X, 114. 189. 190. 199; *Восток*. Опис. Румянц. Муз. 492. 495.

([26]) См. статью: «Православіе и русская народность въ Литвѣ», Хр. Чт. 1851.

въ вѣру латинскую, чтобы получить отъ папы титулъ литовскаго короля, а чрезъ нѣсколько времени, поссорившись съ рыцарями, снова обратился къ язычеству ([26]). Но въ семействѣ Миндовга дочь и сынъ до конца остались православными. Дочь свою, неизвѣстную по имени, онъ выдалъ за галицкаго князя Шварна. А сынъ Миндогва Воишелкъ еще при жизни отца, отказавшись отъ княженія, удалился изъ Новогродка въ Галицію, принялъ тамъ постриженіе отъ славившагося благочестіемъ, полонинскаго игумена Григорія, и подъ руководствомъ его провелъ три года. Потомъ отправился было въ св. Гору, но, по смутнымъ обстоятельствамъ на пути, принужденный возвратиться на родину, основалъ близъ Новогродка на берегу Нѣмана свой монастырь, въ которомъ и подвизался, не смотря на всѣ укоризны со стороны отца. Въ 1263 г., когда Миндовгъ съ двумя сынами своими былъ умерщвленъ княземъ Довмонтомъ и его соумышленниками, Воишелкъ, страшась такой же участи, бѣжалъ въ Пинскъ и рѣшился занять на время отцовскій престолъ, чтобы наказать своихъ семейныхъ враговъ. Спасаясь отъ его преслѣдованій, до трехъ сотъ семействъ литовскихъ переселились въ Псковъ и приняли здѣсь св. Вѣру. Въ числѣ ихъ находился и Довмонтъ, названный въ крещеніи Тимоѳеемъ. Онъ сдѣлался княземъ Псковитянъ и своею приверженностію къ православію и высокимъ благочестіемъ столько угодилъ Богу, что причтенъ впослѣдствіи Церковію къ лику святыхъ. Воишелкъ, сми-

---

([26]) П. Собр. р. лѣт. II, 341. 342. снес. II, 188. Надобно, однакожъ, замѣтить, что о крещеніи Воишелка въ православіе говоритъ только одна изъ позднихъ лѣтописей—Густинская.

ряя мятежную Литву, вмѣстѣ съ тѣмъ заботился о просвѣщеніи ея Христіанствомъ и для этого вызывалъ изъ Новгорода и Пскова священниковъ, знакомыхъ съ литовскимъ языкомъ. Въ 1268 г. князь-инокъ передалъ свои владѣнія зятю своему Шварну, а самъ снова облекся въ монашескія одежды и отошелъ въ угровецкій Даниловъ монастырь. Но спустя немного Воншелкъ былъ умерщвленъ братомъ Шварна—Львомъ, а вскорѣ скончался и самъ Шварнъ, и власть надъ Литвою перешла къ одному изъ туземцевъ—Тройдену ([27]).

Тройденъ княжилъ въ Литвѣ двѣнадцать лѣтъ и оставался самымъ упорнымъ и беззаконнымъ язычникомъ. Но три брата его—Сурпутій, Лѣсій и Свелкеній исповѣдывали православную Вѣру христіанскую, всецѣло были преданы ей и жили въ любви, кротости и смиреніи. А сынъ Тройдена Римундъ, въ православіи Лавръ или Лаврентій, принялъ даже постриженіе вмѣстѣ съ именемъ Елисея, въ новгродскомъ лаврищескомъ монастырѣ, гдѣ построилъ новую церковь воскресенія Господня и подвизался до самой своей кончины ([28]).

Въ язычествѣ оставался во всю свою жизнь и знаменитый Гедиминъ, истинный основатель великаго княжества литовскаго (1320—1345 г.). Но вторая и третья жены Гедимина—Ольга и Евва были Россіянки, кото-

---

([27]) П. Собр. р. лѣт. II, 192. 201. 204. 341. 343 — 344; III, 58; IV, 40, 180 — 183; V, 192; *Narbut*. Dz. st. narodu Litewsk. IV, 230. Новгородская лѣтопись (П. Собр. р. лѣт. III, 58) передаетъ нѣкоторыя извѣстія о Воншелкѣ несогласно съ Волынскою. Но волынскій лѣтописецъ могъ знать объ этомъ князѣ гораздо лучше и достовѣрнѣе, какъ жившій почти на мѣстѣ событій.

([28]) П. Собр. р. лѣт. II, 204. 345, *Narbut*. Dz. st. narodu Litewsk. IV, 297.

рыя, безъ сомнѣнія, держались православной Вѣры ([29]). Онъ позволялъ дѣтямъ своимъ вступать въ родственные союзы съ русскими князьями. Изъ сыновей его—Коріатъ назывался въ православіи Михаиломъ (ум. ок. 1358 г.), Наримундъ—Глѣбомъ ([30]), Любартъ, въ крещеніи Димитрій, князь волынскій, былъ женатъ на дочери владиміро галицкаго князя Андрея—Агаѳіи, а потомъ (въ 1350 г.) на дочери ростовскаго князя Константина; Явнутъ, въ крещеніи Іоаннъ, князь заславскій, былъ женатъ на княжнѣ витебской или полоцкой ([31]). Дочери Гедимина—одна неизвѣстная по имени, была въ замужествѣ за тверскимъ княземъ Димитріемъ Михаиловичемъ (съ 1320 г.); другая, Августа, въ крещеніи Анастасія, за вел. княземъ московскимъ Симеономъ Іоанновичемъ (съ 1333 г.); третья, неизвѣстная по имени, за Юріемъ Андреевичемъ, княземъ галицкимъ ([32]).

Достойнѣйшій изъ всѣхъ сыновъ Гедимина—Олгердъ, сдѣлавшійся по смерти его великимъ княземъ литовскимъ (1345—1377), былъ непостояненъ въ дѣлахъ Вѣры. Сначала, еще при жизни отца, онъ принялъ—было крещеніе «ради жены» своей Маріи, княжны витебской, и построилъ въ Витебскѣ двѣ православныя церкви—благовѣщенія и свято-духовскую ([33]).

([29]) Собр. древн. грам. и актовъ, Вильно 1843, предисл. XI; *Jaroszew*. Obraz Litw. II, 4; *Narbut*. Dz. st. nar. Lit. V, 11.

([30]) *Narusz*. Hist. narod. Polsk. IX, стр. XIII, изд. 2; *Danilow*. Latop. Litw. 50. 51; П. Собр. р. лѣт. III, 77.

([31]) П. Собр. р. лѣт. II, 350; III, 83; IV, 57; VII, 215; *Карамз*. IV, примѣч. 267. 351.

([32]) П. Собр. р. лѣт. VII, 204; Ник. лѣт. III, 125, 161; *Карамз*. IV, примѣч. 292; Собр. древн. грам., Вильно 1843 г. стр. XI; *Narbut*, Dz. st. nar. Lit. T. III, Tabl. III.

([33]) П. Собр. Р. лѣт. II, 349; *Карамз*. IV, примѣч. 267; *Danilow*. Lat. Litw. i kr. Russ. 27; *Stebelsk*. Chron. 7.

Но, вступивъ на великокняжескій престолъ, обратился къ язычеству, можетъ быть, съ тою цѣлію, чтобы болѣе привлечь къ себѣ любовь народа, и даже преслѣдовалъ христіанъ. По крайней мѣрѣ, извѣстенъ одинъ такой случай. Въ числѣ придворныхъ Ольгерда находились два родные брата, его любимца, Кумецъ и Нежило, въ крещеніи Іоаннъ и Антоній. Обращенные съ нѣсколькими другими литовцами къ св. Вѣрѣ духовникомъ своей великой княгини, пресвитеромъ Несторомъ, они свято исполняли христіанскіе посты и не соглашались участвовать въ принесеніи жертвъ, по обряду литовскому, огню *Зничу*. Узнавъ объ этомъ отъ жрецовъ, Ольгердъ приказалъ обоихъ братьевъ заключить въ темницу, гдѣ они томились цѣлый годъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, Іоаннъ, подвергшись болѣзни, выразилъ согласіе отречься отъ Христіанства. Оба брата получили свободу. Но такъ какъ младшій оставался непреклоннымъ ко всѣмъ убѣжденіямъ жрецовъ, то его опять ввергли въ темницу. А вскорѣ и Іоаннъ, мучимый совѣстію, вновь объявилъ себя христіаниномъ предъ самимъ великимъ княземъ и брошенъ былъ туда же. Необычайное терпѣніе, съ какимъ переносили страдальцы разныя мученія, привлекало къ ихъ темницѣ толпы народа, и многіе, внимая ихъ проповѣди, тайно крестились. Тогда Ольгердъ предалъ узниковъ, по настоянію жрецовъ, въ ихъ волю, и оба брата, послѣ страшныхъ пытокъ, были повѣшены,—Антоній 14 Января, а Іоаннъ 24-го Апрѣля 1347 года. Въ числѣ обращенныхъ ихъ проповѣдію находился одинъ родственникъ ихъ, также придворный Ольгерда, Круглецъ, въ крещеніи Евстаѳій, который вскорѣ подвергся невырази-

мымъ мученіямъ отъ своего князя, наконецъ повѣшенъ 13-го Декабря. Эта троица были первые мученики въ Литвѣ за православную Вѣру ([34]). Спустя немного Ольгердъ перемѣнился въ отношеніи къ христіанамъ и даже покровительствовалъ имъ: подарилъ имъ землю, на которой пострадали св. Іоаннъ, Антоній и Евстаѳій, самъ построилъ церковь пресв. Богородицы (пречистенскую) въ Вильнѣ, гдѣ уже существовали церкви Св. Троицы и св. Николая (у послѣдней и погребены были св. мученики ([35]). Вовсе не препятствовалъ какъ первой женѣ своей Маріи, такъ и второй Іуліаніи, княжнѣ тверской, крестить своихъ дѣтей и воспитывать ихъ въ св. Вѣрѣ, такъ что всѣ двѣнадцать сыновъ Ольгерда принадлежали вначалѣ къ православной Церкви ([36]). Пять изъ нихъ были отъ первой жены: Вингольтъ—Андрей, князь полоцкій; Димитрій, князь трубецкой; Коригайло—Константинъ,

---

([34]) П. Собр. р. лѣт. V, 226; VII, 214; *Kojalow.* Miscellan. 8. 9; житіе св. мучениковъ въ Четьи-Минеи подъ 14 ч. Апрѣля; *Елагин.* Первые христ. мученики въ Литвѣ (Ж. М. Нар. Просв. 1843 г. № 6).

([35]) *Елагин.* въ означен. статьѣ; *Danilow.* Lat. Litw. i kron. Russ. 170; *Карамз.* V, примѣч. 50.

([36]) О первой супругѣ Ольгердовой говоритъ Стрыйковскій, что ея стараніемъ всѣ ея сыны крещены были въ русскую Вѣру (Kronik. Polsk. XIII, 428). О второй супругѣ того же князя читаемъ у Меховиты, что она, будучи русскою княжною, сыновей своихъ ad mores formabat graecos, ritum graecum illis instillans (Chronol. Pol. p. 263). И литовскіе послы свидѣтельствовали предъ Ядвигою: quod ad religionem Christianam attinet, Jagellonem cum caeteris fratribus, Christiana matre natum, iam inde ab ineunte aetate Christiana religione imbutum (De orig. Polon. p. 239—240). Касательно же женитьбы Ольгерда на Юліаніи, княжнѣ тверской—П. Собр. р. лѣт. II, 350; IV, 215.

князь черторижскій; Корибутъ—Димитрій, князь новгород-сѣверскій; Владиміръ—князь бѣльскій. Семь — отъ второй жены: Ягайло—Іаковъ, вел. князь литовскій и потомъ король польскій; Скиригайло—Іоаннъ, князь троцкій; Лугвенъ—Симеонъ, князь волынскій; Зодзѣвитъ (Жигимантъ) Іоаннъ или Θеодоръ, князь подольскій; Коригайло—Константинъ, князь мстиславскій; Минигайло—Василій, князь пинскій; Свидригайло—Левъ, князь витебскій ([37]).

Дѣти Ольгерда, воспитанные въ православіи, охотно вступали въ брачные союзы съ русскими князьями. Такъ, Корибутъ былъ женатъ на дочери рязанскаго князя Александра; Лугвенъ—на дочери Димитрія Іоанновича Донскаго, Маріи; Свидригайло—на дочери князя тверскаго Ольгѣ Борисовнѣ. Изъ дочерей Ольгерда Агриппина находилась въ замужествѣ за Борисомъ Константиновичемъ, княземъ суздальскимъ; Елена—за Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ; Марія—за какимъ-то княземъ русскимъ Давидомъ; Θеодора—за Святославомъ Титовичемъ звенигородскимъ ([38]). Надобно замѣтить, что въ тоже время

([37]) П Собр. р. лѣт. IV, 75. 77. 92. 96. 104. 187; V, 224, *Stryjk.* Kron. Polsk. 1843 г. II, 57. 58. 74. 76. *Naruszew.* Hist. nar. Pol. IX. стр. XVII. XIX; X. 217. изд. 2, *Stebel.* Chronolog. 8. 12. 15. *Narbut.* Dz. st. narod. Lit. V, 145. 239. Имена сыновъ Ольгердовыхъ равно и то, кто изъ нихъ отъ какой матери, показываются различно (II. Собр. р. лѣт. IV, 72; V, 236; Ник. лѣт. IV, 49; *Карамз.* V, примѣч. 50). Мы болѣе держались родословныхъ книгъ (Временникъ X, 82. 83. 138. 139).

([38]) Ник. лѣт. IV, 27. 50; *Карамз.* V, примѣч. 137; IX, примѣч 414; Собр. древн. грам. и акт., Вильно 1843, стр. XI; *Danilow.* Lat. Litw. i Kron. Russ. 175. 182. 183. 210. 219; *Narusz.* Hist. nar. Pol. IX, стр. XVI; *Dlug.* Hist. Pol. 600; *Stebel.* Chronolog. 28. 30. *Narbut.* Dz. st. narod. Litew. III. Tabl. III.

многіе племянники и внуки Ольгерда исповѣдывали православную Вѣру и вступали въ родственныя связи съ русскими князьями ([39]). Подъ конецъ жизни и самъ Ольгердъ снова сдѣлался православнымъ христіаниномъ. Княгиня Іуліанія, видя его—приближающагося къ смерти, горько скорбѣла о спасеніи души его, созвала своихъ сыновъ и духовника Давида, архимандрита печерскаго, и убѣждала своего мужа обратиться къ св. Вѣрѣ. И Ольгердъ, дѣйствительно, принялъ крещеніе и даже облекся въ схиму, а чрезъ нѣсколько дней скончался. Тѣло его погребли въ Вильнѣ въ созданной имъ церкви пресв. Богородицы. Въ крещеніи онъ названъ былъ Александромъ, въ схимѣ Алексіемъ ([40]).

Въ 1386 г. сынъ и преемникъ Ольгердовъ, Ягайло, въ православіи Іаковъ, желая получить руку польской королевны Ядвиги и сѣсть на польскій престолъ, согласился принять вѣру римскую и распространить ее между Литовцами. Его перекрестили въ краковскомъ костелѣ Станислава, и назвали Владиславомъ. Вмѣстѣ съ нимъ перекрестились четыре брата его—Скиригайло, названный Казиміромъ, Коригайло—также Казиміромъ, Минигайло—Александромъ и Свидригайло—Болеславомъ ([41]). Впрочемъ, почти всѣ эти князья перемѣнили Вѣру только изъ видовъ политическихъ, а въ душѣ не переставали быть тѣмъ, чѣмъ

([39]) Дѣти Наримунда, Любарта и Коріата Гедиминовичей, также дѣти Андрея, Михаила, Лигвенія Ольгердовичей (*Danilow*, Lat. Litw. i kron. Russ. 50. 51. 163. 210. 219. 221. 253; Родословн. книги во Времен. X, 82. 83. 138. 139).

([40]) *Карамз.* V, 55 и примѣч. 50, изд. 6.

([41]) *Narbut*. Dz. st. nar. Polsk. V, 383.—385.

были прежде. По крайней мѣрѣ о Скиригайлѣ извѣстно, что когда онъ сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ, то «больше былъ расположенъ къ распространенію вѣры русской, нежели римской, потому что съ малолѣтства былъ воспитанъ между Русью» ([42]). Равнымъ образомъ и Свидригайло «оказывалъ болѣе ревности къ русскому исповѣданію, нежели римскому», а наконецъ снова принялъ православіе и свое прежнее имя Льва ([43]). Другіе же братья Ягайлы не захотѣли послѣдовать его примѣру и остались съ своими семействами въ православіи ([44]). Весьма также замѣчательно слѣдующее обстоятельство: когда въ 1387 году Ягайло началъ обращать Литовцевъ къ римской вѣрѣ, то оказалось, что цѣлая половина жителей Вильны исповѣдывала православіе ([45]). Знакъ, что кромѣ княжескихъ семействъ, оно проникло уже тогда и въ массы литовскаго народа.

Двоюродный братъ Ягайлы, Витовтъ, занимавшій престолъ литовскій съ 1392 г. по 1430, былъ сначала православнымъ христіаниномъ. Онъ принялъ св. крещеніе съ именемъ Александра еще въ 1384 г., въ троцкомъ монастырѣ рождества пресв. Богородицы, и тогда же подарилъ этому монастырю разныя земли. Но чрезъ два года, вмѣстѣ съ родными братьями Ягайлы, перешелъ въ римскую вѣру и неизмѣнялъ ей

([42]) *Stryjk.* Kron. Pol. 1843 г. II, 83.

([43]) *Stryjk.* тамъ же 58, 177; *Narbut.* Dz. st. nar. Pol. V, 239; VII, 179.

([44]) «Прочихъ князей Литвы, братьевъ Ягайлы, такъ какъ они давно приняли крещеніе по греческому обряду, не могли довесть до повторенія крещенія». (*Dlugosz.* Hist. Pol. X. 104).

([45]) П. Собр. р. лѣт. IV, 93; V, 242: *Danilow.* Lat. Lit. i kron. Russ. 204; *Narbut.* Dz. st. nar. Lit. V, 403. 408; *Jarosz.* Obr. Lit. II, 7.

до конца жизни ([46]). Впрочемъ и въ правленіе Витовта православіе было еще довольно сильно въ литовскомъ княжествѣ. Въ 1393 году легатъ папы, мессинскій епископъ Іоаннъ осматривалъ «много русскихъ церквей въ Вильнѣ». Въ 1397 г. великій магистръ Конрадъ Юнвнгенъ предъ всѣми европейскими дворами свидѣтельствовалъ, что въ Литвѣ незамѣтно успѣховъ латинства, потому что «Литовцы больше обращаются въ русскую Вѣру» ([47]). Въ 1405 г. туровскій епископъ Антоній «обращалъ въ Литвѣ и крестилъ народъ въ православную Вѣру»,—и здѣсь-то, вѣроятно, заключается тайная причина, почему Витовтъ такъ настоятельно требовалъ отъ митрополита Кипріана лишить Антонія епархіи и даже сана ([48]). Не упоминаемъ о томъ, что самъ Витовтъ двукратно былъ женатъ на русскихъ православныхъ княжнахъ, сперва на Аннѣ Святославовнѣ, дочери смоленскаго князя, потомъ на Маріи Андреевнѣ, дочери князя стародубскаго, а дочь Витовта Анастасія Софія была за вел. княземъ московскимъ Василіемъ Димитріевичемъ ([49]).

Вообще православіе до того укоренилось въ Лит-

([46]) Собр. древн. грам. и акт., Вильно 1843, II. 116. Современный писатель Вигандъ говоритъ о Витовтѣ: Post haec (послѣ бѣгства Витовта отъ рыцарей въ іюлѣ 1384 г.) fecit se rhutenice baptizare et nominatus est Alexander (*Voigt*. Gesch. Preus. V, 424). Въ Новгор. лѣтописи также говорится: «былъ князь Витовтъ прежде крестіанинъ, а имя ему Александръ, и отвржеся правовѣрныя вѣры и христіанства, и пріа Лядскую вѣру». (П. Собр. р. лѣт. III. 101).

([47]) *Narbut*. Dz. st. nar. Lit. V, 507. 591.

([48]) *Narbut*. тамъ же IV, 87; Ник. лѣт. IV, 315.

([49]) *Stebel*. Chronolog. 17. 18; *Danilow*. Lat. Lit. i kron. Russ. 45; *Stryjk*. kron. Pol. II, 155, изд. 1845; *Narbut*. Dz. st. nar. Lit. V, 462.

вѣ въ теченіе настоящаго періода, что хотя со временъ Ягайлы, принявшаго римскую вѣру, оно не было покровительствуемо здѣсь правительствомъ, на-равнѣ съ латинствомъ, напротивъ часто терпѣло тяжкія притѣсненія, однакожъ оставалось твердымъ и непоколебимымъ еще цѣлыя столѣтія.

III.

Самое важное пріобрѣтеніе для Церкви русской совершилось тогда въ древней Біарміи или Перми, между Зырянами. Апостоломъ и просвѣтителемъ ихъ судилъ Господь быть св. Стефану (80). Стефанъ родился въ городѣ Устюгѣ двинской области отъ причетника соборной церкви Симеона и жены его Маріи. Отданный родителями для наученія книжнаго, онъ «вскорѣ извыче всю грамоту», такъ что не прошло еще года, а отрокъ былъ уже канонархомъ и чтецомъ соборной церкви. Въ немъ обнаружились необыкновенныя способности—обширная память, остроуміе и быстрота смысла, которыми онъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Удаляясь отъ дѣтскихъ игръ, онъ постоянно предавался трудамъ книжнымъ, научился въ своемъ родномъ городѣ «всей грамотичнѣй хитрости» и успѣлъ прочитать многія книги ветхаго и но-

---

(80) Главнымъ и достовѣрнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній о св. Стефанѣ служитъ житіе его, написанное Епифаніемъ, который нѣсколько времени жилъ вмѣстѣ съ нимъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ. Мы пользовались спискомъ этого житія по Сборнику нашей библіотеки № 68, л. 190—263. Извѣстія лѣтописей о св. Стефанѣ кратки—П. Собр. р. лѣт. V, 249; Ник. лѣт. IV, 267; Степ. кн. I, 524. На русскомъ языкѣ извѣстно особое «Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, епископа пермскаго». А. М. С. П. Б. 1856 г.

ваго завѣта. При такихъ занятіяхъ молодой человѣкъ вскорѣ сознаяъ всю суетность мірской жизни, и, стремясь къ высшему совершенству, рѣшился сдѣлаться инокомъ. Онъ избралъ для этого ростовскій монастырь св. Григорія Богослова, потому именно, что тамъ находилось много книгъ, и принялъ постриженіе отъ игумена Максима, при ростовскомъ епископѣ Пареенiѣ (ок. 1365 г.) (51). Въ монастырѣ Стефанъ еще ревностнѣе и прилежнѣе началъ читать книги, стараясь всегда вполнѣ уразумѣть смыслъ прочитаннаго, любилъ бесѣдовать съ старцами разумными, опытными, духовными, и переписывалъ своими руками многія священныя книги, которыя и послѣ него долго употреблялись въ обители (52). Постепенно возвышаясь въ пріобрѣтеніи познаній, онъ въ тоже время преуспѣвалъ и въ благочестивой жизни, такъ что своими подвигами, постомъ, молитвою, чистотою, смиреніемъ, терпѣніемъ, незлобіемъ, послушаніемъ и любовію возбуждалъ удивленіе собратій,—и епископъ ростовскій Ар-

---

(51) «И еще младъ буда въ уности, отрокъ сый верстою, пострижеся в черньци, въ градѣ Ростовѣ у святаго Григорія Богослова въ монастырѣ, нарицаемѣмъ Затворѣ, близъ епископьи, яко книги многи бяху ту, довольны суща ему на потребу, почитанія ради, при епископѣ ростовьстѣмъ Пареоньи» (Жит. л. 161). По списку епископовъ ростовскихъ Пареоній считается преемникомъ Петра, который былъ рукоположенъ въ 1364 г., а въ слѣдующемъ скончался отъ моровой язвы (П. Собр. р. лѣт. 1, 131; Ник. лѣт. IV, 8), и предшественникомъ Арсенія, неизвѣстно когда рукоположеннаго (П. Собр. р. лѣт. IV, 102). Исторія россійской іерархіи время рукоположенія его почему-то относитъ къ 1365 году (—1, 245, изд. 2).

(52) «Добрѣ извыкъ святыя книги и вельми прилежаніемъ въ нихъ поучаяся» (—л. 191 об.). «И святыа книги писаше хитрѣ и гораздѣ, и борзо, и послушьствуютъ книги его многіа, яже и до сего дни, яже своима рукама написалъ трудолюбно» (—л. 192 об.—193).

сеній удостоилъ его за добродѣтель сана іеродіакона. Но не о собственномъ только усовершенствованіи, умственномъ и нравственномъ, помышлялъ благочестивый инокъ въ стѣнахъ св. обители. Въ немъ издавна укоренилась мысль послужить и спасенію ближнихъ,—идти въ землю пермскую, находившуюся неподалеку отъ его родины—Устюга, и просвѣтить свѣтомъ Евангелія дикихъ Зырянъ, пребывавшихъ во тьмѣ идолопоклонства ([83]) Къ осуществленію этой-то высокой мысли онъ приготовлялся впродолженіе тринадцати лѣтъ своей монастырской жизни. Онъ самъ научился пермскому языку, безъ сомнѣнія, при пособіи кого-либо изъ Зырянъ, которые, по дѣламъ торговли или другимъ житейскимъ, могли приходить не только въ Устюгъ, но и въ Ростовъ и даже проживать тамъ ([84]). Изучилъ вмѣстѣ языкъ греческій и въ такомъ совершенствѣ, что былъ въ состояніи не только читать и понимать греческія книги, а и говорить на трехъ языкахъ—пермскомъ, греческомъ и русскомъ ([85]). Потомъ

([83]) «И добрѣ обдержаше и помыслъ, еже идти въ пермьскую землю и учити а.... еже издавна то у него здумано бяше» (—л. 193 об.). Зыряне принадлежали къ чудскому или финскому племени. Они жили тогда между рѣками Печорою и Двиною въ великой Перми, главнымъ городомъ или поселеніемъ которой былъ Усть-вымь. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ Зырянъ обрусѣли. Нынѣ сохранившіеся Зыряне обитаютъ въ смежныхъ уѣздахъ вологодской, пермской и архангельской губерній.

([84]) «И изучеся самъ языку пермьскому» —(л. 193). Зыряне занимались преимущественно пушными товарами, которые доставлялись даже въ Москву. Главный волхвъ зырянскій Панъ или Пама между прочимъ говорилъ св. Стефану: «бѣлки и соболи и куницы или рыси и прочаа ловля наша, отъ нихже и до васъ достигнуть нынѣ, не нашею ли ловлею и ваши князи и боляре и вельможи обогащаеми суть» (—225)?

([85]) «Желая же большаго разума, яко образомъ любомудріа,

составилъ вновь пермскую азбуку, пользуясь отчасти буквами греческаго и славянскаго алфавита и приспособляя ихъ къ тѣмъ чертамъ и рѣзамъ, которые издавна употреблялись у Зырянъ въ домашнемъ быту для разныхъ замѣтокъ (66). По изобрѣтеніи азбуки, перевелъ на пермскій языкъ нѣкоторыя русскія книги, разумѣется, самыя нужныя для цѣли, и самъ переписалъ ихъ (67). Въ тоже время онъ позаботился собрать необходимыя свѣдѣнія о пермской землѣ, о ея жите-

---

изучеся и греческой грамотѣ, и книги греческіа извыче, и добрѣ почиташе а, и присно имѣяше я у себе, и бяше умѣя глаголати треми языки, и такоже и грамоты три умѣяше, яже есть руски, гречески и пермски» (—л. 193).

(66) «И грамоту нову перьмскую сложи, и азбукы незнаемы сочини по предложенію перьмскаго языка, якоже есть требѣ» (—л. 193). «Се есть воистину философъ, новый то бысть Костянтинъ, нарицаемый Кирилъ философъ, иже сотворилъ грамоту словеньскую въ 30 и 8 словъ; такоже и се съсложилъ числомъ четырѣ межю десятия словъ, ова убо слова по чину греческихъ писменъ, ова же по рѣчи перьмскаго языка» (—л. 243 об.). У Зырянъ и доселѣ сохраняется древній обычай вести счетъ своимъ приходамъ и расходамъ на тонкихъ четвероугольныхъ пласточкахъ, посредствомъ вырѣзокъ прямолинейныхъ и угловатыхъ, имъ только свѣдомыхъ. Съ помощію этихъ іероглифовъ они составляютъ себѣ и календари съ обозначеніемъ всѣхъ мѣсяцевъ и числъ года. Такая пласточка, начерченная разнообразными вырѣзками, называется по зырянски *пасъ*. Св. Стефанъ и могъ воспользоваться этими чертами и рѣзами при составленіи зырянской азбуки (Вологод. губерн. Вѣдом. 1850 г. № 16). Начертаніе и имена зырянскихъ буквъ см. у *Карамз.* V, примѣч. 125, одни имена—въ Опис. Румянц. Муз. стр. 513—514. Зырянская азбука, изобрѣтенная св. Стефаномъ, давно уже вышла изъ употребленія.

(67) «И книги рускіа на перьмскій языкъ преведе и преложи, и преписа» (—л. 193). Касательно же времени этого перевода книгъ жизнеописатель замѣчаетъ: «яко мню отъ созданія міру въ лѣто 6883», т. е., 1375 (—л. 247 об.). Подробнѣе о переведенныхъ св. Стефаномъ книгахъ см. въ Словарѣ духовн. писат. М. *Евгенія*, II 230—250. Свес. опис. Румянц. Муз. стр. 56.

ляхъ и сосѣднихъ народахъ, о рѣкахъ и путяхъ сообщенія въ ней. И наконецъ, чувствуя себя довольно приготовленнымъ для великаго дѣла, отправился въ Москву испросить себѣ архипастырскаго благословенія. Въ Москвѣ тогда не было митрополита: св. Алексій скончался (1378 г.), а новый еще не приходилъ изъ Царьграда. Герасимъ, епископъ коломенскій, сначала, по повелѣнію намѣстника митрополичаго, архимандрита Михаила (Митяя), правившаго митрополіею, рукоположилъ Стефана въ санъ пресвитера, а потомъ, вѣроятно, по отшествіи Митяя въ Царьградъ (въ Іюлѣ 1379 г.), самъ, завѣдывая дѣлами митрополіи, благословилъ Стефана на его святое дѣло, напутствовалъ архипастырскими благословеніями, снабдилъ св. мvромъ, антиминсами, частицами св. мощей и другими церковными вещами.

Призвавъ на помощь Бога и одушевленный пламенною ревностію о просвѣщеніи жителей Перми, св. Стефанъ съ дерзновеніемъ вступилъ въ ихъ землю и началъ возвѣщать имъ слово спасенія. Одни, внимая его проповѣди, вѣровали и крестились; другіе не хотѣли креститься и возбраняли это прочимъ. Первые часто приходили къ благовѣстнику, бесѣдовали съ нимъ и весьма его любили. Отъ послѣднихъ онъ терпѣлъ много поношеній, озлобленій, напастей. Разъ они окружили его, вооруженные, чтобы его умертвить; въ другой—обложили соломою, чтобы сжечь. Но кротость его и евангельскія убѣжденія обезоруживали ослѣпленныхъ. Когда число вѣровавшихъ возрасло значительно, св. Стефанъ построилъ для нихъ первую церковь во имя благовѣщенія пресв. Богородицы, имѣя въ виду ту мысль, что какъ благовѣще-

ніе было началомъ спасенія для всего міра, такъ и церковь эта послужила начаткомъ спасенія земли пермской [58]. Церковь поставлена была на мѣстѣ, называвшемся Усть-вымь (при сліяніи рѣки Вымь съ Вычегдою), которое, какъ главное поселеніе зырянскаго народа, св. Стефанъ избралъ главнымъ поприщемъ своей апостольской дѣятельности. Движимый ревностію онъ вскорѣ за тѣмъ самъ сжегъ тайно знаменитѣйшую кумирницу Зырянъ съ находившимися въ ней идолами, и, когда невѣрные, подстрекаемые жрецами, устремились на него съ яростію, онъ силою своего слова обратилъ многихъ изъ нихъ ко Христу. Новосозданная церковь привлекала къ себѣ не только увѣровавшихъ, но и невѣрныхъ Зырянъ, которые часто приходили къ ней, чтобы только посмотрѣть на ея благолѣпіе и полюбоваться ея красотою и отходили съ мыслію о величіи Бога христіанскаго. Упорнѣйшіе изъ невѣрныхъ, особенно волхвы, кудесники и старцы неоднократно собирались къ Стефану и вступали съ нимъ въ торжественныя пренія о вѣрѣ, въ присутствіи многочисленнаго народа; но каждый разъ были побѣждаемы и посрамляемы. Вслѣдствіе этого обратилось къ Христіанству еще великое множество мужей, женъ и дѣтей. Тогда Стефанъ началъ учить ихъ пермской граматѣ, имъ изобрѣтенной, и книгамъ — Часослову, Осмогласнику, Псалтыри и другимъ, переведеннымъ прежде. И обучившихся, судя по ихъ успѣхамъ, однихъ предназначалъ во священники, другихъ

[58] «Да якоже Благовѣщеніе начальный есть праздникъ праздникомъ и спасенію нашему начатокъ, и вѣчнѣй тайнѣ явленье, такоже и церкви перьмскія начатокъ спасенью перьмская земля и вѣрѣ Христовѣ явленье» (—л. 206 об.).

въ діаконы, третьихъ въ чтецы. Училъ ихъ также церковному пѣнію и письму, заставляя ихъ переписывать книги, а самъ переводилъ другія съ русскаго языка на пермскій ([59]). Радуясь успѣху предпріятія и видя, какъ ежедневно умножалось стадо Христово, св. благовѣстникъ построилъ еще церковь въ Усть—Вымѣ, а равно и другія церкви въ разныхъ мѣстахъ по рѣкамъ и по погостамъ, гдѣ жили Зыряне ([60]). Сооруженіе церквей сопровождалось повсюду сокрушеніемъ идоловъ. Св. Стефанъ самъ съ учениками своими, днемъ и ночью, при народѣ и безъ народа обходилъ лѣса, погосты, распутія, входилъ въ домы жителей и, гдѣ только ни отыскивалъ кумиры и кумирницы, все это разрушалъ и предавалъ огню ([61]). Рав-

---

([59]) «Тогда восхотѣша креститися еже некрещеніи Пермяне, и събрашася къ нему людие мнози, народъ мужи и жены и дѣти.... И научи ихъ грамотѣ ихъ перьмьстѣй, юже бѣ доголѣ новосложилъ, но и всѣмъ имь новокрещенымъ мужемъ и уношамъ и отрокомъ младымъ и малымъ дѣтищемъ заповѣда учити грамоту, часословець явѣ, и осмогласныкъ и пѣсни царя Давида, но и вся прочая книги, учащихся грамотѣ: елицим отъ нихъ навыкоша святымъ книгамъ и въ тѣхъ разбираше, овыхъ въ попы поставля, овыхъ же въ діаконы, другіа же въ подъяконы, четци же и пѣвци пѣтье имъ перепѣваа и перелагая и писати научая ихъ перьмьскіа кніги, и самъ спомогая имъ, преводяше срускихъ кнігъ на перьмскіа книги и сія предасть имъ и тако оттолѣ другъ друга учаху грамотѣ, и отъ книгъ книгу самѣ преписующе, умножаху исполняюще» (—л. 214—215).

([60]) «Постави церковь святую, добру и чудну по образу предиреченому указаному и въ ней иконы и книги устрои, но и другую церковь на иномь мѣстѣ и сице изволися ему не едину церковь поставити, понеже бо людие перьмьстіи и новокрещаеміи не въ единомъ мѣстѣ живяху, но здѣ и ондѣ, ово близу, ови же далѣ: тѣмже подобаше ему розныя церкви на розныхъ мѣстехъ ставляти по рѣкамъ и по погостомъ, идѣже коейждо прилично» (—л. 215).

([61]) «Бяху же въ Перми кумира разноличьнии, ови большци и

нымъ образомъ всѣ приношенія язычниковъ, которыя были повѣшены вокругъ идоловъ, или надъ ними и служили къ украшенію ихъ, какъ то: шкуры соболей, куницъ, горностаевъ, бобровъ, лисицъ, бѣлокъ и другихъ звѣрей, собиралъ въ кучи и сожигалъ, къ немалому изумленію Зырянъ, которые не могли понять, почему онъ не хотѣлъ воспользоваться самъ всѣми этими драгоцѣнностями.

Оставался у Стефана еще одинъ врагъ, самый сильный и опасный. Это былъ глубокій старецъ, знаменитѣйшій кудесникъ и начальникъ волхвовъ, котораго Зыряне издавна чтили болѣе всѣхъ своихъ чародѣевъ и называли своимъ наставникомъ и учителемъ. Имя ему *Пань-сотникъ*. Своимъ сильнымъ вліяніемъ онъ невѣрныхъ Зырянъ удерживалъ въ невѣріи, а новокрещенныхъ совращалъ и привлекалъ къ себѣ то своимъ льстивымъ ученіемъ, то мнимыми чародѣяніями, то обѣщаніями и дарами. «Не оставляйте, говорилъ онъ между прочимъ, отеческихъ боговъ, не слушайте Стефана, пришедшаго изъ Москвы. Можетъ ли быть для насъ изъ Москвы что-либо доброе? Не оттуда ли пришли на насъ тяжкія дани, и насильства, и тіуны, и приставники? Но меня слушайте, вашего единоземца, единоплеменника и давняго учителя, желающаго всѣмъ

меньшии, друзии же средніи, а инии нарочитии словоуствіи и иніи мнози, и кто можетъ ищести ихъ, овѣмъ убо рѣдции моляхуся и худу честь въздааху, а другимъ же мнози не токмо ближніи, но и дальніи погостове; суть же у нихъ етери кумири, къ нимже издалеча прихожаху, и отъ далныхъ мѣстъ поминки приношаху, и за три дни и за четыри и за недѣлю сущіи со всяцѣмь тщаньемь приносы и поминки присылаху» (—л. 216 об.). Срав. о идолослуженіи зырянскомъ—П. Собр. р. лѣт. V. 250; Ник. лѣт. IV, 267; *Карамз.* V, примѣч. 125.

добра,—меня, старца, а не того Русина-москвитянина, который по лѣтамъ годился бы мнѣ въ сыны и даже внуки». Много разъ св. Стефанъ вступалъ въ открытыя пренія съ злымъ кудесникомъ, и эти пренія длились иногда цѣлые дни и ночи; но кудесникъ оставался непреклоненъ. Наконецъ оба они согласились испытать достоинства вѣръ, христіанской и зырянской, посредствомъ огня и воды, и именно положили, что оба они, вмѣстѣ, рука въ руку, пройдутъ сквозь пылающій костеръ и потомъ спустятся въ одну прорубь рѣки Вычегды, чтобы чрезъ нѣсколько времени выдти въ другую,—а кто останется цѣлъ и невредимъ, того вѣра признана будетъ истинною. Стефанъ приказалъ собравшемуся народу зажечь одну храмину, стоявшую особо, и, когда пламя охватило ее, онъ призвавъ на помощь Бога и обращаясь къ волхву, началъ приглашать его идти въ огонь вмѣстѣ. Но устрашенный волхвъ не соглашался. Стефанъ взялъ его за одежду и нудилъ идти за собою: волхвъ сопротивлялся и въ крайнемъ уничиженіи палъ къ стопамъ человѣка Божія, сознавая свою немощь. Всѣ присутствовавшіе еще три раза призывали его идти въ горѣвшее пламя, и онъ трикраты отрекся. Точно также отрекся онъ и спуститься вмѣстѣ съ Стефаномъ въ прорубь рѣки Вычегды, сколько его къ тому ни приглашали, а въ оправданіе себя говорилъ народу: «я не ожидалъ, что Стефанъ въ самомъ дѣлѣ рѣшится идти въ огнь и воду; но онъ, вѣрно, еще въ дѣтствѣ научился отъ своего отца заговаривать огнь и воду посредствомъ какого-либо волшебства, которое мнѣ неизвѣстно». Никто, однакожъ, уже не вѣрилъ посрамленному кудеснику: его схватили и хотѣли умертвить. Св. Стефанъ не допу-

стилъ этого, а приказалъ только, чтобы кудесникъ удалился изъ предѣловъ пермскимъ и болѣе не совращалъ новообращенныхъ христіанъ, — на что и самъ кудесникъ согласился, обѣщаясь въ противномъ случаѣ признать себя достойнымъ смерти, и дѣйствительно, какъ гласитъ преданіе, переселился съ своими сообщниками на рѣку Обь, въ предѣлы нынѣшней тобольской губерніи ([62]).

Послѣдовали новыя и новыя обращенія Зырянъ, которые приходили со всѣхъ сторонъ къ проповѣднику Евангелія,—и онъ, по обычаю, оглашалъ ихъ и крестилъ. А между тѣмъ самъ продолжалъ заниматься переводами съ славянскаго и греческаго языковъ на пермскій и иногда даже ночи проводилъ надъ перепискою книгъ. Книги нужны были для новыхъ церквей, которыя, съ умноженіемъ числа вѣрующихъ, устроялъ онъ на разныхъ мѣстахъ, по рѣкамъ и погостамъ ([63]). А такъ какъ для церквей необходимы были

([62]) У жителей Большаго Алтыма тобольской губерніи доселѣ сохраняется преданіе, что предки ихъ, въ числѣ нѣсколькихъ семействъ, перешли сюда изъ Перми съ шаманомъ Пам-сотникомъ. *Абрамов*. Введ. Христ. у Березов. Остяковъ (Ж. М. Народн. Просв. 1851 г. Декабрь стр. 12).

([63]) «Межю же симъ преподобный крещаще люди, здѣ и ондѣ обрѣтающихъ я, отъ различныхъ погостовъ приходящихъ, мужи и жены и дѣти сущаа младенца... Дѣло же бѣ ему, еже книги писаше, с рускихъ переводя на пермьскія, но изъ греческыхъ многажды на перьмьскія, и не малу болѣзнь имѣя, о семь прилежаше; овогда убо почиташе святыя книги, овогда же переписоваше: то бо бѣ ему дѣло присно, тѣмь и в нощехъ многажды безъ сна пребываше... И умножьшимжеся ученикомъ прибываху христіане, но и церкви святыя на различныхъ мѣстехъ и на розныхъ рѣкахъ и на погостѣхъ, здѣ и ондѣ созидаеми бываху,—и нужа всяко бысть ему взискати, и поставити и привести епископа» (л. 234 об. 235).

и священнослужители, и каждый разъ посылать избранныхъ въ другія епархіи для поставленія на священныя степени было крайне неудобно; то св. Стефанъ пришелъ къ мысли испросить Пермянамъ постояннаго епископа, и съ этою цѣлію, послѣ четырехлѣтнихъ апостольскихъ трудовъ своихъ между ними, отправился въ Москву ([64]). Митрополитъ Пименъ, одобривъ эту мысль, послѣ совѣщанія съ епископами, изъ которыхъ одни указывали на того, другіе на иного кандидата, остановился самъ на св. Стефанѣ, какъ достойнѣйшемъ изъ всѣхъ для занятія епископской каѳедры въ Перми; такъ какъ онъ былъ мужъ мудрый, благочестивый, учительный, самъ крестилъ Пермянъ, говорилъ ихъ языкомъ и лучше другихъ понималъ ихъ нужды. Великій князь съ радостію согласился на такое избраніе; потому что весьма хорошо зналъ Стефана и издавна любилъ его. И Стефанъ рукоположенъ былъ во епископа зимою 1383 г., въ одно время съ смоленскимъ епископомъ Михаиломъ ([65]). Одаренный отъ князя, митрополита, бояръ и другихъ христоименитыхъ людей, новопоставленный епископъ пермскій съ радостію прибылъ въ свою епархію, утвердилъ свою каѳедру въ Устьвымѣ, гдѣ жилъ и прежде при церкви Благовѣщенія, устроивъ здѣсь свой домовый архангельскій

([64]) Въ Степенной книгѣ сказано, будто св. Стефанъ еще до епископства своего крестилъ Зырянъ, *яко до тысящи* (I, 525). Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія Стефанова, составленнаго Епифаніемъ, будто бы повѣствуется, что самимъ Стефаномъ крещено 700 человѣкъ. Но въ томъ спискѣ, какимъ мы пользовались, ничего подобнаго мы не нашли.

([65]) «Наипаче князю зѣло за честь поставленье его: бѣ бо ему знаемъ зѣло и любляше издавна» (—л. 237). О времени поставленія— П. Собр. р. лѣт. V, 239; Ник. лѣт. IV, 140.

монастырь и еще съ большею ревностію принялся за свое прежнее дѣло. «Онъ,—скажемъ словами его жизнеописателя, — повсюду изыскивалъ, гдѣ остались еще некрещенные, и, въ какихъ бы предѣлахъ ни находилъ ихъ, обращалъ отъ язычества и крестилъ; а всѣхъ крещенныхъ утверждалъ въ вѣрѣ и убѣждалъ простираться впередъ. Училъ ихъ пермской граматѣ, писалъ имъ книги ставилъ и святилъ церкви, которыя снабжалъ книгами и иконами, открывалъ монастыри, постригалъ въ чернецы, устроялъ игуменовъ, поставлялъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ. И священники его служили обѣдни на пермскомъ языкѣ, пѣли вечерню и заутреню пермскою рѣчью; и канонархи его возглашали каноны по пермскимъ книгамъ, и чтецы читали пермскою бесѣдою, и пѣвцы всякое пѣніе совершали по-пермски». Изъ основанныхъ св. Стефаномъ обителей извѣстны двѣ: Спасо-ульяновская, находившаяся въ 150 верстахъ отъ Усть-сысольска, и Стефановская—въ 50 верстахъ отъ этого города на рѣкѣ Сысолѣ въ нынѣшнемъ селѣ Вотчѣ (⁶⁶). Однажды св. Стефанъ, желая испытать обращенныхъ имъ къ св. Вѣрѣ, сказалъ имъ: «покажите мнѣ свою вѣру отъ дѣлъ. Развѣдайте и разыщите, не скрываются ли гдѣ кумиры, въ вашихъ ли домахъ, или у сосѣдей, или въ другихъ потаенныхъ мѣстахъ, и пусть каждый истребитъ найденные имъ кумиры всенародно». Тогда всѣ крещенные Зыряне, наперерывъ другъ передъ другомъ и опасаясь другъ друга, старались открывать и истреблять кумиры, и такимъ образомъ окончательно очистили отъ нихъ свои жилища.

(⁶⁶) Истор. росс. іерарх. VI, 328. 467.

Съ пастырскою заботою о духовномъ благѣ своихъ пасомыхъ св. Стефанъ соединялъ попеченіе и о ихъ внѣшнемъ благосостояніи. Онъ многократно, особенно въ неурожайные годы, привозилъ на ладьяхъ хлѣбъ изъ Вологды въ Пермь и все это раздавалъ странникамъ, бѣднымъ и вообще требующимъ (67). Онъ ходатайствовалъ предъ великимъ княземъ о нуждахъ, льготахъ и выгодахъ Зырянъ и для этого ѣздилъ даже въ Москву (1390 г.). Былъ теплымъ заступникомъ ихъ противъ насилія и другихъ несправедливостей со стороны тіуновъ и бояръ. Предпринималъ путешествіе въ Новгородъ (1386 г.) съ просьбою и убѣжденіями, чтобы вольница новгородская не дѣлала набѣговъ въ пермскія области и не разоряла беззащитныхъ жителей (68).

Встрѣтить смерть и найти себѣ послѣднее успокоеніе суждено было просвѣтителю Пермянъ не въ предѣлахъ своей епархіи, а въ Москвѣ. Зимою 1396 г. онъ отправился туда по дѣламъ церковнымъ, и тамъ заболѣлъ, скончался (26 апрѣля) и погребенъ въ спас-

(67) «Колькраты многажды лодьями жита привозя отъ Вологды в Пермь, и сия вся истроаше не на ино что, еже на свой промыслъ, но точью же на потребу страннымъ и приходящимъ и прочимъ всѣмъ требующимъ» (—л. 249 об.).

(68) Все это выражаютъ Пермяне въ своемъ Плачѣ о смерти Стефана: «остахомъ добра промысленника и ходатая, иже былъ намъ ходатай къ Богу и къ человѣкомъ. Къ Богу убо моляшееся о спасеньи душъ нашихъ, а ко князю о жалобѣ нашей, и о лготѣ, и о ползѣ нашей ходатайствоваше и промышляше; къ боляромъ же к началомъ, властелемъ міра сего былъ намъ заступникъ теплъ, многажды избавляя ны отъ насилья и работы, и тивунскаа продажа и тяжкыа дани облегчая ны, но и сами ти Ноугородци, ушкоиници, разбойници, словесы его увѣщевани бываху, еже не воевати ны» (—258 об., 259). Въ частности, о путешествіи св. Стефана въ Новгородъ и Москву—П. Собр. р. лѣт. IV, 94; Ник. лѣт. IV, 196; *Карамз.* V, примѣч. 232.

ской великокняжеской обители ([69]). Глубокая скорбь Зырянъ о смерти его и о томъ, что онъ скончался и погребенъ вдали отъ нихъ, была, какъ нельзя болѣе, естественна ([70]). Восемнадцатилѣтніе апостольскіе труды св. Стефана останутся незабвенными въ исторіи. Онъ не успѣлъ обратить ко Христу всѣхъ жителей двинской области, но обратилъ весьма многихъ Пермянъ, и изобрѣтеніемъ пермскихъ буквъ, переводами церковныхъ книгъ на пермскій языкъ, церквами и монастырями, основанными въ разныхъ мѣстахъ, распространеніемъ грамотности и нѣкотораго образованія въ странѣ и приготовленіемъ достойныхъ пастырей и учителей Вѣры изъ среды самихъ Пермянъ упрочилъ навсегда успѣхи православной Церкви въ этой странѣ. Преемникамъ св. Стефана оставалось только продолжать начатое имъ и идти по пути, имъ указанному. И извѣстно, что еще въ XV вѣкѣ пермскими епископами основана въ 600 верстахъ отъ Усть-сысольска къ сѣверо-востоку Троицкая пустынь для проповѣдниковъ Евангелія Зырянамъ, жившимъ по рѣкѣ Печорѣ, у ко-

(69) П. Собр. р. лѣт. V, 249; Ник. лѣт. IV, 267; Ст. кн. I, 525.

(70) Скорбь эту Епифаній выразилъ въ концѣ житія Стефанова подъ заглавіемъ: «Плачь Перьмскій». Замѣчательны здѣсь, между прочимъ, слѣдующія слова: «О како не сѣтуемъ, яко не на своемъ столѣ почилъ еси! Добро же бы было намъ, аще рака мощій твоихъ была у насъ, в нашей странѣ, а въ твоей епископьи, нежели на Москвѣ, не въ своемъ предѣлѣ. Не тако бо тебѣ Москвичи почтуть, якоже мы, ни тако ублажать; знаемь бо мы тѣхъ, иже и прозвища ти кидаху, отнюдуже нѣции, яко и Храпомь тя зваху, не разумѣюще силы и благодати, бываемы в тебѣ и тобою. А мы быхомъ тебѣ должную честь въздали, яко долъжни суще тебѣ, и яко твои есмы ученици, яко чада твоа присноа» (— л. 261). Вотъ какъ и откуда произошло прозвище св. Стефана—*Храпъ*.

торыхъ они долгое время исполняли обязанности и приходскихъ священниковъ ([71]).

Мы не упоминаемъ здѣсь объ инокахъ, обитавшихъ на Каменномъ острову Кубенскаго озера во второй половинѣ XIII вѣка. Ибо, хотя сохранилось сказаніе, что бѣлоозерскій князь Глѣбъ, во время путешествія своего по Кубенскому озеру въ Устюгъ, занесенный бурею къ Каменному острову (ок. 1260 г.), нашелъ тутъ бѣдныхъ пустынниковъ, числомъ до 23, не имѣвшихъ даже храма, которые занимались проповѣданіемъ слова Божія окрестнымъ племенамъ Чуди и Карелы, и построилъ на островѣ церковь и монастырь во имя преображенія Господня; но былъ ли какой успѣхъ отъ этой проповѣди,—ничего неизвѣстно ([72]).

([71]) Истор. росс. iерарх. V, 530.

([72]) *Карамз.* IV, примѣч. 160; Истор. Росс. Iерарх. IV, 326 — 329.

УТѢШЕНІЕ И СОВѢТЪ

ИЗЪ ОПЫТА,

ДЛЯ СТРАЖДУЩИХЪ И ПЕЧАЛЬНЫХЪ.

Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся (Матѳ. 5, 4).

Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ отъ всякой скорби нашей, яко возмощи намъ утѣшити сущія во всякой скорби, утѣшеніемъ, имже утѣшаемся сами отъ Бога. Зане якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше (2 Коринѳ. 1, 3. 4. 5).

1.

Если ты хочешь быть утѣшенъ въ печали своей, обрати сердце твое къ Богу утѣхи. Испытай себя по слову Его. Принеси покаяніе. Обратись. Вѣрь отъ всего сердца и отъ всея души въ Іисуса Христа, и находи убѣжище твое въ Немъ, какъ въ твоемъ единственномъ и несомнѣнномъ Спасителѣ. Чѣмъ болѣе ты среди испытаній своихъ будешь взывать къ Нему въ молитвѣ, тѣмъ ближе будетъ для тебя Его сладкое утѣшеніе. *Призови мя въ день скорби твоея,* говоритъ Господь, *и изму тя, и прославиши мя* (Псал. 49, 15). *Злостраждетъ ли кто въ васъ; да молитву дѣетъ* (Іак. 5, 13).

2.

Все, что выпадаетъ на долю намъ въ этой жизни, случается по волѣ Божіей. Безъ попущенія Его никто не заставитъ насъ проронить ни одной слезинки. Самыя маловажныя обстоятельства жизни, самыя незначительныя огорченія зависятъ отъ Его всевысочайшей воли. О, если ты въ томъ убѣжденъ, съ какимъ спокойствіемъ можешь ты продолжать жизненный путь свой! Сколько тогда будетъ даровано тебѣ терпѣнія для перенесенія твоего бремени! Сколь много важности заключается тогда для тебя во всёмъ, что съ тобою встрѣчается! Сколь священнѣе бываетъ для тебя обязанность терпѣнія, когда исполняешь ты ее, взирая на Того, по волѣ коего страждешь, и Кто— твой Отецъ и Богъ! Эту утѣшительную мысль представляй твоему духу, и взирай на каждое страданіе, какъ на чашу, посылаемую тебѣ отъ Отца небеснаго, которую ты долженъ испить. *Всяку радость имѣйте, братія моя, егда во искущенія впадаете различна, вѣдяще, яко искушеніе вашея вѣры содѣлываетъ терпѣніе. Терпѣніе же дѣло совершенно да иматъ, яко да будете совершенни и всецѣли, ни въ чемъ же лишени* (Іак. 1, 2. 3. 4).

3.

Съ нами отнюдь ничего не можетъ случиться, что бы въ совѣтѣ Божіемъ не было рѣшено раньше нашего рожденія. Мы страдаемъ ни больше, ни меньше, кокъ допускаетъ вѣчная Любовь, вѣчная Мудрость. А потому въ скорбяхъ твоихъ не предавайся тоскливому бозпокойству, и умѣряй печаль твою мыслію, что страданія твои подъ водительствомъ твоего всеблагаго Господа непремѣнно окончатся тебѣ въ пользу. *Вѣмы же,*

яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое (Рим. 8, 28). *Вамъ же и власи главніи вси изочтени суть* (Матѳ. 10, 30). *Не бойся* (Марк. 5, 36).

4.

Мы можемъ переносить невыразимыя скорби, когда предаемъ себя въ молитвѣ Господу Іисусу Христу и принимаетъ твердую рѣшимость терпѣливо страдать съ Нимъ и ради Его. *Аще Богъ по ны, кто на ны?—Во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбшаго ны* (Рим. 8, 31. 37). *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Филип. 4 , 13).

5.

Богъ даровалъ намъ не только сердце, способное чувствовать, но также и умъ, способный къ познанію и вѣрѣ. А потому существу, надѣленному такими дарами, неприлично безъ противоборства предаваться своимъ чувствамъ и судить о судьбѣ своей по однимъ испытываемымъ впечатлѣніямъ. Истинная мудрость учитъ насъ препобѣждать чувствованія наши вѣрою. Вѣра, истинное прибѣжище христіанина, избавляетъ насъ отъ многихъ безпокойствъ и вноситъ опять миръ и спокойствіе въ грудь нашу. *Не бойся, токмо вѣруй!* сказалъ І. Христосъ (Мар. 5, 36). *Аще вѣруеши, узриши славу Божію* (Іоан. 11, 40).

6.

Часто въ иныхъ душахъ находится сокрытая вѣра, которая обнаруживается въ минуту страданія и испытанія. А потому считай себя счастливымъ, страждущій, что Богъ удостоиваетъ тебя испытывать въ томъ, что силенъ ты перенести при помощи Его благодати. Радуйся тому, что Ему угодно раскрывать и обнаруживать въ тебѣ духовныя силы, которыя бы-

ли тебѣ невѣдомы. Не ропщи на то, что судьба твоя имѣетъ горькаго; это значило бы роптать на то, что должно принести тебѣ честь и счастіе. Вѣра твоя, а чрезъ нее и твоя добродѣтель, да проявляется каждый день въ лучшемъ свѣтѣ. *Богъ же мира да сокрушитъ сатану подъ ноги ваша вскорѣ* (Рим. 16, 20).

7.

Чѣмъ смиреннѣе будешь ты въ своемъ страданіи, тѣмъ сладостнѣе будетъ для тебя объ немъ воспоминаніе. Благотворную мысль составляетъ для души, если можно бываетъ сказать, что мы много страдали, и подъ вліяніемъ столь многихъ страданій внутренно не возроптали на Господа. Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. *Смиритеся убо подъ крѣпкую руку Божію, да вы вознесетъ во время* (1 Петр. 5, 5. 6).

8.

Чѣмъ болѣе скорби наши переносимъ мы съ христіанскимъ величіемъ души и преданностію, тѣмъ вѣрнѣе находимъ у другихъ участіе и подпору. Образъ, какимъ мы переносимъ наши страданія, дѣлаетъ насъ либо виновнѣе, либо пріятнѣе предъ Богомъ и людьми.

9.

Если ты хочешь насладиться сладкими часами въ печаляхъ твоихъ, то учись радоваться всему доброму, случающемуся съ другими и благодарить Бога за тѣ радости, которыя Онъ имъ уготовляетъ. *Молю убо*, говоритъ Ап. Павелъ, *прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки* (1 Тимоѳ. 2, 1).

10.

И малѣйшая искра вѣры есть все же вѣра. Да-

же тогда, какъ это упованіе при своей величайшей слабости подобно едва мерцающему свѣточу, оно можетъ содѣлаться чистымъ пламенемъ, бросающимъ благодѣтельный свѣтъ свой среди мрака скорби, если оно утверждается на вѣчной истинѣ: живъ Богъ, Онъ есть любовь, и Онъ не покидаетъ страждущихъ.— *Трости сокрушены не сотреть, и льна курящася не угаситъ* (Ис. 43, 4).

11.

Среди страданій нашихъ бываютъ однако радости, которыя могутъ воздвигать сердце наше изъ его глубокаго унынія. Нѣтъ ни одного страдальца, который бы оставался безъ Божіей въ извѣстной мѣрѣ помощи, составляющей, хотя и незамѣтно, драгоцѣнный даръ вѣчной Любви. Благо тому, чье сердце возмогло почувствовать близость Господа, когда Онъ по любви своей доставляетъ ему отраду. Благо тому, кто за каждое уменьшеніе своихъ горестей и печалей, за каждое утѣшительное слово, падающее въ его душу, за каждое благотворное дыханіе, оживляющее его, можетъ возводить взоры благодарности къ небу! Великое благословеніе составляетъ чувствовать и малыя благодѣянія, посылаемыя среди страданій. *О всемъ благодарите: сія бо есть воля Божія о Христѣ Іисусѣ въ васъ* (1 Солун. 5, 18).

12.

Не предавайся, страждущій, тому кажущемуся мужеству, которое льститъ себя надеждою противостать всѣмъ опасностямъ, пренебречь всѣ скорби, все сдѣлать и перенести, и которое воображаетъ о себѣ, что оно никогда не подпадетъ сомнѣнію: живость вовсе не есть еще сила; часто она бываетъ только зна-

комъ большей раздражительности. Пока она обнаруживается, предпринимаютъ многое и имѣютъ большія надежды; но нерѣдко внезапно падаютъ духомъ и теряютъ наконецъ всякое мужество. Если ты не хочешь никогда доходить до отчаянія, то не возлагай на самаго себя ни малѣйшей надежды, но все передавай въ руки Господа и ожидай отъ Него всего. *Азъ же рѣхъ во обиліи моемъ: не подвижуся во вѣкъ. Отвратилъ же еси лице твое, и быхъ смущенъ* (Псал. 29, 7. 8). *Тѣмже мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. 10, 12). *Потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа* (Псал. 26, 14).

13.

Если Спаситель твой замедляетъ иногда придти къ тебѣ на помощь, то помысли самъ въ себѣ: Онъ помилуетъ меня наконецъ. Не переставай искать Его, и находить радость въ надеждѣ и вѣрѣ въ Него. *И взыщите тамо Господа Бога вашего, и обрящете его, егда взыщете его отъ всего вашего сердца, и отъ всея души вашея въ скорби вашей* (Второз. 4, 29).

14.

Да будетъ вѣра твоя безгранична, какъ любовь и всемогущество Божіе. Надѣяться и вѣрить, даже и тамъ, гдѣ повидимому нечего болѣе надѣяться,—вотъ что называется воздать славу Богу, и это есть вѣрнѣйшій путь къ будущимъ радостямъ и наслажденіямъ. Богу часто угодно бываетъ содѣлывать возможнымъ то, что казалось намъ невозможнымъ. *Авраамъ паче упованія во упованіе вѣрова,... тѣмже и вмѣнися ему въ правду* (Рим. 4, 18. 22).

15.

Хочешь ли снова найти покой и миръ, хочешь ли

быть увѣренными въ счастливомъ окончаніи твоихъ страданій? Въ такомъ случаѣ повѣрь Господу свою печаль, и заботься только о томъ, что лежитъ на твоей обязанности. *Возверзи на Господа печаль свою и той тя препитаетъ, не дастъ въ вѣкъ молвы праведнику* (Псал. 54, 23).

16.

Если ты отъ людей не надѣешься получить ни облегченія, ни освобожденія отъ страданій твоихъ, то укрѣпись въ утѣшительнѣйшей мысли: *помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю* (Псал. 120, 2).

17.

Страждущій! берегись того, чтобы тебѣ не полюбить свою скорбь. Печаль, которой мы часто предаемся въ нашихъ страданіяхъ, горестное удовольствіе, которое мы въ нихъ ищемъ, чтобы съ нашими жалобами обращаться туда и сюда, отыскиваніе всего того, что можетъ питать или поддерживать скорбь, все это можетъ казаться намъ сладостнымъ въ припадкахъ страстнаго унынія, но поступать такъ неразумно и не по-христіански. Это уныніе, которое кажется намъ столь сладостнымъ, разрушаетъ нашъ душевный покой и имѣетъ часто послѣдствіемъ ужаснѣйшее отчаяніе. *Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ: а сего міра печаль, смерть содѣловаетъ* (2 Коринѳ. 7, 10).

18.

Среди горчайшихъ страданій часто невозможно не познать благопопечительности Божіей объ насъ. *Яко не во вѣкъ отринетъ Господь. Яко смиривый помилуетъ по множеству милости своея* (Плачь Іерем. 3, 31. 32).

19.

Чѣмъ живѣе вѣра и смиреннѣе наша молитва, тѣмъ болѣе совершаетъ она у Господа, къ которому обращается, и тѣмъ болѣе дѣйствуетъ она въ насъ самихъ возвышеніемъ нашего сердца къ Богу. *Много бо можетъ молитва праведника, поспѣшествуема* (Іак. 5, 16).

20.

Если божественное Провидѣніе ниспосылаетъ тебѣ одну горькую чашу за другою, такъ что твое сердце начинаетъ сомнѣваться въ милосердіи Господнемъ; то говори самъ себѣ: можетъ ли солнце быть когда-либо безъ лучей, и можетъ ли Богъ, который любы есть, не имѣть болѣе никакой любви? *Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Аще же и забудетъ сихъ жена, но азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь* (Ис. 49, 15). Іисусъ Христосъ сказалъ Ѳомѣ: *принеси перстъ твой сѣмо и виждь руцѣ мои: и принеси руку твою и вложи въ ребра моя: и не буди невѣренъ, но вѣренъ* (Іоан. 20, 27).

21.

Подъ гнетомъ должны мы пребывать свободными; добровольною преданностію, твердостію и терпѣніемъ должны мы содѣлываться способными къ свободѣ. Кто не возрадуется въ страданіяхъ своихъ, будучи предназначенъ къ совершенству? *Аще убо вы пребудете во словеси моемъ*, говоритъ І. Христосъ, *воистину ученицы мои будете. И уразумѣете истину, и истина свободитъ вы* (Іоан. 8, 31. 32). *Аще кто хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ ми* (Лук. 9, 23).

22.

Печальный! пріучай себя все болѣе и болѣе къ спокойствію духа и къ кроткому перенесенію твоего бремени. Чѣмъ покойнѣе и преданнѣе Богу ты себя держишь, тѣмъ болѣе пріобрѣтаешь ты силы и душевнаго покоя. Повѣрь только этому, опытъ тебя въ томъ убѣдитъ.

23.

Сближеніе съ другими во время страданій нашихъ по той мѣрѣ облегчаетъ сердце наше, чѣмъ болѣе съ довѣрчивостію своею обращаемся мы къ людямъ опытнымъ, которые въ состояніи сочувствовать нашимъ страданіямъ. Но съ другой стороны ничто столько не истощаетъ бѣднаго страдальца, ничто столько не похищаетъ у него остальныхъ изнуренныхъ силъ, какъ когда онъ повсюду жалуется и у каждаго вымаливаетъ утѣшеніе. Вмѣсто того, чтобы найти искомое утѣшеніе, желанную помощь, онъ дѣлается унылѣе; потому что очень немногіе принимаютъ дѣйствительно участіе въ его горести, очень немногіе понимаютъ его, и еще меньшее число могутъ доставить сердцу его покой и тишину. А сколько такихъ, которые не понимаютъ вздоховъ несчастнаго, ошибочно объ немъ судятъ, доставляютъ ему ничтожное утѣшеніе, или принимаютъ его холодно и оскорбительно! И что же наконецъ бываетъ съ нами, когда мы повсюду жаловались, и наконецъ находимъ, что вздохи наши напрасны? Тогда мы дѣлаемся еще унылѣе и несчастнѣе. *Пріидите ко мнѣ*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28). *Азъ есмь, азъ есмь утѣшаяй*

тя (Ис. 51, 12). *Якоже аще кого мати утѣшаетъ, тако и азъ утѣшу вы* (Ис. 66, 13).

24.

Чтобы всегда быть счастливымъ и внутренно спокойнымъ, должны мы совершенно покинуть надежду, что все будетъ идти по нашей собственной волѣ. *Отче! Не моя воля, но твоя да будетъ* (Лук. 22, 42)!

25.

Хочешь ли быть довольнымъ среди тягчайшаго бѣдствія? Помышляй о томъ, что Богъ всегда многомилостивъ. *Благъ Господь всяческимъ и щедроты его на всѣхъ дѣлѣхъ его* (Псал. 144, 9).

26.

Почитай пути Божіи во всѣхъ твоихъ обстоятельствахъ. Все, что съ тобою случается, должно тебѣ внушать чувства благоговѣнія къ Тому, который попускаетъ это и безъ воли коего ничего не можетъ случиться. Что творитъ Господь, должно быть для тебя свято. Иго твое должно быть для тебя чѣмъ-то священнымъ, какъ любовь и мудрость Того, кто возложилъ его на тебя. *Возмите иго мое на себе, и научитеся отъ мене,* говоритъ Іисусъ Христосъ, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо мое благо и бремя мое легко есть* (Мат. 11, 29. 30).

27.

Если скорби твои гнетутъ тебя, то старайся, чтобъ онѣ, сколько то возможно, оставались для другихъ тайною. Будь столько смиренъ, чтобы ты добровольно могъ болѣе переносить, нежели сколько знаютъ

люди. *И Отецъ твой, видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (Мат. 6, 6).

28.

Ничего въ свѣтѣ не бываетъ по случаю; все слѣдуетъ по извѣстному плану Провидѣнія, и изъ малѣйшихъ обстоятельствъ проистекаетъ для цѣлаго и каждой изъ его частей истинная польза, даже и тогда, если при этомъ нужно потерпѣть какую-нибудь потерю. Великое искусство вѣры состоитъ въ томъ, чтобы употреблять для себя въ прямую пользу это убѣжденіе среди самыхъ невыносимыхъ часовъ страданій и при видимо невозвратимыхъ потеряхъ. *Еслибъ Господь и убилъ меня, то я не пересталъ бы надѣяться на Него* (Іов. 13, 15,—по древнѣйшимъ переводамъ).

29.

Когда бѣдный страдалецъ съ омраченнымъ печалію духомъ и смущенною душею вопрошаетъ тебя: кто поможетъ мнѣ? кто утѣшитъ меня? кто дастъ мнѣ силы и освободитъ отъ унынія, одолѣвающаго меня?—тогда отвѣчай ему: кто помогалъ тебѣ доселѣ? Если Господь сохранялъ и поддерживалъ тебя до сего дня и далъ тебѣ силы къ перенесенію такихъ великихъ скорбей; то развѣ Ему не столь же легко и завтра и послѣ завтра помочь тебѣ? *Азъ есмь, и доndеже состарѣется, азъ есмь, азъ терплю вамъ, азъ сотворихъ, и азъ понесу, азъ подъиму и спасу вы* (Ис. 46, 4).

30.

Скорбная душа! Содержи всегда присущими духу твоему важныя слова Господа: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти* (Дѣян. 1, 7). Божіи мысли не какъ-наши

помышленія, и Господь не хочетъ, чтобъ мы Ему назначали день и часъ, когда Онъ долженъ намъ подать помощь.

31.

Все въ природѣ требуетъ должайшаго, или кратчайшаго времени для своего развитія. Все имѣетъ время своей зрѣлости. Малое и незначительное развивается быстро и дѣлается скоро зрѣлымъ. А что бываетъ велико и значительно, то имѣетъ нужду въ должайшемъ времени для развитія своего и зрѣлости. Такъ бываетъ и съ назначеніемъ человѣка. И человѣкъ только мало по малу развивается; а люди, которыхъ Богъ приготовляетъ и образуетъ къ чему-либо великому, должны часто дольше ожидать и терпѣть, чѣмъ другіе. Благо тому, кто ничего не хочетъ вынуждать силою, но въ тишинѣ и терпѣніи пребываетъ, и страданія свои съ покорностію переноситъ, пока онъ ихъ переносить долженъ; потому что тогда онъ проходитъ надлежащимъ образомъ время испытанія своего и, постепенно созрѣвая и усовершаясь, онъ можетъ быть близкимъ къ минутѣ своего спасенія. *Претерпѣвый же до конца, той спасется* (Мат. 24, 13).

32.

Многіе страждущіе выводятъ ложное заключеніе: еслибъ угодно было Богу, то Онъ давно бы намъ помогъ. Это есть величайшее заблужденіе. Если Онъ доселѣ намъ не помогалъ такъ, какъ бы намъ казалось за лучшее; то развѣ это можетъ служить основаніемъ думать, что намъ нечего болѣе надѣяться? Разумно ли полагать, что намъ невозможна помощь, потому только, что она не была подана намъ, какъ мы того ожидали или желали? *Повинися Господеви, и*

умоли его (Псал. 36, 7). *И увѣси, яко азъ Господь Богъ, и не посрамятся терпящіи мя* (Исаіи 49, 23).

33.

Мы часто полагаемъ, что имѣемъ основаніе сомнѣваться въ помощи Божіей, и эти основанія кажутся намъ справедливыми. Однако они бываютъ ложны, и опытъ показываетъ, что мы были неправы. Всѣ сомнѣнія, на которыя настоящее даетъ намъ повидимому право, бываютъ часто ниспровергнуты тѣмъ, что случается впослѣдствіи. Исходъ нашихъ страданій показываетъ намъ, что невѣріе, которое уму нашему казалось основательнымъ, было весьма неразумно. Провидѣніе употребляетъ тогда самый разумъ нашъ, чтобы пристыдить его. Кто при такихъ путяхъ жизни смиряется и побуждается къ вѣрѣ въ Божію премудрость и благость, тотъ много выигрываетъ. *Маловѣре, почто усомнѣлся еси* (Мат. 14, 31)? *Не бойся, съ тобою бо есмь, не прельщаю: азъ бо есмь Богъ твой.* (Ис. 41, 10).

34.

Часто въ ужаснѣйшія мгновенія жизни приготовляется счастливая перемѣна нашей судьбы. А потому говори самъ себѣ въ печальнѣйшіе, мучительнѣйшіе часы: такъ не всегда будетъ! И когда все кругомъ тебя дѣлается постепенно мрачнѣе, ужаснѣе и трепетнѣе, между тѣмъ какъ ты нимало не чувствуешь приближенія Господа, чтобъ услышать тебя и помочь тебѣ; то потерпи, пока ночь скорби сдѣлается еще мрачнѣе и гроза сильнѣе загремитъ надъ твоей головою: тогда, тогда навѣрное часъ избавленія твоего недалекъ. *Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ* (1 Царств. 2, 6).

35.

Часто должны мы бываемъ видѣть, что всѣ опоры, на которыя мы полагались, разрушаются, кромѣ Бога. Это случается для того, чтобы мы, когда наступитъ часъ избавленія, только единому Богу воздавали за то честь, Его одного благодарили. *Благо есть надѣятися на Господа, нежели надѣятися на человѣка* (Псал. 117, 8). *Не Богу ли повинется душа моя? Отъ того бо спасеніе мое* (Псал. 61, 2).

36.

Не отчаявайся ни въ какомъ положеніи жизни. Нѣтъ бездны столь глубокой, чтобъ Господь не могъ тебя извлечь. *Не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ* (Лук. 1, 37).

37.

Благочестіе безъ креста есть большею частію только воображаемое благочестіе. *Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ твоимъ. Прежде даже не смиритимися, азъ прегрѣшихъ: сего ради слово твое сохранихъ* (Псал. 118, 71. 67).

38.

Ничто столько не укрѣпляетъ въ тяжкіе дни нашу вѣру и надежду на Бога, какъ воспоминаніе объ испытанныхъ уже нами опытахъ всемогущества, мудрости и любви нашего небеснаго Отца. А потому, страждущій, помышляй о твоей протекшей жизни, и отыскивай въ ней все, что Богъ для тебя и для твоихъ содѣлалъ; припоминай, какъ Онъ приходилъ къ тебѣ на помощь, озарялъ тебя своимъ свѣтомъ, доставлялъ тебѣ утѣшеніе и спасалъ тебя отъ величайшихъ опасностей. Тогда и среди самыхъ гнетущихъ страданій пріобрѣтешь ты новое упованіе на Него, ко-

торое исполнитъ тебя мужествомъ. *Скорбь и болѣзнь обрѣтохъ: и имя Господне призвахъ: о Господи, избави душу мою. Милостивъ Господь и праведенъ, и Богъ нашъ милуетъ. Храняй младенцы Господь: смирихся, и спасе мя. Обратися душе моя въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя* (Псал. 114, 3—6).

39.

Твердо уповающіе на Господа никогда не постыдятся. Сердце Его любвеобильнѣе нашего. Мы часто испытываемъ въ этой жизни, что благо намъ искать опоры въ Немъ, и что Онъ по любви своей и по мѣрѣ страданій нашихъ уготовляетъ намъ утѣшеніе и облегченіе, которыя Онъ часто тогда именно ниспосылаетъ, когда мы менѣе всего о томъ помышляли. Онъ укрѣпляетъ насъ, когда силы наши кажутся истощенными, Онъ помогаетъ намъ въ то мгновеніе, когда мы никакой помощи болѣе не ожидали. *Даяй алчущимъ крѣпость и неболѣзненнымъ печаль. Терпящіи же Господа измѣнятъ крѣпость, окрылатѣютъ яко орли, потекутъ и не утрудятся, пойдутъ и не взалчутъ* (Ис. 40, 29. 31).

40.

Мужество твое возвышается и упадаетъ всегда по мѣрѣ твоей вѣры, спокойствіе душевное по мѣрѣ упованія на Бога, довольство внутреннее по мѣрѣ дѣтскаго чистосердечія, преданность твоя по мѣрѣ твоей надежды. Какъ маловѣріе и невѣріе служатъ виною всѣхъ тайныхъ и явныхъ бѣдъ, постигающихъ человѣчество и христіанство, такъ же точно для страждущаго—покой и крѣпость вполнѣ проистекаютъ отъ вѣры и степени ея дѣйственности. *Аще вѣруеши, узриши славу Божію* (Іоан. 11, 40). *Еже аще что може-*

ши вѣровати, вся возможна вѣрующему (Марк. 9, 23). *Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* (Мар. 9, 24).

41.

Если ты теперь съ глубокою скорбію чувствуешь, чего у тебя не достаетъ, что ты потерялъ и чего ты лишился; то нѣкогда, исполненный радости, ощутишь, что Господь тебѣ за то даруетъ. *Блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся. Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся* (Матѳ. 5, 6. 4).

42.

Чѣмъ болѣе бѣдствіе возрастаетъ, тѣмъ болѣе приближается оно къ своему концу. И когда несчастіе достигаетъ высшей своей точки, тогда остается только шагъ до избавленія. Когда нужда всего больше, тогда Богъ всего ближе. *Близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ* (Псал. 33, 19).

43.

Пути Божіи безконечно различны отъ нашихъ помышленій, и по большей части не понимаемъ мы ихъ потому, что все иначе идетъ, чѣмъ мы сначала думали. Почти ничего изъ того, что мы ожидали, не случается по нашему ожиданію. Но именно, когда мужество наше начинаетъ падать и мы теряемъ надежду, тогда-то и получаемъ мы нѣчто, и притомъ на столько, на сколько намъ нужно, чтобъ снова возжечь готовое погаснуть упованіе наше на Господа. Богъ всегда приходитъ на помощь вѣрѣ нашей, посылая ей то, что должно служить для испытанія и упражненія ея. Отъ того вѣра наша дѣлается разумна и научается не назначать времени и часа, но твердо держать-

ся за истину: Богъ лучше знаетъ. *Да будетъ воля твоя яко на небеси и на земли* (Мат. 6, 10).

44.

Когда ты находишься въ нуждѣ, то обращайся съ жалобами твоими прежде всего и больше всего къ Богу. Никто не можетъ ихъ такъ понимать, какъ Онъ; никакому другому существу не можешь ты ихъ такъ легко повѣдать, какъ Ему. Чѣмъ болѣе ты на Его одного уповаешь; тѣмъ болѣе мысль, что Онъ единъ обладаетъ твоимъ упованіемъ, будетъ дѣйствовать на внутреннее состояніе твое и давать тебѣ утѣшеніе, покой и надежду. *На тя, Господи, уповахъ, да не постыжуся во вѣкъ* (Пс. 70, 1).

45.

Если слабость твоя смущаетъ тебя, то емлись вѣрою за всемогущество Господа. Чѣмъ больше, при твоемъ собственномъ безсиліи, чувствуешь ты себя слабымъ и лишеннымъ мужества; тѣмъ больше можешь ты положиться на Бога и найти у Него утѣшеніе. Чувство нашей слабости и ничтожества служитъ намъ порукою въ сладчайшихъ опытахъ всемогущества Божія. *Довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (2. Кор. 12, 9).

46.

Мы выводимъ ложное заключеніе, когда въ тоскѣ сердца нашего говоримъ: намъ нечего ожидать отъ Бога, потому что мы ничего не заслуживаемъ; Онъ не поможетъ намъ, потому что страданія служатъ наказаніемъ за наши грѣхи. Богъ никогда не перестаетъ быть Богомъ и самыхъ виновнѣйшихъ существъ. Никакіе грѣхи, даже самые тяжкіе, не могутъ измѣнить истину словъ: *Богъ есть любы* (1 Іоан.

4, 16). А потому нужно только не покидать мужества! Богъ прощаетъ насъ чрезъ Христа. И такъ, вмѣсто того, чтобъ постоянно держаться безутѣшной мысли о твоемъ недостоинствѣ, взирай съ вѣрою на Спасителя твоего, котораго даровала тебѣ вѣчная Любовь, и не преставай уповать на Него. *И будетъ, всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется* (Іоил. 2, 32). *Всякъ видяй Сына и вѣруяй въ него, имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 40).

47.

Не на собственныя наши заслуги, но на милость и обѣтованія Божіи должна вѣра наша опираться. *Благодатію бо есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится* (Ефес. 2, 8. 9).

48.

Когда всѣ опоры, на которыя мы нѣкогда полагались, и одесную и ошуюю, бываютъ у насъ исторгнуты, — мы часто дѣлаемся чрезъ то крѣпче, чѣмъ прежде. Такъ какъ въ такомъ случаѣ должны мы держаться сами по себѣ; то пріобрѣтаемъ истинное сознаніе нашей слабости, и только тогда ищемъ мы и находимъ силу нашу въ Господѣ. *Егда бо немоществую*, говоритъ Апост. Павелъ, *тогда силенъ есмь* (2 Кор. 12, 10).

49.

Не простирай помышленій своихъ слишкомъ далеко въ будущее; принимай каждый день, какъ даетъ его Богъ, и ограничивайся тѣмъ, чтобъ переносить тѣ страданія, которыя Господь налагаетъ на тебя на этотъ день. Не мучься мыслію объ какой-нибудь новой опасности, которая является наконецъ однимъ

только призракомъ и не занимайся всегда представленіями о возможности или вѣроятности предстоящаго несчастія. *Довлѣетъ дневи злоба его* (Матѳ. 6, 34). Каждая забота о завтрешнемъ днѣ дѣлаетъ тебя слабымъ и препятствуетъ тебѣ переносить терпѣливо и твердо бремя настоящаго дня. Чѣмъ больше ослабляешь ты себя въ настоящее мгновеніе, тѣмъ неспособнѣе дѣлаешься ты переносить будущее. А потому не дѣлай для себя еще новаго бремени, и помышляй, что каждый день печали приноситъ также съ собою и свое утѣшеніе. *Вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче еже можете* (Коринѳ. 10, 13).

50.

«Положусь на Бога, пусть будетъ такъ, какъ будетъ; наконецъ ударитъ же часъ моего избавленія». Если такая мысль происходитъ отъ искренно-вѣрующаго сердца; то она не можетъ не привлечь блаженнаго настроенія и утѣшенія отъ Отца щедротъ.

51.

Бываютъ дни, часы, минуты, когда мы особенно воспріимчивы къ утѣшенію; эти-то счастливыя мгновенія нельзя силою привлечь; надобно ихъ ожидать, смиренно вымаливать, пользоваться ими, какъ золотомъ. *Благъ Господь надѣющимся на-нь, души ищущей его благо есть, и надѣющейся съ молчаніемъ спасенія Божія* (Плач. Іерем. 3, 25. 26).

52.

Всѣ наши скорби имѣютъ цѣлію научить насъ тому, чему должны мы научиться, и довести насъ туда, куда должны мы достигнуть, чтобъ содѣлаться намъ тѣмъ, чѣмъ должны мы быть по волѣ Господней. Богъ знаетъ всего лучше удобнѣйшія средства,

чтобы приготовить насъ для своего царства. А потому время страданій бываетъ чрезвычайно важно для нашего духовнаго блага. *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни, егоже обѣща Богъ любящимъ его* (Іак. 1, 12).

53.

Всякое утѣшеніе напрасно тамъ, гдѣ сердце не слушаетъ его; крикъ отъ боли препятствуетъ сердцу что-либо понимать. А потому если ты хочешь быть утѣшенъ, то сердце твое должно быть внимательно къ Евангелію милости и мира. *Услышу, что речетъ о мнѣ Господь: яко речетъ миръ на люди своя, и на преподобныя своя, и на обращающія сердца къ нему* (Псал. 85, 9). *Глаголи, Господи, яко слышитъ рабъ твой* (1 Цар. 3, 9).

54.

Часто мучитъ насъ тоскливая мнительностьболѣе, чѣмъ самая скорбь. Эти сомнѣнія составляютъ также часть нашихъ испытаній и должны выработывать всевозможно и образовать нашъ характеръ. Есть такія души, которыя должны пройти черезъ сомнѣнія, чтобы укрѣпиться въ ихъ первоначальныхъ убѣжденіяхъ и содѣлаться непоколебимыми въ вѣрѣ. Чтобъ утѣшиться намъ въ такіе часы, для насъ достаточно знать, что нашъ божественный Владыка обладаетъ въ сокровищахъ мудрости и любви своей всѣми удобнѣйшими средствами, чтобъ уничтожить въ одно мгновеніе всѣ сомнѣнія, съ которыми намъ часто приходится бороться. Нерѣдко пропадаютъ эти сомнѣнія вполнѣ сами по себѣ. По большей части всего лучше не внимать имъ и совершенно отвлекать отъ нихъ свои мысли, вмѣсто того, чтобъ брать на

себя трудъ опровергать ихъ; въ особенности,—если уныніе ихъ порождаетъ и наполняетъ насъ тоскливымъ чувствомъ. Кто въ такіе горькіе часы въ состояніи внутренно молиться и терпѣливо ожидать, пока Господь его снова оживитъ и укрѣпитъ; тотъ много переносилъ, много познаиъ и собралъ новыя силы для перенесенія новыхъ скорбей и для наслажденія новыми утѣшеніями. *Блажени не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. 20, 29).

55.

Если желаніе твое стремится къ Богу, то ты опять найдешь радость, сколь бы теперь ни былъ неспокоенъ и удрученъ горемъ. Какъ за ночью слѣдуетъ день, а за зимой весна; такъ страданія ведутъ къ радости. Мы должны пройти черезъ мракъ, чтобъ достигнуть свѣта; должны быть унижены, чтобы Господь опять насъ возвысилъ. Изъ замѣшательства происходитъ порядокъ; потеря должна быть для насъ залогомъ будущаго пріобрѣтенія; недостатокъ и нужда должны служить предтечами изобилія; мы должны ихъ сначала почувствовать, чтобы быть потомъ настоящимъ образомъ насыщенными. Чѣмъ болѣе учишься переносить терпѣливо и смиренно нужду; тѣмъ болѣе научаешься наслаждаться съ радостію и благодарностію дарами Божіими. *Вскую прискорбна еси душе моя? и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповѣмся ему, спасеніе лица моего, и Богъ мой* (Пс. 42, 6).

56.

Каждое страданіе даетъ намъ новыя силы еще болѣе страдать. Самомалѣйшія скорби научаютъ насъ переносить большія. Незначительнѣйшія невзгоды приготовляютъ насъ къ претерпѣнію большихъ. Жесто-

чайшіе, глубоко проникающіе удары судьбы, дѣлають насъ нечувствительнѣе къ легчайшимъ, менѣе глубокимъ ранамъ. Борьба и упражненіе содѣлываютъ насъ крѣпче и мужественнѣе. Когда мы чувствуемъ себя всего тяжелѣе удрученными, тогда-то и пріобрѣтаемъ наибольшую крѣпость. *Сего ради воспріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лютъ, и вся содѣявше стати* (Ефес. 6, 13).

57.

Настроенія души нашей и нашего тѣлеснаго состоянія, которое имѣетъ на нее столь сильное вліяніе, бываютъ столь перемѣнчивы изъ одной минуты въ другую, что надобно считать особенною милостію Божіею, если постоянно можно ощущать силу утѣшенія. Въ минуты, въ которыя мы ихъ болѣе не чувствуемъ, пусть воспоминаемъ мы слова Господа: *въ ярости малѣ отвратихъ лице мое отъ тебе, но милостію вѣчною помилую тя* (Исаіи 54, 8).

58.

Когда чувства утѣшенія и радости, которыя облегчаютъ время отъ времени скорбь твою, скоро опять пропадаютъ; то помысли, что Богъ позволилъ тебѣ вкусить ихъ, чтобъ подкрѣпить тебя въ твоемъ несчастіи, и что Онъ тебѣ ихъ опять дастъ, когда они тебѣ нужны будутъ,—даже и тогда, когда бы это казалось для тебя невозможнымъ. *Яко былъ еси помощникъ мой, и въ кровѣ крилу твоею возрадуюся* (Псал. 62, 8).

59.

Среди горчайшихъ страданій и скорбей наслаждаемся мы иногда блаженными часами, въ которые мы бываемъ исполнены мужества и даже радуемся испытаніямъ, какія намъ нужно претерпѣть. Очень жаль,

что эти драгоцѣнныя мгновенія столь скоро улетаютъ. Благо тому, кто умѣетъ ихъ употреблять себѣ въ пользу, чтобъ вооружиться для дальнѣйшей борьбы, и кто, когда мракъ скорби и тоски возвращается, воспоминаніемъ объ этихъ испытанныхъ ими свѣтлыхъ и спокойныхъ минутахъ, можетъ утѣшаться въ крѣпкой надеждѣ на Господа и Спасителя своего. *Оправдившеся убо вѣрою, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ. Имже и приведеніе обрѣтохомъ вѣрою въ благодать сію, въ ней же стоимъ и хвалимся упованіемъ славы Божія. Не точію же, но и хвалимся въ скорбѣхъ, вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе: упованіе же не посрамитъ, яко любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ святымъ даннымъ намъ* (Рим. 5, 1—5).

60.

Если у тебя есть дни, въ которые Господь посылаетъ тебѣ благотворный свѣтъ, даетъ тебѣ уразумѣть цѣль твоихъ страданій и пристыжаетъ тебя за твое маловѣріе, потерю мужества и недостатокъ упованія; тогда иди и утѣшь твоихъ братьевъ, въ нуждѣ находящихся. *И даси алчущему хлѣбъ отъ души твоея, и душу смиренную насытиши, тогда разверзется рано свѣтъ твой и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ* (Иса. 58, 10. 8). *И ты нѣкогда обращся, утверди братію твою* (Лук. 22, 32). *Благословенъ Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей, яко возмощи намъ утѣшити сущія во всякой скорби утѣшеніемъ, имже утѣшаемся сами отъ Бога* (1 Кориѳ. 1, 4).

61.

Каждый мрачный часъ да будетъ тебѣ залогомъ

свѣтлаго дня. *Знаменася на насъ свѣтъ лица твоего, Господи* (Псал. 4, 7). *Сказалъ ми еси пути живота: исполниши мя веселія съ лицемъ твоимъ: красота въ десницѣ твоей въ конецъ* (Псал. 15, 11). *И наказаніе твое исправитъ мя въ конецъ, и наказаніе твое то мя научитъ* (Псал. 17, 36). *Яко гнѣвъ въ ярости его и животъ въ воли его: вечеръ водворится плачь и заутра радость* (Псал. 29, 6).

62.

Нѣтъ лучшаго средства услаждать часы печали, какъ благотворить другимъ. *Блаженъ разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь: Господь да сохранитъ его: Господь да поможетъ ему на одрѣ болѣзни его: все ложе обратилъ еси въ болѣзни его* (Псал. 40, 2—4).

63.

«Нужда учитъ молиться»,—говоритъ пословица. Это справедливо; но кто только по нуждѣ молился, испытываетъ рѣдко всю силу молитвы. Кто не пріучалъ себя въ спокойное время тихо бесѣдовать съ Богомъ, тотъ не въ состояніи будетъ въ часы тоски и печали спокойно взывать къ Нему. *Непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). *Подобаетъ всегда молитися и не стужати* (Лук. 18, 1).

64.

Если есть люди, которые могутъ сомнѣваться въ томъ, что молитва составляетъ сердечную потребность для человѣка; то стоитъ только имъ стать на путь скорбей и печалей: тогда чувство собственнаго безсилія и душевной тоски побудитъ ихъ молиться, даже и тогда, еслибъ они встрѣтили препятствія къ молитвѣ. *И смирися въ трудѣхъ сердце ихъ, и изнемогоша,*

и не бѣ помогаяй. И воззваша ко Господу, внегда скорбѣти имъ, и отъ нуждъ ихъ спасе я (Псал. 106, 12. 13). *Господи, въ скорби помянухомъ тя, въ скорби малѣ наказаніе твое намъ* (Ис. 26, 16).

65.

Пока мы можемъ молиться, никакое несчастіе не въ состояніи насъ совершенно подавить. Чѣмъ больше можемъ мы молиться изъ глубины души, тѣмъ легче намъ побѣдить наше уныніе и малодушіе. Кто знаетъ по опыту силу молитвы, тотъ не потеряетъ мужества ни въ какой опасности. *Близъ Господь всѣмъ призывающимъ его во истинѣ: волю боящихся его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ, и спасетъ я.* (Псал. 144, 18. 19).

66.

Никогда не питай ложной мысли, что Богъ тебя больше не любитъ,—даже и тогда, когда возводишь ты къ Нему очи свои омоченныя слезами. Чѣмъ крѣпче изъ глубины души можешь ты вѣрить въ Его вѣчную любовь, тѣмъ болѣе получишь ты спокойствія и силы къ преданности. Для того, кто убѣжденъ, что Богъ есть любовь, нѣтъ собственно никакихъ страданій. Съ преданностію помышлять о Богѣ любви—обращаетъ самую скорбь въ благодѣяніе. *Господь помощникъ мой и защититель мой: на него уповa сердце мое и поможе ми: и процвѣте плоть моя и волею моею исповѣмся ему* (Псал. 27, 7).

67.

Наступаютъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени, когда духъ нашъ бываетъ тяжко удрученъ и какбы погруженъ въ мрачную ночь смущенія, унынія, печали и тоски. Тогда на все смот-

римъ мы мрачнымъ и неспокойнымъ взоромъ. Всѣ наши чувствованія имѣютъ что-то ѣдкое, горькое, раздирающее. Сомнѣнія устрашаютъ насъ, заботы грызутъ наше сердце. Малѣйшая бездѣлица дѣлается для насъ тяжелымъ бременемъ. Еслибъ мы захотѣли въ такомъ состояніи судить о Богѣ, о себѣ самихъ, объ нашей судьбѣ, о надеждахъ нашихъ и нашемъ будущемъ и притомъ слѣдовать собственнымъ чувствованіямъ и ощущеніямъ, то какъ бы мы достойны были сожалѣнія! Въ подобныхъ страданіяхъ мы не должны вовсе довѣрять своимъ впечатлѣніямъ и себѣ самимъ. Меланхоликъ уже много пріобрѣлъ, если онъ опытомъ дошелъ до убѣжденія, что его болѣзненныя и печальныя чувствованія приводятъ его всегда къ ложнымъ заключеніямъ. Такое убѣжденіе будетъ его успокоивать при большей части его сомнѣній и тоскливыхъ мыслей. *Яко разжжеся сердце мое и утробы моя измѣнишася*, говоритъ Асафъ (Псал. 72, 21—24): *и азъ уничиженъ, и не разумѣхъ, скотенъ быхъ у тебе. И азъ выну съ тобою, удержалъ еси руку десную мою: и совѣтомъ твоимъ наставилъ мя еси, и со славою пріялъ мя еси.*

68.

Господь поступаетъ строже въ отношеніи къ тѣмъ, которыхъ Онъ всего болѣе любитъ; Онъ не можетъ поступать иначе, потому что Онъ—Богъ. Большею частію онъ наименѣе показываетъ намъ любовь свою тогда, какъ она бываетъ сильнѣе въ отношеніи насъ. Именно потому, что Онъ попускаетъ намъ страдать, Онъ поступаетъ съ нами всего благодѣтельнѣе. Мы ропщемъ на строгость Его въ ту минуту, когда Онъ поступаетъ съ нами съ наибольшею любовію; но на-

ступаетъ время, когда мы ясно сознаемъ, что Онъ явилъ себя къ намъ наилучшимъ, нѣжнѣйшимъ Отцемъ, именно тогда, когда мы не считали Его за Отца. Тогда-то мы съ радостью восклицаемъ: благодарю Тебя, Боже мой, что Ты велъ меня по такому пути! *Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси* (Псал. 118, 71). *Сыне мой, не пренемогай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ него обличаемъ. Его же бо любитъ Господь, наказуетъ: біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ. Всякое бо наказаніе въ настоящее время не мнится радость быти, но печаль: послѣди же плодъ миренъ наученнымъ тѣмъ воздаетъ правды* (Евр. 12, 5. 6. 12). *Азъ ихже аще люблю, обличаю и наказую: ревнуй убо и покайся* (Апокал. 3, 19).

69.

Иногда лучше въ скорби дать свободу слезамъ и воплямъ, чѣмъ показывать по наружности терпѣніе, котораго вовсе не имѣемъ. Сознайся, страждущій, что ты слабъ, если ты не чувствуешь въ себѣ никакихъ силъ. Это лучше, чѣмъ хотѣть казаться крѣпкимъ, между тѣмъ какъ дѣйствительно ты слабъ. Предай себя Богу такимъ, каковъ ты на самомъ дѣлѣ; Онъ знаетъ, что происходитъ въ душѣ твоей! Говори съ Давидомъ (Пс. 6, 3. 7): *Помилуй мя Господи, яко немощенъ есмь. Утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу. Исцѣли мя Господи, яко смятошася кости мои!*

70.

Хотя терпѣніе и представляется намъ самою недѣятельною изъ всѣхъ добродѣтелей, однакожъ оно дѣятельнѣе всѣхъ; потому что побуждаетъ насъ отвергнуться себя самихъ. Чѣмъ меньше оно блеститъ

извнѣ, особенно если оно выноситъ борьбу сокровенно, такъ что люди не видятъ и не хвалятъ его; тѣмъ дѣятельнѣйшая сила находится при упражненіи въ немъ. Потому что тогда-то именно оно и нравится Богу и бываетъ имъ награждаемо. *Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19). *Яко соблюлъ еси слово терпѣнія моего,* говоритъ Спаситель, *и азъ тя соблюду отъ годины искушенія* (Апок. 3, 10).

71.

Научись возлагать упованіе на Господа, и ты пріобрѣтешь въ страданіяхъ своихъ силу крѣпкаго духомъ мужа. *Надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ не подвижится во вѣкъ* (Псал. 124, 1).

72.

Кто достигъ до такой степени преданности, что спокойно можетъ сказать: не моя, но Твоя да будетъ воля, въ сердцѣ того водворится скоро миръ Божій. *Ни о чемъ же пецытеся, но во всемъ молитвою со благодареніемъ прошенія ваша да сказуются Богу. И миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ* (Фил. 4, 6. 7).

73.

Когда все противъ тебя вооружается, когда бури и волны несчастія и бѣдствій ничѣмъ неудержимо ярятся противъ тебя и бросаютъ тебя туда и сюда, такъ что тебѣ не остается ни малѣйшей надежды на спасеніе; то внемли гласу, который издали взываетъ къ тебѣ: *горы преставити и холми твои не предвигнутся: тако ниже, яже отъ мене къ тебѣ милость, оскудѣетъ, ниже завѣтъ мира твоего преставится: рече бо милостивъ къ тебѣ Господь. Смиренная и колеблемая не имѣла еси утѣшенія* (Ис. 54, 10. 11).

74.

Зачѣмъ покинулъ я мужество? Зачѣмъ уныла душа моя? Развѣ я забылъ, что Ты мой Отецъ благій, Господи? *Якоже щедритъ отецъ сыны, ущедри Господь боящихся его* (Псал. 102, 13).

75.

Знаешь ли ты, отъ чего это происходитъ, что ты въ бѣдствіяхъ своихъ не находишь никакого утѣшенія? Именно отъ того, что ты не утѣшенія желаешь, но совершеннаго освобожденія отъ гнетущаго тебя бремени. *Азъ есмь, азъ есмь утѣшаяй тя* (Ис. 51, 12). *Буди же милость твоя, да утѣшитъ мя, по словеси твоему рабу твоему* (Псал. 118, 76). *Довлѣетъ ти благодать моя* (2 Кор. 12, 9):

76.

Кто научился благодарить Бога за свои страданія, того нельзя уже считать начинающимъ въ дѣлѣ благочестія. Благодарность его есть доказательство познанія и вѣры. Страждущій, какъ далеко достигъ ты? *Сладцѣ убо похвалюся паче въ немощехъ моихъ*, говоритъ Апостолъ Павелъ. Потому что (Рим. 8, 18) *непщую, яко недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ.*

77.

Ты можешь въ судьбѣ своей всегда разсматривать двѣ стороны: одну, которая тебя огорчаетъ, и другую, которая въ состояніи тебя утѣшить. Если взоры твои хотятъ устремиться на первую, то отврати ихъ и направь на вторую. Если съ одной стороны мучитъ тебя и терзаетъ чувство того, чего тебѣ недостаетъ и что ты потерялъ; то не забывай вопросить съ другой стороны, что тебѣ осталось, что имѣть ты еще можешь.

Сознавай смиренно и благодарно каждое благопріятное обстоятельство, которое еще находится среди твоего злосчастія. Малѣйшая доля счастія, которая тебѣ еще остается, должна содѣлывать тебя довольнѣе въ несчастіи. При всѣхъ потеряхъ и лишеніяхъ у насъ всегда еще бываетъ нѣчто такое, въ чемъ мы познаемъ благость Божію къ намъ, и чѣмъ мы при помощи чувства благодарности, которое внушаетъ намъ эта благость, можемъ содѣлывать страданія наши менѣе болѣзненными. *Благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое его* (Псал. 102, 12). *Жертва хвалы прославитъ мя: и тамо путь, имже явлю ему спасеніе мое* (Псал. 49, 23).

78.

При первомъ ударѣ несчастія думаемъ мы: все погибло невозвратно. Но часто, когда мы думаемъ, что все погибло, тогда-то именно все спасено. Тогда глубочайшее страданіе бываетъ путемъ къ совершеннѣйшему счастію, и нерѣдко видимъ мы, что благо наше укрѣпляется потерями, которыя мы почитали незамѣнимыми. *Азъ же рѣхъ: еда во вѣки отринетъ Господь и не приложитъ благоволити паче? Или до конца милость свою отсѣчетъ? Еда забудетъ ущедрити Богъ? Или удержитъ во гнѣвѣ своемъ щедроты своя? Но, Господи, обратилъ еси плачь мой въ радость мнѣ, растерзалъ еси вретище мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ. Господи Боже мой, во вѣкъ исповѣмся тебѣ* (Псал. 76, 8—10; 29, 12. 13).

79.

Если истина, отъ которой зависитъ утѣшеніе твое, и надежда твоя сегодня для тебя несовершенно ясна; то, можетъ быть, завтра или чрезъ нѣсколько дней она

прояснится. Блюди душу твою въ терпѣніи и положись на вѣрность твоего Спасителя. *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8). *Утѣшитель же, Духъ Святый, егоже пошлетъ Отецъ во имя мое, той вы научитъ всему, и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ* (Іоан. 14, 26).

80.

Иногда бываетъ нуженъ новый ударъ судьбы, чтобъ остановить дѣйствія прежней горести и исцѣлить уязвленное сердце. Нужна была перемѣна бѣдствія, чтобъ остановить бѣду, которой нельзя было помочь обыкновенными средствами. Какъ бы то ни было, *тѣмже и страждущіи по воли Божіей, яко вѣрну зиждителю да предадятъ души своя въ благотвореніи* (1 Петр. 4, 19).

81.

Облегченіе страданій нашихъ должно для насъ начаться уменьшеніемъ болѣзненныхъ нашихъ ощущеній. Коль скоро представленіе, которое мы составляемъ о печальномъ нашемъ положеніи, не такъ уже сильно дѣйствуетъ на насъ, или наши болѣзненныя ощущенія постепенно уменьшаются; то утѣшеніе уже не далеко. А потому нельзя дать страждущему лучшаго совѣта, какъ удалять мысли свои отъ бѣдствія, которое онъ претерпѣваетъ, и устремлять ихъ ко Господу. Ничто не ослабляетъ насъ столько, какъ постоянное занятіе нашею скорбію. И если есть срѣдство спасти насъ въ то время, когда мы погружены бываемъ въ глубокую печаль и сердца наши бываютъ ею совершенно истерзаны; то оно состоитъ въ томъ, чтобъ отклонить насъ отъ грызущихъ и пожирающихъ насъ мыслей и занять

насъ обѣтованіями Божіими. *Елика бо обѣтованія Божія, въ томъ ей, и въ томъ аминь: Богу къ славѣ нами* (2 Коринѳ. 1, 20).

Могущему же паче вся творити по преизбыточествію, ихже просимъ или разумѣемъ, по силѣ дѣйствуемѣй въ насъ, тому слава въ церкви о Христѣ Іисусѣ, во вся роды вѣка вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ ЗА 1859 ГОДЪ.

ЦЕРКОВНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

ХРИСТІАНСКОЕ УЧЕНІЕ.

КАНОНЪ

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

ПОПРАВКА.

Въ іюньской книжкѣ Христіанскаго Чтенія за настоящій годъ былъ напечатанъ канонъ преподобнымъ Антонію и Θеодосію, кіево-печерскимъ чудотворцамъ, составленный св. Димитріемъ Ростовскимъ присланный въ Редакцію при отношеніи вологодскаго епархіальнаго комитета для церковно-историческаго и статистическаго описанія вологодской епархіи. Новымъ отношеніемъ отъ 31 Іюля означенный комитетъ увѣдомляетъ, что, по независѣвшимъ отъ него причинамъ, въ первомъ его отношеніи, которое также напечатано въ упомянутой книжкѣ, допущена ошибка, а именно: въ отношеніи было сказано, что подлинникъ канона хранится теперь, какъ рѣдкость, при великоустюжской *вознесенской* церкви,—между тѣмъ какъ онъ находится при церкви *георгіевской*, при которой и существуетъ холодный храмъ во имя преподобныхъ Антонія и Θеодосія; этой-то церкви, а не вознесенской, былъ прихожаниномъ Иванъ Θедоровъ Протодьяконовъ, и къ ней собственно посланъ былъ канонъ святителемъ Димитріемъ.

16.

